

О. Б. Божков

Технология социологического исследования:

как это варится

Курс лекций

Э

Издательство
ЭЙДОС
Санкт-Петербург 2016

Б76 О. Б. Божков. Технология социологического исследования: как это варится. Курс лекций. — СПб, «Эйдос», 2016. — 296 с.

ISBN: 978-5-904745-51-6

Предлагаемый вниманию читателя курс лекций по методике и технике социологического исследования рассчитан на четыре вузовских семестра. Автор вел этот курс в Петербургском университете культуры и искусств (СПбГУКИ) в течение двух с лишним десятков лет — с 1989 по 2011 год. А также методическое пособие по подготовке письменных работ в рамках этого курса.

Книга адресована, в первую очередь, студентам социологических факультетов высших учебных заведений, а также всем, кто серьезно интересуется проблемами получения надежного и достоверного знания об обществе, как о реальном феномене, который в очень многом (если не в основном) определяет жизнь каждого из нас.

На обложке — фото сцены «Пузыри земли»
из спектакля Королевского шекспировского театра «Макбет».

© О. Б. Божков
© Издательство «ЭЙДОС»

Санкт-Петербург
2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	6
Лекция 1. Все начинается с программы исследования.	9
Лекция 2. Обзор методического арсенала современной социологии. Часть первая.	22
Лекция 3. О методическом арсенале современной социологии. Часть 2.	34
Лекция 4. Инструментарий.	60
Лекция 5. Что такое пилотаж?	80
Лекция 6. Проблемы достоверности и надежности социологических данных.	91
Лекция 7. Когда определен объект и предмет исследования. Проблемы выборки.	106
Лекция 8. Сбор первичных данных.	125
Лекция 9. Подготовка данных к анализу.	146
Лекция 10. Анализ данных. Часть 1.	164
Лекция 11. Анализ данных. Часть 2.	174
Лекция 12. Опыты разработки отечественных компьютерных программ для социсследований.	188
Лекция 13. Как обрабатывать качественные данные.	198

Лекция 14.	
Представление результатов исследования	216
Письменные работы	
по методологии, методике и технике	
(рефераты, курсовые и диплом)	230
ПРИЛОЖЕНИЯ.	285
Послесловие	288

Считаю своим долгом выразить благодарность тем моим коллегам, кто немало способствовал появлению этого курса лекций. Прежде всего, моим старшим товарищам, некоторых из них уже нет с нами: *Владимиру Александровичу Ядову, Андрею Григорьевичу Здравомыслову, Владимиру Эммануиловичу Шлентоху, Валерию Борисовичу Голофасту, Геннадия Семеновичу Батыгину* и, конечно, *Леониду Евеевичу Кесельману*. Своим ныне здравствующим и продолжающим активно работать на ниве социологии коллегам: *Галине Иосифовне Саганенко, Галие Галиевне Татаровой, Геннадия Викторовичу Каныгину, Ларисе Алексеевне Козловой, Анне Семеновне Готлиб*.

А также молодым социологам: *Константину Дивисенко, Лилии Земнуховой, Елене Тыкановой*, и своим бывшим студентам *Якову Костюковскому, Анне Яковлевой, Ольге Озеровой* и многим-многим другим.

Боюсь, что упомянул не всех, кто своими вопросами на лекциях, критическими замечаниями, острой подчас полемикой с автором или полезными советами в разное время внес свой вклад в работу над книгой. Бесконечная всем благодарность!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Профессионализм начинается с овладения элементарными знаниями и навыками. В музыке — с гамм, в балете с основных позиций, в фигурном катании — со «школы», т. е. тоже с основных относительно простых фигур. В социологии, особенно эмпирической, тоже есть своя «школа», не освоив которую профессионалом стать просто невозможно. Это, прежде всего, вопросы методики и техники (я бы сказал, технологии) социологических исследований. Именно вопросы «школы» рассматриваются в этом курсе лекций.

Бытует мнение, что социолог — это человек с анкетой. Анкета, как правило, содержит много вопросов. Но что такое вопрос? (Этот мой вопрос о вопросе — вовсе не риторический. В настоящем курсе лекций я попытаюсь дать ответ на него). Возможные ответы на вопросы, чаще всего заранее придуманы социологом и образуют так называемые шкалы. Получив множество ответов от разных людей, социолог работает не столько с вопросами, сколько со шкалами, признаками и переменными. А разве вопрос и признак не одно и то же? Впрочем, представление о том, что социологическое исследование зиждется исключительно на анкетах или интервью, не совсем верно. В распоряжении современного социолога огромный арсенал разнообразных методов не только сбора, но и обработки полученных данных. От простых процентных распределений ответов на вопросы, до сложных математических моделей.

Профессиональная деятельность социолога включает множество разнообразных и творческих, и рутинных операций. Конечно, социолог должен знать теоретические концепции и представления об обществе, но отнюдь не каждый социолог — теоретик. Тем более, что настоящий курс лекций посвящен преимущественно эмпирическим исследованиям, т. е. таким, которые базируются на фактах обычной повседневной жизни, на эмпирических данных, взятых из этой реальной жизни. (И среди физиков есть четкое разделение на теоретиков, экспериментаторов, проектировщиков и разработчиков).

Сразу стоит предупредить читателей о том, что здесь не будет ни формул, ни сложных моделей, ни математики. Задача автора — объяснить смысл того, что происходит, когда социолог использует разработанные для социологов (и не только) статистические и математические процедуры и того, как правильно эти процедуры использовать.

Итак, последовательно рассмотрим все этапы эмпирического исследования, начиная с его программы и заканчивая представлением и интерпретацией (разъяснением, толкованием) полученных результатов.

Задача любого учебника состоит вовсе не в том, чтобы «вложить» в голову студента все необходимые ему знания. Учебник призван сориентировать учащегося в проблемах дисциплины. Причем, это не всегда относится, к так называемым, фундаментальным вопросам. В учебнике ценно, когда он содержит «маленькие профессиональные хитрости», обращает внимание на,

казалось бы «мелкие», но принципиальные моменты. Поэтому настоятельно рекомендую читателям не просто обратить внимание на книги, названия которых в списках литературы подчеркнуты, но обязательно прочесть эти книги. Они являются настоящим и необходимым дополнением к настоящему курсу лекций.

И еще одно примечание. В текстах некоторых лекций имеются ссылки на другие лекции (либо следующие, либо предыдущие). Очень советую не пренебрегать ими, во всяком случае, время от времени возвращаться назад — к предыдущим лекциям, и/или брать на заметку отсылки к последующим лекциям.

Пожелание

В учебное заведение вы приходите учиться, т. е. учить себя.

За много лет преподавания в высшей школе (мне приходилось работать и в обычной — средней школе) выработалось своеобразное преподавательское кредо, которое содержит четыре отрицания:

- **Никто**, естественно, включая меня.
- **Никого**, включая каждого студента в отдельности, и уж, тем более, массу студентов.
- **Ничему**, и социологии, конечно.

Не может научить.

Проверено на себе (я ведь тоже учился и в школе, и в университете, и на разнообразных курсах), если мне что-то не интересно, если я чего-то *не хочу*, вряд ли кто-либо может заставить меня делать Это. Вижу это и на студентах.

Спрашивается, зачем тогда нужны преподаватели? Во-первых, чтобы, используя свой и жизненный, и профессиональный опыт, помочь Вам учить себя. Преподаватель может стимулировать и поддержать Ваш интерес к своей дисциплине, а может и угробить его раз и навсегда. Главное, что должен делать преподаватель — это не мешать Вам учить себя.

А что означает — учить себя? Во-первых, это значит заинтересованно и активно относиться к окружающему тебя миру. Во-вторых, *слушать себя* и «улавливать» свои интересы. В-третьих, проверять себя — это сию минутное увлечение, или тебе Это действительно интересно? И, в-четвертых, если понял(а), что Это глубоко и серьезно, то стоит приложить максимум усилий, чтобы этот интерес стал делом твоей жизни. И тогда надо читать, пробовать делать интересное дело самостоятельно, присматриваться к тем, кто, по твоему мнению, умеет Это делать и делает Это хорошо.

Если Вы пришли на этот факультет не потому, что Вам это интересно, а потому, что: это близко к дому; Ваши друзья поступали на этот факультет; родители посоветовали и по другим таким же, не относящимся к делу, причинам, все равно не закрывайте эту книгу, попробуйте её почитать, а вдруг что-то «проснется» в Вас?

А уж если «проснулось», или если у Вас уже был интерес к обществу и к науке об обществе, то читайте внимательно не только сам учебник, но и ту литературу, которая в нем рекомендована к прочтению. Впрочем, не все книги, которые попали в списки литературы, одинаково интересны и ценны. Те, которые, по моему мнению, стоит прочесть непременно, подчеркнуты в этих списках. Но и не подчеркнутые стоит хотя бы «пробежать глазами по диагонали», для того, чтобы убедиться в том, что они не безнадежно устарели. Уверен, что и в них найдете что-то полезное.

Итак, в добрый путь. Я старался написать эту книгу так, чтобы Вам было, по крайней мере, не скучно, а может быть и интересно.

С уважением, автор.

ЛЕКЦИЯ 1. ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нынче как-то все несколько упростилось. Для тех, кто подает заявки на гранты российских фондов, программу исследования вполне заменяет сама заявка. Там все просто: все позиции уже обозначены и в некоторых из них даже указан максимальный объем текста. Практически во всех учебниках по социологии, начиная с ядовского «Методология и процедуры социологического исследования» (Тарту, 1968) и кончая самым последним изданием учебника В. И. Добренкова и А. И. Кравченко «Методы социологического исследования», непременно присутствует раздел или глава «Программа социологического исследования». Но, насколько мне известно, многие социологи вообще обходятся без программы, думая, что в голове-то она есть, и нечего попусту бумагу переводить и силы тратить. И напрасно.

Программа исследования — путеводитель в неизвестное

Существуют разные стимулы к началу любого исследования. Однако, на мой взгляд, самый эффективный из них — это здоровое детское любопытство исследователя, когда ему **просто интересно** что-то узнать. Если исследователь серьезный человек, ему непременно придет в голову простенькая мысль: «а вдруг это я такой дремучий, а другие уже все это знают?». В этот момент исследовательский вопрос пока еще толком не сформулирован — есть только смутные догадки. Но, тем не менее, некоторые «ключевые слова», релевантные этим догадкам, уже возникают. Поэтому даже для не очень опытного исследователя первый шаг очевиден: надо поискать по этим ключевым словам, что уже известно другим, т. е. обратиться к научной (и не только) литературе.

Этот этап — лишь преддверие к программе исследования. Но если он прошел успешно, если автор пришел к выводу, что дело не в его «неграмотности», что он «нащупал» такую проблему, которой еще никто не занимался, то это уже сигнал о том, что программу надо писать. Прежде всего, для того, чтобы и себя, и коллег аргументированно убедить в том, что есть неразработанная (социальная и/или научная, т. е. социологическая) проблема, которой стоит заниматься серьезно.

К. Маркс говорил о том, что самый посредственный архитектор отличается от пчелы тем, что перед началом проектирования у него возникает идея, а перед строительством — план. Пчела же строит свои геометрически идеаль-

ные соты без каких бы то ни было планов — ею руководят гены и заложенный в них многовековой пчелиный опыт. Программа исследования совмещает в себе и идею, и план предстоящего предприятия.

Формулирование исследовательского вопроса, т. е. более или менее точное описание того, что же Вы хотите узнать, задача отнюдь не простая. В ходе её решения исследователя ждут и радости, и разочарования. Иногда, кажется, что проблема-то уже вроде бы кем-то решена; а иногда остается только удивляться, как это умные люди не замечают этой очевидной проблемы.

Начальный период работы над программой требует полной мобилизации внимания, активного (сначала неструктурированного) наблюдения за теми явлениями социальной жизни, которые вас интересуют. И, конечно же, интенсивного чтения не только научной литературы, но и публицистики, газет и журналов, внимания к телевизионным программам. И, безусловно, обсуждения интересующего вас вопроса с коллегами и друзьями. Т. е. все, что, по вашему мнению, имеет хоть какое-то отношение к интересующему вас вопросу, не должно быть упущено.

Замечу, что когда исследователя «посетила» идея нового исследования, её проявления начинают просто бросаться в глаза. С одной стороны, это хорошо; но, с другой, в этом таится и определенная опасность — оказаться заложником собственной «идеи». Так что с самого начала работы над новой темой следует усилить самоконтроль и осознанно искать не столько подтверждения, сколько опровержения всякому факту.

Этот — начальный — период может оказаться и трудным, и довольно длинным (кстати, он может закончиться ничем¹), но когда исследовательский вопрос (тема) нового исследования уже сформулирована во второй или третьей редакции, можно приступать к разработке программы исследования. Дальше будет легче, а вернее — яснее. Тем более, что первый раздел программы к этому времени (по крайней мере — в голове) уже готов. Он содержит обоснование актуальности проблемы, её значимости для социальной практики, а также степень её разработанности (или не разработанности) в науке. Однако дальнейшая работа предвещает еще немало трудностей.

Прежде, чем перейти к содержанию и описанию основных разделов программы эмпирического исследования, стоит ответить на простой и, в то же время, не простой вопрос: зачем нужна сама программа? Ведь не только же для того, чтобы убедить грантодателя (или заказчика), что твое исследование стоит выделения на него денег?

¹ Впрочем, такой финал просто невозможен, ибо, если не удалось сформулировать ту тему, которая возникла первоначально; этот труд не напрасен. В этом процессе исследователь, как правило, находит другую, может быть близкую (а может быть и не очень близкую) тему, которая вполне достойна серьезной разработки.

И все-таки, описание содержания программы исследования, стоит предварить несколькими общими соображениями. Здесь я хотел бы привлечь ваше внимание к замечательному тексту Чарльза Райта Миллса «Об интеллектуальном мастерстве (и социологическом воображении)²». Он, в частности, пишет: «... выдающиеся мыслители в той области научного творчества, которой вы, начинающий ученый, решили себя посвятить, не отделяют работу от жизни. Похоже, они слишком серьезно относятся и к работе, и к жизни, чтобы допустить подобное разделение, и предпочитают, чтобы эти области взаимно обогащали друг друга» (С. 85). Ч. Миллс также утверждает, что «Хорошую работу в общественных науках сегодня нельзя выполнить, проведя какое-нибудь отдельное эмпирическое «исследование». Напротив, хорошая работа включает в себя множество исследований, предметом которых служат ключевые моменты в форме и тенденциях развития объекта» (там же, с. 89). Это утверждение вполне справедливо.

Однако в этом, во многих отношениях замечательном, тексте автор даже не упоминает о программе конкретного исследования, ибо он рассуждает о работе ученого в целом и о приемах интеллектуального мастерства. Хотя именно из этого текста естественно вытекает идея тщательного планирования научного творчества, в том числе и «текущего её момента». Настоятельно рекомендую очень внимательно и вдумчиво прочесть текст Ч. Миллса и, может быть, какое-то время держать его постоянно под рукой, ибо он содержит чрезвычайно полезные замечания, советы и описание приемов интеллектуальной работы.

Зачем же все-таки нужна программа отдельного конкретного исследования? Во-первых, в программе документируется текущее состояние вашей научной мысли, как её достижения и прорывы, так и провалы и поражения. А это очень важно, ибо нельзя полагаться только на память. Во-вторых, программа дисциплинирует и мысль, и организацию научной работы. Приведу еще одну цитату из текста Ч. Миллса: «Цель эмпирического исследования — устранить разногласия и сомнения относительно фактов и путем всестороннего изучения сделать дискуссию более плодотворной. Факты дисциплинируют разум, но в любой сфере познания разум идет впереди» (там же, с. 92). В-третьих, программа — это руководство к действию, которое существенно облегчает всю дальнейшую работу, включая и написание отчета. Более того, программа оберегает от элементарных просчетов и ошибок. Чтобы избежать их, в этот документ полезно заглядывать на любом этапе исследовательского процесса.

² Ч. Миллс Об интеллектуальном мастерстве (и социологическом воображении) // Социальная реальность, № 4.2008, с. 85–95 и № 5.2008, с. 93–102 (перевод с англ. О. Оберемко). Прим. — в скобках приводятся страницы в журнале.

Из чего состоит программа исследования?

В. А. Ядов³ выделяет следующие разделы этого документа: 1) формулирование проблемы и задач исследования; 2) интерпретация основных понятий; 3) анализ предмета исследования в целом; 4) выдвижение гипотез; 5) Принципиальный (стратегический) план исследования. И, наконец; формулирует общие требования к программе. Пожалуй, стоит привести этот фрагмент почти полностью.

«Программа представляет единый методологический документ, все пункты которого взаимосвязаны. Каковы общие требования к идеальной программе?

Первое элементарное требование — программа необходима. Как ни покажется это странным, такое требование уместно фиксировать, ибо многие начинающие социологи пытаются работать без программы⁴. То, что заменяет ее, — это несколько смутных общих идей о целях поиска и характере нужного эмпирического материала. Такой исследователь «смело бросается в гущу жизни» и собирает всяческую информацию, надеясь впоследствии сгруппировать ее по принципу сходства и различия «на авось»: возможно путем группировки удастся уловить какие-то тенденции.

Беспрограммное исследование напоминает поиск методом проб и ошибок: расход энергии часто не оправдывает познавательный эффект. В ходе исследования обнаруживается, что понятия не «покрываются» эмпирическими данными, при отсутствии гипотез неясно, как обрабатывать материал. Попытки выяснить эти вопросы на стадии анализа уже собранных данных, приводят к разочарованиям: материал был собран не полностью, выборка не удовлетворяла строгим требованиям, получены ответы не на те вопросы, которые планировались вначале.

В конце работы исследователь приходит к выводу, что теперь он проделал бы все это совершенно иначе...

Второе требование — эксплицитность программы. Все ее положения должны быть достаточно четкими, все элементы следует продумать в соответствии с логикой исследования и ясно сформулировать. Интуитивный набросок программы не может заменить строгую обоснованность всех исходных посылок и правил процедуры. Кроме того, программа является документом, единым для всего исследовательского коллектива, коль скоро

³ В. А. Ядов *Методология и процедуры социологического исследования*, Тарту, 1968 г. (роталпринтное издание ТГУ, тираж 2000 экз.) В более поздних изданиях этого учебника была изменена редакция первого пункта программы «Проблема, объект и предмет исследования», а также добавлен еще один раздел «Программные требования к выборке» (см. Ядов В. А. *Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности*. М.: «Добросвет», «Книжный дом «Университет», 1998–596 с.)

⁴ Замечу, об этом же, хотя и другими словами, пишет и Ч. Р. Миллс

социальные исследования невозможны в одиночку и требуют участия большого числа специалистов. При отсутствии ясно выраженной программы участники исследования теряют общий язык, тратят время на увязывание и уточнение вопросов, которые не возникли бы, будь у них документ — программа.

Третье важное требование — логическая последовательность всех элементов программы. Нельзя начать с выбора принципиального плана, не представляя задач исследования. Бессмысленно пытаться сформулировать частные гипотезы, не представляя объект в целом (хотя бы на уровне общих гипотез). Ни в коем случае нельзя начинать отработку методов сбора данных, не имея принципиального плана исследования в целом и до того, как ключевые понятия подверглись эмпирической интерпретации.

Короче, все звенья программы связаны в логически стройную цепочку. Обрыв в одном звене немедленно влечет за собой ошибки в последующих операциях.

Наконец, программа неминуемо должна быть гибкой. Кажется, что это требование противоречит предыдущему. Но в действительности гибкость программы подчеркивает связанность всех ее звеньев и выдвигает требование: систематически обзирать все разделы программы по мере того, как обнаруживаются ошибки в каком-то отдельном звене.

Например, в ходе пилотажа (проба методик) обнаруживается, что эмпирическая интерпретация некоторого важного понятия неудовлетворительна. Изменение интерпретации требует пересмотра в каких-то частях концептуальной схемы и, конечно же, предполагает переформулировку соответствующих гипотез, связанных с употреблением понятия. Обычно на стадии предварительного целостного анализа объекта продолжается работа над уточнением понятий, а на стадии разработки гипотез вносятся исправления в системный анализ предмета.

Вместе с тем, будучи гибкой в пределах согласования всех ее элементов, программа должна быть жесткой по отношению к эмпирическим данным, собранным в соответствии с ней. Худшее, что может случиться с исследователем, — попытка подогнать полученный материал под концепцию, которой он не соответствует. Такой соблазн возникает, если были допущены ошибки в эмпирической интерпретации понятий и формулировке гипотез.

В ходе анализа собранных данных ошибка обнаруживается, и данные «наильно» подгоняются под концепцию. Правильный путь: ясное указание на допущенную ошибку, четкое перечисление всех погрешностей программы, обнаруженных при анализе собранного материала. В этом случае познавательная ценность конечных выводов несомненна, и другие исследователи смогут учесть ошибки предшественников.

Тщательно разработанная программа представляет собой важный результат научной работы. Она может быть опубликована как самостоятельный научный труд для сведения специалистов.

Действительно, хорошая программа — минимум 50 процентов интеллектуальных затрат на исследование: остальные 50 процентов приходятся на сбор, анализ и изложение итогов работы. Причем не исключено, что по этой программе другие исследователи в других районах страны будут собирать и анализировать эмпирический материал, тем самым добываясь совместными усилиями повышения его познавательной ценности и репрезентативности.

Публикация программы подобна передаче лицензии на производство научных выводов. Стоимость же лицензии нередко превышает стоимость самого производства⁵.

Более детальный и тщательно проработанный план программы эмпирического исследования предлагали Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина⁶. В частности, они обратили особое внимание на необходимость предварительного описания и анализа как социальной, так и научной ситуации, в рамках которых выделяются объект и предмет исследования. Действительно, это очень важно, так как от корректной и обоснованной формулировки проблемы исследования, точного определения его объекта и предмета, целей и задач, зависит ход и успех всей дальнейшей работы исследовательского коллектива.

В. А. Ядов, а также Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина основные элементы программы группируют в два блока: методологический и процедурный. Как показал опыт преподавания, в методологическом блоке студенты (и не только студенты, но и соискатели ученых степеней) испытывают большие затруднения, во-первых, с определением объекта и предмета исследования; во-вторых, с интерпретацией основных понятий; и, наконец, в-третьих, с анализом предмета исследования в целом. Что же касается процедурного блока, то его, как правило, вообще пропускают, ограничиваясь куцым описанием выборки без каких-либо параметров, характеризующих её представительность.

Например, «Объем выборки составил 208 человек (9 вузов Тюменской и Свердловской областей)⁷. Опрос осуществлялся методом анкетирования по месту работы респондентов. Групповое фокусированное интервью проводилось в вузах Тюмени (N=48. 4 группы по 12 человек, преподаватели технических и гуманитарных направлений)». Плюс к этому сообщается, что исследование «проводилось в два этапа: 1. Массовый (208 чел. — примечание мое — О. Б.) опрос, данные которого использовались для определения базовых

⁵ В. А. Ядов Методология и процедуры социологического исследования, Тарту, 1968 г., с. 101–103

⁶ Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина О принципах и основных элементах программирования исследования трудовой мобильности. // Методологические проблемы социологического изучения мобильности трудовых ресурсов. / Под ред. Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной, Изд-во «Наука» Сибирское отделение, Новосибирск, 1974, с. 144–207.

⁷ Иначе, в каждом вузе опрошено в среднем 23,1 человека (Смешно? Скорее грустно)

составляющих культурного капитала молодых преподавателей: значимость деятельности по освоению и созданию культурных ценностей в сравнении с другими формами досуга: приоритеты в выборе основных каналов получения информации в сфере культуры; предпочтения в сфере потребления культурно-информационных продуктов и восприятия искусства (виды телепередач, виды искусства, жанры литературы); регулярность и частота посещений учреждений культуры. 2. Групповые фокусированные интервью, по результатам которых выявлялись характер мотивации культурной деятельности, детерминанты культурных предпочтений, общая самооценка культурного потенциала группы молодой интеллигенции и его базовых составляющих»⁸.

Проблемы методологического блока программы

Казалось бы, В. А. Ядов просто и доходчиво описал, что есть объект и что есть предмет исследования. «*Объект социологического исследования — это то, на что направлен процесс познания.*

*Помимо объекта выделяется также предмет изучения, или те наиболее значимые с практической или теоретической точки зрения свойства, стороны, особенности объекта, которые подлежат непосредственному изучению»*⁹.

Попробуем зайти к прояснению этого вопроса с другой стороны. Как известно, каждая самостоятельная область научного знания непременно имеет свой объект и предмет. Если объект может быть общим для разных наук (например, общество является объектом для истории, экономики, демографии, социологии и т. п.), то предмет каждой науки — уникален. **Предмет социологии** включает в себя, как минимум, четыре относительно автономных компонента, взятых в неразрывном единстве: общности, социальные отношения, социальные институты (как учреждения, организации и как совокупность норм и правил, регулирующих деятельность людей) и социальные процессы. В рамках конкретного исследования эти компоненты выполняют совершенно определенные функции: общности и социальные институты (в первом значении — учреждения, организации) всегда представляют **объект исследования**; тогда как социальные отношения и социальные институты (во втором значении — совокупность норм и правил) всегда выступают в качестве **предмета конкретного исследования**. Социальные процессы в этом отношении амбивалентны — они могут выступать как в качестве объекта, так и в качестве предмета исследования.

⁸ Т. Гаврилюк Культурный потенциал молодых преподавателей российской провинции: теория и практика исследования //Социологические исследования, № 6.2015, с. 102–110. Это выдержки из статьи, но вряд ли в программе этого исследования, а точнее в заявке на грант РФНФ, процедурная часть исследования была описана полнее.

⁹ В. А. Ядов Стратегия социологического исследования, с. 75

Скажем, процесс инфантилизации (сдвига верхнего порога молодости в сторону более старших возрастов) может выступать в исследовании в качестве объекта, тогда предметом исследования будут факторы, которые обуславливают данный процесс. А вот процесс коммерциализации различных сфер деятельности может выступать именно как предмет исследования. В качестве объекта в этом случае могут рассматриваться организации разного типа, либо «склонные» к влиянию этого процесса, либо имманентно ему «противопоказанные».

Первичную информацию социолог всегда «снимает» с объекта исследования, тогда как информация о предмете исследования — результат серьезной аналитической работы — появляется исключительно в виде выводов, так как её еще необходимо извлечь из массива «сырых» первичных данных. Но предварительно (в программе исследования) необходимо обосновать, что планируемые первичные данные обеспечат правильную «сборку» и не только описание, но и объяснение изучаемого предмета. Эту функцию в программе и выполняет раздел «формулирование гипотез», о котором будем говорить чуть позже.

Упомянутое обоснование невозможно без корректного определения (и/или уточнения) основных понятий. Конечно, определение понятий — дефиниций — совершенно необходимо, хотя бы для того, чтобы читатели имели представления о том, какой смысл исследователь вкладывает в то или иное понятие. Но гораздо чаще возникает потребность **в уточнении и детализации** тех или иных понятий, построении «понятийных цепочек».

Так, например, в исследовании театральной аудитории, кроме определения общего понятия «аудитория театра» пришлось ввести целый ряд дополнительных понятий, а именно: «Потенциальная аудитория», «актуальная аудитория» и, наконец, «реальная аудитория театра»¹⁰. Точно также потребовалось уточнение понятия «репертуар театра» и дополнение его «новым» понятием — «текущий репертуар». В этом новом понятии акцент делался на динамичном характере существования репертуара¹¹.

Определение и уточнение (развертывание) понятий — есть начало общего анализа исследовательской проблемы. Рассмотрим этот переход на примере понятия «аудитория театра». В качестве «потенциальной аудитории театра» выступают все люди, достигшие зрелого возраста, т. е. 4–6 лет. Но многие и в более старшем возрасте, так и остаются лишь среди потенциальных зрителей. «Актуальную аудиторию» мы можем обнаружить на любом театральном представлении, это люди, присутствующие на том или ином театральном спектакле «здесь и сейчас». Актуальная аудитория чрезвычайно подвижна, она меняется год от года, более того, в ней мы можем встре-

¹⁰ Подробнее см. «Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов. М.: Государственный институт искусствознания, «Канона+» РООИ «Реабилитация», 2013, с. 283–300.

¹¹ Там же, с. 253

тить некоторых людей многократно, а некоторых всего один раз в течение года, а то и еще реже. А что же скрывается за понятием «реальная аудитория театра»? Мы включили в неё всех людей, которые в течение заданного промежутка времени, **хотя бы раз** посетили театр. Таким образом, реальная аудитория состоит из конечного множества людей, и мы имеем возможность теоретически вычислить объем этого множества. Понятно, что реальная аудитория включает и тех, кто в данный отрезок времени посетил театр всего один раз, и тех, кто ходит в театр (театры) достаточно часто. Здесь может оказаться очень полезным и эвристичным еще одно понятие — «театральная публика» или «театралы». Они составляют подмножество реальной аудитории, отличительная особенность которого в том, что это люди, глубоко вовлеченные в театральное искусство, информированные о его актуальном состоянии. Именно они выполняют функцию «лидеров мнения» для многих других людей, входящих в реальную аудиторию театра. От них во многом зависит качественный состав и самой аудитории, и состояние театрального искусства в целом.

Из этих определений возникает ряд вопросов. В частности, как и когда осуществляется переход от потенциальной аудитории к актуальной? Почему одни люди становятся театральными зрителями, а другие нет? Чем отличаются театралы от «рядовых» зрителей? Каким образом театралы влияют на состояние театрального искусства? Это все исследовательские вопросы, описывающие предмет нашего конкретного исследования.

Следующий шаг состоит в том, чтобы оценить свои возможности и выделить те вопросы, на которые при настоящем состоянии наших знаний и умений, при настоящем состоянии методологии и методики социологических исследований, мы можем получить ответы. Иными словами, надо определить, какие задачи могут и должны быть решены в данном исследовании.

Понятно, что здесь мы затронули только одну часть исследования, касающуюся аудитории, но изучать отношение к театру, не рассматривая, что же собой представляет сам театр — бессмысленно. Примерно такому же анализу были подвергнуты понятия, описывающие театр, как таковой и театральные спектакли. А затем были высказаны предположения о взаимодействии между театром и зрителями.

Все это необходимые, но не достаточные элементы программы для того, чтобы ваше исследование не оказалось плоским и не выходящим за рамки обыденных (обывательских) представлений.

О роли гипотез(ы)

Сразу скажу, далеко не во всех исследованиях возможно сформулировать не только осмысленные, но — главное — проверяемые гипотезы, особенно, если исследование носит поисковый, зондажный характер, если мы только-только приступаем к изучению какой-либо проблемы, если основная зада-

ча — описательная, если еще не выявлена структура проблемы. Обоснованная гипотеза может возникнуть в результате системного анализа проблемы, её объекта и предмета, может вытекать из той концепции или теории, которая адекватна вашим задачам.

В. Э. Шляпентох пишет: «Эффективность выдвигаемых гипотез предопределяется всеми творческими потенциями ученого. В. А. Ядов выделяет различные типы гипотез:

- 1) основные и не основные, в зависимости от их отношения к центральной задаче исследования;
- 2) первичные и вторичные, в зависимости от времени их появления в процессе исследования;
- 3) описательные и объяснительные, в зависимости от того, ограничивается ли гипотеза предположением о существовании связей или же выделяет причины и следствия¹².

Хорошая гипотеза, — продолжает В. А. Ядов, — должна отвечать ряду требований:

- Не должна содержать понятий, которые не получили бы эмпирической интерпретации, иначе она не проверяема;
- Не должна противоречить ранее установленным научным фактам;
- Должна быть максимально простой;

Должна быть приложима ко всему кругу явлений, которые она непосредственно объясняет, не опуская исключений». (В. Э. Шляпентох, 2006, с. 55)

Далее он продолжает: «Заметим, прежде всего, что гипотеза относится, как бы мы высоко не оценивали её роль, к «кухне» социолога. До нее нет дела потребителю социологической продукции. Некоторые социологи стремятся в начале своих публикаций подробно рассказывать читателю о том, какие гипотезы они выдвинули, и на протяжении всей работы напоминать о том, что они блестяще подтвердились в процессе исследования. В других случаях в виде гипотез выдвигаются иногда предположения откровенно тривиального характера, вроде того, что жизненные условия оказывают решающее влияние на направление и интенсивность миграции сельского населения» (Там же).

В. А. Ядов настоятельно советовал выделять наряду с основными гипотезами — гипотезы-следствия. Обращусь снова к исследованию театральной аудитории. В качестве основной гипотезы мы выдвигали такую: если респондент ориентирован преимущественно на традиционные формы культуры, то его отношение к театру будет более развитым. В качестве гипотез-следствий формулировалось следующее, например:

- его отношение к театру будет более избирательным;

¹² Примечание автора: впрочем, возможны гипотезы о существовании самого явления, которое обнаружены при системном анализе проблемы. В такой гипотезе может отсутствовать упоминание о «связях»,

- его восприятие разных спектаклей будет более дифференцированным, т. е. он будет различать разные уровни и грани театральной постановки. Если же он ориентирован преимущественно на современные формы культуры, то:
- его отношение к театру будет менее избирательным, т. е. его театральные предпочтения будут относительно противоречивыми;
- его восприятие разных спектаклей будет менее дифференцированным, т. е. он будет не в состоянии выделить разные уровни и грани театральной постановки.

Таким образом, гипотезы-следствия должны являть собой альтернативные гипотезы, а не «работать» на одно-единственное утверждение, оставляя другое -возможное — без какого-либо внимания.

Уже в процессе общего анализа исследуемой проблемы может возникнуть впечатление, что некоторые сами собой напрашивающиеся гипотезы не очень убедительны. К таким впечатлениям следует относиться со всей серьезностью, и обязательно «покачать» эти гипотезы, т. е. подвергнуть их сомнению и дополнительному обоснованию. Это одно из важных свойств ученого-исследователя: не оставлять без внимания ни одно из своих же собственных сомнений.

Программа не догма, а руководство к действию

Пока идет исследовательский процесс, программа всегда должна быть «под рукой». К ней полезно обращаться на каждом шаге исследования. Когда обнаруживаются ошибки, недочеты, а подчас, и несуразности в программе, её необходимо дорабатывать, т. е. исправлять и даже изменять уже в ходе исследования. Не вредно также сохранять все варианты редакции программы. Ведь какие-то моменты, которые вы сегодня сочли ошибочными или такими, которые сегодня решить невозможно, завтра (в другом исследовании) могут оказаться чрезвычайно полезны. Это как раз сродни тем файлам, которые рекомендовал заводить Ч. Миллс, и это один из важных инструментов интеллектуального мастерства.

В программе должны быть описаны не только явные признаки, характеризующие объект и предмет исследования, но и те производные, вторичные, которые были вами запланированы для полного раскрытия проблемы. Однако, далеко не все вторичные (производные) признаки возможно сконструировать до того, как вы вышли в поле. Сплюшь и рядом, хорошо продуманный на начальных стадиях инструмент позволяет получить такую информацию, которая «провоцирует» новые идеи уже в самом процессе исследования. Поэтому программу можно и нужно дополнять. В ходе исследования рождаются и новые гипотезы, некоторые из них можно проверить на уже собранных данных. Но некоторые для их проверки требуют провести новое, специализированное исследование. При этом для нового проекта не всегда требуется

сочинять программу «с нуля», можно взять за основу уже имеющуюся и откорректировать её.

И опять уместно вспомнить утверждения Ч. Милса из его статьи Об интеллектуальном мастерстве: «Хорошую работу в общественных науках сегодня нельзя выполнить, проведя какое-либо отдельное эмпирическое «исследование». Хорошая работа включает в себя множество исследований, предметом которых служат ключевые моменты в форме и тенденциях развития объекта»¹³ И далее: «Хотя вы никогда не сможете получить деньги на реализацию большей части замыслов, необходимо постоянно придумывать новые проекты исследований. Потому что некогда продуманное эмпирическое исследований, даже не реализованное, подтолкнет вас к поиску данных, которые неожиданно могут оказаться важными для понимания того, над чем вы сейчас работаете»¹⁴.

Вопросы и задания к семинару

- Опишите, как вы формулировали тему своей курсовой работы. Какие внешние источники оказались наиболее полезны? Какие коррективы внес ваш научный руководитель?
- Перечислите основные элементы программы социологического исследования и опишите их назначение
- Определения и/или уточнения каких понятий вы делали в своей работе? Почему вы выбрали именно эти понятия?
- Чем отличается описание социальной ситуации от описания научной ситуации? Зачем, по вашему мнению, необходимо описание и той, и другой?
- Формируете ли вы свой личный исследовательский архив? Каким образом вы это делаете: в виде архива файлов, в форме дневника, в форме картотеки, каким-то иным образом?

Литература

1. Иванов О. И. Введение в социологию социальных проблем. СПб., 2003
2. Майорова-Щеглова С. Н., Цапко М. С. Программа социологического исследования//Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: тематический словарь-справочник/ под ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 61–96.
3. Методологические проблемы социологического изучения мобильности трудовых ресурсов. / Под. ред. Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной, Изд-во «Наука» Сибирское отделение, Новосибирск, 1974. — 318 с.

¹³ Социальная реальность, № 4.2008 г. с. 91

¹⁴ Там же, с. 92

4. Методология и методы социологического исследования. Для студентов, обучающихся по основным образовательным программам уровня «Бакалавриат» по направлению «Социология» /под ред. Дудиной В. И. и Смирновой Е. Э., СПбГУ, 2013. — 297 с.
5. Миллс Ч. Р. Об интеллектуальном мастерстве (и социологическом воображении) — Перевод с английского О. А. Оберемко под ред. Г. С. Батыгина — //Социальная реальность, № 4.2008, с. 85–95; № 5.2008, с. 93–102
6. Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование (перевод с болгарского), М.: «Прогресс», 1975–383 с.
7. Орлова Л. А. Разведывательное исследование. Описательное исследование. Аналитическое исследование. //Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: тематический словарь-справочник/ под ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 33–38.
8. Процесс социального исследования (перевод с немецкого), М.: «Прогресс», 1975–576 с.
9. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. (перевод с французского), М.: «Прогресс» 1972 г. — 606 .
10. Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов. //Отв. ред. В. Н. Дмитриевский. — М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. — 400 с. — (Социология и экономика искусства: научное наследие).
11. Щепаньский Ян, Элементарные понятия социологии. М.: Изд-во «Прогресс», 1969 г. — 240 с.
12. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. — М.: «Добросвет», «Книжный дом «Университет», 1998.596 с. (самое полное пятое по счету издание учебника. Первое состоялось в Тарту в 1968 г.; второе в Москве в 1972 г. в издательстве «Наука»; третье там же в 1987 году, четвертое — в 1995 г. в Самаре. — О. Б.)
13. Ясавеев И. Г. «Социальная проблема» в социологическом лексиконе //Социальная реальность. 2006. № 6. С. 101–117.
14. Ясавеев И. Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций //Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 1 (34). С. 91–102.

ЛЕКЦИЯ 2. ОБЗОР МЕТОДИЧЕСКОГО АРСЕНАЛА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Введение

Несмотря на то, что методический арсенал современной социологии постоянно пополняется, методологическое (и, в каком-то смысле, теоретическое) осмысление этого арсенала остается на уровне 50-х годов прошлого века. Т. е. на уровне «высших» методологических и методических достижений американской социологии (П. Лазарсфельд, Б. Берельсон, Г. Д. Лассуэл¹⁵ и др.). В современных основательных учебниках по социологии до сих пор общее описание методического арсенала «укладывается» всего в три позиции: анализ документов, наблюдение и опросы.

Социологический эксперимент добавился несколько позже, но как добавился, так и «отпал». Впрочем, вполне обоснованно¹⁶. Если психологические лабораторные эксперименты еще как-то отстояли право на существование, то социальные эксперименты всем научным сообществом были признаны недопустимыми по гуманистическим и этическим соображениям. И даже некоторые психологические и социально-психологические эксперименты все-таки были отнесены к разряду принципиально недопустимых¹⁷.

¹⁵ Гарольд Дуайт Лассуэлл одним из первых исследует проблему количественного контент-анализа политической (в т. ч. и массовой) коммуникации; предлагает ставшую классической в социологии массовой коммуникации формулировку, согласно которой «акт коммуникации» рассматривается по мере ответа на вопрос: «КТО — сообщает ЧТО — по какому КАНАЛУ — КОМУ — с каким ЭФФЕКТОМ?»

¹⁶ Сегодня мы хорошо знаем результаты масштабных социальных экспериментов, таких, как Великая Октябрьская социалистическая революция, как победа нацизма в Германии и т. п. И, наконец, на себе испытываем еще один глобальный эксперимент — «возвращение» в капитализм (а кое-где и в феодализм) на территории бывшего СССР

¹⁷ Достаточно вспомнить бурную реакцию общественности на эксперименты, в которых испытуемые «играли» роль тюремщиков и в качестве инструмента влияния на «подследственных» могли использовать электрический ток. Результаты этих экспериментов шокировали общество: значительная доля испытуемых — вполне нормальных молодых людей, заранее предупрежден-

Континуум опросных методов							
Роль не важна	Роль определена исследователем					Роль – предмет наблюдения, догадки, выводы	
Наблюдение клиническое	Опросные методы					Наблюдение социальное	
Состояния, изменения организма	зона 1	зона 2	зона 3			зона 4	Действия, поступки, высказывания личности
			а	б	в		
	реакции индивида	квазиреакции	квазиответы		ответы личности		
	статистика однородных тестовых заданий	статистика однородных признаков (батарей индикаторов)			отдельные признаки, простейшие шкалы, естественная валидность языка		

Рис. 1. Схема описания опросных методов (В. Б. Голофаст, 1980 г.)

Пожалуй, первым, кто не только задумался об упорядочивании и систематизации наличного методического арсенала современной социологии, но и предложил схему такого упорядочивания, был Валерий Борисович Голофаст, который в 1981 году написал статью «Континуум опросных методов» (см. рис. 1)¹⁸. Эта небольшая публикация касалась преимущественно опросных методов.

Ход его мысли потребовал развития, и возникла идея построить такое пространство, в котором можно было бы упорядочить не только опросные, но и другие методы, которые используются в социологии и других социальных науках. Однако сразу же выяснилось, что различие проходит вовсе не только по линии: опросные — не опросные.

Во-первых, речь должна идти не вообще о научных методах (их много, и они «обслуживают» разные этапы исследования), но исключительно о методах сбора первичной информации. Во-вторых, в одних случаях при сборе первичной информации социологи имеют дело с объектами (документы, вещи и т. п.), а в других — с субъектами, т. е. с людьми. В первом случае, социологи «работают» как представители естественных наук, во-втором, — существенно от них отличаются. Ибо люди обладают чувствами, предпочтениями, наделяют свои поступки разными смыслами. Отсюда ясно, что другим критерием разделения методов сбора первичной информации является именно то обстоятельство, с чем (или с кем) имеет дело социолог: с объектами или субъектами.

ных о смысле тех действий, которые находились в их распоряжении, — тем не менее, применяли смертельные дозы даже в «игровой» ситуации.

¹⁸ Голофаст В. Б. Континуум опросных методов // Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Советско-венгерские исследования массовой коммуникации. Том III. Материалы 4-го советско-венгерского симпозиума Ленинград 2–6 июня 1980 г. — Л.: «Наука», 1981. — с. 105–111.

Стало быть, среди известных методов сбора социальной информации могут быть выделены, по меньшей мере, два класса: объектные и субъектные (или интерактивные). Оба класса могут быть представлены схематично (см. рис. 2, 3-а и 3-б).

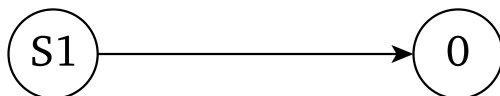

Рис. 2. Схематическое отображение объектных методов¹⁹.

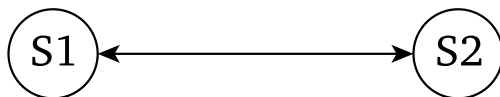

Рис. 3-а. Схематическое отображение субъектных методов: прямое взаимодействие.

Рис. 3-б. Схематическое отображение субъектных методов: опосредованное взаимодействие²⁰.

Обратим внимание на направленность стрелок в этих схемах. Естественно, на рисунке 2 стрелка направлена в сторону объекта, поскольку объект не может ничего «сказать сам за себя». Все суждения об объекте принадлежат только исследователю (S1). На рисунках 3-а и 3-б стрелки «обоюдные» — поскольку мы имеем дело с двумя чувствующими, воспринимающими субъектами S1 и S2.

Объектные методы

Рождение науки в современном её понимании, как специфического вида человеческой деятельности, датируется историками примерно с 17-го века.

¹⁹ На рис. 2, 3-а и 3-б символ S1 — означает познающего субъекта (исследователя); символ O — объект; символ S2 — другой субъект, источник первичной информации (например, респондент), выступающий в качестве изучаемого объекта

²⁰ В качестве посредника здесь могут выступать: документы (например, анкета), какие-либо технические средства (телефон, компьютер, видеокамера и т. п.), а также третьи лица, например, анкетер или интервьюер. Как правило, эти элементы могут «работать» как по отдельности, так и в различных сочетаниях.

Пожалуй, самое первое научное сообщество (как социальный институт) — это английское общество естествоиспытателей, более известное как Королевское научное общество Великобритании (ориентировочно — первая половина 1600-х гг.).

Члены этого общества (в основном — частные любознательные лица) преимущественно интересовались окружающим их физическим миром. Интересные сведения об этом времени сообщает в книге для детей наш современник (к сожалению, уже покойный) доктор биологических наук Лев Германович Лейбсон²¹. В этой книге речь о разгадке простейшей вещи — воздуха. Сегодня каждый школьник знает, что атмосферный воздух — это смесь газов: кислорода, углекислого газа, аргона, азота, неона, криптона, ксенона, водорода, озона и др. Но для того, чтобы выяснить состав воздуха и его основные свойства, понадобилось около ста лет. (В скобках замечу, если вам случайно (или не случайно) попадет эта книжка, прочтите её, она стоит того, в том числе, и для понимания того, что такое наука).

Интерес ученых был преимущественно направлен на устройство окружающего физического мира, они имели дело исключительно с «безмолвными» объектами. Но эти объекты много «говорили» о себе, они оказались познаваемы.

Но не только физики, ботаники и химики имеют дело исключительно с «немыми» объектами. Объекты, с которыми имеют дело археологи, например, также безмолвны — это захоронения, вещи, которые были изготовлены и принадлежали людям, жившим в очень далекие времена. Однако, именно с помощью этих объектов археологи рассказывают не только о том, как выглядели эти древние люди, но и об их быте, обрядах и даже взаимоотношениях. Таким образом, даже безгласные вещи могут много поведать и об обществах, которые существовали в незапамятные времена.

Для криминалистов «вещественные доказательства» сплошь и рядом оказываются куда более надежными и достоверными источниками информации, нежели «лукавые» и не всегда точные, а иногда и просто лживые показания свидетелей. Или, взять тех же профессиональных охотников, которые по следам, по мятой траве и сломанным веткам, по экскрементам, оставленным животными, могут подробно реконструировать их поведение.

В рамках исторической науки есть дисциплина — источниковедение. Здесь основным объектом для ученого являются тексты — по сути дела — те же объекты. И этот класс объектов также содержит немало информации о тех, кто эти тексты произвел. И не только об авторах, но и об уровне культуры и даже об уровне производства того времени, когда эти тексты были созданы.

Таким образом, объекты, интересные для исследователей общества, обладают одним существенным свойством — они являются *следами* или *продуктами деятельности* людей и имеют социальный и социологический

²¹ Л. Лейбсон, Разгаданный воздух. Повесть из истории химии и физиологии, Л.: «Детгиз», 1963.

смысл. В некотором смысле тексты тоже являются и следами, и продуктами деятельности людей. Но, кроме физических свойств, тексты обладают еще и символическими свойствами, которые также важны для исследователя. Объектами, которые являются следами и продуктами деятельности людей могут выступать как **вещи** (материальные объекты), так и **тексты**, в том числе, разнообразные документы (символические объекты).

Вещи

В последнее время появилось немало публикаций под рубрикой «социология вещей», преимущественно теоретического (скорее — спекулятивного) характера. Мне на память приходит только одно эмпирическое исследование, целиком построенное на анализе вещей, его автор принципиально отказался о чем-либо спрашивать людей, хотя занимался изучением образа жизни.

Много лет назад (где-то в начале 70-х) мне попалась одна публикация об этом исследовании, в которой довольно подробно излагалось его содержание. К сожалению, тогда я нигде не записал ни источник, ни автора этой публикации а теперь не могу её найти²².

Суть же исследования заключалась в том, что изучая образ жизни американцев в среднем городе, его автор подошел к проблеме «от обратного», он решил анализировать мусор, т. е. материальные отходы обычной жизнедеятельности горожан. Он договорился с мусорщиками, чтобы они не просто забирали мусор из тех районов, которые он им указал, но делали подробное описание этого мусора по относительно простой схеме. Кроме обычного бытового мусора, он изучал содержание «новых поступлений» на специализированные (мебельные, автомобильные и т. п.) городские свалки. Так как вещи имеют разную продолжительность жизни, сбором эмпирических данных автор занимался несколько лет.

Один единственный случай заставил его изменить своему правилу. Около одного из домов было взято несколько пластиковых пакетов, в которых в качестве мусора оказались вещи, которые обычно среди мусора не попадались: а именно, письма, фотографии, дневники и некоторые мелкие вполне исправные вещи. Исследователь нашел этот дом и выяснил, что в этом доме жил человек, у которого после его смерти не нашлось никаких родственников: освободившееся жилье перешло в собственность муниципалитета, мало-мальски ценные вещи были проданы «на аукционе», а всякие мелочи были просто выброшены на помойку.

Этот случай обратил внимание исследователя на тот факт, что есть просто вещи, но есть и то, что можно назвать семейными реликвиями, которые не просто хранятся, но передаются из поколения в поколение и поэтому крайне редко оказываются «мусором». Вещи этого класса чрезвычайно разнообраз-

²² Мне помнится, что автора этого исследования звали Майкл Рич, но не уверен, что я хорошо запомнил его имя. Попытки найти информацию об этом исследовании, и обращение к моему коллеге и другу, проживающему нынче в США Б. З. Докторову, к сожалению, не увенчались успехом.

ны. Это может быть прапрабабушкина ступка с пестиком (или колокольчик), это могут быть сережки или заколка для мужского галстука (не обязательно драгоценные), это может быть прапрадедушкино кресло и кухонный буфет, это может быть книга, а может быть и цветок, засушенный между страницами этой книги. Но как отличить обычную чайную чашку от прапрабабушкиной, из которой уже много лет никто не пьет чай и которая является такой семейной реликвией? Автор статьи уверял, что исследователю удалось выделить ряд признаков, которые, конечно, с некоторой долей погрешности, тем не менее, позволяли идентифицировать вещи этого класса.

Кроме того, автор изначально выделил и другой класс вещей, который назвал «одноразовыми». В этот класс он включал бумажные салфетки, зубочистки, бумажные манжеты и манишки (имитирующие рубашки), затем этот класс пополнился бумажной (а потом и пластиковой) посудой, а затем и довольно сложными техническими устройствами, которые изготавливались таким образом, что они принципиально не подлежали ремонту.

«Наблюдая» за мусором в течение многих лет, автор пришел к важным выводам, которые показались ему тревожными, свидетельствующими о некотором неблагополучии в американском обществе. Во-первых, он заметил, что доля «одноразовых» вещей постоянно увеличивается, что американское общество становится не просто обществом изобилия, но обществом бездумно расточительным. Дело не только в том, что увеличивалась доля одноразовых вещей, росла их «номенклатура». Да и сами вещи становились менее долговечными. Если на прапрадедушкином кресле скакали и кувыркались сам прапрадедушка, прадедушка, дедушка, а потом папа, а потом его дети и внуки, то современные кресла вряд ли могут выдержать такое испытание. Если раньше вещи служили много-много лет, то в XX веке срок их службы сократился на порядок. И это не просто ностальгия по «старому доброму времени», — это констатация глубоких изменений в образе жизни американцев²³.

Во-вторых, исследователь пришел к выводу, что американцы в средних городах вместе со старыми вещами (и семейными реликвиями) теряют свои «корни»: их семейная и историческая память становится короче. Пока семейная реликвия (неважно, как она выглядит) находится в доме, её постоянно сопровождает семейная легенда о ней и о людях, которым эта вещь принадлежала. Когда вещь уходит из дома — постепенно умирает и легенда, а вместе с ней и память о тех людях, кто дал жизнь этим вещам и жил с ними. А вы говорите — мусор! Не просто мусор, а следы, свидетельствующие о том, как жили наши предки, как было устроено общество.

К сожалению, других, столь же глубоких и серьезных социологических исследований, основанных на объектных методах, мне обнаружить не удалось.

²³ Этот процесс превращения человека в «машину потребления» ярко описан в кн. Веркор; Коронель «Квота» или «Сторонники изобилия», Издательство: М.: Прогресс; 224 страниц; 1970 г.

Впрочем, в середине 70-х — начале 80-х годов я и мой друг и коллега Валерий Борисович Голофаст приобрели некоторый опыт, в том числе и социологического, наблюдения за вещами. Примерно два раза в год мы из личного интереса объезжали вузовские свалки, где можно было найти много полезных вещей для реализации наших увлечений²⁴. С одной стороны, мы действительно, находили там много полезного: материалы для наших хобби, инструмент и т. п. А, с другой, наблюдали почти катастрофическую бедность и отсталость системы отечественного высшего образования. На свалке политехнического института в конце 70-х — начале 80-х гг. XX века мы находили станки и детали станков, сделанных в конце века XIX или в самом начале века XX-го. На свалке (физического факультета университета) мы находили микроскопы и лабораторное оборудование XVIII-го — XIX-го веков. А это значит, что еще совсем недавно (годов до 60-х XX-го века) студентов учили на этом и морально, и физически устаревшем оборудовании. Это, хотите или не хотите, характеристика общества, а не отдельно взятого вуза.

Опыт исследования мусора свидетельствует о том, что суть метода сосредоточена на систематизации и классификации исследуемых объектов и последующем определении частот встречаемости разных классов. В ряде отечественных исследований при изучении образа жизни социологи (в рамках традиционных анкетных опросов) интересовались вещной стороной материального благосостояния людей. Однако наборы вещей, предлагаемые для оценки, были либо чрезмерно агрегированы, либо в определенной мере случайны — содержательно (и теоретически, и методологически) эти наборы слабо «прорабатывались».

Например, в анкетах были вопросы о наличии в семье мебельных гарнитуров (на гарнитуры тогда была мода). Но не было вопроса о том, все ли члены семьи имеют свое собственное стационарное спальное место (кровать или диван). В сравнительных (особенно межстрановых) исследованиях обычно присутствовал вопрос о том, сколько в семье имеется электрических моторов. При этом имелись в виду самые разные моторы. Например, электробритва — тоже имеет электромотор, и кофемолка, и электромясорубка и т. п. Этот показатель говорил о фондовооруженности быта и позволял сравнивать уровень и качество образа жизни людей.

Документы

С документами виртуозно работал В. И. Ленин. Например, анализ статистики взносов на газеты разной политической направленности позволял ему делать убедительные выводы о социальной базе этих газет. Социология массовой коммуникации обогатила методический арсенал методом, получив-

²⁴ Я в то время увлекался «производством мебели» для дома для семьи, и всяческим другим рукодельем, у Валерия круг увлечений был очень широк: от постройки телескопа, до ремонта часов и коллекционирования часового инструмента.

шим название «контент-анализ». И в том, и в другом случае мы, безусловно, имеем дело с объектными методами.

В учебниках по методам социологических исследований раздел «анализ документов», как правило, ограничивается классификацией (по разным основаниям) самих документов: официальные, неофициальные, личные; рукописные или типографские и т. п. Упоминается также, что анализ документов полезно сочетать с другими методами исследования. Но не обсуждаются вопросы отбора документов (проблема выборки), определения критериев полноты и достаточности массива документов, собственно приемов работы с документами. В этом отношении более полезными для понимания методов оказываются работы В. И. Ленина, его опыт сведения данных в таблицы и т. п.

Более детально разработан метод контент-анализа именно с точки зрения аналитических процедур. Вопросы же собственно сбора текстовых данных, формирования массива для контент-анализа, также остаются вне поля зрения авторов учебников. Тем не менее, этому объектному методу «повезло» гораздо больше и он получил широкое распространение, как за рубежом, так и в нашей стране. В 1970 году в Новосибирске прошел первый семинар, на котором обсуждались вопросы применения этого метода в отечественной социологии²⁵. В этом семинаре приняли участие около 40 ученых из Москвы, Ленинграда, Эстонии, Новосибирска и др. городов Сибири. А в 1973 году в Ленинграде прошла всесоюзная конференция, посвященная методологическим и методическим проблемам контент-анализа²⁶, в которой участвовали более 100 человек, представлявших практически все социологические центры СССР. В 70-е годы появилось большое количество публикаций на эти темы.

Любой текст «имеет обыкновение» отрываться от своего творца и далее жить своей собственной жизнью. Даже когда автор жив и здоров, чаще всего (особенно если читатель — посторонний для автора человек, а именно таким оказывается социолог) нет реальной возможности расспросить его об этом тексте. Текст говорит «сам за себя». Вопрос в том, о чем и о ком говорит текст. В «идеологии» контент-анализа текст говорит, прежде всего, о коммуникаторе и канале информации, об их политике, идеологии, и в меньшей степени — о том конкретном человеке, который создал этот текст. Но в большей степени — о состоянии социума в целом.

В последние годы в социологических кругах вошло в моду словосочетание «визуальная социология»²⁷, и все большее внимание социологов привлекают

²⁵ Проблемы контент-анализа в социологии. Материалы Сибирского социологического семинара. Новосибирск, 1970. — 144 с. Сейчас эта книжка — библиографическая редкость.

²⁶ Методологические и методические проблемы контент-анализа (тезисы докладов рабочего совещания социологов. Вып. I, Вып. II. М.-Л., 1973. Нынче это тоже один из редких раритетов.

²⁷ См., например, П. Штомпка Визуальная социология. Фотография как метод исследования. Учебник. — М.: Логос, 2007. — 168 с. (Впрочем, стоит обратить

такие объекты для анализа, как фотографии, рисунки и другие изобразительные материалы (включая и объекты архитектуры), т. е. тексты в широком смысле этого слова. В рамках этого направления социологической деятельности (и социологического интереса) также оказывается уместным применение именно объектных методов исследования.

И хотя здесь мне часто приходилось употреблять слово «к сожалению», тем не менее, у объектных методов в социологии, несомненно, широкие перспективы. Но и работы здесь непочатый край. Несмотря на то, что этот класс методов, казалось бы, имеет длинную историю в естественных науках, простой перенос их в социологию вряд ли возможен. Далеко не всякие вещи должны (и могут) стать объектом социологического внимания, но лишь те, в которых отчетливо можно выделить их социальную (функциональную или структурную) составляющую, которым люди приписывают определенный социальный или социологический смысл.

Два принципиальных замечания относительно объектных методов

Первое касается таких понятий как «социология вещей» и «визуальная социология». Смее утверждать, что эти понятия неправомерны и, если они имеют отношение к социологии, то лишь косвенное. Мы уже говорили о том, что составляет предмет социологии. И «социология вещей», и «визуальная социология» не обладают ни одним из элементов этого предмета. Но что же тогда это такое?

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что это всего лишь относительно новые **объекты внимания** социолога. Действительно, вещи способны влиять на поведение людей, они способны влиять также на изменения социальной структуры общества. Об этом, в частности, говорит Мануэль Кастельс. Да, вещи — особенно способы их функционирования — много «говорят» об обществе, если смотреть на них социологически.

Точно также визуальный ряд потенциально содержит много информации именно об обществе и его состоянии в те или иные моменты времени. Но просто смешно, когда социолог путем простого описания одной единственной фотографии (так называемый метод case study) пытается судить о состоянии общества или даже о каких-либо социальных ситуациях. Замечательный польский социолог Петр Штомпка написал учебник по визуальной социологии²⁸. Естественно, ему пришлось привести некоторые «визуальные» примеры. Эту роль он приписал отдельным случайным фотографиям, которые по большому счету не говорят ни о чем: это просто бессмысленные иллюстрации.

внимание на неточность в названии этой книги: фотография — все-таки не метод, а скорее объект исследования — О. Б.)

²⁸ П. Штомпка Визуальная социология. Фотография как метод исследования. Учебник. — М.: Логос, 2007. — 168 с.

Визуальный материал, безусловно, может стать источником важной информации для социолога. Но для этого, во-первых, необходимо сформировать некий массив (множество) визуального материала определенного рода (вида, типа); во-вторых, классифицировать его исходя из некоей социологической (в том числе, и теоретической) концепции или проблемы; т. е. систематизировать и доказать его типичность (не случайность); выстроить некоторый динамический ряд, который позволил бы обнаружить направленные изменения в определенных (теоретически обоснованных) социальных явлениях или процессах. Если этого не сделать, то социологические осмыслить и интерпретировать фотографии или картинки просто не получится. Если что и получится, то — «сапоги в сумку». Что мы и наблюдаем в дискурсе социологов о т. н. визуальной социологии.

Второе замечание относится к проблеме выборки или к репрезентативности данных, которыми оперируют в рамках и той, и другой «социологии». Здесь авторы даже не ставят вопроса ни о выборке, ни о репрезентативности, ни о типичности тех объектов, которые они обсуждают и пытаются встроить в социологические размышления²⁹.

Разработка принципов и критериев выборки при обращении к вещам или визуальному ряду — это очень непростая, но, думаю, вполне разрешимая проблема. Беда в том, что в современной (в том числе, и в западной) социологии этот вопрос вообще не упоминается. А здесь все должно быть другое. Скажем, понятие генеральной совокупности для такого рода исследований надо либо определять заново, либо обоснованно отказываться от него. Исследователь образа жизни в среднем американском городе, о котором мы говорили ранее, сделал выборку районов города и типов построек в них таким образом, что получил представление о том, как обращаются с вещами (мусором) представители разных социальных групп. .

В начале 90-х годов прошлого века мне довелось заниматься профессиональной ориентацией школьников, и обучать их основам такой профессии, как ла-

²⁹ В этом отношении очень характерна пространная вступительная статья В. Вахштайна «Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории» к книге «Социология вещей», М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С одной стороны, автор сетует на то, что из современной социологии насильственно «изгнано» материальное, т. е. вещи. А, с другой стороны, утверждает «Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что в области исследований материальности реальные успехи теоретиков <материального> «поворота» гораздо скромнее, нежели их первоначальные декларации». Объявленный разрыв с классической социологической традицией — тоже, скорее, риторическая формула: чтобы в этом убедиться достаточно провести сравнительный анализ «классических» и «постклассических» подходов, представленных в первой и второй частях сборника». В этой статье так много противоречивых утверждений, что не совсем ясно, ради чего городился «весь огород», и какова же ценность (и есть ли она вообще) так называемого «материального поворота».

борант-социолог (кстати, и сегодня никто не готовит таких специалистов, хотя потребность в них достаточно высока). Я попросил своих слушателей (школьников) принести фотографии из домашних альбомов, на которых были бы хорошо представлены бытовые интерьеры (хорошо бы и вовсе без людей). Когда это задание было выполнено в нашем распоряжении оказалось более сотни фотографий разных лет, представляющих интерьеры (внутреннюю обстановку жилых помещений) разных слоев общества от крестьян до военных и ученых.

Я поочередно предъявлял эти фотографии учащимся и спрашивал, как вы думаете, кто (рабочие, инженеры, учителя, военные, ученые или художники) живет в этом интерьере. По фотографиям 30–40-х годов «правильные» ответы не вызывали затруднений почти ни у кого. Фотографии 50–60-х и даже 70-х годов уже вызывали некоторые затруднения и довольно часто ответы были ошибочными. А когда дело дошло до интерьеров 80–90-х, здесь учащиеся сами поразились тому, что не было почти никакой возможности определить социальную принадлежность хозяев представленного на фотографиях жилья. Школьники сами сделали правильный социологический вывод — эти фотографии в совокупности отразили процесс унификации, стандартизации повседневной жизни, нивелирования социальных различий в жилой материальной среде.

Но это была не «визуальная социология», просто в качестве объекта нашего **социологического** исследования были использованы случайным образом собранные фотографии, но не случайным образом представленные учащимся для оценки и анализа. Мне перед этим пришлось разложить их по годам съемки и обратить внимание учащихся на это обстоятельство. Да, на какие-то года пришлось меньшее количество фотографий, на какие-то большее. И, конечно, этот массив визуального материала — с точки зрения традиционной социологии — не был репрезентативен (я и сейчас не знаю, как оценить его репрезентативность). Но для такого рода исследования это оказалось не так важно: существенные различия обнаружило само упорядочивание материала в хронологической последовательности. Если бы мы рассматривали эти фотографии в том порядке, в каком они случайно попадались под руки, вряд ли мы могли бы что-либо существенное заметить. Хотя занятие прошло бы и интересно, и весело.

В другой группе я изменил задание — не говорил учащимся, когда были сделаны те или иные снимки, но просил высказать их собственные предположения о времени съемки. Результат существенно отличался: время съемки (годы) учащиеся определяли точнее.

Что еще важно в этом примере, так это то, что наше исследование можно отнести как к «визуальной социологии», так и к «социологии вещей». На самом деле внимание наблюдателей было привлечено именно к вещам, изображенным на фотографиях и составляющих бытовые интерьеры. Но выводы были именно **социологические**: по вещам мы определяли социальный статус обладателей этих интерьеров, по характеру меняющихся вещей был определен и процесс унификации быта, а, следовательно, и переход социаль-

ной структуры общества к более однородному, более «плоскому» состоянию. Здесь были явлены все элементы предмета социологии.

Вопросы к семинару

- В чем сущность объектных методов?
- О чем могут рассказать вещи социологу? Найти примеры из материалов социологических исследований
- О каких явлениях в обществе могут рассказать социологу фотографии, карикатуры, рисунки и другие визуальные материалы?
- В чем специфика текстов, как объектов социологического анализа?
- Каковы, на ваш взгляд, перспективы развития объектных методов в социологии?

Литература

1. Аверьянов Л. Я. Контент-анализ. Учебное пособие М.: Кнорус, 2009. — 456 с.
2. Голофаст В. Б. Континуум опросных методов // Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Советско-венгерские исследования массовой коммуникации. Том III. Материалы 4-го советско-венгерского симпозиума Ленинград 2–6 июня 1980 г. — Л.: «Наука», 1981. — с. 105–111.
3. Веркор; Коронель «Квота» или «Сторонники изобилия», Издательство: М.: Прогресс; 224 страниц; 1970 г.
4. Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006. Глава: Визуальные инструменты исследования. С. 134–146.
5. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд. — Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008—352 с.
6. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20 Лейбсон Л., Разгаданный воздух. Повесть из истории химии и физиологии, Л.: «Детгиз», 1963
7. Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти / Под редакцией Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 67–81.
8. Социология вещей, М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
9. Шалак В. И. Современный контент-анализ. Приложения в области политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологии. Москва: Омега-Л, 2006.
10. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. Учебник. — М.: Логос, 2007. — 168 с.

ЛЕКЦИЯ 3. О МЕТОДИЧЕСКОМ АРСЕНАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ 2.

Рассмотрим специфику субъектных методов и продолжим опыт В. Б. Голофаства³⁰ по упорядочиванию и систематизации этой группы методов сбора первичной социологической информации.

Пространство упорядочивания

При любом упорядочивании важно выбрать точные критерии. В нашем случае один из критериев очень прост, он имеет дихотомический характер: два субъекта могут взаимодействовать либо непосредственно (лицом к лицу), либо опосредованно, с помощью каких-либо посредников. В качестве посредника могут выступать: документы (например, анкета), технические средства (телефон, видеокамера и т. п.), «третьи лица» (например, анкетыры или интервьюеры — технические исполнители).

В. Голофаст вообще не учитывал этот дихотомический критерий, но использовал одновременно разные критерии, взятые, к тому же, по разным основаниям. Он пытался одновременно учесть и характер взаимодействия двух субъектов, и задачу взаимодействия (он называет её «ролью наблюдения»), и способы и формы анализа полученных данных. Мы остановились на одном критерии — степени свободы или меры ответственности, которую берет на себя исследователь, т. е. субъект 1 (далее — S1). При этом степень свободы понимается достаточно широко. При использовании разных методов сбора информации эта свобода ограничивается разными факторами и с разной силой. Можно полагать, что если свобода ограничивается большим числом факторов, то и суммарная степень ограничения будет больше. Если представить, что степень свободы ограничивается постепенно, то именно степени свободы исследователя и могут стать упорядочивающим критерием.

Эти два критерия: непосредственное или опосредованное взаимодействие и уменьшение степеней свободы исследователя и легли в основу нашей «классификации»³¹. Оказалось, что подразделение методов, используемых

³⁰ Голофаст В. Б. Континуум опросных методов // Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Советско-венгерские исследования массовой коммуникации. Том III. Материалы 4-го советско-венгерского симпозиума Ленинград 2–6 июня 1980 г. — Л.: «Наука», 1981. — с. 105–111.

³¹ Слово «классификация» взято в кавычки по той причине, что, строго говоря, это именно упорядочивание, а не классификация и тем более — не типоло-

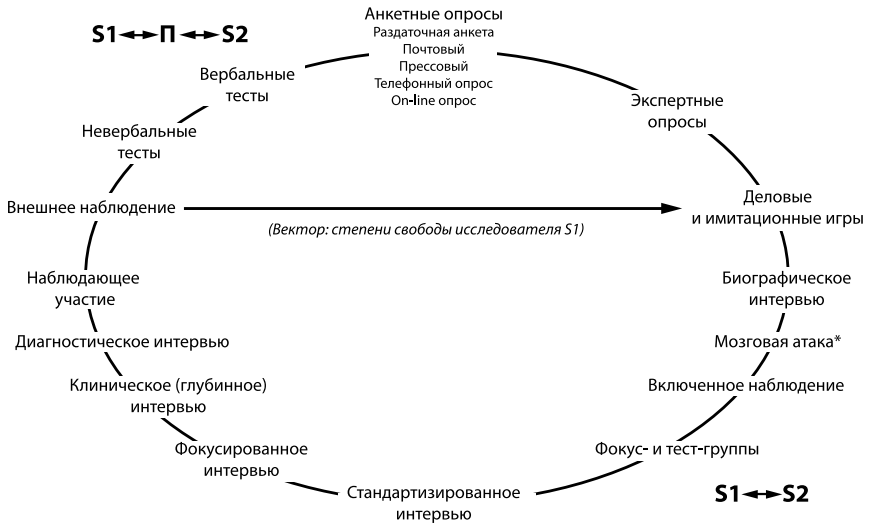

Схема 1. «Кольцо интерактивных методов».

социологами при сборе первичной информации на три класса (анализ документов, наблюдение и опрос) не отражают существенных особенностей разновидностей каждого из этих классов и не позволяют в полной мере осмыслить (осознать) природу каждого конкретного метода. Тем более, что уменьшение степеней свободы исследователя проявляется в увеличении степеней свободы второго субъекта, т. е. источника информации.

Также можно предположить, что методы, которые будут расположены дальше от начала нашего вектора, окажутся более сложными, требующими более четкой организации и большего самоконтроля со стороны исследователя (S1).

Итак, пространство, в котором мы будем упорядочивать многочисленные субъектные (или интерактивные) методы, располагается вдоль вектора степеней свободы субъекта-1 (S1). **Над** этим вектором будем помещать методы, допускающие **опосредованное** взаимодействие субъектов S1 и S2, а **под** этим вектором — методы, при которых взаимодействие осуществляется **лицом к лицу**. Таким образом, на выходе мы получим, если угодно, пространство, которое уместно назвать: «Кольцом интерактивных (субъектных) методов» (см. схему 1)³².

гия рассматриваемых здесь методов. Однако такое упорядочивание помогает лучше понять особенности и природу каждого метода.

³² Конечно, во время аудиторной лекции сначала задается «пустое» пространство, а потом оно **постепенно** заполняется разными методами. Такое последовательное заполнение оказывается еще более доходчивым и становится

Один из вариантов решения задачи

Наша задача состоит в том, чтобы на подготовленной «строительной площадке» так разместить известные методы сбора социологической информации, чтобы не было вопиющих противоречий с заявленными принципами (основаниями).

Еще одно предварительное замечание. Все методы, которые предстоит выстроить в определенном порядке, будут описаны по единой схеме: «возраст» метода, его «происхождение», основные признаки, имманентные³³ достоинства и недостатки, основные ограничения свободы субъекта-1. Эти признаки и определяют его место в подготовленном пространстве. Работать с этим пространством можно, начиная с любого метода: главное — правильно определить его место. И все-таки, начнем последовательно, слева направо, чтобы более убедительно продемонстрировать уменьшение степеней свободы субъекта-1.

Крайнюю позицию слева (на одном уровне с линией вектора) занимает **внешнее наблюдение**. Люди, собственно говоря, с того и начинали познание мира, что смотрели на него. Целенаправленно наблюдение, как специфический вид поведения, использовали охотники. Затем наблюдение активно применялось, говоря современным языком, в военном деле. В «мирных» целях и именно, как метод сбора информации, наблюдение начали применять путешественники и журналисты. И только в конце XIX-го — начале XX-го века — социологи.

Почему мы начинаем именно с внешнего наблюдения? Да потому, что внешний наблюдатель для успешного наблюдения не должен обращать на себя внимания. И это — исключительно его «свобода» и его ответственность.

Наверняка, Вы сталкивались с простой ситуацией: Вы с фотоаппаратом снимаете людей. Совершенно неважно, знакомые это люди или нет. Пока они не видят, что на них направлен фотоаппарат, они ведут себя так, как ведут. Но как только они заметили Вас с фотоаппаратом, их поведение заметно меняется. Одни начинают «приводить себя в порядок», другие пытаются спрятаться от Вашего объектива (хотя бы прикрыть лицо рукой или повернуться к вам спиной), третьи — направляются в Вашу сторону с явно агрессивными намерениями.

Можно представить иную ситуацию: Вы почувствовали, что на Вас кто-то пристально смотрит. Обернулись и увидели, что некто быстро отвернулся. Уверяю вас, что с этого момента вы либо постараетесь «оторваться» от наблюдения, либо попытаетесь выяснить, что этому человеку от вас надо. Вывод здесь простой — скорее всего этот наблюдатель (если он наблюдатель) — об-

понятным, почему, например, разновидности наблюдения находятся так далеко друг от друга в этом пространстве.

³³ Имманентные, т. е. внутренние присущие, неотъемлемые, не привнесенные.

ладает очень низкой квалификацией, он не умеет наблюдать скрытно, не вызывая возмущения и/или нарушения привычного состояния наблюдаемого объекта (или субъекта), проще говоря, — не в состоянии контролировать и организовать ситуацию. А внешнее — это всегда скрытное наблюдение, что на охоте, что в разведке, что в журналистике, что в социологии, т. е. S2 в идеале даже догадываться не должен, что за ним наблюдают, что он выступает в качестве объекта.

Конечно, наблюдение (как метод сбора информации) всегда имеет определенную цель. Вы должны отчетливо понимать, что вы наблюдаете, что вы хотите узнать. Первый стимул к использованию наблюдения может быть случайным (или спонтанным), но второй — должен быть осмыслен исследователем, его внимание должно быть сосредоточено на совершенно определенных ситуациях, формах поведения и т. п. То есть исследователь должен сформировать четкое представление о признаковом пространстве поля наблюдения. Он должен уметь отделять существенное и важное, от не существенного и второстепенного. Что же касается, суждений о тех или иных ситуациях, отношения самих наблюдаемых к собственным действиям и действиям других людей, то для внешнего наблюдения они практически недоступны.

Раз уж мы начали с наблюдения, обозначим и другие его разновидности. **Включенное наблюдение**³⁴ — также известно с незапамятных времен. Издавна оно использовалось в военном деле (шпионы, лазутчики, агенты и т. п.) В «мирных» целях в начале и середине XIX-го века этот метод стали использовать те же журналисты³⁵, а в 30-е годы XX-го века — социологи³⁶. Мы, конечно же, будем говорить о включенном наблюдении исключительно как об одном из социологических методов. Как правило (и преимущественно), этот метод используется при изучении «закрытых» общностей, не заинтересованных в привлечении «чужаков» (например, национальных диаспор, криминальных групп и т. п.).

³⁴ Термин «включенное» наблюдение впервые был предложен американским социологом Эдуардом Линдеманом в середине 20-х годов.

³⁵ См., например, — Языв Петербурга, Издательство: Ленинградское отделение Советского фонда культуры, 1990. Эта книга представляет собой сборник фельетонов о Петербурге из наиболее распространенных столичных газет конца XIX — начала XX в. Авторы очерков — популярные петербургские фельетонисты и репортеры — В. Михневич, А. Бахтиаров, Н. Животов и др., произведения которых не переиздавались с начала XX века. Очерки объединены общей темой — бытом и нравами петербургского простонародья, описанием «дна» северной столицы.

³⁶ В научную практику этот метод в 1936–1939 гг. ввел американский социолог Уильям Уайт, который исследовал трущобы одного из американских городов. Его основные сочинения: 1) *Street corner society*. Chic. . 1943. 2) *Man and organization*. N. Y., 1959. 3) *Men at work*. N. Y., 1961. В нашей стране одним из первых, кто использовал этот метод был В. Б. Ольшанский, изучая ценностные ориентации и идеалы рабочих.

Однако, где бы ни применялся этот метод, наблюдатель никогда не выдает своего «истинного» лица: всегда разрабатывается «легенда», которая помогает наблюдателю «внедриться» в изучаемую группу. «Разоблачение» наблюдателя — это всегда не только неуспех в исследовании, но, очень часто и реальная опасность для исследователя. Особого внимания требует период адаптации в новой среде. Зато для исследователя «открываются» глубинные основания жизни закрытых общностей: не только внешнее поведение, но и его обоснование и мотивации.

Э. Петров обращает внимание на существенные особенности метода: «Как видно из названия метода, исследователи принимают непосредственное участие в деятельности той организации или коллектива, которые они изучают. Таким образом, исследователь должен постоянно балансировать две роли: участника и наблюдателя. Особенно важно избежать полного «вливания» в коллектив, когда исследователь начинает **идентифицировать себя с теми, кого изучает** (курсив и выделение мои — О. Б.)»³⁷.

Почему же «включенное наблюдение» на схеме мы поместили так далеко от внешнего? По той причине, что здесь свобода исследователя существенно ограничена. И условия его работы весьма специфичны.

Одна из серьезных проблем включенного наблюдателя — фиксация результатов наблюдения: они (записи, заметки) ни в коем случае не должны попасть в руки (или на глаза) членам того сообщества, куда «включен» наблюдатель.

Здесь не ставится задачи преподавать все методические тонкости современной социологии. Тем не менее, стоит упомянуть еще одну разновидность метода наблюдения. В отличие от рассмотренных ранее, эта разновидность вполне современна и имеет автора — человека, который использовал этот метод и методологически осмыслил его. Речь идет о «**наблюдающем участии**» или «познании через действие».

Предоставим слово автору этой разновидности наблюдения, Андрею Николаевичу Алексееву: «Разумеется, эта формула — всего лишь одно из выражений фундаментальной эпистемологической идеи, восходящей еще к античности. Но особенно актуализировалась эта идея в последние десятилетия. Нашим собственным вкладом и частно-научным применением столь общего тезиса (в рамках социологической науки) является, по-видимому, то, что в книге названо **наблюдающим участием**³⁸ (в отличие от традиционного метода включенного или участвующего наблюдения). ... наблюдающее участие предполагает исследование социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования. Причем, в отличие

³⁷ Петров Э. П. Метод наблюдения в социологическом исследовании. (Глава 1, Глава 2) // **Методы сбора информации в социологических исследованиях**. Кн. 2. М.: Наука, 1990,

³⁸ Здесь и далее в цитатах — выделения шрифтом принадлежат А. Алексееву

от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не «извне», а «изнутри» ситуации»³⁹.

Таким образом, принципиальным отличием этой разновидности наблюдения от описанных выше является, во-первых, тот факт, что исследователь (S1) «не прячется» от наблюдаемых (как в ситуации внешнего наблюдения); а, во-вторых, не выдает себя за кого-то иного (как в ситуации включенного наблюдения), и работает «в открытую». Более того, оставляет за собой право на известную провокацию. «Особое место здесь занимает исследовательская практика, названная нами методом **моделирующих ситуаций**. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса»⁴⁰. Уже здесь происходит «слияние» двух методов: наблюдение + action research. Это одна из особенностей современного этапа развития социологии.

Не буду обсуждать достоинства и недостатки этой разновидности наблюдения, скажу только, что этот метод, кроме высокого профессионализма, требует от исследователя и столь же высокого человеческого и гражданского мужества⁴¹.

Диагностическое интервью поместим в нижней части схемы сразу за методом наблюдающего участия. Уже название говорит о его медицинском происхождении. Впрочем, этот вид интервью характерен не только для медицины, он используется также в образовании и в криминалистике, может применяться и в других областях. Действительно, что такое школьный ответ у доски в классе, или студенческий зачет, или экзамен, как не диагностическое интервью. Разница лишь в том, что диагностируется не состояние здоровья, а состояние знаний. Или, что такое допрос следователя?

Между ними есть много принципиально общего. Во-первых, есть два субъекта, права и обязанности (роли) каждого из них четко «прописаны» в культуре и, что особенно важно — практически безоговорочно приняты обоими субъектами. Если вам не нравится ваш участковый врач, вы имеете возможность либо пойти на прием к другому, либо вообще пойти на прием к знахарке бабе Нюре. Но суть ничуть не изменится: вам нужна помощь и вы хотите её получить. И даже если вы очень застенчивый человек, врачу или знахарке вы ответите даже на интимные, неудобные для вас вопросы.

³⁹ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1 — СПб.: Норма, 2003, с. 13. См. так же А. Н. Алексеев Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: 1997. — 76 с.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Если Вы возьмете на себя труд внимательно прочесть хотя бы первый (из четырех) том книги А. Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», то сможете понять справедливость данной здесь оценки.

Потому, что вы приняли свою роль пациента и признали за партнером роль лекаря.

Во-вторых, диагностическое интервью основано на знании, которым обладает субъект-1. В соответствии с этим знанием он(а), основываясь на ваших сообщениях, выдвигает гипотезы. Последующие его вопросы направлены на оперативную проверку этих гипотез. Понятно, что кроме вопросов, врач может направить вас на сдачу каких-либо анализов, он может посмотреть на ваше горло, или прослушать ваши легкие. Но это уже «побочные» или дополнительные действия, без которых проверить оперативные гипотезы и поставить точный диагноз трудно, а может быть и невозможно.

И хотя для социологии диагностическое интервью не характерно, сказать о нем здесь необходимо именно для того, чтобы лучше понять фундаментальные свойства и особенности интервью, как метода познания, как метода сбора первичной информации.

Теперь на некоторое время оставим нижнюю часть схемы и перейдем к её верхней части. Примерно на уровне диагностического интервью разместим **невербальные тесты** или «тесты действия». Свое начало этот метод обретает в физиологии и психологии. Его задача — изучение (измерение, оценка) различных психологических свойств человека, прежде всего, реакций на внешние раздражители. Собственно в социологических исследованиях эти тесты практически не используются.

Психологические тесты, как правило, включают серию тестовых заданий, направленных на описание, изучение или измерение какого-либо определенного психологического свойства индивида. Другое дело, что затем, обобщая результаты тестирования, можно обнаружить некоторые специфические особенности проявления изучаемого свойства у каких-либо групп испытуемых, т. е. подняться от индивидуальных оценок, к групповым. Опосредующим элементом выступают само тестовое задание и инструктор, который дает пояснения, как работать с этим заданием и контролирует процесс тестирования.

Простейший пример теста. На экране прибора с определенной регулярностью появляются цифры. Задача испытуемого состоит в том, чтобы определить четность, появившегося на экране числа и нажать на пульте правую кнопку, если число четное, или левую — если число нечетное. Прибор фиксирует правильность реакции и её скорость, т. е. замеряет время между появлением числа на экране и нажатием кнопки испытуемым.

подавляющее большинство психологических тестов предполагают индивидуальные испытания. Впрочем, есть и групповые тесты. Так, в начале 1970-х годов психологи тартуского университета разработали прибор для тестовой оценки согласованности поведения в небольших (от 3 до 6 человек) группах. На металлической пластине изолятором нанесен рисунок (например, спираль). Иглу специального бегунка испытуемые с помощью веревочек должны провести по этой спирали с наименьшим числом ошибок. В случае ошибки (когда игла соскальзывает с изолятора), замыкается электрическая цепь и на

бегунке начинает резким светом мигать лампочка и громко звенеть школьный звонок (который и мертвого разбудит). Естественно, эти эффекты создают у испытуемых определенный стресс. Руками трогать бегунок запрещено, но испытуемые могут общаться друг с другом, давать советы и т. п. Исследования психологов показали, что группа, которая успешно справляется с этим заданием, столь же успешно может работать и в условиях длительной изоляции (скажем, в космическом полете или в отсеке подводной лодки).

Очевидно, что субъект-1 обладает здесь большой степенью свободы: именно он создает тестовые задания, он руководит процессом тестирования. Его взаимодействие с испытуемыми носит функциональный характер, особенно если испытуемые дали добровольное согласие на участие в тестировании. Собственно их свобода этим согласием и ограничивается.

Вербальные тесты, т. е. тесты словесные ограничивают свободу субъекта-1 в большей степени и требуют учета ряда важных факторов: прежде всего, состояния культуры общества. Вербальные тесты можно квалифицировать как тесты квази-действия⁴².

«История применения тестов в советской психологии — это целая эпопея. — пишет в книге «80 лет одиночества» Игорь Семенович Кон. — Долгие годы никакой психометрики не было вовсе, все «буржуазные» методы отрицались в принципе. Затем психологи постепенно стали пользоваться тестами. Но сразу же возникли трудности. Во-первых, где взять серьезные тесты, в западных магазинах их кому попало не продавали, а ведь нужен еще и ключ? Во-вторых, как их адаптировать к нашим условиям?

Мне тесты присылали зарубежные друзья-психологи, вроде Юрия Бронфенбреннера, и я тут же их передавал нашим психологам. Но применять их без адаптации и валидизации было невозможно, а разные адаптации часто изменяли тест до неузнаваемости. Психологи из Института им. Бехтерева рассказывали мне, что сначала они получили тест ММПИ без ключа. Перевели, попробовали — вроде бы и так хорошо работает. А когда получили ключ, выяснилось, что шкалы, с которыми они работали, меряют совсем не то, что им казалось.

Кеттелл и Айзенк, конечно, проще, чем ММПИ, но если по стране гуляет несколько разных вариантов одного и того же теста, сравнивать ничего уже невозможно, а сравнимость — главное, а то и единственное достоинство тестовых методик.

На каком-то психологическом совещании я тогда говорил, что если бы в Англии XVIII–XIX веков существовала наша система, человечество до сих не имело бы автомобиля. Почему? Чтобы запустить двигатель в производство,

⁴² В предыдущей лекции была приведена таблица «Континуум опросных методов» В. Голофаства. Там, в частности, употреблялись такие слова: ответы респондента, квази-ответы и т. п. Ответы на вербальные тесты могут не совпадать с реальным поведением человека в схожей ситуации, поэтому мы и говорим здесь о квази (как бы) ответах.

необходим ГОСТ, а для этого нужно как-то измерить мощность двигателя. Наивные англичане стали измерять ее в лошадиных силах. Но что такое «лошадиная сила»? Разве она одинакова у арабского скакуна, племенного тяжеловоза и колхозной клячи? Конечно, нет. Если бы парадом командовали мы, философский спор продолжался бы до сих пор. А если нет единицы измерения, не может быть ГОСТа, а, следовательно, и двигателя.

С тестами в нашей психологии и сейчас не все гладко. Конечно, есть формально утвержденные международные тесты. Но на покупку и отработку нового инструментария денег зачастую нет. В результате начинается самодеятельность, которая сама по себе может быть даже талантлива, но только сравнивать полученные результаты будет не с чем. Недавно мне попалась на глаза интересная статья с применением теста маскулинности, данные в целом были правдоподобны, но все специальные термины имели какой-то странный, непривычный смысл. Спросил специалистов — говорят, что автор использовал плохую адаптацию устаревшего теста, каким никто в мире не пользуется»⁴³.

Наиболее популярными вербальными тестами являются IQ, тест Кеттела и ММРІ (Миннесотское многофакторное персональное интервью). На примере последнего мы и рассмотрим особенности этого метода. Дело в том, что в отличие от многих других вербальных тестов, ММРІ основан на очень простых теоретических основаниях, а в большей мере — на опыте практикующих психиатров.

Во-первых, к тому времени, когда создавался этот тест, было известно, что существует 10 психических заболеваний; во-вторых, у любого человека можно обнаружить симптомы (признаки) любого из этих заболеваний. Когда эти симптомы обнаруживаются в стрессовых (экстремальных) ситуациях — это не свидетельствует о заболевании. Но когда симптомы проявляются в обычных ситуациях, когда разные симптомы какого-либо из этих заболеваний проявляются более или менее регулярно, то человек либо предрасположен к данному психическому заболеванию, либо уже болен. Вот и все теоретические предпосылки, стоящие за этим тестом.

Однако диагностика психических заболеваний в конце XIX-го — начале XX-го веков представляла большую проблему для психиатров. И когда в конце XIX-го века было создано американское психиатрическое общество, одной из первых своих задач это общество посчитало облегчение и совершенствование диагностики психических заболеваний. Для решения этой задачи была создана рабочая группа. Члены этой группы предложили практикующим психиатрам взять 10 листов бумаги, на каждом из них написать название одной из десяти известных болезней и под этим названием выписать в свободной форме симптомы, которые позволяют им ставить именно этот диагноз.

⁴³ Кон И. 80 лет одиночества. — М.: Время, 2008, с. 256–257

Поскольку проблема точной диагностики волновала всех участников этой работы, то эксперты (практикующие психиатры) отнеслись к ней вполне серьезно. В результате был создан список, содержащий несколько тысяч симптомов. Упорядочив этот список (по заболеваниям и по частоте упоминаний), члены рабочей группы разослали их экспертам с просьбой оставить в списке по 50 симптомов на каждое заболевание, которые, по их мнению, оказываются наиболее эффективными для диагностики. Это была первая итерация. В конечном счете список был доведен до тысячи симптомов (по 100 на каждое из 10 основных психических заболеваний).

Но ведь эксперты описывали эти симптомы весьма пространно. Эта тысяча симптомов занимала несколько десятков страниц, и работать с этим списком было чрезвычайно трудно. Тогда решили переформулировать описания этих симптомов в дихотомические вопросы, т. е. такие, на которые нужно дать простой ответ: «да» или «нет». В первом варианте, который был допущен к клиническим испытаниям, содержалось около 800 вопросов. Т. е. около 200 симптомов оказалось невозможно привести к форме дихотомического вопроса. После клинических испытаний в каноническом тесте осталось 656 вопросов. Естественно, в одних случаях ответ «да» свидетельствовал о наличии данного симптома, а в других случаях об этом свидетельствовал ответ «нет». Поэтому к списку вопросов прилагался «ключ».

Клинические испытания показали, что вопросник дал возможность построить 10 основных диагностических шкал (по числу заболеваний), заметно повысивших точность их диагностики. Но, кроме основных, психиатры, построили еще около 200 дополнительных шкал, с помощью которых измерялись отдельные психологические характеристики пациентов. Итак, этот тест, созданный на базе английского языка, оказался весьма эффективным инструментом диагностики психических заболеваний и оценки психологических черт человека.

Применяются разные формы работы с тестом: либо его заполняет самостоятельно сам пациент, либо заполнение происходит в форме опроса: врач задает вопросы и фиксирует в бланке ответы пациента. Таким образом, здесь имеем дело, как и в первом случае с комбинированным посредником между S1 и S2.

Вдохновленные эффективностью американского теста европейские психиатры с энтузиазмом перевели вопросы теста на соответствующие языки и... тест перестал работать. Пришлось вернуться к исходному описанию симптомов, и их переводить на соответствующие языки, а затем уже самостоятельно приводить их к форме дихотомических вопросов на языке соответствующей страны. Эта процедура получила название адаптации теста. Во многих европейских (и не только европейских) 50-е — 60-е годы психиатры и психологи активно занимались адаптацией этого теста.

И дело здесь в том, что каждый национальный язык — продукт разных культур, обычаев, традиций и условий жизни. Скажем, в русском языке есть

не более полутора десятка слов, обозначающих снег. А в языках народов севера для обозначения снега существует около сотни слов. Когда мы хотим сказать, что человек делает глупость, мы говорим: «Ты бы еще прошлогодний снег поискал». А в языках народов, живущих в заполярье, есть специальное слово, обозначающее именно прошлогодний снег. Потому что прошлогодний снег в заполярье — это реальность, и он обладает свойствами, которых у свежего снега нет.

Или другой пример, в русском языке есть менее десятка слов для обозначения верблюда, тогда как в арабских языках их больше полусотни. А для обозначения основного корма верблюдов — верблюжьей колючки — в арабских языках более сотни слов. Еще пример, русский язык беден в том отношении, что в нем мало слов для обозначения цветов и их оттенков: подавляющее большинство таких слов заимствовано русским языком из других языков (арабского, французского, индийского и т. д.).

И вот ситуация из опыта адаптации теста ММРІ к русскоязычной культуре. В первом варианте русскоязычного теста (ориентировочно начало 1970-х) среди вопросов был и такой: «Любите ли Вы охотиться на львов в Африке?». Как бы человек не ответил — он, определенно, не очень здоров. Ответ «да» — а где это Вы, любезнейший, успели полюбить это занятие? Ответ «нет» — а когда это Вы, любезнейший, сумели разлюбить это занятие и почему? И такого рода несуразностей в первом варианте русскоязычного теста было немало. Теперь их уже нет, и русскоязычный тест работает не хуже англоязычного.

В социологических исследованиях, конечно же, вербальные тесты такого типа и такого уровня не используются (очень уж «дорогое» удовольствие, да и дисциплина, и теоретические её основания совершенно другие). Функции вербальных тестов в социологии выполняют прожективные (или проективные, т. е. условные) вопросы и их блоки. Такие вопросы начинаются со слов «Представьте, что...». Впрочем, есть специалисты, которые разрабатывают для социологии относительно короткие вербальные тесты, содержащие блоки (не более 30–40) вопросов. Так, широко используются в социологии методики «локус-контроля» (или контроля ответственности), для исследования социальных установок и ценностных ориентаций в форме вербальных текстов. Например, в исследовании «Ваша семья» (1978)⁴⁴ использовался следующий блок вопросов (своеобразный вербальный тест):

Как, по вашему мнению, нужно вести домашние дела?

- *Кто-то один должен управлять всеми домашними делами.*
- *Все домашние дела нужно распределять поровну между всеми членами семьи.*
- *Всеми домашними делами должна руководить женщина.*
- *Всеми домашними делами должен заведовать мужчина.*

⁴⁴ Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб.: Алетейя, 2006. — с. 220–233

- *Каждый должен делать дома только то, что ему нравится.*
- *Каждый должен делать дома то, что нужно другим членам семьи.*
- *Нет дел в доме только мужских или только женских.*
- *Любую проблему в семье супруги должны решать только вместе.*

Каждое суждение сопровождалось однотипной шкалой согласия следующего вида:

- Совершенно неправильно
- Пожалуй, неправильно
- Это так и не так
- Пожалуй, правильно
- Совершенно правильно.

Результаты обработки этого блока вопросов (теста) позволили выявить доминантную ориентацию на традиционные или современные семейные ценности.

Анкетные опросы

С анкетами человек сталкивается часто. Даже для получения свидетельства о рождении нового человека, его родители заполняют анкету, т. е. официальный бланк, куда надо вставить свои данные и данные о ребенке. А потом — разные государственные и негосударственные службы опрашивают нас бесчисленное множество раз, и каждый раз мы заполняем разнообразные анкеты. Поэтому не очень понятно, почему анкетный опрос считается *социологическим* методом.

Пожалуй, первый анкетный опрос, который упоминается в исторической литературе, состоялся в Китае чуть-ли не в третьем веке до нашей эры, когда один из китайских императоров решил узнать, сколько же у него поданных и приказал провести перепись населения. Естественно, ни о какой социологии тогда и речи не было.

И все-таки не только в массовом, но и в профессиональном сознании социология четко ассоциируется именно с анкетными опросами, хотя «родина» этого метода — государственное управление в любых его формах. У разработчика анкеты (S1) много степеней свободы, но немало и ограничений. Кстати, сам метод является источником этих ограничений⁴⁵.

На схеме 1 центральное место этому методу отводится по ряду причин. Во-первых, это действительно самый популярный среди социологов метод (хорошо это или плохо — другой вопрос). Во-вторых, как видно по нашей

⁴⁵ Об этом мы говорили на предыдущем занятии, когда речь шла о достоверности и надежности социологической информации, которую мы получаем непосредственно от людей (респондентов). Естественно, речь идет об анкетах, которые не содержат тех ошибок, о которых говорила Элизабет Ноэль-Нойман — мы имеем в виду профессионально и квалифицированно разработанные анкеты.

схеме, у него много разновидностей. В-третьих, социологические анкеты существенно отличаются от анкет, исходящих от бюрократии. И, наконец, в-четвертых, и по избранному критерию, этот метод, с моей точки зрения, должен находиться именно в этом месте на схеме.

В подавляющем большинстве случаев анкета заполняется респондентом самостоятельно и сама анкета выполняет функцию посредника между S1 и S2.

Раздаточная анкета получила свое название потому, что её действительно раздают респондентам анкетеры, которые дают также необходимые пояснения и инструкции. Каждый анкетер получает так называемое квотное задание или список респондентов, которых он должен опросить. Таким образом, опрос с помощью раздаточной анкеты позволяет заранее четко планировать выборку и оперативно получать большие объемы репрезентативных данных.

Почтовый опрос. Из этого названия с очевидностью следует, что анкета доставляется респондентам по почте. Мировой опыт свидетельствует о том, что простая рассылка анкет по почте, обеспечивает возврат порядка 30% анкет. Понятно, что в этом случае контролировать процесс опроса значительно труднее, чем при раздаточной анкете. И, тем не менее, в мировой практике выработан ряд процедур, который позволяет значительно повысить возврат анкет. Обобщение и обогащение этого опыта содержится в небольшом репринте, который вышел в Ленинграде в 1986 году под грифом Института социально-экономических проблем АН СССР⁴⁶.

Но, кроме определенных технических и организационных приемов, существенным фактором повышения эффективности этого метода является актуальность тематики самого опроса. В 1988–1989 гг. по заказу Союза Финских предпринимателей мы проводили исследование, которое назвали «Что Вы знаете о Финляндии?» и решили провести его с помощью почтового опроса. Поскольку опрос проходил среди ленинградцев и жителей Выборга (вблизи от границы с Финляндией), мы решили, что почтовый опрос будет наиболее адекватным этой теме методом. И не ошиблись: тема оказалась настолько актуальной, что возврат анкет по почте составил более 80 %. Более того, примерно через полгода после того, как мы уже обработали материалы этого исследования, мы получили еще около 12 % анкет. Оказалось, что в момент рассылки анкет, эти люди были в длительных командировках или в отпусках, а вернувшись, получили наши анкеты и тут же ответили на все вопросы и прислали нам свои анкеты. Таким образом, суммарный возврат анкет составил около 92 %.

Прессовый опрос⁴⁷, т. е. опрос, в котором анкеты публикуются в средствах массовой информации (СМИ), газетах или журналах. Первое существенное

⁴⁶ Докторов Б. З. Подготовка и проведение почтового опроса. (Препринт). Л., 1986.

⁴⁷ Все, что сказано ниже имеет прямое отношение и к опросам с помощью электронной почты (e-mail)

ограничение свободы исследователя — количество вопросов, которое можно включить в прессовую анкету (особенно через газеты, которые имеют ограниченную площадь). Второе ограничение состоит в том, что тема исследования должна соответствовать основной тематике издания. Третье, и, пожалуй, самое главное — с помощью прессовых опросов очень трудно получить репрезентативные данные: «естественные» выборки прессовых опросов, как правило, оказываются «скошенными»: во-первых, в сторону лиц более солидного возраста; во-вторых, в сторону женщин (они — активнее мужчин отвечают на вопросы анкет) и, наконец, в третьих, на прессовые анкеты реагируют наиболее активные и наиболее радикально настроенные граждане и читатели.

Здесь исследователь практически лишен возможности эффективно контролировать сам процесс опроса. Тем не менее, и здесь есть надежный инструмент воздействия на респондентов — актуальная для них тематика. В 1983–1984 гг. мы проводили опрос ленинградцев по чрезвычайно актуальной проблеме: «Жилище — 2000» (научный руководитель исследования — В. Б. Голофаст). И опубликовали одну и ту же анкету в двух городских газетах («Ленинградская правда», орган ОК КПСС, и «Вечерний Ленинград», орган ГК КПСС). Аудитории этих газет пересекались, но не совпадали. Кроме того, в Ленинграде в то время выходили еще несколько газет: молодежная газета «Смена», газета «Ленинградский рабочий», газета ленинградского военного округа «На страже Родины» и газета управления внутренних дел «Ленинградская милиция», которая имела довольно широкую подписку. Проанализировав социальную структуру подписчиков всех этих газет, мы пришли к выводу, что для того, чтобы получить удовлетворительную репрезентацию городского (списочного) населения, достаточно аудиторий именно двух газет, которые названы выше. И, действительно, в течение очень короткого времени мы получили более 12 тысяч полностью заполненных анкет. Конечно, эта выборка была «перекошена», но её объем позволил с минимальными потерями «отремонтировать» выборку (т. е. привести её в соответствие с параметрами генеральной совокупности — «списочного» населения Ленинграда) и получить право на распространение результатов опроса на все население Ленинграда (в обработку было принято более 10 тыс. анкет).

Телефонный опрос. Первое ограничение для использования данной разновидности опроса — не везде есть телефон, но даже там, где телефоны в принципе есть, не везде телефонная связь устойчива. (Сегодня: стационарный телефон «уходит», а как работать с мобильными?) Второе существенное ограничение — продолжительность опроса по телефону (это эмпирически установлено) не может продолжаться более 15–20 минут (некоторые агентства пытаются, но плохо кончается). Третье состоит в том, что респондент в любую минуту может прекратить разговор — просто бросить трубку.

Несомненное достоинство этой разновидности опроса состоит в том, что если при этом используются современные машинно-программные комплек-

сы типа CATI или BellWev, удается избежать массы рутинных операций (кодирования, ввода данных), а, стало быть, и лишних ошибок, а также заметно сокращаются сроки проведения опроса

Кстати, в 1989 году, когда мы в Хельсинки представляли результаты своего исследования «Что Вы знаете о Финляндии?», после того, как журналисты разошлись с брифинга, мы остались один на один с финскими и шведскими социологами. Наконец-то, состоялся серьезный профессиональный разговор. Зашла речь и о телефонных опросах. Наши западные коллеги высказывали много сомнений в достоверности результатов телефонных опросов. Должен сказать, что нам удалось убедить своих западных коллег в том, что дело не в способе общения, а в квалификации исследователей-социологов, в том, насколько корректно составлены вопросы, насколько учтен в самой методике менталитет потенциальных респондентов, насколько квалифицированы и корректны анкеры.

On-line опросы — опросы через интернет. Вполне современный метод опроса. Если еще относительно недавно его распространение было ограничено по причине низкой доступности интернета для большинства пользователей, сегодня это препятствие энергично преодолевается за счет прогресса компьютерной техники, и современных средств связи. Не преодолено другое препятствие — низкая квалификация тех, кто прибегает к on-line опросам. К числу типичных ошибок можно отнести, во-первых, длительность предъявления анкеты на сайтах. Когда анкета «висит» на сайте больше месяца, доверие к результатам весьма сомнительно. Нет уверенности, что на анкету ответило, указанное счетчиком число респондентов: наверняка, кто-то ответил на неё не один раз (память-то у нас — «девичья», кто же точно вспомнит, что именно эту анкету уже заполнял). Во-вторых, авторы on-line анкет часто ошибаются с определением типа признака: для многоальтернативных признаков задают формат «радио-кнопки» вместо формата «логическое поле» или не оставляют достаточного места для ответа на открытые вопросы.

Тем не менее, у этой разновидности анкетных опросов видится богатая перспектива. Однако остается открытым вопрос о правилах и принципах формировании выборки.

Специфический сюжет — **экспертные опросы**. Задумаемся над смыслом слова «Эксперт». Это не просто специалист, это — специалист самой высокой квалификации. Врачей у нас в стране сотни тысяч, но когда медики встречаются с действительно сложным случаем, созывается консилиум, на который приглашают самых квалифицированных, самых опытных врачей соответствующих узких специализаций — экспертов. Должен заметить, что эксперт — «довольно редкий зверь». Поэтому, если социолог заявляет, что он проводит экспертный опрос, он обязан четко сформулировать критерии, которые позволяют ему того или иного специалиста считать экспертом. Это первое и очень важное ограничение его свободы. Другая особенность экспертного опроса состоит в том, что при общении с экспертами (высококвали-

фицированными специалистами из других областей деятельности) социолог должен найти с ними такой язык, который будет понятен и социологу, и эксперту, работающему в другой области. Иначе это будет диалог глухих.

Третья особенность экспертного опроса: взаимодействие с экспертами практически никогда не бывает одномоментным, но — в идеале, — всегда разворачивается, как определенная последовательность шагов. Эксперт по своему статусу (по квалификации, по уровню знаний), как минимум, равен, привлекающему его к сотрудничеству, социологу. Его нельзя использовать «в темную», он должен знать, что хочет исследовать социолог, понимать, какую именно помощь он может оказать социологу, какие именно профессиональные знания он для этого должен актуализировать.

И, наконец, четвертая особенность экспертного опроса состоит в том, что эксперты (в силу своей уникальности) каким-то образом распределены на территории нашей необъятной Родины и практически нет возможности собрать их в одном месте. Поэтому (для оперативности) экспертные опросы — это, как правило, опосредованное взаимодействие между двумя субъектами (с помощью почты или — теперь — по электронной связи).

В начале перестройки нам с И. И. Травиным⁴⁸ довелось участвовать в проекте под руководством В. С. Глазычева⁴⁹, посвященном социальным аспектам градостроительства. Мы решили, что экспертный опрос для этого проекта — наиболее адекватный метод. В качестве экспертов были избраны главные архитекторы крупных городов, а также директора и главные архитекторы институтов, разрабатывающих именно градостроительные проекты. Однако в число экспертов не включались руководители отраслевых институтов, таких как «Гипроникель», «Гипробум», «Гипроинжпроект» и т. п. Кроме того, были использованы некоторые дополнительные критерии, в частности, наличие у экспертов не менее десяти лет стажа именно в области градостроительства.

На первом этапе были разосланы очень простые анкеты, которые должны были помочь сформировать корпус экспертов. На втором этапе (уже только экспертам) было разослано информационное письмо, в котором излагались основные программные положения проекта, и просьба дать согласие для участия в нем именно в качестве экспертов. На третьем шаге эксперты получили первые содержательные вопросы и задания. В частности, мы просили экспертов нарисовать план-схемы их городов и провести зонирование по разным основаниям: историческим, функциональным, географическим и т. п.

⁴⁸ Игорь Иванович Травин (1936–2016), к. ф. н., в то время зав. сектором социальной структуры и образа жизни СИ РАН

⁴⁹ Вячеслав Леонидович Глазычев (26 февраля 1940–5 июня 2012) — доктор искусствоведения, профессор Московского архитектурного института, Был секретарём правления Союза архитекторов СССР, ведущим научным сотрудником Научного центра теории и истории архитектуры и градостроительства.

И только на четвертом этапе экспертам были заданы конкретные вопросы по главной теме проекта. Но и на этом работа с экспертами не заканчивалась.

Несколько иначе строилась работа с экспертами в исследовании театральной жизни Ленинграда (1977–1988 гг.)⁵⁰, но и здесь собирать вместе экспертов — театральных критиков и театроведов — не было необходимости.

Однако экспертный опрос может найти место и в нижней части схемы 1, это, в частности, **Метод мозгового штурма** (мозговой штурм, мозговая атака, от англ. *Brain storming*) — оперативный метод решения проблемы на основе стимулирования творческой активности, при котором участникам обсуждения предлагают высказывать как можно большее количество вариантов решения, в том числе самых фантастических. Затем из общего числа высказанных идей отбирают наиболее удачные, которые могут быть использованы на практике.

Правильно организованный мозговой штурм включает три обязательных этапа. Этапы отличаются организацией и правилами их проведения:

Постановка проблемы. Предварительный этап. В начале этого этапа проблема должна быть четко сформулирована. Происходит отбор участников штурма, определение ведущего и распределение прочих ролей участников в зависимости от поставленной проблемы и выбранного способа проведения штурма.

Генерация идей. Основной этап, от которого во многом зависит успех всего мозгового штурма. Поэтому очень важно соблюдать правила для этого этапа:

- главное — количество идей;
- полный запрет на критику и любую (в том числе положительную) оценку;
- необычные и даже абсурдные идеи приветствуются.

Группировка, отбор и оценка идей. Этот этап часто забывают, но именно он позволяет выделить наиболее ценные идеи и дать окончательный результат мозгового штурма. На этом этапе, в отличие от второго, оценка не ограничивается, а наоборот, приветствуется. Методы анализа и оценки идей могут быть очень разными. Успешность этого этапа напрямую зависит от того, насколько «одинаково» участники понимают критерии отбора и оценки идей.

Для проведения мозговой атаки обычно создают две группы:

- участники, предлагающие новые варианты решения задачи;
- члены комиссии, обрабатывающие предложенные решения.

В процессе мозгового штурма, как правило, вначале решения не отличаются высокой оригинальностью, но по прошествии некоторого времени типовые, шаблонные решения исчерпываются, и у участников начинают возникать необычные идеи. Ведущий записывает или как-то иначе регистрирует все идеи, возникшие в ходе мозгового штурма. Затем, когда все идеи выска-

⁵⁰ См. труды группы «Социология и театр» при ЛО ВТО.

точки зрения и позиции респондентов. И хотя многие авторы утверждают, что использовали в своем исследовании глубокое интервью, думаю все-таки, что этот тип интервью встречается крайне редко. Обычно это делается на разведывательном этапе в виде двух-трех попыток. В подавляющем большинстве случаев под этим именем выступает другая разновидность, а именно **фокусированное интервью**.

Эта, последняя, разновидность интервью родилась также в недрах психоанализа и представляет собой как бы второй шаг в работе психоаналитика. Если ему на стадии глубокого (клинического) интервью удалось выдвинуть определенную гипотезу относительно причин психического расстройств пациента, он **фокусирует** свое внимание именно на них. Естественно, степеней свободы здесь меньше, прежде всего, они ограничиваются тематической ориентацией. В отличие от психоаналитика, внимание социолога всегда априори сфокусировано на определенной проблеме. Не случайно в книге С. А. Белановского, адресованной именно социологам, которая называется «Глубокое интервью», речь в основном идет о фокусированном интервью. Так что содержание этой книги не соответствует её названию, хотя она, безусловно, заслуживает самого пристального внимания.

В первых главах книги Белановский сетует на пренебрежительное отношение к так называемым качественным методам, которые воспринимаются как дополнительные (подготовительные) по отношению к количественным. Однако в последней главе, тем не менее, рекомендует использовать глубокое интервью «для повышения адекватности количественного инструментария» в качестве пилотажа опросных методик.

Следующая разновидность — **стандартизованное интервью** — первоначально и являлось именно такой, вспомогательной процедурой, которая основываясь на «жесткой» анкете дополнялась наблюдением за реакциями респондента, возможностью и необходимостью задавать уточняющие вопросы. И, тем не менее, степени свободы исследователя здесь ограничены пилотируемой (отрабатываемой) анкетой: вопросы он обязан задавать в одних и тех же формулировках, в одной и той же последовательности всем респондентам.

Впоследствии функция пилотажа как бы утратила свое доминирующее значение и стандартизованное интервью приобрело самостоятельный характер. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, усложнение исследовательских задач (кстати, не всегда оправданное), а, во-вторых, «жадность» исследователя (часто весьма обоснованная)⁵². В этой ситуации

⁵² В советское время, чтобы получить доступ к респондентам (разрешение), социологи должны были пройти много инстанций. Поэтому, получив это разрешение и не будучи уверенными в том, что в скором времени снова смогут его получить, они были вынуждены действовать по незатейливому принципу, формулировку которого я вычитал в одном из девичьих альбомов 50-х годов: «Ура! И мы в альбом попали! Пиши рука, пиши нога! Пока нас в шею не прогна!».

анкеты оказывались перенасыщенными информацией и выглядели как объемистая брошюра (до 30–40 страниц, а то и больше). Ни один нормальный человек был не в состоянии самостоятельно и добровольно заполнить такие анкеты, а отказать анкетеру, который находится «при исполнении» для вежливого человека как-то неловко. Конечно, я слегка утрирую ситуацию. Тем более, что стандартизованные интервью (как основной метод сбора первичной информации) применялись не только отечественными, но и западными социологами.

В качестве примера, сошлюсь на исследование 1974 года «100 вопросов о Вашей жизни», проведенное в Ленинграде под руководством А. Н. Алексеева именно с помощью стандартизованного интервью⁵³. Методика занимала 106 страниц, опрос одного респондента занимал в среднем 1,5–2 часа (самое короткое интервью уложилось в 50 минут, самое долгое заняло более шести часов). Правда, стоит отметить, что в этом исследовании, кроме основных задач, решались задачи и методического характера. Впервые в этом интервью традиционные вопросы о частоте поведения задавались респондентам в форме «лесенки», которая строилась следующим образом:

«86. а) Сколько раз Вы были в кино:

за последнюю неделю

(т. е. за последние 7 дней)?

_____ раз. Ни разу

(если ни разу} за последние 2 недели?

_____ раз. Ни разу

(если ни разу) за последний месяц?

(если ни разу) за последние 3 месяца?

_____ раз. Ни разу

(если ни разу) Припомните, пожалуйста, когда в последний раз Вы были в кино.

86. б) Обычно Вы бываете в кино:

Чаще. Реже. Примерно столько же

в) 3 года назад Вы бывали в кино:

Чаще. Реже. Примерно столько же»⁵⁴.

Очевидно, что и респондентам существенно легче вспомнить события последних дней и недель, и исследователь получает более точное представление о частоте и периодичности разных форм поведения. Были в этой методике и

⁵³ Было получено 501 интервью в трех районах Ленинграда. Опрос проходил на дому у респондентов. Дома и квартиры отбирались по специальному алгоритму случайным механическим образом.

⁵⁴ 100 вопросов о Вашей жизни, Социологическое интервью, Л.: 1974 г. Руководитель проекта — д. и. н. О. И. Шкаратан. Составители вопросника: к. ф. н. А. Н. Алексеев (руководитель группы), В. Д. Глухов, Т. З. Протасенко, И. В. Рябикова. Куратор сектора методики и техники социологических исследований ИСИ АН СССР О. Б. Божков.

другие новации, которые затем неоднократно использовались при разработке анкет для массовых опросов.

До сих пор мы говорили исключительно о разновидностях индивидуального интервью. В последние годы широкую популярность среди социологов (особенно приверженцев качественных методов) получило групповое интервью — **метод Фокус-групп**⁵⁵ (и его разновидность тест-группы).

Этот метод родился в рамках исследований рынка, для определения и описания «целевых групп» покупателей определенных товаров, для оценки емкости определенных сегментов рынка. Затем этот метод начал достаточно эффективно использоваться в избирательных кампаниях (примерно с теми же целями, что и в изучении рынка). А затем уже был воспринят и социологами. Этот метод стал одним из основных в международном проекте Европейского союза EUREQUAL⁵⁶: «Социальное неравенство и что оно означает для жителей Восточной и Центральной Европы». В 2006–2007 гг. были проведены восемь фокус-групп (четыре в России и четыре в Белоруссии), по две в крупном городе и сельской местности⁵⁷.

Специфика этого метода состоит не только в том, что он имеет дело с группой респондентов, но также в том, что и субъект-1 представлен группой, в которой четко разделены функции и обязанности. Это воистину комплексный метод. В команду, проводящую фокус-группу входят: рекрутер, человек, формирующий группы респондентов; модератор — тот, кто ведет и направляет групповую беседу; супервайзер, наблюдающий за поведением и реакциями участников фокус-группы; инженер аудио- и видеозаписи. Понятно, что в случае фокус-группы степени свободы исследователей ограничены тематикой беседы и особенностями участников, ибо главные фигуры здесь именно участники. И даже в этом — качественном — методе возможны две стратегии поведения модератора: «жесткая», когда он ориентирует участников на себя и не допускает дискуссии между ними; и «мягкая», когда он стимулирует участников именно к дискуссии между ними по поводу любого высказанного суждения.

Завершает обзор интерактивных методов **биографическое интервью**, которое обладает уникальными свойствами. В частности, одна из принципиальных особенностей этого типа интервью состоит в том, что здесь вопросы респонденту — неуместны. Это не значит, что вообще нельзя задавать вопросы, но вопросы могут быть лишь уточняющими, такими, чтобы они не вводили в структуру нарратива **новые темы**, которые не ввел в оборот сам информант (слово респондент здесь явно не подходит).

⁵⁵ См. Белановский С. А. Метод фокус-групп / С. А. Белановский; Ин-т «Открытое общество» (Фонд Сороса) .-М.:Магистр, 1996 .-272 с.

⁵⁶ <http://eurequal.politics.ox.ac.uk>

⁵⁷ В каждой фокус группе участвовало по 12 человек, четыре группы проведены с респондентами со средним доходом, четыре — с низким доходом. Выборка была выровнена по полу, возрасту и занятости.

Это обстоятельство требует более пространного комментария. Описать свою жизнь (биографию) невозможно по той простой причине, что очень многое в нашей жизни происходит незаметно для нас самих — на «автомате», на стереотипах. И когда мы все-таки пытаемся описывать свою жизнь, в это описание попадают, как правило, отдельные события, которые по разным причинам «зацепились» в нашей памяти. С другой стороны, рассказ о своей жизни — это всегда презентация себя, т. е. некоторая конструкция. И таких конструкций у каждого из нас много. Для отдела кадров — одна, для своих детей — другая, для себя самого — третья, для социолога — четвертая. Каждая из них не только имеет полное право на существование, но и обладает определенной ценностью. Но даже когда некто рассказывает о себе социологу, он не только репрезентирует, но и узнает себя. Кроме того, для социолога в биографическом нарративе важна не только фабула, сколько сама конструкция нарратива, важно не только то, что говорит информант, но и то, о чем он умалчивает. Вопрос «любопытного» социолога нарушает эту конструкцию — искажает её (а иногда пытается разрушить эти «фазы умолчания» и лишает биографическое интервью вообще всякого смысла).

Еще одно важное обстоятельство состоит в том, что биографический нарратив — требует определенной стимулирующей ситуации и в том, что это всегда — диалог. Даже когда человек пишет свою биографию для себя самого (а это бывает) или для своих детей — он ведет негласный диалог. И любой вопрос «со стороны» может невзначай этот диалог разрушить.

Собственно говоря, социологи не часто интересуются полным жизнеописанием людей. Как правило, и те интервью, которые именуется биографическими, в той или иной мере тематизированы — адресованы определенному этапу жизни. Одни социологи акцентируют внимание на жизни людей во время войн, другие — во времена каких-либо социальных потрясений, третьи — на каких-либо определенных жизненных ситуациях (индивидуальных или общественных — социальных), разворачивающихся во времени. Т. е. чаще всего информантам задается определенный ракурс описания их жизни. Это та минимальная тематизация, которая все-таки оставляет информанту пространство для собственной конструкции, для самоидентификации.

Интерес к личным документам (и автобиографии, и дневники, и биографические интервью можно отнести именно к этому классу документов) у социологов пробудился в начале XX-го века. Достаточно вспомнить классику мировой социологии — книгу У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и в Америке» (1918–1920 гг) почти исключительно основанную на личных документах эмигрантов из Польши.

Однако довольно долго исследователи, прибегая к биографическим интервью, пытались выстроить их по универсальным «реперным» точкам: младенчество, детство, школа, получение послешкольного образования (или отсутствие такового), трудовая карьера, построение своей семьи, рождение детей, перемещение в пространстве и т. д. Но материал оказывался бедным и

плоским. В то время как конкурсы биографий, которые активно проводились в Польше (особенно в промежутке между двумя мировыми войнами) давали гораздо более объемную и содержательную информацию. И то обстоятельство, что вопросы нарушают «естественную» самопрезентацию информантов, было осознано только в конце 60-х — середине 70-х годов прошлого века. Это осознание стимулировало новое направление в современной социологии «Устная история» (Oral History).

Сегодня и в западной, и в отечественной социологии биографическая проблематика привлекает внимание многих исследователей. И в рамках международной социологической ассоциации (и в аналогичной европейской) созданы исследовательские комитеты «Биография и общество», которые очень активны, издают специальные журналы, проводят многочисленные конференции и семинары.

Б. З. Докторов пишет: «В 2005 г. возник онлайн-новый американо-российский проект «Международная биографическая инициатива», который концентрируется на истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода. Сайт создан и поддерживается бывшим ленинградцем, профессором социологии Университета штата Невада в Лас-Вегасе Дмитрием Шалиным и мною. Таким образом, проект, зародившийся на страницах «Телескопа»⁵⁸, получил определенное международное развитие»⁵⁹. Борис Зусманович Докторов (в прошлом советский социолог, ныне проживающий в США) недавно издал трехтомник «Современная российская социология. Историко-биографические поиски»⁶⁰. Эта книга содержит не только 44 развернутых биографических интервью представителей четырех поколений российских социологов, но теоретическое и методологическое обоснование биографических исследований и опыт социологического анализа биографических данных⁶¹. В предисловии к этому изданию автор пишет и о самом методе биографических интервью «через океан».

⁵⁸ «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований» издается в Санкт-Петербурге с 1991 года. Зарегистрирован С-З Региональным управлением Комитета РФ по печати 15 декабря 1996. № П 2235, перерегистрирован 12.01.07, свид. о рег. СМИ ПИ № ФС2–8436. Выходит 1 раз в два месяца.

⁵⁹ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=237>

⁶⁰ Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 1: Биографии и история PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 418 с.; Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 2: Беседы с социологами четырех поколений PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 1343 с.;

Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 3: Биографическое и автобиографическое PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 400 с.

⁶¹ Теперь этих интервью уже более 100, и представляют они биографии не четырех, а семи поколений российских социологов.

Самое трудное в биографическом интервью — начало. Ибо не вопросы здесь приходится задавать, а лаконично и внятно поставить задачу перед информантом. Так, чтобы его рассказ не превратился ни в анкету для отдела кадров, ни в описание своих «геройских подвигов», ни в психологический «самоанализ».

Выбор метода сбора первичной информации

Итак, мы разместили на нашей «стройплощадке» почти два десятка методов сбора первичной социологической (и не только социологической) информации. Как видим, у современной социологии достаточно обширный методический арсенал. Конечно, опросные методы (если считать не только анкетные опросы и несколько разновидностей интервью) составляют почти половину этого арсенала. Но ведь и кроме них есть немало других методов.

Да и собственно опросные методы требуют дифференцированного подхода: на каждую исследовательскую ситуацию в зависимости от задачи исследования, его объекта для успеха дела необходимо не просто брать первый попавшийся метод, но тот, который наиболее адекватен и объекту, и предмету исследования. Именно поэтому необходимо понимать существенные особенности разных методов и те ограничения, которые они накладывают и на объект, и на самого исследователя (субъекта-1).

Конечно, этот обзор не полон. Можно добавить метод «открытых вопросов», который активно разрабатывает петербургский социолог Г. И. Саганенко. Она не только пропагандирует этот метод, но и стала инициатором разработки компьютерной программы для обработки ответов на открытые вопросы. И такая программа — Vega — создана и хорошо работает.

Можно также добавить и метод «неоконченных предложений». Этот метод разработан психологами, но некоторые социологи его охотно используют при изучении социальных установок и ценностных ориентаций. Хотя методические проблемы сегодня находят, к сожалению, на периферии внимания социологического сообщества, тем не менее, есть люди, которые думают над этими проблемами, разрабатывают новые методы, пытаются использовать для социологических исследований методы, разработанные в других науках. Иногда это получается.

Есть специализированный журнал — «Социология-4М». Вот эти четыре «М»: методология, методика, математическое моделирование. К сожалению, он выходит всего лишь 2 раза в год. Но это и есть показатель относительно слабого внимания (я бы сказал — пренебрежения) к методологическим и методическим проблемам социологических исследований в нашей стране.

Тем не менее, выбор метода (методов) сбора первичной информации — важный и ответственный момент исследования. Он определяется не столько личными пристрастиями исследователя, его опытом, но, прежде всего, при-

родой изучаемых объекта и предмета данного исследования; ходом и результатами общего анализа проблемной ситуации.

Вопросы к семинару

- В чем сущность субъектных (интерактивных) методов сбора первичной социологической информации? Две формы этих методов
- Почему методы наблюдения занимают в обозначенном пространстве разные места?
- Опишите принципиальные особенности разных видов интервью. Приведите пример исследования, для которого один из этих видов (на ваш выбор) будет наиболее адекватным.
- Назовите (придумайте) тему социологического исследования, которую с наибольшей полнотой может раскрыть применение метода Фокус-групп. Дайте развернутое обоснование своей позиции.
- Найдите примеры социологических исследований, в которых использованы тестовые методики.
- Назовите (придумайте) тему исследования, для которого наилучшим решением было бы применение экспертного опроса. Укажите критерии для отбора экспертов.
- Опишите специфику разных видов анкетного опроса: достоинства и недостатки каждого из видов.

Литература

1. Аверьянов Л. Я. Социология: искусство задавать вопросы. Издание 2-е, переработанное и дополненное. — М., 1998
2. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1 — СПб.: Норма, 2003,
3. Алексеев А. Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: 1997.
4. Анастаси Анна, Сьюзан Урбина. Психологическое тестирование. — 7-е изд. — СПб.: Питер, 2005
5. Белановский С. А. Глубокое интервью: Учебное пособие. М.: Никколо-Медиа, 2001
6. Белановский С. А. Метод фокус-групп / С. А. Белановский; Ин-т «Открытое общество» (Фонд Сороса) .-М.:Магистр, 1996 .-272 с.
7. Голофаст В. Б. Континуум опросных методов //Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Советско-венгерские исследования массовой коммуникации. Том III. Материалы 4-го советско-венгерского симпозиума Ленинград 2–6 июня 1980 г. — Л.: «Наука», 1981. — с. 105–111.
8. Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб.: Алетейя, 2006. — с. 220–233

9. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Метод опроса// Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология. Методология и методы: Учебное пособие. — М., 2009
10. Девятко И. Ф. Диагностическая процедура в социологии: очерк истории и теории — М.: Наука, 1993.
11. Девятко И. Ф. Массовые опросы в социологии// Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. 6-е изд. М.: КДУ, 2010.
12. Девятко И. Ф. Включенное наблюдение//Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. М.:КДУ, 2010. С. 20–62.
13. Докторов Б. З. Подготовка и проведение почтового опроса. (Препринт). Л., 1986.
14. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 1: Биографии и история; Том 2: Беседы с социологами четырех поколений; Том 3: Биографическое и автобиографическое, PDF, М.: ЦСПиМ, 2012.
15. Кон И. 80 лет одиночества. — М.: Время, 2008. — 432 с.
16. Крюгер Р. А., Кейси М. Н. Фокус-группы: практическое руководство. Пер. с англ. М. Вильямс. 2003.
17. Методология и методы социологического исследования. Для студентов, обучающихся по основным образовательным программам уровня «Бакалавриат» по направлению «Социология» /под ред. Дудиной В. И. и Смирновой Е. Э., СПбГУ, 2013. — 297 с.
18. Некрасов С. И. Сравнение результатов онлайн- и офлайн опросов (на примере анкет разной сложности) // Социология: 4М. 2011. №32
19. Онлайн-исследования в России 2.0 / Под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010.
20. Онлайн-исследования в России 3.0 / Под ред. Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г. — М.: Издательский дом «Кодекс», 2012.
21. **Петров Э. П.** Метод наблюдения в социологическом исследовании. (Глава 1, Глава 2) // **Методы сбора** информации в социологических исследованиях. Кн. 2. М.: Наука, 1990,
22. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. — М.: Издательский дом НИУВШЭ, 2012. — 381с.
23. Стребков Д. О. Познавательные возможности онлайн опросов в российской исследовательской практике (на примере опроса интернет-фрилансеров) / Социология: 4М. 2010. No 31.
24. Языв Петербурга, Издательство: Ленинградское отделение Советского фонда культуры, 1990.

ЛЕКЦИЯ 4. ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Разработка инструментария исследования — основное содержание процедурного раздела программы. Если вы хорошо определили (уточнили) ключевые понятия, первый шаг процедурного раздела — операционализация этих понятий. А это значит, что необходимо найти такие индикаторы (показатели), которые принципиально наблюдаемы и могут быть зафиксированы в виде признаков и шкал.

В зависимости от того, как вы операционализировали эти понятия, можно выбрать релевантный этим операционализациям метод (методы) сбора первичной информации⁶². Стоит заметить, что выбор метода зависит не только от этого. Он также зависит от той концепции, в рамках которой вы собираетесь реализовывать свое исследование, и от объекта исследования.

Операционализация понятий и концептуализация наблюдений

Понятия, вынесенные в название этого параграфа, относятся к разным типам данных. Когда мы говорим об операционализации понятий, имеем в виду исключительно построение квантифицированных данных, которые фиксируются с помощью закрытых шкал⁶³. Когда же используем понятие «концептуализация наблюдений», значит, речь идет о качественных данных, которые может быть и возможно привести к закрытым шкалам, но это потребует некоторых предварительных операций, иногда сложного кодирования, например.

В определенном смысле — это «обратные» процедуры. Начнем же именно с процедуры классического исследования позитивистского толка, когда мы отталкиваемся от некоторой дефиниции и начинаем поиск её надежно верифицируемых эмпирических индикаторов (проявлений), т. е. с операционализации понятий.

В классическом исследовании «Человек и его работа» ключевым понятием было «отношение к работе». Очевидно, что спрашивать человека, что на-

⁶² Следует иметь в виду, что для решения одной задачи в рамках исследования может быть использовано более одного метода. Т. е. исследование с самого начала может планироваться, как комплексное.

⁶³ Прим.: «Закрытыми» называются шкалы, содержащие исчерпывающий список ответов на поставленный вопрос

зывается «в лоб»: «Как вы относитесь к своей работе?» — плохая затея. Какой ответ мы может получить на этот «любовой» вопрос? «Хорошо» или «плохо» или «да никак не отношусь». Как говорил мой друг и коллега Леонид Кесельман: «Это нам надо?» Нет, конечно.

А в чем состоит «отношение к работе»? В. А. Ядов предложил такую гипотезу: одни люди воспринимают работу исключительно как источник дохода, обеспечивающий более или менее нормальные условия жизни. А другие — воспринимают её (работу), как возможность реализации своего человеческого потенциала, как некую самооценку. Понятно, что это лишь «полюса» возможного спектра отношений. Ядов и его сотрудники в ходе операционализации этого понятия искали эмпирические референты именно этих различных восприятий с тем, чтобы в конечном итоге выявить ценностные доминанты и четко развести два типа отношения к труду и факторы, которые обуславливают и тот, и другой тип.

Сначала были перечислены и описаны всевозможные характеристики работы. Они включали множество обыденных определений того, что в понимании людей означает «хорошая работа». В этот длинный список вошли, например, такие суждения:

- когда за работу хорошо платят;
- когда работа близко от дома;
- когда хороший дружный коллектив;
- хорошая работа — это работа легкая физически,
- и, напротив, когда работа дает хорошие физические нагрузки;
- когда хороший начальник,
- когда работа разнообразна, а не монотонна;
- и, напротив — когда работа монотонна и не нагружает мозги;
- когда на работу идешь с удовольствием;
- и (вовсе не напротив), когда и с работы идешь с удовольствием.

Этот список потенциальных индикаторов искомого можно продолжать и продолжать. Очевидно, что некоторые из описанных выше суждений, вовсе про что-то другое. Но, что же является неоспоримым проявлением тех фундаментальных свойств работы, которые бы свидетельствовали о ценностных доминантах отношения к работе, как к средству существования или как безусловной самооценки?

В поисках таких неоспоримых проявлений исследователи были неутомимы. Конечно, внимание обращалось и на характеристики самой работы, и на удовлетворенность работника теми или иными её характеристиками. Использовался также проективный (условный) вопрос: «Если бы случилось так, что Вам снова пришлось бы выбирать специальность, то выбрали бы Вы свою нынешнюю специальность?». В одном из польских исследований, коллеги В. А. Ядова (а может быть и он сам) нашли, как казалось, идеальный индикатор, так называемый «польский» вопрос, в котором были сформулированы те ответы, которые интересовали исследователей:

«Какое из названных суждений выражает Ваше мнение?»

- Хороша любая работа, если она хорошо оплачивается.
- Заработок — главное, но надо думать и о смысле работы.
- Нельзя забывать о зарплате, но основное — смысл работы
- Хороша та работа, где ты приносишь больше пользы, где ты необходим».

И, тем не менее, не удалось обойтись одним единственным вопросом. Блок «отношение к труду» включал несколько вопросов, которые затем «сводились» в некие обобщенные индикаторы, или индексы⁶⁴. В частности, был придуман индекс, который исследователи назвали логическим квадратом (см. «Человек и его работа»).

Здесь для нас важно то, что между теоретическим понятием и конкретными вопросами, на которые реально может ответить респондент (и при этом не уйти от ответа, и не обмануть), стоит большая интеллектуальная работа исследователя. Конечно, если он намерен добраться «до истины»⁶⁵. Важно также и то, что отношение, конечно же, может быть хорошим или плохим. Но исследователя всегда интересует не оценочный знак отношения к чему-либо, а исключительно содержательное его (отношения) наполнение.

Эту тему продолжу на примере исследования отношения людей к театру. И здесь дело не в том, хорошее оно или плохое. Применительно к театру (и в целом к искусству) представляется более целесообразным — и более адекватным самому предмету изучения — говорить о степени развитости или не развитости этого отношения.

Начнем с самого простого — отношение к театру проявляется, прежде всего, в том, ходит человек в театр или нет. Иначе, оно подтверждается ногами (ходит или не ходит) и кошельком (покупает билеты или нет), но этого явно недостаточно, чтобы дать оценку этому отношению.

Представим простую ситуацию: вы купили два билета в театр, а ваш партнер по объективным обстоятельствам не может пойти вместе с вами. Допустим, у вас нет ни желания, ни возможности продавать билет «с рук» перед

⁶⁴ Почитайте «Человек и его работа», он стоит многих учебников. Процесс операционализации понятия «отношение к труду» там хорошо описан. А еще лучше взять книгу: А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов «Человек и его работа в СССР и после». Учебное пособие для вузов / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов — 2-е изд., испр. И доп. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 485 с.

⁶⁵ В распоряжении недобросовестного исследователя есть масса приемов и приемчиков, которые дадут возможность получить такой ответ респондента, который ему нужен. Много лет назад, когда у меня впервые возникла мысль написать учебник по методике социологических исследований, я придумал ему название «Каков вопрос — таков ответ». Конечно, я не собирался давать рекомендации, как получить нужный ответ. Владимир Александрович Ядов понял и оценил мой замысел, и впоследствии не раз укорял меня: «Ну что же ты не напишешь про каков вопрос — таков ответ? Ведь это так нужно». Но тогда у меня не получилось то, что я хотел выразить.

началом спектакля. Вы предлагаете своему сослуживцу «выручить вас» и сходить на этот спектакль вместе с вами.

1-й вариант развития ситуации. Ваш коллега спрашивает, когда надо идти. Оказывается, в этот вечер он свободен и соглашается, но не спрашивает, в каком театре идет этот спектакль. Вы сами говорите ему, что будете его ждать у театра имени Ленсовета (дело происходит в Ленинграде). В назначенный день вы ждете своего коллегу у театра до последнего момента, а он так и не приходит. На следующий день вы спрашиваете у него: «Чего же ты не пришел в театр?» А он отвечает: «Я-то пришел, а вот ты где был?». Выясняется, что он пришел в Дому культуры имени Ленсовета. В общем, все получилось как в старой юмористической песенке: «Мы оба были: я у аптеки, а я в кино встречала вас. Так значит, завтра на том же месте в тот же час».

2-й вариант развития ситуации. Ваш коллега спрашивает, в какой театр билет? Затем выясняет, что за спектакль. Его также интересует, кто (какой режиссер) поставил этот спектакль, и какие актеры в нем заняты. Ваши ответы вполне удовлетворили коллегу и в нужный вечер вы вместе с ним не без удовольствия посмотрели этот спектакль.

О чем говорят эти варианты? В первом случае решение вашего коллеги определялось всего двумя обстоятельствами: этот вечер был у него свободен, и надо было его чем-то занять. К тому же театр обещал «культурный досуг». Совсем иная ситуация во втором случае. Здесь ваш коллега проявил достаточно высокую *избирательность*. Оказалось, что он любит театр имени Ленсовета; знает его репертуар; спектакль, на который вы его пригласили, он еще не видел; Игорь Владимиров, как режиссер ему был интересен, да и актеры занятые в этом спектакле не вызывали отторжения. Кроме того, он оказался «информированным о театральной жизни» города. Оба эти качества и избирательность, и информированность являются значимыми индикаторами развитого отношения к театру.

Но и это еще не все. Для того, чтобы описать и оценить степень развитости или не развитости отношения человека к театру, важно также, как человек воспринимает театральное действие. Вот несколько случаев из исследовательской практики.

В одном из интервью, на вопрос «Понравился ли Вам спектакль?» ответ молодого человека просто поставил нас в тупик. Он сказал: «А не хожу на спектакли, которые мне не нравятся» (?!). Девушка на вопрос, «Что вам понравилось в этом спектакле? Ответила: «Очень красивый зал и фойе» (речь шла о спектакле Александрийского театра в Ленинграде — тогда он назывался театр имени Пушкина). Еще один молодой человек на тот же вопрос ответил просто: «Да все!». Попытки выяснить, что же именно ему понравилось, ни к чему не привели: он твердил одно — «все».

Правда, некоторые зрители давали и вполне развернутые и аргументированные ответы. Например, один из зрителей спектакля «Оптимистическая трагедия» (спектакль БДТ) сказал, что для него все удовольствие разрушила

декорация, — говоря театральным языком — сценография (на сцене был сооружен какой-то невероятный помост из досок, бревен и бог знает еще чего). «Я все боялся за актеров, как бы они себе ноги там не переломали» — сказал этот зритель. Другой, дав высокую в целом оценку спектакля, высказал такое мнение: «Каждый актер здесь просто прекрасен и убедителен, но если бы каждый из них не «тянул одеяло» на себя, было бы еще лучше. Тогда получился бы ансамбль, и общая режиссерская идея прозвучала бы убедительнее».

Еще один из респондентов заявил, что терпеть не может Ролана Быкова. Из дальнейшего разговора с ним выяснилось, что впервые он увидел этого актера в детском возрасте в новогоднем представлении, где Быков играл роль злобной бабы-яги. Именно это образ навсегда слился в сознании респондента с Роланом Быковым — человеком и актером.

Таким образом, не все наши респонденты различают, где актер, а где его герой (или героиня). Пример из «той же оперы»: респондентка описывает самую запомнившуюся ей сцену из фильма Бондарчука «Война и мир»: «И тут Штирлиц (!) приглашает Наташу на вальс». Для этой девушки актер Вячеслав Тихонов после «Семнадцати мгновений весны» на всю жизнь остался исключительно Штрилицем.

К чему эти примеры? Да, к тому, что театральные спектакли многоплановое явление, для его успеха важны все компоненты: и игра актеров, и режиссерское прочтение (интерпретация) литературной основы, и сценография, и музыка. Но не каждый зритель в состоянии увидеть и оценить эти разные компоненты спектакля. И это тоже свидетельство (индикатор) развитости или не развитости отношения человека к театру. (Ситуации, когда тот или иной человек утверждает, что в театре ничего достойного внимания вообще нет; или когда тот или иной человек утверждает, что если кто-то не разбирается в театре, на него не стоит внимания обращать — он просто не культурный человек — мы оставляем «за кадром»).

Я, как и мои коллеги по исследованиям театра, ничуть не разделяем позицию, высказанную одним из театроведов: «Придет время, когда каждый человек сможет написать обстоятельную рецензию на любой спектакль. И тогда мы, театральные критики и социологи, будем просто не нужны». Вряд ли эта идилия когда-нибудь осуществится. Да и вряд ли в этом есть необходимость. Абсолютное равенство, которое имел в виду наш коллега, никогда не наступит. Люди всегда будут разными. И поэтому так важно в исследованиях уловить эти различия, и понять их причины.

Подведем некоторые (промежуточные) итоги. Для того, чтобы серьезно изучить такой феномен, как отношение к работе или отношение к театру, мало дать дефиницию этим понятиям. Куда более важны операциональные определения этих понятий, т. е. выделение таких индикаторов (указателей, показателей), которые в совокупности позволяют описать явления, обозначаемыми этими понятиями, добраться до их сущности, в надежных и достоверно наблюдаемых проявлениях.

В частности, такими индикаторами для понятия «отношение к театру» являются: избирательность этого отношения, дифференцированность восприятия театрального спектакля, информированность о театральной жизни (включенность в неё). А вот частота посещения театра — один из самых слабых индикаторов. Почему? Да потому, что человек, включенный в театральную жизнь, информированный о ней, как правило, не очень часто ходит в театр. Но зато он ходит преимущественно на премьерные спектакли и почти исключительно в те театры, которые созвучны ему по мировосприятию, по художественным концепциям. Запредельно часто в театр ходят, так называемые «фанаты», театроманы.

Итак, операционализация понятий — важный шаг в ходе исследования, но вовсе не конечный. Некоторые индикаторы исследуемого явления в процессе операционализации мы обозначили настолько четко, что они могут выступить в качестве непосредственно измеряемых признаков. Например, частота посещения театра. Но в целом ряде случаев, еще предстоит определенная работа, чтобы выделенные (а точнее — названные) индикаторы преобразовать в вопросы анкеты (или интервью), в признаки и шкалы.

Например, для оценки (измерения) информированности о театральной жизни города пришлось «изобрести» специальный тест. Был составлен список из 10 последних премьер предыдущего театрального сезона (по одной из каждого театра); под этим списком были пронумерованы названия всех 10 драматических театров города. Респонденты должны были напротив каждого спектакля проставить номер того театра, в котором был поставлен этот спектакль. При обработке этой информации, кроме количества правильных ответов, мы учитывали целый ряд других признаков анкеты: какие театры респондент посещал более или менее часто, какие театры он выделил, как любимые. Естественно, был проведен тщательный пилотаж этого теста на разных группах потенциальных респондентов (от профессиональных театральных критиков, до людей, которые ходят в театр крайне редко).

Концептуализация наблюдений — это совершенно другая процедура, которая, кстати, требует от социолога более глубокого знания теоретических социологических концепций, нежели операционализация понятий. По той простой причине, что последняя осуществляется, как правило, в рамках определенной социологической теории. А в ситуации концептуализации наблюдений, социологу еще необходимо определить, в какой теоретической традиции уместна или неуместна та или иная концептуализация, какой понятийный ряд более адекватен для описания наблюдаемых жизненных ситуаций.

Возьмем другой, более сложный пример. Разные люди по-разному относятся к своей работе. Стоп. К работе или к труду? А какая разница (опять-таки, на качественном или содержательном уровне) между работой и трудом? На основании каких проявлений (признаков, переменных), мы можем судить об отношении человека к труду? Пока мы в этом не разобрались, пока не

нашли точных слов для описания, ни качественное, ни — тем более — количественное исследование просто невозможно.

При разработке программы исследования «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности»⁶⁶ возник вопрос о том, как измерить такое явление, как **степень вовлеченности** человека в свою работу. Один из сотрудников предложил, казалось бы, очень простой индикатор вовлеченности — количество времени, затрачиваемое человеком на свою работу сверх установленного времени. Его логика была проста: если человек готов отдавать своей работе больше времени, следовательно, он в большей степени вовлечен в свою работу. Но... Он может работать сверхурочно не только потому, что вовлечен в сам процесс труда, но и потому, что за сверхурочные часы больше платят, а ему очень нужны деньги. Или другая ситуация: у него дома очень непростая обстановка и ему не хочется идти домой — уж лучше еще немного поработать. Один из участников обсуждения этого вопроса на семинаре сектора (кстати, заместитель директора по кадрам и режиму крупного завода) сказал, что все это глупости потому, что сверхурочные работы не предусмотрены КЗОТом⁶⁶, что это показатель не вовлеченности людей в процесс труда, а плохого уровня организации производства.

Теперь спросим, о чем же говорит такой ясный и хорошо наблюдаемый факт, как добровольно отработанное человеком время? Это к вопросу о **качественном** содержании самого понятия «вовлеченность в процесс труда».

Вообще-то — к вопросу о языке — и о том, какой смысл мы — социологи — вкладываем в те или иные слова. Какие вопросы надо задать человеку, с помощью каких именно слов, да так, чтобы нас этот человек правильно понял — это отдельная тема, до которой еще надо добраться. В этом и состоит работа социолога, который действительно хочет понять, как устроено общество и как оно существует.

Очень созвучна нашему разведению подходов к исследованию, как к качественному или количественному, позиция Элизабет Ноэль-Нойман. В частности, она пишет: «Здесь обнаруживаются неизбежные недостатки, связанные с описанными выше особенностями демоскопического интервью: интервьюер опрашивает «по схеме», «не видит» своего опрашиваемого, «стрижет всех под одну гребенку». Вопросник неизбежно прессует все ответы в одну форму. И иногда исследователь не замечает, что форма искажает и обесценивает его данные, потому что не улавливает главного, потому что отсутствуют вопросы по существу. Нужно уяснить простой факт: демоскопическое интервью не дает ответов на вопросы, которые не были заданы. А поскольку во время опроса недопустима коррекция, усовершенствование, это накопление опыта должно происходить до сбора данных.

Такое обучение перед началом опроса может происходить разными путями, иногда их обозначают обманчивым названием «качественное исследование»

⁶⁶ КЗОТ — кодекс законов о труде.

(выделено мной — О. Б.): неструктурированное или полуструктурированное лейтмотивное интервью, интенсивное интервью или групповая дискуссия.

Название «качественное» вводит в заблуждение потому, что оно внушает, что эти методы имеют преимущества по сравнению с демокопическим, «количественным» опросом. Таким образом, некоторые авторы возвеличивают «качественное» социологическое исследование над репрезентативным опросом как альтернативу, обеспечивающую большую глубину проникновения в суть.

Эта точка зрения игнорирует принципиально различный характер обоих методов. При этом недооцениваются возможности репрезентативных опросов и игнорируются границы «качественного» исследования. Групповые дискуссии и глубинные интервью обладают всеми недостатками, о которых шла речь в связи с работой исследователя в качестве интервьюера. И еще один недостаток: они проводятся на небольших, нерепрезентативных совокупностях. Это означает, что результаты «качественного» исследования

- не могут быть применены к описанию всего населения; не обладают достаточной степенью стандартизации;
- не могут быть проверены;
- не могут быть повторены.

Иными словами, они не удовлетворяют основным требованиям эмпирической социологической работы» (2007, с. 86–87).

Тем не менее, это не означает, что качественные данные хуже или лучше, и что с ними нельзя работать. О том, как и когда целесообразно обращаться к таким данным, в книге Э. Ноэль написано немало. И в этих лекциях мы еще вернемся к этой теме.

Из чего состоит вопрос анкеты? Вопросы, признаки, шкалы

Если задуматься над тем, что же такое вопрос, то это, прежде всего, некая речевая конструкция, предполагающая ответ. Оценить качество вопроса, не зная, какой ответ хочет получить вопрошающий, и практически, и теоретически невозможно. Кроме того, в любом вопросе, кроме неизвестной части, на выяснение которой и направлен вопрос, всегда имеется часть известная. Без этого ни один вопрос просто было бы невозможно понять. Можно назвать классическим примером следующие вопросы: «Когда открыли Америку?» «Кто открыл Америку?», «Почему открыли Америку?». Во всех этих вопросах в качестве известного выступает факт существования Америки, предположение о том, что и вопрошающий, и тот, кому задан вопрос, что-то о ней уже знают.

По связям в паре «вопрос-ответ» можно выделить несколько типов вопросов:

- Риторические вопросы, которые не требуют ответа. (Например, излюбленный вопрос К. Маркса «Кто не знает Клопштока, но кто читал Клопштока?»)

- Вопросы, которые не имеют **неправильных** ответов. Как правило, это вопросы, касающиеся вкусов, ощущений, индивидуальных состояний. (Это не значит, что ответ на этот вопрос не может быть ложным).
- Вопросы, которые имеют несколько правильных ответов. Например, на первый вопрос об Америке можно получить, как минимум, три разных ответа и все они будут правильными. Ответ на второй вопрос тесно связан с ответом на первый. Если они согласуются, то ответ на второй вопрос тоже правильный. А если не согласуются, то ответ на второй вопрос — неверный.
- Вопросы, имеющие один-единственный правильный ответ. Например, «Который сейчас час?»
- Наконец, есть вопросы, которые уже содержат ответ или намек на нужный ответ. «Вопросы-подсказки». Примеры таких вопросов можно найти почти в любой социологической анкете.

Для социолога очень важно и знать об этой типологии, и различать разные типы вопросов. То, что мы называем вопросом анкеты, это вовсе не обязательно фраза, заканчивающаяся вопросительным знаком. Часто он не исчерпывается каким-либо одним предложением, а включает в себя целый ряд предложений, например, совокупность вариантов ответа или единицу измерения, в которой может быть выражен ответ, или «линейку», на которой респондент может зафиксировать свою позицию и т. п.

Иногда это утверждение, иногда задание (предложение в повелительном наклонении). Это может быть, наконец, комбинация утверждения и задания или утверждения и собственно вопроса. Например, «*Многие считают, что взять что-то для личных нужд на производстве, скажем, кусок мыла или какой-либо инструмент, или пачку писчей бумаги — вовсе не воровство* (утверждение). *Согласны Вы с этим или нет?* (собственно вопрос)» На месте собственно вопросительного предложения может быть использовано задание, например: «*Отметьте на линейке, нарисованной ниже, свою позицию по этому поводу*». И в первом, и во втором случае мы работаем с предложениями, описывающими определенную жизненную ситуацию.

Феномен, именуемый вопросом анкеты, как правило, не исчерпывается каким-либо одним предложением. Часто он включает в себя целый ряд предложений, например, совокупность вариантов ответа или единицу измерения, в которой может быть выражен ответ, или «линейку», на которой респондент может зафиксировать свою позицию и т. п. Иногда анкетные вопросы сопровождаются комментариями или методическими указаниями.

К «сменным» элементам социологического вопроса можно отнести: (1) — единицы измерения, если они предусматриваются; (2) — шкалы или совокупность вариантов ответов; (3) — комментарии и/или пояснения. При анализе различных социологических анкет мы обнаружили, что комментарии бывают, по меньшей мере, двух типов. Одни помещаются, как правило, перед формулировкой собственно вопроса и представляют собой преамбулу или

введение; а другие, помещаемые, как правило, после формулировки вопроса, имеют характер методического указания респонденту или интервьюеру.

С точки зрения содержания любой вопрос социологической анкеты есть описание того или иного фрагмента социальной реальности с помощью «общепринятых ассоциаций» (или типизаций), соотносимых социологом с определенным теоретическим понятием (концептом). Когда речь идет о «валидности», «достоверности» или «надежности» социологического вопроса, имеется в виду, прежде всего, мера соответствия между описанием фрагмента реальности на естественном языке и его же описанием на языке теории.

Каждый из элементов социологического вопроса вносит «свой вклад» в это описание и обеспечивает необходимую и достаточную меру понимания вопроса для всех участников взаимодействия: исследователя, интервьюера и респондента. Например, вопрос «Сколько Вам лет?» сопровождается указанием единицы измерения и/или правилами использования этой единицы: «Укажите полное число лет, исполнившихся вам на данный момент» или просто: «___лет». В традиционном вопросе о душевом доходе, кроме подробного описания способа подсчета душевого дохода обязательно приводится единица измерения: либо «рублей», либо «тысяч руб. » — хотя бы для того, чтобы не затруднять ни респондента, ни интервьюера написанием «лишних» нулей.

Очень полезно накапливать разные формулировки вопросов и шкал, создавая индивидуальные методические тезаурусы. При обсуждении содержания и структуры новой анкеты по той же теме типична фраза: «Ну, а сюда подойдет вопрос «о политических ориентациях»... из ноябрьской анкеты прошлого года». Однако, когда доходит до дела, выясняется, что просто перенести данный вопрос нельзя: какой-либо из его элементов приходится изменять. Причем, изменения могут касаться и шкалы, и комментария, и типа вопроса (признака, шкалы) или даже самой формулировки.

Причины требуемых изменений различны. Они могут быть вызваны тем, что в новом исследовании ставятся другие задачи, которые не требуют высокой точности измерения — здесь достаточно приблизительной, «качественной» оценки; или тем, вопрос обращен к другой категории населения.

Тогда возникает резонное сомнение: в новой анкете мы используем тот же самый вопрос или уже другой? Во всяком случае, появляется новое понятие — «модификация» или «вариант» вопроса. И, как следствие этого, новая проблема — что же накапливать в тезаурусе: отдельные вопросы, блоки вопросов, вопросы с их модификациями и комментариями по поводу каждой из них? Не будет ли это дублированием или неоправданным порождением «лишних» — избыточных — сущностей? С другой стороны, все вариации отдельного вопроса — это практический и подчас довольно ценный опыт, который полезно сохранить. Наконец, надо учитывать, что в исследовательской практике анкетные вопросы изменяются еще и потому, что происходит новое, более глубокое, более точное осмысление жизненных ситуаций или теоретических понятий. Да и сама реальность меняется, подчас, настолько, что

«старые шкалы» уже не адекватно описывают её. Фиксация таких изменений (в частности, сохранение более ранних вариантов) имеет историческую и методологическую ценность.

Кажется, что в разных анкетах, мы имеем дело с одним и тем же вопросом, а разные шкалы указывают, что в первом случае данный вопрос выполняет в анкете роль ориентира (фоновой характеристики), во втором — он выступает средством получения детальной, концептуальной информации. Очевидно также, что вопрос в одной редакции применим в «массовой» анкете, а в другой — уместен при обращении к специфическому контингенту, скажем, к предпринимателям или руководителям предприятий.

Три ипостаси анкетного вопроса

Хотя на интуитивном уровне ясно, что такое анкетный вопрос, тем не менее, само слово «вопрос» в данном контексте не совсем точно отражает суть дела. Во-первых, вопрос анкеты это — описание определенной жизненной (или социальной) ситуации, если угодно, ее вербальная модель. Это описание, как правило, и есть вариант эмпирической интерпретации понятия, посредством которого эта модель соотносится с однозначно не эксплицируемым теоретическим понятием. В таком качестве анкетный вопрос является элементом описания. В определенном смысле вопрос — это метафора репрезентируемого в вопросе понятия или совокупность описывающих понятие «общепринятых ассоциаций». С этой точки зрения, первую ипостась можно квалифицировать и как метафорическую.

Во-вторых, вопрос является ключевым элементом текстового документа — обращенного вовне (к интервьюеру или респонденту), выражаемого средствами естественного языка. Это диалоговая или дискурсивная его ипостась.

И, в-третьих, наряду с функциями «содержательной модели» социальной ситуации и дискурса, вопрос выполняет также функцию формирования признакового пространства исследования, а это уже техническая или инструментальная его ипостась.

Целесообразно различать вопросы, образующие: 1) один единственный признак (например, пол, образование, возраст, тип жилья и т. п.); 2) совокупность однородных, однотипных признаков (например, различные стороны удовлетворенности жильем или работой, частота обращения к различным видам деятельности и т. п.); 3) совокупность (или набор) разнородных, разнотипных признаков.

Примером последнего типа служит вопрос об удовлетворенности разными сторонами жилища, которые не могут быть описаны единообразными шкалами. Правда, ситуации, описываемые разными шкалами, обычно оформляются в анкетах в виде отдельных вопросов, а точнее, — признаков.

Другим примером может служить вопрос о способах проведения свободного времени. В этом случае, кроме явно представленных в анкете призна-

ков — способах проведения свободного времени, — могут быть построены серии производных типологических признаков — например, количество отмеченных респондентом публичных и/или домашних форм досуга и т. п. При этом подразумевается, что для исследователя актуальны понятия «публичные» и «домашние» формы досуга, и он уверенно умеет их различать вне зависимости от того, умеют ли их так же хорошо различать респонденты. Более того, исследователь считает, что сами эти свойства имманентны занятиям, заполняющим свободное время. Впрочем, к этим примерам мы вернемся в лекции 9.

А что же такое эксплицитные и латентные признаки? *Эксплицитными* мы называем признаки (шкалы), явно представленные в исследовательском документе (например, в анкете), тогда как *латентными* (или скрытыми) мы называем такие, которые, не будучи предъявленными респонденту, могут быть вычислены на основе эксплицитных или приписаны респондентам по определенным правилам.

Каждой ипостаси вопроса присущ свой собственный язык. Так, например, язык методики и техники обычно используется, когда мы имеем в виду «дискурсивную»: (открытый — закрытый, альтернативный — многоальтернативный) и «концептуальную» (программный — вспомогательный — фильтрующий) его ипостаси.

В повседневной социологической практике понятия признака и шкалы сплошь и рядом используются как синонимы. Однако тождество понятий «вопрос», «признак» и «шкала» является частным случаем, общее же правило — их относительно автономное существование.

Вопрос — всегда вопрос о *чем-то*. **Признак (или переменная)** — это свойство, качество, состояние, показатель (или указатель) этого «*чего-то*». Это «что-то» имеет место в реальности и обозначается с помощью какого-либо понятия. Признак всегда встроен в теоретическую конструкцию и репрезентирует определенное теоретическое понятие. В то же время сам по себе признак — тоже понятие, но более низкого уровня, чем то, которое репрезентируется с его помощью. Наконец, именно признак выступает в качестве элемента базы данных, где ему однозначно соответствует одно-единственное из всех возможных состояний или значений, фиксируемое в поле (единичной) записи.

Шкала — это совокупность всех конкретных значений (список, перечень состояний), обозначающих диапазон (или границы) эмпирической интерпретации признака. И шкала, и признак «привязаны» к полю записи в базе данных. То, что мы называем признаком, есть имя поля записи (или понятие «низкого уровня»), а то, что называем шкалой, составляет содержимое (или значение) этого поля. Например, значениями поля «Место проживания» могут быть: крупный мегаполис, областной центр, районный центр, малый город, рабочий поселок, село, деревня, хутор. Но эти значения для городских жителей могут иметь и иной масштаб: койка в общежитии, комната в обще-

житии, комната в коммунальной квартире, комнаты в коммунальной квартире, отдельная квартира, часть дома, отдельный дом.

Когда речь идет о «технической» ипостаси анкетного вопроса в традиционном языке методики и техники мы говорим не о вопросе, как таковом, но, прежде всего, о шкалах, которые классифицируются по разным основаниям: во-первых, как номинальный — ранговый (порядковый) — интервальный — метрический; во-вторых, как альтернативный или многоальтернативный. Оба основания акцентируют внимание на «устройстве» совокупности значений шкалы, на том, как эти значения соотносятся и взаимодействуют друг с другом.

Исходя из способа и характера порождения шкал, была построена их рабочая классификация, которая представлена в табл. 1⁶⁷.

Т а б л и ц а 1. Рабочий вариант классификации социологических шкал

Класс шкал	Содержание	Комментарий
Предопределенные	Шкалы, которые основываются на общепринятых единицах измерения или на ряде натуральных чисел	Возраст в годах, доход в тыс. руб., метраж жилья, число членов семьи и т. п.
Универсальные	Шкалы, относительно индифферентные к конкретному содержанию вопроса	Шкалы типа «Да — Нет», а также стандартные шкалы удовлетворенности, согласия, оценок, отношения и т. п.
Конструируемые или определяемые	«Уникальные» шкалы, разрабатываемые для определенных, конкретных вопросов	Любые типологические шкалы

О типах шкал

На описании разных типов шкал стоит остановиться. Подавляющее число шкал, которые, так или иначе, использует социолог, являются **номинальными** (от лат. *nomine* — имя) или **назывными**. По сути дела такая шкала представляет собой список разных свойств (состояний, качеств), выделенных по **одному и только одному** основанию. Если элементы этого списка обозначить латинскими буквами, то «формула» номинального признака будет выглядеть так:

$$A \neq B \neq C \neq D \neq F,$$

Иначе: A — это не B, не C, не D и не F: все это **разные** качества.

⁶⁷ О. Божков Компьютерные технологии в социологическом исследовании. // Социологический журнал, 1998, № 1/2, с. 95–112. Автор этой типологии Г. В. Каныгин.

Типичная ошибка при разработке номинальной шкалы состоит в том, в список включаются качества, которые либо «перекрывают» друг друга, либо «вложены» одно в другое. А причина этой ошибки — использование разных оснований для включения элементов в список.

Например, вопрос «*Какие книги бы предпочитаете читать?*» в одной из анкет был «закрыт» с помощью номинальной шкалы следующего вида:

- художественные
- научные
- поэтические
- публицистические
- классические
- современные
- русские
- зарубежные
- другие, укажите, какие именно⁶⁸

Очевидно, что «классические» и «современные» явно выбиваются из общего списка, также, как и «поэтические». Ибо и художественные, и научные книги могут быть, как, классическими, так и современными (пересечение оснований); а поэтические представляют собой разновидность художественных, («вложены» одного качества в другое).

Если исследователя интересуют читательские предпочтения по разным основаниям, каждое основание надо четко выделить и построить столько номинальных шкал, сколько выделено оснований.

Или вопрос о том, какие цвета предпочитает респондент, сопровождается такой номинальной же шкалой: красный, оранжевый, желтый, (и т. д. по цветам радуги), но в этом же ряду оказались и теплый, холодный, светлый.

Здесь та же ошибка: смешаны разные основания. Любой «чистый» цвет может быть светлым либо темным, кроме того, сами по себе цвета делятся на теплые (красный, оранжевый, желтый) и холодные (синий, зеленый).

Ранговые (или **порядковые**) шкалы имеют другую природу: с их помощью фиксируются разные состояния **одного единственного** качества. Формула ранговой шкалы имеет, соответственно, иной вид:

$A > B > C > D > F$ или $A < B < C < D < F$, т. е. значения шкалы (список вариантов ответа) определенным образом упорядочены, либо от большего (предпочтительного, хорошего) к меньшему (менее предпочтительному, плохому), либо наоборот, от меньшего к большему. Иногда этот тип шкалы называют *шкалой интенсивности*.

Здесь также важно четко фиксировать основание, по которому вы упорядочиваете состояния выделенного для оценки качества. Стоит заметить, что

⁶⁸ Кстати, последний вариант в этой шкале переводит вопрос в полужакрытый. О том, как поступать с такими вопросам и с позицией «другое, что именно» речь пойдет при обсуждении проблем подготовки данных к обработке и анализу.

приведенная выше шкала «польского вопроса» по сути своей является номинальной, хотя и может восприниматься, как ранговая: ибо в ней определенно просматривается интенция движения от значимости заработка к содержанию труда, хотя последняя позиция «о пользе для общества» вообще выпадает из этого ряда. Авторы «Человека и его работы» вполне отдавали себе отчет в некоторой некорректности этой шкалы.

В определенном смысле классификация признаков в терминах «номинальный» или «ранговый» — относительно условна. В одном из опросов мы задавали такой вопрос: *«Где Вы предпочитаете проводить свой очередной отпуск?»* Респондентам предлагались следующие варианты ответа:

- Дома.
- На даче.
- В доме отдыха или санатории.
- В походе.
- За границей.

Строго говоря, это — номинальная шкала. Но мы (без особых споров) квалифицировали её как ранговую и настаивали именно на таком порядке в этом списке. Есть, как минимум, два основания для такого решения. Во-первых, одним из оснований явилась пространственная мобильность. При всех условностях в первом варианте человек куда из дома не отлучается, во втором, перемещается, по крайней мере, в близкий (а иногда и не очень близкий) пригород, в третьем, если ему действительно необходимо лечение, скорее всего он выберет наиболее подходящий санаторий, который может находиться достаточно далеко от места его проживания; если человек предпочитает проводить отпуск в походах, то вряд ли это будут ближайшие пригороды, вероятнее всего опытный турист будет искать какие-либо экзотические места и т. д.

Во-вторых, основанием для установления именно такого порядка вариантов ответа может выступать не столь очевидное, но вполне реальное основание — величина энергетических затрат и более или менее кардинальная смена ритма и уклада жизни. Выбор первого или второго основания как раз вызвал определенные дебаты в творческом коллективе, так как этот выбор существенно изменяет характер интерпретации этого признака. В конкретном исследовании было выбрано первое из названных оснований.

На этом же примере можно показать относительную условность и другой квалификации признака. В приведенном примере — это признак альтернативный, так как речь идет о предпочтении. Давайте сформулируем его иначе: *«Как Вы провели свой последний очередной отпуск?»*, а шкалу оставим ту же. Очевидно, что выбор только одного варианта не содержит полного и точного ответа на вопрос. Даже если у человека короткий отпуск (всего 2 недели), он реально мог часть отпуска провести дома (заняться ремонтом, например), а другую часть — на даче. А если отпуск более продолжительный, то вариантов его проведения может оказаться больше. Скажем, один из моих коллег

преподавателей, у которого отпуск два месяца, за время отпуска побывал на даче, сходил в поход на север Карелии и еще успел съездить в Грецию на пару недель. В этой ситуации признак следует квалифицировать как многоальтернативный⁶⁹.

К этому примеру мы еще вернемся, когда начнем обсуждать проблемы подготовки первичных данных к вводу в базу данных и к их обработке.

Повторю, что номинальные и ранговые шкалы не являются инструментами **измерения** социальных свойств — они принципиально описательные. Однако, строгое и прозрачное их описание для социолога не только важно, но просто необходимо.

Единственной собственно **измерительной** шкалой в руках социолога является метрическая шкала (или шкала отношений), основанная на общепотребительных единицах измерения. Настоятельно рекомендую: на стадии сбора первичной информации (при анкетном опросе или в интервью) никогда не использовать вместо метрических шкал интервальные, которые являются разновидностью ранговых шкал. Метрические значения (вес, метраж, количество книг, зарплаты) целесообразно фиксировать в натуральных числах, тем более, что современные статистические пакеты (Statistica, SPSS, SAS и др.) дают возможность без особого труда построить на основании метрических шкал, ранговые шкалы с любыми интервалами. Конечно, на стадии оценки качества собранного эмпирического материала, сначала целесообразно вывести на экран (или на печать) распределение исходного метрического признака, проанализировать его и задать порядок выделения содержательно осмысленных и статистически наполненных интервалов. Использование интервальных шкал при сборе первичной информации — это необратимый шаг, последствия которого подчас бывают очень огорчительны для исследователя.

О взаимосвязи вопросов с теоретическими понятиями (концептами)

Каждый вопрос, с одной стороны, есть отражение определенной жизненной ситуации, фрагмента реальности, с другой — референт определенного теоретического понятия (концепта).

Достаточно сложное понятие вряд ли может быть описано с помощью какого-либо одного признака (вопроса). В программе исследования само явление должно быть представлено (развернуто, описано) более детально с указанием связей и отношений между различными его аспектами (эмпирическими референтами). «Сборку» понятия, предварительно «разбитого» на отдельные эмпирические индикаторы (признаки) можно осуществить

⁶⁹ См. также Веллеман П. Ф., Уилкинсон Л. Типология номинальных, ординальных, интервальных и относительных шкал вводят в заблуждение. //Социология 4М, 2011, №31, с. 166–193.

с помощью производной (вторичной) номинальной или ранговой шкалы, которую надо еще специально построить. Программа исследования должна включать и алгоритмы обобщения (агрегирования, сборки) отдельных эмпирических референтов в единый показатель (индекс). Производные, латентные признаки, шкалы, обобщенные понятия должны быть «запланированы» и подготовлены к реализации уже на подготовительных стадиях исследования, т. е. «заложены» в инструментарий.

С одной стороны, такого рода действия можно квалифицировать как конструирование реальности, навязывание последней «не свойственных ей» моделей⁷⁰. С другой стороны, исследователь не только имеет право на теоретическое (модельное) представление действительности — это один из существенных моментов познавательной деятельности. И сама эта деятельность должна быть предъявлена научному сообществу, как для критики, так и для воспроизведения в сходных или иных условиях. И, наконец, такую деятельность необходимо технологически поддерживать и фиксировать (документировать) должным образом.

Вторичные (производные) признаки, в том числе, индексы

Есть много способов построить вторичные (или производные) признаки. Но сначала стоит сказать о том, зачем их нужно строить, и почему их стоит планировать перед началом исследования.

В исследовании «Человек и его работа» использовалась целая группа индексов: «Р», «И», «РИ», «Д», а также «логический квадрат» и некоторые другие. Все они продумывались и планировались изначально.

- Индекс «Р» — позволил группировать обследованных рабочих по уровню добросовестности и ответственности в работе;
- Индекс «И» — группировал рабочих по уровню их инициативности в работе;
- Индекс «РИ» — позволил интегрировать эти две характеристики («Р» и «И»);
- Индекс «Д» — оценивал уровень дисциплины;
- «Логический квадрат». Техника обработки данных трех контрольных вопросов удовлетворенности работой строилась на основе трех вопросов:
 - Устраивает ли Вас Ваша теперешняя работа? (№ 20–6 значений)
 - Хотите ли Вы перейти на другую работу (№ 6.3 значения)
 - Вернулись бы Вы на свое прежнее место работы? (№ 18–3 значения).

⁷⁰ Это один из «стандартных» упреков сторонников «качественных методов» в адрес «количественников», якобы они имеют дело с плодами конструкций, порожденных их собственным безудержным «социологическим воображением». В то же время это не мешает им самим увлекаться идеей непрерывно «конструирования реальности» здесь и сейчас.

– Итоговый индекс имел 6 значений (градаций)⁷¹.

Индексы (интегральные) показатели могут строиться, как «вручную» на этапе кодирования, так и программным путем уже на стадии машинной обработки первичных данных.

Впрочем, и в ходе обработки и анализа данных может возникнуть идея построения вторичных признаков. Однако, как правило, это становится возможным, когда при разработке инструментария исследователь хотя бы предполагал такую перспективу. Ведь мыслительный процесс имеет место на протяжении всего исследования, и идеи приходят иногда, казалось бы, неожиданно. Но это только кажется, что неожиданно.

Например, мы включаем в анкету блок вопросов о том, как люди проводят свое свободное время. Как правило, это довольно длинный перечень досуговых занятий. Конечно, в идеальном варианте, мы с самого начала озабочены тем, чтобы этот список не был совсем уж случайным (по принципу, что в голову взбредет). И тогда мы понимаем, что досуговые занятия могут быть сугубо индивидуальными, но могут быть и «коллективными»; они могут быть «пассивными» (смотрение телевизионных передач) или «активными» (например, какие-либо хобби), могут быть «домашними» (чтение, настольные игры) или «внедомашними» (катание на лыжах, прогулки с собакой и т. п.). В этом случае полезно составлять список таким образом, чтобы все разновидности досуговых занятий были представлены в нем более или менее равномерно. Если все это было продумано заранее, то уже на этапе разработки программы, можно заложить построение таких вторичных признаков, как доля активных и доля пассивных досуговых занятий; или доля домашних и внедомашних занятий в «индивидуальном досуговом репертуаре» и т. п. Соотношение тех и других даст возможность получить представление о доминирующих ориентациях людей в досуге.

Такого рода индексы (вторичные признаки) мы можем построить на любом этапе исследования, если внимательно относиться к массиву данных, который реально имеем.

Другое дело, если в самом начале исследования предполагалось использовать более сложные и изощренные алгоритмы анализа, такие, например, как факторный или регрессионный анализ и т. п. Никакое «наитие» или «озарение» не поможет, если такой идеи не было изначально. Ибо и факторный, и регрессионный анализ, требуют специальной организации первичной информации. Но об этом речь пойдет чуть позже — в 10-й лекции.

Кстати, в программе исследования должен быть и «технический» раздел, который включает в себя календарный план реализации всего проекта и, что,

⁷¹ Алгоритм их вычисления представлен в таблице 4 первой главы «Методологические предпосылки, методы и техника исследования» книги «Человек и его работа» (1967, с. 75).

пожалуй, более важно — проект технического задания на обработку данных (ТЗ). Именно здесь и должны быть описаны, как вторичные признаки (индексы), которые исследователь предполагает построить, а также процедуры факторного, регрессионного анализа, если есть идея и потребность их использования. В пояснительной записке к ТЗ стоит перечислить и обосновать те признаки, на основе которых предполагается извлекать латентные переменные, и «вес» которых необходимо оценить.

Вопросы к семинару

- В чем принципиальное различие «операционализации понятий» и «концептуализации наблюдений»?
- В чем различие понятий «вопрос», «признак» и «шкала»?
- Из чего состоит «вопрос анкеты», каковы три основных его ипостаси?
- Основные признаки четырех основных типов шкал, применяемых в социологии.
- Каковы взаимосвязи между вопросами анкеты (или интервью) с теоретическими понятиями (концептами)?
- В чем смысл вторичных (производных) признаков?
- Назовите основные алгоритмы построения вторичных признаков, приведите примеры хотя бы некоторых из них.
- Можно ли обойтись без процедур «конструирования реальности» в социологических исследованиях? Требуется обоснование вашего ответа.

Литература

1. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов /Перевод с английского Г. Е. Крейдлина. Общая редакция, предисловие и примечания редакторов В. А. Смирнова, В. К. Финна. — М.: «Прогресс», 1981. — 288 с.
2. Берков В. Ф. Вопрос как форма мысли, Минск, Изд-во БГУ, 1972. — 136 с.
3. О. Божков Компьютерные технологии в социологическом исследовании. //Социологический журнал, 1998, № 1/2, с. 95–112.
4. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., КашаеваЕ. Ю. Русский язык и культура речи /Учебное пособие для вузов. Ростов н/Д: Феникс, 2006. — 544 с. —(Высшее образование.)
5. Веллеман П. Ф., Уилкинсон Л. Типология номинальных, ординальных, интервальных и относительных шкал вводят в заблуждение. //Социология 4М, 2011, №31, с. 166–193.
6. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. «Человек и его работа в СССР и после». Учебное пособие для вузов / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов — 2-е изд., испр. И доп. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 485 с.
7. Ноэль-Нойманн Э., Петерсен Т. Все, но не каждый. Введение в методы демоскопии /Э. Ноэль-Нойманн, Т. Петерсен; Пер. с нем. Л. Н. Рыбаковой и Е. В. Невмерзичкой. Научн. ред. и автор вступ. ст. Н. С. Мансуров. — М.: МГУКИ, 2007. — 616 с.

8. Методология и методы социологического исследования. Для студентов, обучающихся по основным образовательным программам уровня «Бакалавриат» по направлению «Социология» /под ред. Дудиной В. И. и Смирновой Е. Э., СПбГУ, 2013. — 297 с.
9. Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов, Новосибирск, «Наука», 1974. — 318 с.
10. Логика социологического исследования. М.: «Наука», 1987. — 174 с.
11. Рабочая книга социолога. М.: «Наука», 1976. — 512 с.

ЛЕКЦИЯ 5. ЧТО ТАКОЕ ПИЛОТАЖ?

Пилотаж — это тестирование, ориентированное на оценку качества разработанного вами, или заимствованного у кого-то из коллег инструмента. Почему такое тестирование необходимо?

Во-первых, потому что социолог, как и все другие люди, принадлежит к определенным общностям. Как правило, это городской житель, он относится к числу людей, получивших специальное образование и т. д. Известно, что каждый социальный слой в любом обществе отличается от других по уже названным и многим другим критериям. Это формирует вполне определенный менталитет: уровень сознания, уровень владения языком, и вообще, определенный набор представлений о мире и жизни как таковой. Однако в своих исследованиях он обращается к представителям других слоев и других общностей, обладающих иным уровнем и способом восприятия мира.

Именно поэтому для любого исследования важно найти такой язык, который бы однозначно воспринимался не только исследователем, но и теми, к кому он обращает свои вопросы.

Но это важно не только в ситуации, когда социолог задает вопросы другим людям. Маргарет Мид⁷², которая изучала аборигенов на тихоокеанских островах, наблюдая за их повседневной жизнью, осознала, что её (европейские) культурные представления о нормах и правилах поведения, «мешают» ей адекватно понимать жизнь аборигенов. И ей пришлось предпринять немалые усилия, чтобы прийти к адекватному пониманию того, что она наблюдала⁷³.

Одна из важнейших задач пилотажа именно в том и состоит, чтобы привести языки ученых и обычных людей, к которым он обращается в ходе своих исследований, к «общему знаменателю», без чего познание мира других людей в отдельности и общества в целом, просто невозможно. Особенно это проявляется, когда исследователь работает с представителями определенных профессий. Приходится осваивать профессиональный язык или сленг.

⁷² Маргарет Мид (англ. *Margaret Mead*; 16 декабря 1901, Филадельфия — 15 ноября 1978, Нью-Йорк) — американский антрополог

⁷³ См., в частности, *Культура и мир детства* / Сост. и предисл. И.С.Кона. — М.: Наука, 1988.

Что следует пилотировать?

Прежде всего — это формулировки вопросов и шкал.

Как правило, пилотаж проводится в несколько этапов, начиная с того, что вы сами (и ваши ближайшие коллеги) должны оценить как саму формулировку вопроса (задания), так и ощутить те трудности, с которыми может столкнуться будущий респондент. То есть самим постараться непредвзято и самокритично ответить на созданные вами вопросы. В этом состоит первый тур пилотажа.

На втором туре полезно испытать **каждый вопрос** (не только новый, только что придуманный, но и те, которые были разработаны ранее или заимствованы), обратившись к друзьям, коллегам из других подразделений и просто знакомым. При этом важно фиксировать все случаи и полного непонимания со стороны респондентов, и неправильного понимания ваших формулировок, и попытки уклониться от ответов. Все это требует самого внимательного рассмотрения и анализа. В результате двух туров пилотажа должны быть сняты основные проблемы многозначности понимания респондентами и самих вопросов и шкал, т. е. вариантов ответа к ним.

Когда вы убедились, что каждый вопрос сформулирован удовлетворительно, можно приступить к «сборке» вашего инструмента, например, анкеты.

Элизабет Нозль-Нойманн специально зоостряет внимание на структуре и последовательности вопросов в анкете: «Анкета, — пишет она, — определяет драматургию интервью: сначала приятное впечатление, контакт, пробуждение интереса, завоевание доверия, укрепление уверенности опрашиваемого в своих силах, затем обеспечение продолжения беседы, чтобы респондент отвечал на последующие вопросы охотно, с добрыми намерениями. Вопросы, относящиеся к личности опрашиваемого, не должны стоять в начале» (2007, с. 129).

Именно анкета в целом и будет следующим объектом пилотирования. И здесь целесообразно использовать несколько этапов. Во-первых, самим (всем членам исследовательского коллектива) заполнить эту анкету и тщательно проанализировать все возникшие критические замечания. После соответствующей корректировки методики (в данном случае — анкеты) стоит выходить на массовый пилотаж в «поле». Впрочем, слово «массовый» имеет здесь фигуральное значение. Тем не менее, ответственно проведенный пилотаж предполагает опрос не 20–30 респондентов: желательно опросить до 100.150 человек. Это нужно, прежде всего, для того, чтобы при пилотаже аналитических процедур, статистику все-таки можно было использовать. Конечно, от пилотажа нельзя ожидать репрезентативных результатов, но среди опрошенных на этой стадии должны быть представлены все типы респондентов, которые могут присутствовать в генеральной, а следовательно и в выборочной совокупности вашего исследования (хотя бы в равных пропорциях). Иными словами, аудитория пилотажа должна быть максимально приближена к реальной аудитории массового исследования.

На этой стадии также стоит обращать внимание на понимание или непонимание респондентами формулировок вопросов. Но, пожалуй, главное здесь — оценка дифференцирующей способности шкал. Например, в какой-то шкале выбор одного значения явно доминирует — его выбирает более 50–60, а то и 70 % ответивших, соответственно, на все остальные значения приходится «оставшиеся голоса». Другой тревожный симптом, когда какую-либо позицию шкалы выбирает очень небольшое число респондентов, в пределе — не выбирает ни один респондент, т. е. это значение вашей шкалы просто «проваливается» или, как говорят опытные социологи, «не работает». Выяснив причину этого «провала», может быть всю шкалу следует переформулировать, либо удалить не работающую позицию шкалы.

Следующий объект пилотажа — процедуры общения с респондентами, т. е. ситуация собственно опроса. При изучении театральной аудитории Ленинграда, когда мы решили проводить опросы непосредственно в театрах во время спектаклей, был проведен обстоятельный пилотаж (если можно так сказать, — генеральная репетиция). В самом сложном для этой процедуры театре — БДТ — мы сосредоточили свое внимание на ложах, так как они относительно изолированы, т. е. имеют отдельный вход и даже отдельное фойе. Цели пилотажа состояли в том, чтобы понять: где лучше вручать зрителям анкеты; как предупредить отказы от их заполнения; как ненавязчиво стимулировать заполнение анкет зрителями перед началом спектакля и во время антрактов; понять, какая помощь может понадобиться респондентам; где и когда собирать заполненные анкеты; наконец, мы должны были оценить, сколько анкетеров-консультантов может понадобиться при проведении полномасштабного опроса в таком театре, как БДТ.

В ходе этой пилотажной процедуры мы, например, осознали элементарную вещь — зрителям в театре подчас просто нечем заполнять анкеты. Многие люди берут с собой в театр ручки или карандаши. В итоге для массового опроса в трех театрах города нам пришлось закупить несколько тысяч карандашей и предварительно заточить их. Более того, пришлось также купить машинки для заточки карандашей, ибо их грифели имеют свойство ломаться.

Кроме этого, стало понятно, что для успеха всего мероприятия необходимо заручиться надежной поддержкой самих театров, наладить реальное партнерство с коллективами театров и получить право выступать перед зрителями не просто социологами, но полноправными представителями театров. Это во многом способствовало доброжелательному отношению респондентов к опросам во время спектаклей и успеху всего проекта в целом⁷⁴.

⁷⁴ См. об этом подробнее в книге «Театр и публика. Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов. /Отв. ред. В. Н. Дмитриевский. — М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. Часть вторая «Зритель в театре», Глава 2, с. 249–282.

И, наконец, по большому счету, стоит пилотировать и основные процедуры анализа данных, особенно, если в программе были предусмотрены сложные алгоритмы анализа, такие как факторный или регрессионный анализ, а также построение интегральных вторичных переменных (производных признаков). Бывает очень досадно, когда после того, как собран большой массив эмпирических данных, обнаруживается, что какой-то признак, необходимый для построения производных, забыли включить в методику. Или же забыли его соответствующим образом откорректировать. Такое, к сожалению, случается в реальной исследовательской практике. В пилотажном (пробном) анализе это непременно обнаружится и еще будет реальная возможность исправить положение.

Элизабет Ноэль-Нойман пишет по поводу пилотажа следующее: «...при затратных исследованиях, когда проводятся комплексные исследования, структурированные опросы сравнительно небольшой, но статистически репрезентативной группы еще до проведения собственно основного исследования, а также во всех других исследованиях, даже на простую, вполне знакомую тему — всегда неизбежен **пилотаж** вопросника (часто для такой предварительной проверки используют английский термин «претест»), когда вопросники розданы интервьюерам, дорога назад закрыта. Поэтому нужно заранее выявить и устранить шероховатые формулировки вопросов и другие источники непонимания или нежелательных эффектов.

Поскольку требуется четкая фиксация всех деталей, в демоскопическом интервью чрезвычайное значение приобретает предварительный пробный опрос. Стандартизация опирается на интенсивную предшествующую проверку. Пробные опросы должны проводить немало экспертов, которые частично принимают участие в исследовательском проекте, а отчасти не знают о целях исследования. Пилотаж должен проходить в реальных условиях, т. е. с незнакомыми, с представителями различных слоев населения, которые позднее будут включены в репрезентативную выборку» (2007, с. 89).

Почти забытый жанр — методический эксперимент

Одной из разновидностей пилотажа выступает методический эксперимент. К сожалению, этот жанр сегодня практически не используется современными российскими социологами. Хотя было время, когда такие эксперименты проводили, прежде всего, в рамках ядовской школы, в том числе, и тартуские социологи под руководством Юло Вооглайда, Марью Лауристин и Асера Мурутара.

В частности, они экспериментировали с цветом, которым печатаются анкеты. Для одного из опросов одну и ту же анкету напечатали черным, зеленым, синим и коричневым цветом. Анкеты лежали стопками и каждый респондент выбирал из какой стопки взять анкету. Прежде всего, кончились анкеты, напечатанные привычной для людей черной краской. Затем синие, затем зеленые.

При кодировке данных, был введен признак цвета. А при обработке выявилось, что больше всего ошибок было в анкетах, напечатанных зеленой краской.

Также проводились эксперименты, описанные В. Шляпентохом, с изменением порядка вариантов ответов.

Польские социологи под руководством М. Лютынской регулярно проводили методические эксперименты, в ходе которых выявлялось влияние интервьюеров на качество информации. Интересный эксперимент был проведен ими для определения того, как люди отвечают на вопросы о культурном поведении. Студенты Лютынской вели дневниковые записи наблюдений за своими родственниками, где фиксировались посещения кино и театров, чтение газет и книг, посещение кафе и ресторанов, употребление алкоголя и т. п. Потом тем, за кем велось наблюдение, предложили заполнить анкеты о том, как они проводили свое свободное время в течение последних двух-трех недель. Естественно, анкетерами выступали «посторонние» люди. Результаты показали, что при заполнении анкет респонденты очевидно завышали частоту социально одобряемых форм досуга и столь же очевидно занижали частоту социально порицаемых форм поведения.

Элизабет Ноэль-Нойман описывает, например, метод, «вилочного опроса», или split ballot. «Идея его впервые возникла в вышедшей в 1944 году книге Хэдли Кэнтрила «Gauging Public Opinion» (45). Уже в ней был предложен вилочный опрос как метод проверки влияния формулировок, аргументов, имен. Принцип прост: готовят две или четыре версии вопросника, которые отличаются формулировкой или расположением отдельных слов или частей вопроса. Соответственно вся выборка последовательно делится на репрезентативные «полугруппы» или «четверть-группы», в которых, например, вопросники с четными номерами содержат один вариант, а с нечетными — другой. Таким образом, каждый респондент опрашивается по одному варианту анкеты, не подозревая о других версиях. Интервьюеры также знакомятся только с одним вариантом, они получают анкеты с одной версией. Так вилочный опрос становится контролируемым полевым экспериментом (46).

Полевой эксперимент — это в отличие от лабораторного эксперимента с начала прошлого столетия хорошо укоренившегося в психологии и с 30-х годов вошедшего в сочетании с анкетой в научную практику. В полевым эксперименте испытуемые остаются в естественных условиях, их не помещают в лабораторию, ни они, ни интервьюер не подозревают, что участвуют в эксперименте. Тем не менее, эксперимент следует классической модели: все обстоятельства по ходу исследования сохраняются единообразными, усредненными, все, за исключением одного фактора — экспериментального, который различает экспериментальную и контрольную группу. Сравнение результатов, полученных в обеих группах, служит основанием для выводов относительно воздействия экспериментального фактора, поскольку других

причин — помимо, естественно, статистических колебаний — для возникновения различий не может быть.

Постоянные эксперименты с вилочной выборкой позволили выявить эффекты различных формулировок последовательности вопросов или предлагаемых ответов.

Контролировать — в данном случае это означает, по крайней мере, признавать влияние формулировки. Не всегда ясно, какая форма вопроса лучше выявляет действительное мнение населения. Формулировки особенно влияют на те результаты, которые получены в сфере неустоявшегося общественного мнения» (2007, с. 183–184).

Специфика пилотажных процедур

Даже, если Вы планируете опрос, рассчитывая на то, что в массовом исследовании респондент сам будет заполнять опросный документ (имея в виду, например, почтовое или прессовое анкетирование), пилотаж целесообразно проводить в режиме интервью. При этом анкетер должен строго следовать формулировкам вопросов, шкал и их последовательности. Этот режим дает возможность наблюдать (и, что более важно, — фиксировать) реакции респондента и на ситуацию опроса, и на сами вопросы и шкалы. Для этого полезно параллельно вести что-то вроде протокола пилотажного опроса. Если это, в силу разных причин, невозможно или не получается, то сразу после окончания интервью, не откладывая в «долгий ящик» записать свои наблюдения и впечатления о его ходе.

В разных исследованиях мы практиковали более или менее формализованные отчеты, которые анкетер (интервьюер) должен был представить руководителю исследования вместе с полученными от респондента данными.

Приведу общий план такого отчета, который был обязательным для всех интервьюеров в исследовании 1974 года «100 вопросов о вашей жизни» (руководителем проекта А. Н. Алексеев).

- С первого ли раза Вы попали в нужную квартиру, по какому алгоритму выбрали респондента?
- Как Вас встретили? Где проходила беседа (на кухне, в прихожей, в комнате)?
- Опишите внешний вид респондента, а также общую атмосферу интервью. Присутствовали ли так называемые «третьи лица»? Участвовали ли они в ходе беседы?
- Предлагали ли Вам чай, приглашали к ужину?
- Какие вопросы вызывали затруднения или неудобство у респондента?
- Какие разделы интервью вызвали у респондента интерес и/или «разговорили» его?
- Как прошла заключительная часть интервью и прощание с респондентом и его домочадцами?

- Ваше общее впечатление о респонденте, насколько он был искренен и заинтересован в этом разговоре?
- Задавали ли Вам вопросы относительно заказчика и целей этого исследования?

Рукописный отчет о каждом интервью помещался в конце бланка, где для этого было оставлено несколько страниц. Кроме того, в бланке фиксировалось время начала и время окончания беседы.

Эти отчеты оказались очень информативными и существенно облегчили и кодирование первичной информации, и последующий анализ эмпирического материала.

А вот примерный план другого отчета, который требовался от интервьюеров в ходе летних экспедиций по селам Северо-Западного региона РФ в 2001–2003 гг.⁷⁵

- Опишите, с чего Вы обычно начинали интервью? С каких вопросов?
- В какой момент включали компьютер и когда начинали работать собственно с программой «Генеалогист»?
- Как относились к этому информанты? (описать их восприятие, их реакцию на компьютер, на диктофон, на фотоаппарат и т. п. Вообще возникали или нет какие-либо проблемы с диктофонами?).
- В какой момент Вы начинали разговор об общих характеристиках персонажей (дата и место рождения, профессия, социальный статус и т. п.)? Или это шло «само собой» по ходу интервью и Вы специально на этом не фиксировали свое внимание?
- Почему в целом по генеалогиям так мало событийной информации? Я полагаю, что это вообще наиболее сложная и наиболее трудоемкая часть интервью. Но почему Вы практически не вносили в файлы даты браков, разводов, начала и конца событий, связанных с обучением? Я прослушал почти все магнитофонные пленки, но и там почти нет этой информации. Почему?
- Почему практически ни у кого из персонажей нет информации об общественной активности, даже у «записных активистов»? Или Вы об этом просто не спрашивали, хотя в плане интервью этот пункт есть.
- Несмотря на мои настойчивые просьбы, блок информации об изменении состава семьи персонажей также практически не наполнен информацией, особенно жаль, что отсутствуют даты событий. Почему? *Все эти «Почему?» я задаю вовсе не в порядке упрека или претензии. Я хочу понять поджельмо ли это в принципе? Я хочу понять саму механику такого*

⁷⁵ Исследование, поддержанное РФФИ № 01–06–80410–а, Методология социологического анализа генеалогических и биографических данных, руководитель проекта О. Божков. Поскольку первый экспедиционный год был преимущественно ориентирован на отладку компьютерной программы, эти отчеты мы стали практиковать только в 2002 году. Поэтому, данный отчет относился не к каждому интервью, а ко всему полевому сезону.

рода интервью. Кроме всего прочего, я неоднократно говорил о том, что выработка технологии такого интервью входит в число важнейших целей и задач экспедиции.

- Насколько часто удавалось разговорить информантов до такой степени, чтобы их приходилось «возвращать» к непосредственной теме интервью?
- Если такое случалось, какие сюжеты (о чем?) особенно «зажигали» их?

Еще в прошлом году я понял, что у информантов непростые отношения со временем (в том смысле, что они вообще плохо помнят даты). Мы с Вами говорили о том, как можно помочь людям активизировать память. В частности, привязывая интересующие нас конкретные факты их биографии, к каким-либо внешним (общезначимым или локальным, местным) событиям. Какого типа внешние события оказывались более стимулирующими: общезначимые (такие, как война, коллективизация и т. п.), местные (например, объединения или разукрупнения хозяйств, смена руководства в колхозе или совхозе, появление новых людей в деревне и т. п.), или природные стихии и явления (засухи, пожары, неурожай), или вообще сугубо лично-семейно-домашние события (например, падеж или нездоровье скота, семейные неурядицы, нездоровье или несчастья у кого из членов семьи)?

- Упоминались ли в ходе интервью какие-либо местные легенды, мифы, суеверия?
- Можно ли сказать (по вашему общему впечатлению от бесед с местными жителями), что в деревне есть свои «герои» или «легендарные личности» (неважно — положительные или отрицательные)? Можете ли Вы описать таких героев по каждой из обследованных нами деревень?
- Можете ли Вы выделить такие события, которые были бы достойны того, чтобы включить их в локальную хронологическую таблицу (Максатихинского и/или Лесного района Тверской области). Хорошо было бы обозначить такие события в жесткой привязке к конкретному времени. Возможно ли это?
- И, наконец, хотелось бы узнать Ваше собственное отношение к той деятельности, которой Вы занимались во время экспедиции. В данном случае меня интересуют не столько Ваши эмоции, на уровне «понравилось или не понравилось», но осознание полезности (или бесполезности) такого опыта и профессионального, и житейского, осознание неизбежных или излишних трудностей и проблем.
- И последнее, есть ли у Вас какие-либо соображения по совершенствованию организации такого рода экспедиций: в плане организации самой работы; в плане организации быта; в том числе, относительно организации проживания (может быть лучше искать стационарный постой в домах?), или относительно организации питания и вообще обеспечения повседневного быта (в частности, дежурств по лагерю)».

Естественно, отчеты интервьюеров отличались разной глубиной. Некоторые из интервьюеров более или менее формально (и весьма лапидарно)

отвечали на эти вопросы. Однако были и вполне релевантные поставленной методологической и методической задаче ответы. К большому сожалению, интервьюеры (может быть в силу молодости и, свойственной для этого возраста, стеснительности перед «опытом и мудростью» руководителей) не осмелились критически отнестись к самим поставленным вопросам.

В следующих сельских проектах, поддержанных РГНФ (№ 04–03–00367а, Руководители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ, и № 07–03–00571а, Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материале Северо-западного региона РФ), такого рода отчеты были обязательными для каждого интервью. К этому времени уже сформировалось две-три стабильные команды, наши интервьюеры набрались опыта, осознали необходимость этих отчетов. Да и отчеты стали более полными и содержательными. А поскольку это были глубокие (качественные) интервью, основой которых был только общий план и несколько обязательных тем, отчеты стали незаменимым инструментом при анализе и интерпретации результатов. Кстати, они непременно включали и краткое содержание той части беседы, которая по каким-либо причинам, отсутствовала на диктофонной записи.

Такого рода отчеты — нормальная практика, особенно когда работа идет в режиме глубокого интервью. Но в ситуации пилотажного исследования они просто необходимы, так как позволяют лучше понять все достоинства и дефекты разрабатываемого инструментария.

Очевидно, что цели и задачи, а также все процедуры пилотажа должны быть тщательно прописаны в процедурном разделе программы исследования. И опять-таки, стоит повторить, что и в этом случае, программа — не догма. В реальности пилотаж может проходить несколько иначе, чем это прописано в программе. И, тем не менее, его основные этапы важно планировать заранее. Хотя бы для того, чтобы правильно определить сроки и продолжительность каждого этапа и всего исследования в целом.

И, наконец, даже если свое исследование вы квалифицируете, как исключительно качественное, пилотаж поможет вам выделить, скажем, позиции гайда глубокого интервью, которые являются совершенно необходимыми или очень желательными. Ибо только в ходе «реального» интервью можно нащупать такие сюжеты, относительно которых так и хочется сказать: «С этого места, пожалуйста, подробнее». И лучше нащупать их в процессе пилотажа с тем, чтобы внимание к ним стало общим правилом, а не индивидуальной особенностью того или иного интервьюера.

Нужен ли пилотаж для других форм сбора первичной информации?

Этот вопрос подчас даже не ставится. В традиционной методической литературе понятие пилотаж связывается исключительно с анкетными опроса-

ми. Тем не менее, на мой взгляд, он актуален и в том случае, если массовый опрос предполагает использование стандартизированного или фокусированного интервью. Но и при использовании наблюдения, особенно структурированного, пилотаж также полезен.

Что в этом случае может стать объектом пилотажа? Прежде всего, наблюдаемые признаки, как по отдельности, так и в их совокупности. Во-вторых, процедуры регистрации наблюдения.

Естественно, и техника, и последовательность процедур пилотажа здесь должны быть совсем иными. Сначала необходимо сформулировать задачи и цели наблюдения (хотя бы в самом общем плане). Затем, исходя из анализа природы того, что мы хотим наблюдать, определить потенциальные места (точки) наблюдения. Собственно пилотаж — и есть пробные наблюдения: на первом этапе важно оценить, если угодно, «информационную емкость» избранных точек с тем, чтобы понять, насколько точно и обоснованно они выбраны. При этом, существенно также определить временные отрезки времени (дни недели, часы в течение суток и т. п.), в течение которых эти точки (места наблюдения) оказываются наиболее информативными. На втором этапе внимание акцентируется именно на информационно насыщенных точках, и объектом пилотажа становится содержание признаков, которые необходимо зафиксировать в ходе наблюдения, и оценка их релевантности задачам исследования, а также процедура(ры) фиксации результатов наблюдения. Одна из задач пилотажа здесь — выделение единиц наблюдения и единиц счета.

На обоих из названных этапов важно, во-первых, чтобы каждый участник писал достаточно подробные отчеты о ходе пилотажных наблюдений. Но также важно их совместное обсуждение: оказывается совершенно не достаточным, если анализ результатов пилотажа возлагается исключительно на руководителя проекта. Известно, что одна голова — хорошо, а две — лучше. К тому же, как правило, если для анкетного опроса можно привлечь внешних или «наемных» работников, то доверять им наблюдение представляется не целесообразным. Наблюдатель должен хорошо понимать, что и зачем он наблюдает, и уметь оперативно «разделять» существенное для данного исследования от несущественного. Научить этому наемных работников довольно трудно, а иногда и невозможно.

Вопросы к семинару

- В чем состоят основные задачи пилотажа?
- Что является объектами этой процедуры?
- Почему пилотаж опросного инструмента желательнее проводить в режиме интервью?
- В чем специфика пилотажа процедур наблюдения?

Литература

1. Аверьянов Л. Я. Социология: искусство задавать вопросы. Издание 2-е, переработанное и дополненное. — М., 1998
2. Методология и методы социологического исследования. Для студентов, обучающихся по основным образовательным программам уровня «Бакалавриат» по направлению «Социология» /под ред. Дудиной В. И. и Смирновой Е. Э., СПбГУ, 2013. — 297 с.
3. Мид М. . Культура и мир детства /Сост. и предисл. И.С.Кона. — М.: Наука, 1988.
4. Нозль-Нойманн Э., Петерсен Т., Все, но не каждый... Введение в методы демоскопии. Пер. с нем. Л. Н. Рыбаковой и Е. В. Невмержицкой. Науч. ред. и автор вступ. ст. Н. С. Мансуров. — М.: МГУКИ, 2007. — 616 с.
5. Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы. Введение в проектирование массовых обследований. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

ЛЕКЦИЯ 6. ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ И НАДЕЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Эти проблемы с самого начала зарождения советской социологии в середине 1950-х — начале 1960-х годов были постоянно в поле внимания отечественных социологов. Сотрудники лаборатории В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова учились не только по книге Гутта и Хата. Под эгидой созданной в 1958 году Советской социологической ассоциации, уже с конца 1950-х и до начала 1970-х регулярно издавались информационные бюллетени, в которых публиковались работы западных социологов, посвященные по преимуществу методологии и методике социологических исследований. Эти бюллетени давно уже стали библиографической редкостью. В то время еще студентка Г. И. Саганенко специально на материалах исследования «Человек и его работа» занималась проблемой устойчивости социологических данных и проводила специальные методические эксперименты.

Когда Андрей Григорьевич Здравомыслов возглавил сектор методики и техники социологических исследований ИКСИ АН СССР, в качестве одной из главных задач этого подразделения стало консультирование «практических социологов», прежде всего, работавших на промышленных предприятиях. Именно отсюда «выросла» проблема стандартизации методических решений для повышения надежности, достоверности собираемой социологами первичной информации. Этим направлением в работе сектора руководил Владимир Эммануилович Шляпентох, который к этому времени имел большой опыт проведения масштабных исследований и всегда был очень внимателен к проблеме достоверности и надежности социологических данных.

Здесь я откровенно рекламирую два основных источника: во-первых, книги В. Э. Шляпентоха, изданные еще в СССР⁷⁶; а также книги немецкого социолога Элизабет Ноэль-Нойманн «Массовые опросы. Введение в методику демоскопии»⁷⁷. Оба эти источника, несмотря на то, что первые их издания на

⁷⁶ К сожалению, они на долгое время были изъяты из обращения в связи с отъездом В. Э. Шляпентоха в США, но в 2006 году московский Центр социального прогнозирования переиздал три книги этого автора под одной обложкой с общим названием В. Э. Шляпентох «Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал». М.: 2006. — 664 с.

⁷⁷ Первое издание на русском языке было в 1978 г., книгу издало издательство «Прогресс». Дополненная и расширенная автором при участии Г. Петерсена

русском языке вышли 40 (\pm 3–5) лет назад, совершенно не устарели. Напротив, пожалуй, стали еще более актуальны на фоне массового увлечения, т. н. качественными методами и пренебрежением к массовым количественным обследованиям. Впрочем, и сторонники «качественных» методов в этих книгах найдут много полезного для себя. Эти книги знаменовали собой расцвет методологических и методических продвижений в отечественной социологии. Стоит отметить, что в рамках этой парадигмы в те годы в Ленинграде работали не только ядовский коллектив, но и группы Бориса Максимовича Фирсова, Валерия Борисовича Голофаства, а также социологи Института истории естествознания и техники под руководством Самуила Ароновича Кугеля. В этот же период над проблемами достоверности и надежности социологических данных серьезно работали и московские наши коллеги: М. Мацковский, Г. Денисовский, Э. Соровский, О. Маслова, С. Клигер и М. Косолапов⁷⁸. В 1979 году в издательстве «Наука» вышла книга Б. З. Докторова «О надежности измерения в социологическом исследовании», а в 1983 году в том же издательстве — книга Г. И. Саганенко «Надежность результатов социологического исследования». В общем, пожалуй, пик интереса к проблемам измерения, надежности и достоверности социологических данных в отечественной социологии пришелся именно на 1970-е — 1980-е годы.

Изданный центром социального прогнозирования в 2006 году книга — В. Э. Шляпентох. «Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал»⁷⁹, включает в себя, во-первых, два раздела из монографии «Социология для всех». Некоторые проблемы, результаты, методы. «Советская Россия, М.: 1970. Во-вторых, сокращенный текст монографии»⁸⁰. В. Э. Шляпентох Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М.: «Статистика», 1973. В-третьих, в минимальной степени сокращенный текст монографии: В. Э. Шляпентох Проблемы репрезентативности социологической информации. (Случайная и неслучайная выборка в социологии), М.: «Статистика», 1976. И, наконец, в минимальной степени сокращенный текст монографии: В. Э. Шляпентох Как сегодня изучают завтра. М.: «Советская Россия», 1975.

она также была переиздана в 2007 г. под названием «Все, но не каждый. Введение в методы демоскопии», М.: МГУКИ, 2007. — 616 с.

⁷⁸ Конечно, эти проблемы были в центре внимания социологов и в других социологических центрах СССР, в частности в Эстонии, на Урале и «далее везде». Просто с московскими коллегами мы работали в одном институте. Надеюсь, на меня не обидятся те, кого я не упомянул здесь.

⁷⁹ Далее в круглых скобках приводятся ссылки именно на эту книгу, изданную в 2006 году

⁸⁰ Сокращения в основном были сделаны за счет обязательных в советское время ссылок на классиков марксизма-ленинизма, а также на постановления ЦК и материалы съездов КПСС.

Первые издания этих книг Шляпентоха давно стали библиографической редкостью, поэтому их переиздание — стало важным событием в жизни современной отечественной социологии. Здесь мы рассмотрим более обстоятельно две первые книги из этого списка, прямо отвечающие теме лекции. К другим обратимся в соответствующих лекциях.

Итак, «Социология для всех»

Это, пожалуй, одна из первых (и до сих пор немногих) научно-популярных книг о социологии. Она написана хорошим литературным языком. Не со всеми положениями автора можно согласиться. В частности, с тем, что «Важнейшим объектом исследований социологов является личность». По этому поводу мы неоднократно дискутировали с автором, правда, в результате наших дискуссий каждый упорно оставался при своем мнении. Но, вот что интересно, это мнение у обоих укреплялось дополнительными аргументами.

Безусловно, очень полезны для студентов разделы, посвященные истории социологических учений и советской социологии в 1920–30-х годах. Но особое внимание стоит обратить на разделы «Методология и методы социологического исследования» и «Измерение в социологии» (2006, с. 45–71), так как именно в них затрагиваются и проблемы, которым посвящена эта лекция.

В частности, автор пишет: «Среди проблем, решаемых на теоретической стадии, предшествующей сбору эмпирического материала, видное место занимает вопрос о методах проверки истинности выдвигаемых гипотез, объясняющих характер связей, структуру изучаемых явлений. Эта проблема возникает и тогда, когда идет речь о гипотезах, выдвинутых в начальной стадии исследования, и тогда, когда они являются результатом размышлений ученого над собранной информацией. Но проверка результатов исследования с помощью общественной практики находится вне пределов каждого социолога в отдельности. К тому же требуется известное (а часто и немалое) время, чтобы можно было вывести окончательный приговор тем или иным рекомендациям или прогнозам социологов (2006, с. 56–57)⁸¹.

Главу, посвященную измерению в социологии, автор начинает следующими словами: «Проблема подбора пригодных для конкретного социологического обследования понятий имеет еще один важный аспект — измерение» (2006, с. 61). Это очень существенное замечание, так как далеко не каждое понятие может быть напрямую доведено до уровня измеримости, т. е. после-

⁸¹ Вряд ли целесообразно пересказывать все рассуждения автора. Тем более, что книга вполне доступна — она выложена на сайте института социального прогнозирования и каждый заинтересованный легко может к ней обратиться по следующей ссылке в интернете: http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/Problemy_rachestva.pdf, и получить удовольствие от прямого контакта с хорошей книгой.

довательно, качественно и в полном объеме операционализировано. Стоит обратить внимание на очень точное замечание В. Э. Шляпентоха о том, что «Социологическая практика чаще всего прибегает, особенно на стадии сбора первичной информации, к номинальному или порядковому шкалированию. Но и это вызывает немало трудностей.

Так как большинство используемых индикаторов имеет непрерывную протяженность⁸², то перед исследователем возникает проблема — сколько градаций (значений) должно быть выделено для каждого вопроса. При упорядочении объектов социологическая практика чаще всего исходит из «жизн-тейского» трехчленного деления: сильный (или «хороший», «полностью» и т. п.), средний (или «частичный», «по-разному», «когда как»), слабый (или «плохой», «редко» и т. п.). Исследователи стремятся усовершенствовать эту шкалу. Однако большее число градаций, как показывает опыт, толкает опрашиваемого, далеко не всегда умеющего различать оттенки, на случайные ответы. В то же время при небольшом числе градаций возникает опасность сильного округления ответов» (2006, с. 66).

О достоверности социологической информации

Пожалуй, наиболее адекватна для данной лекции другая книга В. Э. Шляпентоха «Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях» (М.: «Статистика», 1973).

И, тем не менее, пожалуй, ограничусь лишь перечислением разделов этой книги, что само по себе, достаточно информативно. Читайте, пожалуйста, внимательно и вдумчиво:

Актуальность проблемы.

Логическое и эмпирическое обоснование социологических показателей.

- Параметры качества информации.
- Респондент как источник информации.
- Классификация вопросов.
- Проблема получения фактологической информации.
- Проблемы получения информации о психике респондента.
- Пути повышения достоверности ответов о духовной деятельности.
- Респондент как эксперт.

Память респондента и достоверность ответов

- Метод «моментных» опросов.
- Метод «напоминания» в опросах.
- Фактор памяти и закрытые вопросы.

⁸² Здесь автор дает примечание: «В ряде случаев используются и дискретные индикаторы. Например, уровень материального благосостояния может быть охарактеризован количеством благ длительного пользования, имеющихся в семье, интерес к кино — числом просмотренных фильмов и т. п.

- Способы сбора информации и память респондента⁸³.
Фактор времени и опрос
- Размер анкет и длительность интервью.
- Интерес респондента к опросу.
- Пути повышения привлекательности опроса.
- Выбор времени для интервьюирования.
- Утомляемость респондента.
Возможности получения информации абстрактного и конкретного характера.
- Трудности ответов на вопросы абстрактного характера.
- Проблема понимания вопросов.
- Респондент как источник количественной информации.
- Информация об интенсивности оценок.
- Количественная информация о результатах деятельности.
Формулировки вопросов и ценностные ориентации респондентов.
- Престижный фактор и достоверность ответов.
- Ценностные аспекты формулировок вопросов.
- Типы вопросов и выявление истинной позиции респондента.
- Ценностные факторы и уровень образования респондента.
- Пути преодоления влияния престижного фактора.
- Проблемы положительных и отрицательных оценок.
- Причины склонности респондента к положительным оценкам.
Влияние условий интервьюирования на результаты опроса.
- Влияние интервьюера.
- «Третьи лица» во время интервьюирования.
- Место беседы с респондентом.
Возможности нестандартизированных интервью.
- Косвенная техника опросов.
- Этика интервьюирования. Опрос и анонимность.
- Анонимность и интервью.
- Почтовые опросы и анонимность.
- Фактор анонимности и пути повышения достоверности ответов.

Все главки этой книги совсем не большие, но почти каждая насыщена примерами из опыта разных исследований и, по сути дела, книга в целом может быть охарактеризована, как энциклопедия по методике и технике социологических исследований. Ни одна «мелочь» здесь не пропущена. Пересказать все это просто не возможно — это надо вдумчиво читать от начала до конца, или просто держать эту книгу постоянно под рукой.

⁸³ По этому поводу целесообразно вернуться и внимательно перечитать третью лекцию, где описывается специфика каждого из интерактивных методов сбора первичной информации.

Тем не менее, рискну дополнить некоторые главы и/или параграфы примерами из собственного опыта и опыта моих коллег.

«Интерес респондента к опросу» — на мой взгляд, это один из важнейших факторов успешности исследования, в том числе, и в смысле достоверности его результатов. В 1974 году, занимаясь разработкой темы «Образ жизни советских людей» мы проводили большое исследование, которое получило название «100 вопросов о Вашей жизни». Полевой этап этого исследования предполагал квартирный опрос 500 ленинградских семей. Бланк стандартизированного интервью представлял собой объемную книгу (106 страниц), опрос в среднем занимал где-то около двух часов. Что нас самих — исследователей, участвовавших в этом опросе — поразило, так это то, что практически не было отказов от интервью. В почтовые ящики квартир, которые попали в выборку, мы предварительно опускали уведомление о том, что проводится такое исследование и что интервьюер посетит Вас примерно в такой-то день. При этом, в уведомлении сообщалось, что беседа занимает немало времени.

Как выяснилось уже в ходе исследования, люди ждали нас и обижались, если мы приходили не в то время, о котором писалось в уведомлении. Причина оказалась простой — людям льстило, что государству (а нас воспринимали, как представителей именно государства) не безразлично, как они живут.

Во второй половине 1980-х мы проводили исследование под названием «Жилище 2000». Это исследование был инициировано Ленинградским исполнительным комитетом, который накануне опубликовал в городских газетах основные положения городской программы с одноименным названием. Анкета была опубликована в двух городских газетах «Ленинградская правда» и «Вечерний Ленинград», и было получено более 12 тысяч хорошо заполненных анкет. Такой большой массив первичных данных позволил с минимальными потерями отремонтировать выборку, чтобы иметь возможность распространить результаты исследования на всю генеральную совокупность, т. е. на постоянных жителей города. Причина такой активности населения очень проста — жилищная проблема тогда была одной из самых «горячих». Естественно, интерес к ней также был очень высок.

«Проблема понимания вопросов». В одном из исследований новосибирских социологов большой блок вопросов был посвящен проблеме повышения квалификации сельских работников. И это тяжелое словосочетание «*повышение квалификации*» повторялось почти в каждом вопросе. В последний вопрос этого блока анкеты авторы решили не включать его, и вопрос сформулировали просто: «Есть ли у Вас трудности с этим делом?». И именно этот вопрос сильно смутил респондентов. А выяснилось это совершенно случайно.

Полевая бригада состояла в основном из женщин. Им на помощь из Новосибирска приехали два мужчины. И когда один из них в ходе интервью дошел до этого вопроса, его респондент несколько замаялся, а потом сказал, что он не знает, есть ли у него «такие трудности» и посоветовал спросить об этом у его жены (?!). «А Вы про какие «такие» трудности сейчас говорите?» — по-

интересовался интервьюер. Респондент вконец смутился: «Ну, как же, вы городские, какими-то намеками спрашиваете». Опять изумление интервьюера. И когда он объяснил респонденту, что речь идет о трудностях с повышением квалификации, респондент сначала густо покраснел, а потом расхохотался: «А все мужики удивляются, зачем это социологи спрашивают про трудности «с этим делом»?»

Кстати, у него-таки оказались трудности именно с повышением квалификации. Хороший механизатор, он все время просил председателя колхоза отправить его на курсы. Но посылали все время других. Логика председателя была «железной»: «Дорогой, ты уедешь месяца на два — на три, а кто же работать будет. А от этих все равно толку нет, так пусть хоть ума наберутся, и глаза тут не мозолят». Правда, «повысивших» свою квалификацию тот же председатель к новой технике близко не подпускал — еще ломают.

Второму интервьюеру попала женщина, которая слегка замаявшись, тем не менее, бодро ответила: «Да какие тут могут быть трудности — дело-то не хитрое» и рассмеялась. Когда и ей интервьюер разъяснил, какие трудности исследователи имели в виду, она тоже густо покраснела. На ежедневном «разборе полетов» вновь прибывшие интервьюеры поинтересовались у своих коллег-женщин, как отвечают респонденты на этот вопрос? Оказалось, что на данный вопрос все, опрошенные к этому моменту, отвечали, что никаких трудностей «с этим делом» не испытывают.

Конечно, это чистый курьез, но вопрос пришлось снять с обработки и анализа, так как к этому времени было опрошено уже более половины всех респондентов.

«Влияние интервьюера», к сожалению, этот сюжет сегодня почти не попадает в поле внимания многих и многих социологов. В том числе, и потому, что сами опросные процедуры почти никогда не проходят пилотаж, а интервьюеры, которых приглашают исследователи в случае действительно массовых опросов, хотя и проходят некоторый курс обучения, но никогда не сдают ни зачетов, ни, тем более экзаменов, по пройденному курсу. В уже упоминавшемся проекте «100 вопросов о Вашей жизни» опрос проводили только профессиональные социологи, но каждый из них проходил своеобразное тестирование на «профпригодность» (мы опрашивали друг друга по «всей форме», по методике, которую сами же и разработали). И отнюдь не всех руководитель проекта допустил к работе интервьюера. Кто-то оказался «нетерпеливым» и «подталкивал» респондентов к тем или иным вариантам ответа; кто-то пропускал мимо ушей важную информацию и не фиксировал её ни в бланке интервью, ни в своем отчете.

«Этика интервьюирования. Опрос и анонимность» Проблема анонимности чаще всего возникает именно в ситуации взаимодействия респондента и социолога (или интервьюера) лицом к лицу при квартирных или «производственных» опросах. И это, действительно, прежде всего, проблема профессиональной этики. В советское время, когда массовые опросы сначала

были вновь и респондент был еще «не пуганым» эта проблема была, может быть, не столь актуальна. Затем, когда опросы стали достаточно распространенным явлением, особенно на предприятиях, респонденты научились «уходить» от тех вопросов, которые казались им «опасными» или «напрасными». Опасными же воспринимались многие вопросы, так как социологов воспринимали, как находящихся на государственной службе и напрямую докладывающих о результатах своих исследований по инстанциям⁸⁴.

При повторении исследования «Человек и его работа» на тех же ленинградских предприятиях, что и в начале 1960-х, мы обнаружили странный эффект. В 60-х вариант ответа «трудно сказать» выбирали лишь около 25–30 % респондентов, а 70–75% давали определенные ответы («да» или «нет»). В исследовании 1976 года картина резко изменилась: теперь до 60% респондентов «уходили» в вариант «трудно сказать» и только около 40% давали определенные ответы. Мы не смогли сразу понять, в чем же тут дело.

В 1977 году по той же методике это исследование было проведено в Риге и в Даугавпилсе. В ответах на те же вопросы были получены распределения, аналогичные ленинградским 1960-х годов. При этом на латвийских предприятиях, по сути дела, мы были первыми, кто проводил массовые социологические опросы. Через пять лет мы повторили этот опрос на тех же предприятиях в Латвии и получили на тех же вопросах распределения, аналогичные ленинградским 1976 года. Что же произошло в Латвии за эти пять лет?

За это время развернул свою деятельность факультет прикладной социологии Рижского университета и провел не один десяток опросов на разных предприятиях. Но ни на одном из этих предприятий не улучшились ни условия труда, ни условия его оплаты, ни социальные вопросы, которые были предметом исследования социологов. Люди не видели результатов этих опросов и поняли, что их жизнь и их работа ровным счетом не изменяются и не зависят от того, как они отвечают на вопросы социологов. А зачем тогда «выкладываться» перед социологами? «Поле» оказалось испорченным из-за того, что социологи никак не влияют на реальные жизненные процессы. Их (социологов) репутация оказалась «подмоченной» в глазах респондентов. И это оказалось более значимым, нежели пресловутая проблема анонимности.

Элизабет Ноэль-Нойманн «Массовые опросы. Введение в методику демоскопии»

В предисловии к русскому изданию Элизабет Ноэль-Нойманн писала: «История науки показала, что от первого появления эмпирических наблюдений и экспериментов в науке до полного развертывания её потенциала

⁸⁴ Точно также, как рабочие научились «размеренно», не торопясь работать, когда видели рядом нормировщика, проводящего хронометраж их рабочего процесса.

проходит почти век. Метод репрезентативных опросов был создан в первой половине XX столетия. Сейчас он широко используется, прежде всего, в маркетинговых исследованиях, но пока он по-прежнему не закрепился в университетской среде. Исследования коммуникаций, политология, социология и сегодня все еще опираются на теоретические рассуждения больше, чем на эмпирические методы» (2007, с. 23). Хотя это было написано в 1978 году, звучит по-прежнему чрезвычайно актуально.

В предисловии к третьему изданию этой книги (правда, теперь изменилось её название «Все, но не каждый») автор повторяет эту мысль: «Во многих частях лежащей перед читателем книги встречаются описания полевых экспериментов, помогающие разъяснить методические вопросы. Нас не оставляет надежда, что такие экспериментальные исследования наконец найдут свое место в университетских проектах» (2007, с. 30).

Выше (в лекции 4) уже говорилось об исследованиях, которые можно квалифицировать, как методический эксперимент. К сожалению, приходится констатировать, что надежда Э. Ноэль-Нойманн, по крайней мере, у нас в России, пока что не оправдалась.

Книга «Все, но не каждый» насыщена точными и тонкими наблюдениями, массой примеров того, как непросто обеспечить надежность и достоверность социологической информации. Начать с того, что авторы разобрали «по косточкам» весь процесс исследования и выделили «Самое слабое звено» в этом процессе. Этот небольшой фрагмент книги представляется настолько важным, что приведу его полностью.

«Интервьюер и респондент — самые слабые звенья в цепи

Отказавшись от представления об интервью как о чайной беседе или чем-то похожем, можно непредвзято простить правила «статистически репрезентативного социологического интервью, проводимого в научных целях». Их нужно выводить исключительно из задач, стоящих перед интервью в эмпирическом исследовании.

Такое исследование в большинстве случаев является ручным мероприятием, на различных стадиях которого участвует много людей: заказчик или лицо, финансирующее исследование (спонсор), исследователь (чаще исследовательская группа — социологи, психологи, экономисты, статистики, математики), руководитель группы интервьюеров, интервьюеры, опрашиваемые, специалисты по машинной обработке данных. При этом интервью должно, как правило, представить для исследования весь сырой материал. Именно вопросы интервьюеров, ответы опрашиваемых, заметки интервьюеров о наблюдениях во время беседы создают основу для выводов исследователя. На них в свою очередь опираются соображения и решения, выходящие за рамки данного исследования. Это остается в принципе неизменным, если позднее в отчете института, проводившего опрос, будут использованы данные из других источников, например, официальная статистика или результаты анализа сообщений СМК.

Чтобы понять всю важность строгого соблюдения методических правил, нужно представить себе, как много зависит от незаметного процесса беседы с глазу на глаз. В цепи участников такого исследования добыча «сырья» выпадает на долю именно тех людей, которые — единственные — не являются специалистами в данной области: интервьюеров и респондентов. Из этого следует важное правило: при репрезентативных опросах, как интервьюера, так и опрашиваемого, **нужно освободить от всякого умственного, психологического, языкового и технического напряжения, сверх неизбежного (выделено мной — О. Б.)**.

В нашем описании методов и тем более в практической работе вы встретите немало примеров того, как в ходе подготовки исследования статистик может взять на себя основную работу по отбору опрашиваемых либо взвалить ее на интервьюера; как составители анкеты и специалисты по кодированию и обработке данных могут сделать большую часть работы сами или переложить ее на плечи интервьюера и опрашиваемого. Правильным решением всегда будет возложение основной нагрузки на статистика, составителя анкеты, группу кодировщиков и специалистов по обработке. Следует неуклонно соблюдать этот принцип, потому что при совместной разработке исследования специалистами опрашиваемые и интервьюеры не присутствуют. Так что тенденция взвалить на них трудности существует и без того. В большинстве случаев остается без ответа вопрос о том, не были ли предъявленные интервьюеру и опрашиваемому трудности чрезмерными. Поэтому социолог поначалу может сравнительно спокойно и безнаказанно перегреть палку: он получит ответы и тем самым числа, чтобы сделать подсчеты и написать отчет. Часто он даже и не заметит, что его цифры неверны и бессмысленны, потому что он превысил возможности интервьюера и опрашиваемого. Редко встречаются такие любопытные люди, как группа ученых, которая в 50-е годы провела опрос среди 2400 преподавателей американских колледжей, а затем попросила социолога Дэвида Рисмена опросить интервьюеров и преподавателей, чтобы получить критическую информацию о ходе интервью в основном исследовании.

После опроса — опрос об опросе. Звучит курьезно, но сделано основательно. Это выявило дилемму: процедура интервью является самой важной и наиболее трудно контролируемой фазой опроса» (2007, с. 75–76).

Приведу еще одну выдержку из текста этой книги, посвященную результатам анализа источника ошибок при переводе исследовательского вопроса (Э. Ноэль называет его «целевым») в вопросы инструмента, т. е. анкеты или стандартизованного интервью (Э. Ноэль называет их доказательными).

«Зная источники ошибок, лучше понимаем метод

Можно перечислить причины, по которым необходим перевод задач исследования на язык респондента:

1. Иногда вопрос трудно понимать по языковым причинам: понятия, посредством которых формулируется доказательный вопрос и задача ис-

- следования, не ясны населению; они могут быть неправильно поняты или различным образом интерпретированы; они многозначны или содержат подсказку, потому что морально или эмоционально окрашены.
2. Доказательные вопросы или задачи исследования часто носят абстрактный характер, и эрудиции многих опрашиваемых недостаточно для их понимания. Население отвечает тем подробнее и точнее, чем конкретнее сформулированы вопросы анкеты.
 3. Языковые способности опрашиваемых, как правило, ограничены, вследствие скованности, замкнутости, робости респондент не может сразу точно выразить свое мнение, точку зрения или предоставить сведения, которых от него ожидают.
 4. Недостаточная наблюдательность: на те обстоятельства, о которых спрашивают, респондент не обращал внимания или воспринимал их недостаточно точно.
 5. Нечеткие воспоминания: респондент не может дать надежную информацию, восприятие было, но оно полностью или частично стерлось из памяти.
 6. На способность или готовность высказаться может влиять усталость. Для достижения многих целей исследования или осуществления методик для опрашиваемого требуется немало сведений, которые интервьюер должен получить, не утомляя респондента. Этому помогает соответствующий «перевод».
 7. Недоверие или страх политического, экономического, общественного или религиозного свойства может мешать опрашиваемому высказать свое мнение. Здесь играет роль, прежде всего, страх перед изоляцией, страх опростоволоситься перед интервьюером или подвергнуться общественному неодобрению, например, в случае признания своего алкоголизма или правого экстремизма.
 8. Потребность в престиже может исказить ответы (однако этот фактор играет меньшую роль, чем обычно полагают).
 9. Разговор касается вещей, которые считаются сугубо личными и о которых постороннему не хотят говорить (эта причина нежелания отвечать на вопрос самая понятная, но на практике она играет сравнительно небольшую роль).
 10. Ответы искажены мудрствованиями и самообманом разного рода, которые объясняются желанием ответить «разумно», непротиворечиво, связно. «Я-идеал» — каким хочется видеть самого себя или каким меня должны видеть другие, предъявляет многочисленные требования, часто неосознаваемые. Это обуславливает значительные осложнения в конструкции вопроса.
 11. Во многих исследованиях изучаются обстоятельства, поведение или установки, которые опрашиваемый не осознает. Поэтому при всем желании он не сможет предоставить необходимые сведения на прямой вопрос.

12. На ответ может повлиять вежливость по отношению к интервьюеру или предполагаемому заказчику («эффект спонсорства»).

«Эффект спонсорства» представляет собой особый источник ошибок. Когда институты регулярно выполняют заказы определенной организации, определенной партии, определенного крупного предприятия, следует особенно тщательно нейтрализовать вопросник, чтобы интервьюер не смог вычислить заказчика (2). Опрашиваемые также оказываются под влиянием, если у них складывается впечатление о существовании заказчика. Возможны искажения в угоду ему. Особенно опасно, когда среди интервьюеров распространяется мнение, что исследование делается для определенного заказчика.

Еще на заре исследований радиослушателей директор отдела по изучению аудиторки Би-би-си Роберт Силви рассказывал, что когда они использовали собственных интервьюеров и те называли заказчика исследования, Би-би-си регулярно получала более благоприятные для себя результаты (3).

Очень часто организации, заказывающие опрос, просят исследователей в целях сокращения расходов использовать в качестве интервьюеров персонал заказчика. Воздействие такого использования кадров показал квазиэксперимент, невольно организованный английским институтом МОРИ в международном опросе по заказу международной экологической организации Гринпис. В Бельгии Гринпис настоял, чтобы институт, проводивший там опрос, хотя бы частично провел интервью силами сотрудников Гринпис.

В этом опросе в Бельгии было получено всего 604 интервью, из них 155 проведены сотрудниками Гринпис.

Сравнение результатов, полученных сотрудниками Гринпис и другими, обычными интервьюерами, показало различия не во всех вопросах, но во многих — значительные отклонения, которые нельзя объяснить только случайностью» (2007, с. 107–109)⁸⁵.

Еще раз об операционализации понятий

Многолетний опыт преподавания курса «Методика и техника социологических исследований» показал, что проблема операционализации понятий, т. е. перевода исследовательского вопроса в вопросы для респондентов, трудно воспринимается студентами. Именно по этой причине здесь этой проблеме отводится так много страниц, она обсуждается не в одной лекции. И, конечно, я пользуюсь любой возможностью, чтобы еще и еще раз привлечь к ней внимание. И В. Э. Шляпентох, и Э. Ноэль-Нойманн также акцентируют на ней внимание. В частности, очень близка мне идея немецкого автора следующего свойства.

«Целевые вопросы, которым посвящено исследование, часто невозможно найти в вопроснике. Вместо них имеются крупные блоки вопросов, смысл ко-

⁸⁵ **Рекомендация.** Перечитайте еще раз не торопливо и вдумчиво этот фрагмент. Он стоит того.

торых нельзя передать в нескольких словах и которые часто похожи на провокационную игру. Утрируя, можно сказать: чем лучше проект анкеты, тем менее ясна его цель для читателя. Поэтому для заказчика убедительна не анкета с ее операциональными вопросами, а отчет с результатами анализа. Нужно не рассеивать, а подкреплять оправданные сомнения в том, что «от людей можно узнать правду».

Исследователь, использующий метод опроса, действительно должен преодолеть значительные трудности, чтобы на основании высказываний людей получить точную картину. То, о чем здесь говорится, может быть, сократит количество наивных опросов, в которых целевые вопросы сформулированы «в лоб» и без всякого перевода поставлены в ряд. Профаны ни на одном этапе статистически репрезентативного исследования не предлагают свои услуги так рьяно, как при составлении анкеты. И все же именно этот этап является наиболее тонким и сложным.

От его решения зависят главным образом уровень и результат исследования» (2007, с. 114).

В 1970–1971 гг. мне довелось проводить исследование информационных потребностей инженеров на одном из крупных объединений электронной промышленности. Было очевидно, что формальная должность наших респондентов — вещь лукавая: чтобы удерживать на предприятии хорошего техника была, по сути дела, одна реальная возможность — повысить ему зарплату. А сделать это можно было двумя способами: либо перевести техника на «рабочую сетку» со сдельной оплатой труда; либо перевести его на инженерную должность. Понятно, что информационные потребности техника, даже если он числился инженером высокой категории, при этом не изменяются.

Чтобы различить разные категории потребителей, пришлось проанализировать должностные инструкции разных категорий работников и выявить те позиции, которые регламентировали их трудовой процесс. Что здесь имелось в виду? Прежде всего, степень жесткости «привязки» работника к рабочему месту, а также наличие или отсутствие подчиненных, возможность или невозможность покидать территорию предприятия в течение рабочего дня (или недели) и многое другое. Отдельный блок вопросов анкеты касался именно этих аспектов организации труда. На основании этого блока строился индекс уровня регламентированности рабочего процесса, который и позволил четко различить действительных инженеров и конструкторов, от техников и рабочих высокой квалификации (которых также удерживали на предприятии аналогичными способами).

Естественно, респонденты не знали, что в основе этих вопросов был анализ должностных инструкций. Отвечая на вопросы, они описывали реальный, актуальный для них *de facto* уровень и характер регламентации их труда.

В ходе пилотажа методики мы столкнулись с тем, что респонденты (да и их руководители) возмущались «глупыми» и, на их взгляд, бессмысленными вопросами именно этого блока. По крайней мере, руководителям пришлось «рас-

крыть» смысл этих вопросов. И тогда «огонь критики» они приняли на себя. Мы не раз потом слышали, как начальник втолковывал какому-либо «строптивому» респонденту, что «социология — не простая наука, и не ему рассуждать, что в анкете глупо, а что умно. Ведь социолог не учит тебя инженерному делу, вот и ты не суйся со своими советами». Вот что такое операционализация понятий и перевод исследовательского вопроса в вопросы для респондента. Если бы мы ориентировались исключительно на официальные должности, которые занимали респонденты, не удалось бы «разглядеть» принципиальные различия в содержании их информационных потребностей.

Одна из глав книги Э. Ноэль-Нойманн называется «Говорят ли люди правду?», а следующая за ней гласит «Не интервьюер, а вопросник должен быть хитрым». Мой пример как раз именно про это. Кстати, Э. Ноэль приходит к определенному, жестко сформулированному выводу: «Респондент никогда не врет». А если случается, что в его ответах можно заподозрить лукавство, то виноват в этом, прежде всего сам социолог. Значит, что-то он не додумал, не предусмотрел, не доработал.

К книге Э. Ноэль-Нойманн мы еще вернемся в других лекциях. Подводя промежуточный итог обзору — смело могу сказать — классики современной литературы по методологии и методике социологических исследований «копали глубоко». Замечу, что и в той, и в другой книгах содержится масса примеров и приемов не только формулирования, но и подачи (предъявления) вопросов респондентам. Причем таких, которые не перекалдывают на опрашиваемых ту работу, которую на них просто нельзя перекалдывать, если вы ориентированы на получение добротного и надежного знания. К тому же, часто респондент просто не способен к выполнению этой работы.

Вопросы к семинару

- Что Вы могли бы добавить к разделам и параграфам книги ««Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях» (М.: «Статистика», 1973)?
- Какими приемами можно повысить интерес респондентов к исследованию (или — какие факторы способствуют повышению этого интереса)?
- Перечислите основные причины, по которым интервьюер (без какого-либо умысла с его стороны) может влиять на содержание ответов респондента.
- Что такое «испорченное поле», какие факторы приводят к этому явлению?
- Почему именно интервьюер и респондент оказываются самыми слабыми звеньями в ходе исследования?
- Почему необходим перевод задач исследования на язык респондента? Или, иными словами, зачем нужна операционализация понятий?
- Почему представителей заказчика лучше не привлекать ни к разработке инструментария, ни к сбору первичных данных?

Литература

1. Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: «Наука», 1985. — 272 с.
2. Девятко И. Ф. Качество измерения. Социологические индексы и шкалы // Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. 6-е изд. М.: КДУ, 2010.
3. Методология и методы социологического исследования. Для студентов, обучающихся по основным образовательным программам уровня «Бакалавриат» по направлению «Социология» / под ред. Дудиной В. И. и Смирновой Е. Э., СПбГУ, 2013. — 297 с.
4. Докторов Б. З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: «Наука», 1979. — 128 с.
5. Ноэль-Нойманн Э. Петерсен Т. Все, но не каждый. Введение в методы демоскопии / Э. Ноэль-Нойманн, Т. Петерсен; Пер. с нем. Л. Н. Рыбаковой и Е. В. Невмержицкой. Науч. ред. и автор вступ. Ст. Н. С Мансуров. — М.: МГУКИ, 2007. — 616 с.
6. Саганенко Г. И. Надежность результатов социологического исследования. Л.: «Наука», 1983. — 190 с.
7. Шляпентох В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: ЦСП, 2006. — 664 с.

ЛЕКЦИЯ 7. КОГДА ОПРЕДЕЛЕН ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРКИ

В публикациях социологов (а также маркетологов, политологов и тех, кто изучает общественное мнение), когда речь идет о результатах выборочных исследований, как правило, приводится сакраментальная фраза: «ошибка выборки не превышает 3,0 процентов». Эта фраза призвана убедить читателей, что выборка вполне репрезентативна, т. е. хорошо представляет всю генеральную совокупность. Однако — это, на мой взгляд, чистая риторика, ибо описание этой самой генеральной совокупности чаще всего либо отсутствует, либо представляется слишком общим.

Как и было заявлено в предисловии к этой книге, не стану утомлять читателя формулами. В программе обучения социологов должен присутствовать курс вероятностной статистики: в нём формулам и алгоритмам расчета самой выборки, а также величины ошибки (или погрешности) выборки — самое место.

Еще до решения о том, должно ли исследование быть репрезентативным или нет, необходимо четко определить его тип, задачи, объект и предмет. К сожалению, эти принципиальнейшие вопросы считаются сами собой разумеющимися. Если они и проговариваются, то либо как-то вскользь, либо чисто «ритуально» (в автореферате на соискание любой научной степени есть обязательный пункт «объект и предмет исследования»). Поэтому в этой лекции мы сосредоточим внимание на обсуждении именно этих вопросов. Можно сказать иначе: сначала необходимо выяснить: на каких объектах ярче и сильнее всего проявляется интересующая исследователя социальная (и научная) проблема, описать природу этой проблемы и, может быть, механизмы (процессы) её порождающие.

Всегда ли в социологическом исследовании нужна выборка?

Мой ответ: да, всегда. Другое дело, что не всегда она должна быть репрезентативной. Выборка может быть, например, целевой. Действительно, если цель исследования состоит в том, чтобы изучить, какие признаки в большей или меньшей степени влияют, скажем, на тот или иной характер отношения к труду, вовсе не обязательно строить репрезентативную выборку. Хотя бы по той причине, что в этом случае само понятие «генеральная совокупность» теряет смысл. Объясню, почему.

Тот или иной характер отношения к труду присущ любому взрослому (полагаю, что и не только взрослому) человеку. Но если в качестве генеральной совокупности мы примем все занятое население, это исследование окажется физически «не подъемным». Конечно, можно выбрать какой-либо один вид занятости (или деятельности) и ограничиться какой-либо определенной обзоримой территорией. Однако, задача-то не в том, чтобы получить представление о распределении разных типов отношения к труду среди людей занятых данным видом деятельности на выбранной территории. В этом случае более адекватна именно целевая выборка. Для этого с помощью экспертов (или по результатам специального исследования) можно сформировать две равные по численности группы. В одну из этих «целевых» групп войдут те, кто придерживается позиции «труд — это самоценность»; в другую те, кто воспринимает труд исключительно, как источник средств для существования. Равная численность призвана обеспечить корректность сопоставления этих групп, при этом численность каждой из них должна быть такова, чтобы можно было использовать традиционные статистические методы анализа данных.

Следуя примеру, который приводит Э. Ноэль, в качестве целевых групп можно выбрать среди взрослых людей, с одной стороны, тех, кто занимается более или менее регулярно фотографией, а, с другой, тех, кто, имея фотоаппарат, практически им не пользуется. Задача такой целевой выборки состоит в том, чтобы понять, какие факторы (причины, признаки) обуславливают пристрастие взрослых людей к фотографии.

При исследовании образа жизни (1981 г.) мы использовали целевую выборку, в которую включили четыре равных по численности группы (по 400 чел. каждая), представляющих разные виды труда: учителей, рабочих, инженеров и работников сферы обслуживания активного возраста — от 35 до 55 лет.

Пример целевой выборки по принципу «снежного кома»

Аспирантка А. Г. Здравомыслова Лариса Абрамова в 1970-е годы занималась изучением социальной структуры советского общества. В то время очень популярной была идея, будто бы одним из реальных достижений советской власти стало формирование «новой общности — советский народ». Задачей исследования было — проверить, а действительно ли «советский народ» — это «единая общность».

В качестве исходных точек, аспирантка взяла шесть человек (в числе могу ошибиться — давно это было): рабочего, художника, военного, ученого, инженера НИИ, управленца. В то время научный руководитель Ларисы А. Г. Здравомыслов разработывал проблему интереса и её значение для социологических исследований. Поэтому содержание интервью, которое проводила аспирантка, концентрировалось именно на интересах и кругах общения. В ходе интервью респонденты называли каких-либо других людей, некоторые

из них становились следующими респондентами. Так интервьюер и шел от одного респондента к другому. Если бы гипотеза о «единой общности» была верна, то общий граф выборочной совокупности был бы очень сложным, в нем трудно было бы выделить какие-либо «популярные» вершины или четкие кластеры. В реальном исследовании (около 800 респондентов) выделились, по меньшей мере, четыре четких кластера. Практически «замкнутыми» оказались кластеры управленцев, военных и художников; «смешанными» — кластер ученых и инженеров, и только рабочие встречались в любом кластере.

Это исследование проводилось в Ленинграде. По свидетельству наших коллег, которые работали в других регионах страны, в небольших городах дифференциация по «слоевому» или стратификационному признаку была еще более отчетливой.

В такого рода исследовании возникает важная проблема, когда можно и нужно остановиться. Или иначе, когда «снежный ком» невозможно (или уже не целесообразно) «катить» дальше, когда он становится «неподъемным». В приведенном примере сигналом для остановки, стала ситуация, когда новые кластеры перестали появляться, а только лишь пополнялись, и это наполнение оказалось статистически представительным⁸⁶.

Об обратной задаче выборки⁸⁷

Что такое «обратная задача выборки»? Это ситуация, при которой никто не сомневается в существовании некоей генеральной совокупности, но параметры этой совокупности неизвестны в силу её естественной «текучести». Например, никто не сомневается в том, что существует некоторое множество людей, которых можно обобщенно назвать театральной публикой. Также никто не сомневается в существовании завязтых балетоманов. Таких «неуловимых» (или трудноуловимых) генеральных совокупностей отнюдь не мало.

Виссарион Григорьевич Белинский периодически писал аналитические обзоры типа «Читающая публика 1847 года», и год от года фиксировал существенные различия в составе читающей публики. Это один из примеров «текучести» генеральной совокупности. Конечно, Белинский не проводил специальных эмпирических исследований, да и социология в то время только становилась, но такие обзоры действительно и полезны, и необходимы, если мы хотим понять, куда движется литературный (или театральный, или ещё какой-либо культурный) процесс.

⁸⁶ В данном случае понятие «репрезентативность» представляется неуместным

⁸⁷ Кстати, одновременно с нами на проблему «прямой и обратной задаче репрезентативности» обратил внимание В. Э. Шляпентох в 1976 году. См. Шляпентох В. Э. Проблема качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: ЦСП, 2006, с. 196–205.

Выше уже упоминалось об исследовании зрительской аудитории ленинградских театров в 1970–1980-е годы. В этом исследовании как раз была поставлена задача «поймать» такую «неуловимую» генеральную совокупность, как ленинградская театральная публика. Мы тогда были в этой области неопитами и поехали учиться к «мэтру» — Льву Наумовичу Когану в Свердловск. Приехали вовремя, Лев Наумович со своими студентами проводил опрос зрителей в театре. «Сейчас все сами увидите, как это делается» — сказал Лев Наумович.

Студенты раскладывали анкеты на каждое третье кресло в зале, что свидетельствовало о том, что выборка будет 30 процентной, случайной и механической. Когда зрители начали входить в зрительный зал, анкеты «запорхали» над залом. Нет, люди их не выкидывали, просто передавали друг другу. Прямо под нашей ложей на одном из кресел лежала анкета. Эти кресла достались семейной паре с подростком. Жена обратила внимание мужа на анкету. Он отреагировал просто: «Так возьми и заполни её» — сказал он жене. Та порылась в сумочке и обнаружила, что не взяла с собой очки для чтения (она же пришла в театр), и передала анкету сыну. Тот, в свою очередь взбунтовался: «Конечно, чуть что, сразу я». А рядом с ними сидела пожилая женщина, которая попросила дать ей эту анкету, так как на её кресле анкеты не было.

Лев Наумович, который вместе с нами наблюдал эту сцену, подозвал своих помощников и озадачил их следующим. Он разделил весь зрительный зал на зоны и распределил их между студентами и попросил их сосчитать, сколько в каждой зоне мужчин и сколько женщин. А еще он попросил их примерно сосчитать, сколько в каждой зоне людей молодых (до 30 лет) и сколько старше 50–55 (понятно, что оставшееся число приходилось на людей активного возраста — от 30 до 50).

Когда спектакль закончился, и анкеты были собраны, студенты Льва Наумовича сосчитали, сколько анкет вернули женщины, сколько молодые люди и сколько — пожилые.

Вот что получилось (см. таблицу 1)

Т а б л и ц а 1. Сравнение «генеральной» и «выборочной» совокупностей

	В зале (в %)	В анкетах (в %)
Женщин	55	82
Молодых людей	25	20
Пожилых людей	25	48
Всего (чел. /анкет)	1200	400

Как видим, выборка оказалась сильно деформированной по сравнению с «генеральной совокупностью». Движение анкет в зале было не таким уж случайным, оно имело определенные тенденции: от мужчин и (в меньшей мере) от молодых преимущественно к пожилым женщинам. Заметим также, что

доля зрителей активного возраста (30–55 лет) заметно сократилась: если в зале эти люди составляли примерно 50%, то в массиве анкет — всего 32%.

Почему в этом примере слова «генеральная» и «выборочная» совокупности взяты в кавычки? Да потому, что на следующее представление этого же спектакля придут совсем другие люди и, возможно, что «контролируемые» параметры другой аудитории тоже будут совсем другими. Однако и у нас, и у Льва Наумовича возникло подозрение, что параметры «выборки» если и изменятся, то не очень сильно. И стало ясно, что эта выборка и не случайная, и не механическая, и вообще непонятная, о чем она свидетельствует. Значит для того, чтобы обоснованно судить о театральной публике, собирать эмпирическую информацию надо как-то иначе.

Мы попытались сделать это иначе. Не буду пересказывать то, что уже подробно описано, сошлюсь на статью в журнале «Социологические исследования» «Эта неуловимая генеральная совокупность» (№ 3.1987, с.) и на полемику по её поводу в этом же журнале (№3.1988)⁸⁸

Кроме этого, сошлюсь также на раздел в книге «Театр и публика. Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов»⁸⁹: «1.2. Построение модели реальной аудитории», где описан алгоритм расчета объема (театральной публики) реальной аудитории трех ленинградских театров.

О смысле традиционных выборочных исследований

Приводя результаты своих исследований, социологи, как правило, утверждают, например, что среди петербургских рабочих преобладает добросовестное отношение к труду, и приводят конкретные цифры, скажем, такие:

Оценка отношения к труду	Доля данной группы (в %)
Добросовестное	54
Недобросовестное	32
Неопределенное	14
Итого:	100

Но ведь они не опрашивали **всех** петербургских рабочих. Наверняка, опросили лишь какую-то (относительно небольшую) их часть. Можно ли верить этим цифрам? Скажу сразу: иногда можно, а иногда — нельзя.

Ситуация, когда нет возможности опросить всех людей, или обследовать все, интересующие нас объекты, характерна не только для социологии. Сельские жители перед весенним севом проверяют посадочный материал на всхо-

⁸⁸ Эти тексты также можно прочитать на сайте <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2014/Bozhkov.pdf>

⁸⁹ Театр и публика. Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов // Отв. ред. В. Н. Дмитриевский. — М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013, с. 286–292.

жесть, чтобы убедиться в его качестве, а, стало быть, и в том, что по осени соберут хороший урожай. Если для посева у них заготовлено, скажем, 2 тонны семян, они берут совсем небольшую часть из них и проращивают. А по результатам этого опыта дают оценку всему семенному фонду.

Или возьмем массовое производство. Нет ни возможности, ни смысла проверять качество миллиона произведенных гаек. Поэтому в процессе работы, рабочий время от времени проверяет, например, каждую тысячную гайку. А затем контролер ОТК из всей партии отбирает совсем небольшую часть произведенной продукции и тщательно проверяет каждую отобранную деталь.

И в первом, и во втором случаях проверяемые множества (семена или детали) весьма однородны в том смысле, что колебания различных параметров между отдельными элементами, как правило, минимальны. Поэтому контролю может подвергаться очень маленькая часть и это не отразится на качестве оценки всего множества. Конечно, при условии, что соблюдены некоторые правила отбора, если в выборку попали и детали, сделанные в самом начале смены, и те, что были сделаны перед обеденным перерывом, и те, которые пришлось на конец смены.

Таким образом, выборочные исследования широко применяются в самых разных сферах деятельности. Но, прежде чем, перейти к социологии, введем некоторые существенные понятия выборочного метода.

То, относительно чего мы должны вынести какое-либо оценочное суждение, называется **генеральной совокупностью**. Та часть генеральной совокупности, которая подлежит детальному описанию, называется **выборочной совокупностью** (или просто **выборкой**). Наше суждение будет основательным и справедливым, если наша выборка **репрезентативна** (представительна), т. е. если выборка точно (адекватно) представляет (отражает) нашу генеральную совокупность, если каждый элемент генеральной совокупности на стадии формирования выборки имел **равную с другими элементами вероятность** попасть в выборочную совокупность.

Еще одно важное понятие выборочного метода — **основа выборки**. В одних случаях выделение основы не составляет никакого труда, — например, семенной фонд — вот он тут, что называется налицо. В других случаях основу выборки приходится специально конструировать⁹⁰.

Теперь вернемся к примеру про изучение отношения к труду. Совершенно очевидно, что рабочие — не гайки, и не семена — они очень разные, да и вообще каждый человек (не только рабочий) — уникален. Сразу возникает ряд вопросов. Во-первых, о каких рабочих идет речь: только о тех, кто трудится в промышленности, или имеются в виду и рабочие, занятые в других отраслях

⁹⁰ Шляпентох В. Э. Проблема качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: ЦСП, 2006. — 664 с. (В частности, см. раздел «Репрезентативность информации в выборочных исследованиях, с. 184–369).

экономики? Во-вторых, все ли возрастные и квалификационные группы рабочих учтены и представлены в выборочной совокупности? В-третьих, какую долю в генеральной совокупности составляют труднодоступные элементы?⁹¹ И представлены ли они в выборке?

Возьмем другой типичный пример. Социологи сообщают, что провели исследование занятого населения Петербурга, с целью выяснить, как это население воспринимает происходящие в городе социально-экономические перемены. Таким образом, можно подумать, что «занятое население» и есть генеральная совокупность. Но это совсем не точное её определение. Во-первых, какое население именуется занятым, при том, что указано — опрашивались люди в возрасте от 18 лет? А школьники разве не относятся к «занятому населению», разве все они — поголовно «бездельники»? Во-вторых, совершенно не ясно, включают ли исследователи в эту генеральную совокупность мигрантов, которые работают в нашем городе? Уж они-то точно «занятые» люди.

Еще не мешало бы уточнить, какое население Петербурга имеют в виду исследователи. Население составляют люди, которые живут в этом городе. А если точнее, то это, прежде всего, те, кто постоянно или временно прописаны здесь. Назовем это население «**списочным**» по той простой причине, что в соответствующих государственных службах имеются полные списки всех, кто прописан в Петербурге. Кстати, база данных паспортного стола милиции и является реальной основной данной выборки. Про списочное население известно многое: общее число жителей (оно составляет сегодня около 5 млн. чел), доля мужчин и женщин, доли разных возрастных групп, доли занятых в разных отраслях экономики и т. п.

Но, кроме списочного населения, социологи (и не только они) говорят о так называемом **дневном или суточном** населении города. Это люди, находящиеся в городе в течение дня (или суток) вне зависимости от того, прописаны они здесь или нет.

Соотношение этих двух видов (типов) населения представлено на рис. 1.

С «дневным населением» все значительно сложнее, хотя бы потому, что для него не существует **единой основы** выборки и для того, чтобы получить представительную (репрезентативную) выборку, её (основу) еще надо сконструировать. Т. е. необходимо понять, где можно найти хоть какие-нибудь более или менее надежные и достоверные данные об этой генеральной совокупности. Частично эти данные могут находиться в отделах кадров петербургских предприятий (для тех, кто работает в нашем городе), частично они могут находить-

⁹¹ Под труднодоступными единицами генеральной совокупности в данном случае имеются ввиду рабочие, занятые преимущественно в ночные смены, а также работающие преимущественно «на выезде, например, сборщики и наладчики сложного оборудования, которое собирается уже у заказчика или потребителя. Ведь социологические опросы, как правило, проводятся в рабочее (дневное) время.

ся в журналах регистрации проживающих в гостиницах города; некоторые данные можно найти в визовых службах, которые ведут учет, приехавших в город иностранных граждан. Но какая-то часть «дневного» населения никаким образом не попадает даже в специально сконструированную основу выборки. Это те люди, которые приехали к нам в гости из других российских городов и весей: поскольку они граждане России, им не требуется никакая специальная регистрация, да и живут они в гостях у своих родственников или друзей, а не обязательно в гостиницах. Однако известно, что «дневное население» Петербурга по объему существенно превышает списочное.

Но если мы хотим выяснить, как население воспринимает происходящие в городе социально-экономические перемены, то скидывать со счетов «дневное население» нет никакого резона. И тогда вопрос о том, какое же все-таки население принимается нами за генеральную совокупность, становится чрезвычайно актуальным. А полученные в ходе исследования, данные должны быть представительными, иначе — грош им цена.

Как видим, и здесь очень важное значение имеет язык, т. е. точное и внятное на качественном (содержательном, смысловом) уровне определение самой генеральной совокупности. Недостаточно сказать, что генеральная совокупность — это студенты. Обязательно надо уточнить, какие студенты: только ли российские или и иностранные тоже; только очной формы обучения или «вечерники» и «заочники» также входят в генеральную совокупность; только обучающиеся на бюджетной основе или те, кто учится «за свои деньги» (т. е. на коммерческой основе); всех мыслимых специальностей или только гуманитарии или только «технари» и т. п. Ведь только тогда, когда Вы точно определили, что есть ваша генеральная совокупность, появляется возможность построить хорошую представительную выборку.

Как построить репрезентативную выборку

Для этой цели в мировой социологической практике разработано немало алгоритмов и процедур. О них и пойдет речь в настоящем разделе.

Простая случайная выборка

В. Шляпентох по поводу этого вида выборки пишет: «Авторитет случайной выборки так высок, что формулы и рекомендации, пригодные только для случайной выборки, нередко неправильно используются там, где, по сути, должны применяться другие способы отбора.

Далеко не всегда социологи отдают себе отчет в том, что жесткое соблюдение требований случайной выборки, строгая рандомизации (создание условий равновероятностного отбора), как правило, является трудной задачей» (2006, с. 230).

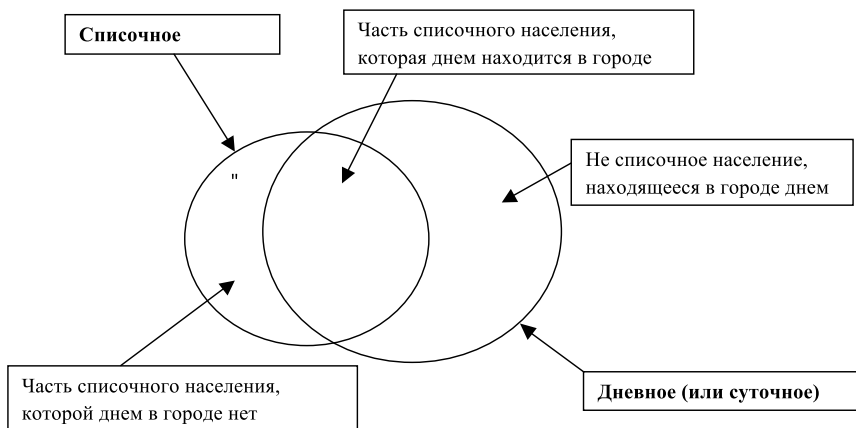

Рис. 1. Соотношение списочного и дневного населения

Э. Ноэль-Нойманн обращает внимание на то, «что слово «случайная» часто воспринимается на обыденном уровне и трактуется, как любой случай, как случайность, т. е. «нечаянность». «Случайность» для математика означает совершенно противоположное тому, что мы обычно понимаем под словом «случай». Для него это строгий, последовательно осуществляемый метод, помогающий выполнить основное требование: «Каждый элемент генеральной совокупности в репрезентативном исследовании должен иметь расчетные и отличные от нуля возможности попасть в выборочную совокупность» (2007, с. 232). Рассмотрим простую ситуацию.

Вариант 1. Социолог для уличного опроса выбрал точку рядом с магазином «шаговой доступности». Смею уверять, что те люди, которые проходят мимо него, и которым он предлагает ответить на свои вопросы, вовсе не «случайны», как ему кажется, — они живут тут рядом. Встретить в этом месте человека, который живет на другом конце города, можно именно случайно — в данном месте это редкое событие. Не хочу сказать, что такая точка в принципе выбрана неправильно.

Вариант 2. Если задачей исследования является изучение отношения населения к уплотнительной застройке, которая находится в радиусе менее 500 метров от этого магазина и которая взбудоражила жителей микрорайона: точка выбрана совершенно верно. И тот «случайный» респондент, который заехал сюда издалека, не исказит выборку в целом. Выбор такой точки будет верным и при изучении электорального поведения на уровне конкретных избирательных округов.

Почему при таких задачах исследования, точка выбрана правильно и, действительно, обеспечит равную вероятность попадания в выборку любого элемента «генеральной совокупности» — в данной ситуации — жителей этого микрорайона? Да потому, что в магазин люди ходят не «по расписанию», а по

мере потребности. Конечно, они ходят и в другие магазины, но чаще всего все-таки — в свой «придворный». В то же время, чтобы обеспечить необходимую случайность выборки, полезно проанализировать «волны» активности посещения покупателями этого магазина и выбрать соответствующие временные периоды в течение рабочего дня магазина. Вероятность встретить около такого магазина человека, который включен в список избирателей именно этого округа, также очень высока.

В этом примере внимание было сконцентрировано на выборе места наблюдения. Но это, отнюдь не единственный параметр, который решает проблемы с применением случайной выборки. Другой вопрос, который чаще всего в связи с выборкой, в том числе, и случайной: «Сколько человек надо опросить, чтобы выборка была представительной?»

По этому поводу существует немало мифов: одни говорят, что выборка должна охватывать не менее 1% генеральной совокупности; другие настаивают на 3%, а самые радикальные говорят, что 10% дают наиболее надежные результаты. Корректный ответ на этот вопрос зависит от многих факторов. Прежде всего, от целей и задач исследования, а также от того, как были определены объект и предмет исследования, ну и, конечно, от объема финансирования. Кроме этого, значение имеет число выделяемых подгрупп, состав интервьюеров, число изучаемых признаков и многое другое. В. Э. Шляпентох замечает, «что при очень большом объеме <генеральной> совокупности (скажем, свыше нескольких сотен тысяч единиц) необходимая численность выборки может составить десятые и сотые доли процента генеральной совокупности» (2006, с. 241).

Стоит отметить, что применение собственно случайной выборки целесообразно, когда исследователь не имеет никакой информации о структуре генеральной совокупности и когда информация о структуре может быть получена только в процессе исследования. Но сама по себе случайная выборка может быть корректно применена исключительно при наличии жестких, формализованных правил, которые реально способствуют равной вероятности попаданию в выборочную совокупность для любого элемента генеральной совокупности.

Механический (или систематический) отбор

Этот вид отбора значительно проще, чем случайный, предполагающий умение пользоваться таблицами случайных чисел. К тому же, он хорошо сочетается с другими видами построения выборки, например, с пропорциональным стратифицированным отбором. Этот вид отбора можно осуществлять без предварительного составления списков единиц исследования (основы выборки). Впрочем, этот прием возможен и на списках элементов генеральной совокупности. Скажем, из 12000 работающих на предприятии, вы решили, что достаточно опросить 1 тысячу человек, следовательно, вы должны осуществить выбор всех элементов списка, номера которых кратны 12, или отобрать каждого 12-го.

В исследовании «100 вопросов о Вашей жизни» механический отбор («плавающим» интервалом) использовался на разных ступенях многоступенчатой выборки. В частности, в зависимости от плотности и разнотипности застройки в разных районах города, при отборе домов использовались разные «шаги» отбора: от 7 (в районах старой застройки) до 11 (в районах новостроек). Это было связано не только с плотностью самой застройки, но и с населенностью этих домов. Точно также, при отборе квартир в разных домах при переходе на следующий этаж «шаги» отбора определялись по простой формуле: $N+K+1$, где N — номер квартиры, попавшей в обследование, K — число квартир на лестничной площадке. Таким образом, был обеспечен равномерный охват всех типов квартир. Скажем, в домах, где на лестничной площадке находятся 4 квартиры, начиная с первого этажа с квартиры №1, на втором этаже в опрос отбиралась квартира № 6, на третьем — квартира № 11 и т. д. В домах, где на лестничной площадке находится по 7 квартир, на втором этаже в обследование по этой формуле попадала квартира № 9 и т. д.

Такой прием был обусловлен регулярным характером планировки современных жилых зданий. Если бы использовался шаг, равный числу квартир на лестничной площадке, то мы всегда попадали бы в однотипные квартиры, скажем, только в однокомнатные или только в трехкомнатные.

Стратифицированная и гнездовая выборки

Стоит вернуться к требованиям программы исследования, в частности, к предварительному (априорному) описанию проблемы, которые предполагают и анализ структуры отдельных сегментов в изучаемой совокупности (страт, гнезд), а также выяснение характера связей между отдельными признаками, характеризующими генеральную совокупность. Кстати, такой предварительный анализ дает возможность, в том числе, существенно сократить расходы на исследование.

В. Э. Шляпентох (2006, с. 248–249) приводит пример корректного использования стратифицированной выборки при исследовании структуры нерабочего времени. Очевидно, что эта структура во многом зависит от уровня образования человека. В этом случае, если положиться исключительно на случайный отбор, обладающий свойствами «самовзвешивания», то объем выборки будет достаточно велик, а доля лиц с высоким и низким уровнем образования будет отличаться от истинных значений на величину заранее прогнозируемой ошибки. Однако — утверждает он — можно свести ошибку по этому показателю до минимума. Для этого целесообразно выделить отдельные страты, например, лиц со средним или высшим образованием и лиц, не имеющих среднего образования, и уже внутри каждой страты производить случайный отбор. При этом общий объем выборки следует распределить пропорционально численности людей в каждой страте.

За счет этого, во-первых, можно существенно уменьшить общий объем выборки; во-вторых, сохранить соответствие выборки генеральной совокуп-

ности по данному показателю и, наконец, в-третьих, выполнить основной принцип случайной выборки — равную вероятность любой единицы наблюдения попасть в выборочную совокупность.

При разных задачах исследования в качестве таких страт можно выделять, например, студентов-бюджетников и студентов, обучающихся на платной основе; рабочих-сдельщиков и рабочих-повременщиков. Естественно, можно выделять и большее число страт (или гнезд) — это опять же зависит от задач исследования, но при этом важно соблюдать пропорции выделяемых страт в генеральной совокупности.

Последнее замечание относительно применения стратифицированной выборки: она наиболее целесообразна в ситуации, когда генеральная совокупность отличается малой однородностью, когда она обладает сложной структурой.

В. Э. Шляпентох, в отличие от других авторов, пишущих о проблемах выборки, выделяет также *многомерную стратификацию*. По этому поводу он пишет: «Правомерно утверждать, что многомерная стратификация возникла не как развитие идей оптимального размещения и оптимальной стратификации, а как совершенно новый подход к проектированию выборки. Сама идея многомерной стратификации возникла после появления аппарата распознавания образов. Появление возможностей группировки объектов по многим признакам породило надежду, что новые методы позволяют сформировать страты из похожих по многим признакам единиц отбора» (2006, с. 259–264). Однако он считает, что «Серьезным препятствием при проектировании многоцелевой и многомерной стратифицированной выборки является отсутствие информации о признаках, подлежащих изучению» (там же, с. 265).

Более сложный случай — многоступенчатые выборки

Это также один вариантов, способствующих уменьшению стоимости исследования и повышению надежности его результатов. Многоступенчатый отбор по своей природе является гнездовым. В. Шляпентох обращает внимание на то обстоятельство, что «Применение многоступенчатого, следовательно, гнездового отбора приводит к тому, что на каждой ступени отбора (кроме первого) уменьшается число конечных единиц обследования, участвующих в отборе единиц в выборке» (там же, с. 267). По его мнению, многоступенчатая выборка также не является «панацеей», которая обеспечивала бы абсолютную точность желаемых результатов исследования, т. е. безупречной репрезентативности. При любом способе построения выборки неизбежно что-то теряется, что-то оказывается вне «зоны нашей видимости». Тем не менее, это свидетельствует лишь о том, что проблема построения репрезентативной выборки очень не проста и трудоемка. Но это вовсе не отрицает, необходимости тех физических усилий и затрат интеллектуальной энергии, которые необходимы для получения достоверной и надежной информации о состоянии общества, в котором мы живем.

В уже упоминавшемся исследовании «100 вопросов о Вашей жизни» выборка строилась именно как многоступенчатая. На первом шаге были отобраны

3 района Ленинграда: Московский, Выборгский и Смольнинский. Для их отбора был проведен анализ статистических параметров всех районов города⁹², который привел исследователей к выводу о том, что именно эти районы **типичны** для Ленинграда и, в том числе, представляют, как все типы жилья (по «возрасту», по характеру планировочных решений и по типу заселенности, в частности, по соотношению отдельных и коммунальных квартир), так и все категории населения города⁹³. Эти районы мы рассматривали в качестве «гнезд».

На втором шаге внутри каждого гнезда для обследования выбирались такие улицы, которые пересекали эти районы насквозь от центра города к его окраинам, а также типичные для этих районов поперечные улицы.

На третьем — механическим способом отбирались дома и квартиры.

Если квартира отдельная, отбор конкретного респондента (четвертый шаг) не представлял особой проблемы, им мог стать любой взрослый член семьи. Если же квартира была коммунальной, здесь действовало одно из двух простых правил: респондентом становился либо тот, кто открыл дверь, либо жилец, который проживает в ближайшей ко входу в квартиру комнате.

Элизабет Нозль-Нойманн также приводит пример многоступенчатой стратифицированной выборки, которая репрезентирует все население Германии, на основании перечня избирательных округов для выборов в бундестаг (2007, с. 236–237). И, — что для нас более ценно, — обоснованно говорит о недостатках этого многоступенчатого отбора (там же, с. 237–238).

Квотная выборка

До сих пор мы говорили о способах построения выборки, основанных на принципах теории вероятности с учетом теории «больших чисел». Тип выборки, обсуждаемый в этом разделе, строится на других основаниях. Для его полноценной реализации непременным условием является наличие надежной информации о генеральной совокупности (лучше всего — государственной статистики). Элизабет Нозль-Нойманн, в частности, пишет по этому поводу: «Вместо того, чтобы исходить из генеральной совокупности и отбирать из её «элементов» путем вероятностных приемов индивидов для выборочной совокупности, исследователь начинает составлять статистические пропорции исходной совокупности. На основе данных государственной статистики, или уже проведенных репрезентативных исследований можно, например, констатировать, что 53% генераль-

⁹² При этом учитывались такие параметры, учитываемые в государственной статистике, как численность населения, промышленный потенциал районов, соотношение коммунальных и отдельных квартир, соотношение разных типов семей, доля жилых строений и строений промышленного назначения, транспортная доступность, обеспеченность учреждениями культуры и сферы обслуживания и т. п.

⁹³ В этом исследовании в качестве ключевых параметров, определяющих его репрезентативность, кроме структуры семей, был принят именно тип жилья.

ной совокупности (население Германии от 16 лет) составляют женщины и 47% мужчины, что 21% — люди моложе 30 лет, 27% — люди в возрасте от 30 до 44 лет, 25% — возрасте от 45 до 59 лет, 27% — от 60 лет и старше. <...>

Поскольку миниатюрная модель должна иметь одинаковые пропорции, для каждого интервьюера, участвующего в опросе, разрабатывается «квота»: сколько мужчин и женщин он должен опросить, сколько представителей возрастных групп, сколько работающих, сколько представителей из различных профессиональных групп и сколько неработающих из различных профессий. В сумме эти квоты дают картину генеральной совокупности в соответствии с этими статистическими пропорциями» (2007, с. 248–249).

В соответствии с этим описанием, можно сказать, что квотная — это пропорциональная выборка, построенная на знании основных пропорций генеральной совокупности.

При этом «свобода» интервьюера ограничена только общими пропорциями. Идеальное «квотное задание» для респондента имеет форму многомерной таблицы (её многомерность определяется числом контролируемых параметров выборки). Соответственно, эти индивидуальные задания в сумме должны составить совокупность планируемой выборочной совокупности, соответствующей пропорциям ключевых параметров совокупности генеральной. Как правило, индивидуальное задание интервьюеру не должно превышать 100 респондентов.

Естественно, нет никакого резона «распылять» внимание интервьюера на разные отрасли промышленности или сферы занятости потенциальных респондентов. Если интервьюеру предстоит проводить опрос на промышленном предприятии, в его квоту, кроме пола, возраста и уровня образования респондентов, целесообразно включить рабочих разной квалификации (желательно тех, которые наиболее характерны для этого предприятия), по укрупненной шкале квалификационных разрядов (см., например, табл. 1) Если же вы направляете интервьюера в НИИ или КБ, в его квоте должны быть представлены инженерно-технические работники разных категорий.

Исключение из правила — сплошное обследование

Но даже сплошное обследование (исключая переписи населения) может предполагать определенные элементы выборочных процедур.

Комбинированная территориальная выборка применялась нами на первых шагах исследования сельских руководителей⁹⁴. Сначала были выбраны районы обследования. В качестве критериев отбора использовались географические признаки: удаленность от крупных центров и характер географиче-

⁹⁴ Эти исследования были поддержаны РГНФ: проект 2004–2006 гг., № 04–03–00367а, «Руководители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ» и № 07–03–00571а, «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материале Северо-западного региона РФ)»

Т а б л и ц а 1. Пример квотного задания интервьюеру¹

Категория	Квалиф.	Пол.	Возрастные группы (лет)					Итого
			До 20	21–35	36–55	56–60	61 и старше	
Рабочие	Низк.	М	5	5				10
		Ж	7	8				15
	Сред.	М	5	5				10
		Ж	8	7				15
	Высок.	М			10			10
		Ж						
Мастера		М			10			10
		Ж			5			5
Вспомог. персонал	Рабочие	М				3		3
		Ж				2		2
	Служащие	М						
		Ж			5	5		5

¹ В клетках таблицы указано количество человек, соответствующих данному сочетанию признаков, которых данный интервьюер должен опросить на конкретном предприятии.

ской зоны. Все отобранные районы находились на расстоянии 200–300 км от центров субъектов РФ, в нечерноземной зоне рискованного земледелия, кроме того, все они располагались в зоне бассейна реки Молога. Именно в силу последнего фактора зона обследования оказалась достаточно компактной.

На втором шаге были выделены две страты: главы сельских поселений и руководители действующих сельскохозяйственных предприятий. Однако и внутри отобранных районов, и по каждой страте проводилось не выборочное, а сплошное обследование, т. к. «генеральная совокупность» оказалась вполне обозримой.

Приемы корректного выборочного исследования «труднодоступных групп»

Этот раздел совсем короткий, т. к. опыт такого рода количественных исследований, претендующих на репрезентативность, пока что и в зарубежной, но и особенно в отечественной, социологии относительно мал.

В качестве примера приведу фрагменты из статьи А. Яковлевой⁹⁵ «Исследования в труднодоступных группах: опыт использования выборки, управляемой респондентом, и выборки «место-время»⁹⁶.

⁹⁵ Анна Александровна Яковлева — к. с. н, научный сотрудник СИ РАН (Санкт-Петербург)

⁹⁶ Социология: 4М. 2011. № 33, с. 57–79. Этот текст можно найти также на сайте: <http://www.isras.ru/files/File/4M/33/Yakovleva.pdf>

В этой статье речь идет о группах, труднодоступность которых основана на отсутствии установок раскрытия принадлежности к группе, низкой институционализированности (доступности через социальные учреждения), а также стигматизации представителей группы или практикуемого ими поведения. Такие особенности делают неэффективным или даже невозможным применение стандартных подходов к планированию и реализации социологических исследований труднодоступных групп. Особенно актуальна данная методологическая проблема в случаях, когда в результате социологу необходимо получить количественные данные.

Работа с труднодоступными группами требует от социолога, с одной стороны, нестандартного творческого подхода, а с другой — специфической методологической подготовки. Особенности проявляются на всех этапах такого исследования — от планирования и разработки инструментария до анализа и представления данных, а важнейшей методологической задачей этого типа исследований является обеспечение репрезентативности и внешней валидности количественных данных, что напрямую зависит от подхода к формированию выборки.

«Прежде всего, рекомендуемая обычно процедура разведывательного исследования в случае с труднодоступными группами приобретает ключевое значение. Оно позволяет выявить и обобщить факты, на которые можно опереться при принятии методологических решений, в том числе для определения целевой группы и формирования схемы отбора участников» (с. 58–59).

Автор рассматривает два варианта решения этой проблемы.

«Выборка, управляемая респондентом (англ. Respondent-Driven Sampling, RDS), в определенной степени является усовершенствованным вариантом сетевой выборки по типу «снежный ком». В ее основе — предположение, что именно сами представители труднодоступной скрытой группы без труда могут получить доступ к другим представителям своей группы. <...> На первом этапе проводится отбор первичных участников (рекрутеров) с учетом их независимости и различия базовых характеристик, важных для исследования. Эти участники, как правило, не включаются в основную выборку; их инструктируют, объясняя, как следует рекрутировать, привлекать к исследованию других представителей целевой группы (первая «волна»). Первая «волна» привлекает вторую, вторая — третью и т. д. Рекрутирование мотивируется и интенсифицируется с помощью системы поощрений привлеченных лиц за участие в исследовании. При этом число возможных респондентов, привлекаемых одним рекрутером, строго лимитировано» (с. 63–64).

«Выборка «место — время» (англ. Time-Location Sampling) — это разновидность кластерной выборки. Она позволяет не только систематизировать процедуру отбора, но и прогнозировать объем выборки представителей труднодоступной группы.

Как любая другая кластерная выборка, выборка «место — время» базируется на предположении, что представители целевой группы каким-то образом упорядочены в естественной среде.

Такие естественные кластеры могут формироваться на базе административно-территориальных единиц (например, район города, квартал — для исследования домохозяйств) или каких-либо учреждениях (например, школы, училища, вузы — для исследования учащейся молодежи). В случае с труднодоступными группами кластеры могут формироваться на самых разнообразных основаниях (например, места продажи наркотиков — для наркопотребителей, места продажи сексуальных услуг — для лиц, вовлеченных в уличную проституцию, места досуга — для гомосексуалов)» (с. 68).

Текст статьи сопровождается обширным списком литературы, с которым также полезно ознакомиться.

Ошибки выборки и её «ремонт»

Как мы видели, никакое выборочное обследование не застраховано от ошибок. При этом следует различать разные виды ошибок. Прежде всего, это отклонения выборочной совокупности от «истинных» характеристик совокупности генеральной — собственно ошибки репрезентативности. Кроме них возникают также ошибки регистрации, т. е. те, что возникают при изучении каждой единицы исследования. Также следует различать случайные ошибки и систематические. Случайные ошибки, по мнению В. Шляпентоха и других авторов, менее опасны, так как они в меньшей или большей степени «погашают» друг друга. Тогда как опасность систематических ошибок состоит в том, что они означают отклонения в одну сторону и, тем самым, могут приводить исследователя к ложным выводам. Систематические ошибки могут быть непреднамеренными, как результат либо недостаточной теоретической проработки проблемы, либо плохой организации исследования. Но весьма часто они являются преднамеренными (что, к сожалению, не всегда осознается исследователями), особенно, когда социолог идет на поводу у заказчика, который нередко откровенно требует от исследователя, чтобы были получены необходимые ему (заказчику) данные.

В. Шляпентох приводит пример американского социолога Л. Кейна о нерепрезентативном исследовании для преднамеренных выводов. «Речь идет об организованном Американской медицинской ассоциацией обследовании пожилых людей. На основе полученных материалов делался вывод о том, что указанная категория населения не нуждается в помощи со стороны общества... Однако оказалось, что выборка была сильно смещена в сторону состоятельных слоев, не включала «небелое» население, а также лиц, живущих в домах для престарелых или получающих государственные пособия» (2006, с. 213–214).

Когда говорят о «ремонте выборки», прежде всего, имеют в виду именно очевидные ошибки репрезентативности. При этом в литературе чаще всего встречаются упоминания о таком способе ремонта, как «взвешивание» дан-

ных, который предполагает применение весьма изощренного математического аппарата. Также используются «механические» способы ремонта: либо отбрасывание «лишних» единиц наблюдения (анкет, например), либо дублирование некоторых анкет, содержащих те признаки, по которым обнаружено смещение, и которых «не хватает». Иногда упоминается и такой прием, как «довыборка» недостающих единиц, т. е. дополнительный целевой опрос тех категорий, которых в выборочной совокупности оказалось недостаточно.

Понятно, что выбор того или иного способа ремонта выборки, по преимуществу, — дело вкуса. И, конечно, зависит от уровня профессионализма исследователя. Хотя в последние годы мода на «качественные исследования» практически сняла с повестки дня добротные количественные репрезентативные исследования, а вместе с ними и эти проблемы.

Заключение

В этой лекции акцент был принципиально сделан на смысле и содержании различных приемов организации выборочных совокупностей. Я специально не говорил здесь о строгих процедурах оценки репрезентативности и расчетах ошибок выборки. Для этой цели студентам-социологам должен читаться специальный курс лекций по математической статистике.

Моя задача здесь состояла в том, чтобы показать значение и необходимость корректного построения выборочной совокупности, если исследователь ориентирован не на имитацию познавательного процесса, но на познание сути общественного устройства и тех процессов, которые происходят в обществе.

К сожалению, очень часто (не только молодые, начинающие, но и вполне опытные) исследователи, относятся к проблеме выборки, как к некоему чисто ритуальному (фоновому) действию, не вникая в его смысл, и не понимая принципиальности этой стороны исследовательского процесса.

Меня искренне удивляют не только курсовые, но и диссертационные исследования, эмпирическую базу которых составляют 5–10 глубоких интервью или 15–30 интервью, или анкетный опрос 60–100 человек. Дело не в том, что эта база смехотворно мала, а в том, что на этом мизерном (ровным счетом ничего не представляющем) материале подчас делаются широкомащтабные выводы и заключения. Это уже можно квалифицировать, как полную профанацию и, если говорить по большому счету, дискредитацию науки Социология.

Вопросы к семинару

- Э. Ноэль-Нойманн утверждает, что мышление социолога в терминах вероятности, возможности более адекватно, нежели мышление в терминах «истинно-ложно». Как Вы понимаете смысл этого утверждения?

- В чем принципиальное различие разных типов случайных и квотных выборок?
- Каков смысл в разделении генеральной совокупности на «страты» или «гнезда»?
- В каких случаях целесообразно применять многоступенчатые выборки?
- В чем смысл территориальной выборки?
- Когда имеет смысл проводить «сплошное», а не выборочное обследование?

Литература

Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект-Пресс, 1995. — 286 с.

Божков О. Б. Эта неуловимая генеральная совокупность // Социологические исследования, 1987, № 3, с. 96–101; см. также Социологические исследования, 1988, № 3, с. 134–137.

Методология и методы социологического исследования. Для студентов, обучающихся по основным образовательным программам уровня «Бакалавриат» по направлению «Социология» /под ред. Дудиной В. И. и Смирновой Е. Э., СПбГУ, 2013. — 297 с.

Михайлов, Стоян. Эмпирическое социологическое исследование. /Пер. с болгарского И. С. Морозовой и Р. Е. Мельцера, вступ. статья и спецредакция Э. П. Андреева. — М.: «Прогресс», 1975, глава V «Методика выборки», с. 184–211. Процесс социального исследования. /Пер. с нем. А. Г. Шестакова и И. Н. Марасанова, общ. ред. и послесловие Ю. Е. Волкова. — М.: «Прогресс», 1975, Раздел «Выборочный метод», с. 95–124.

Рабочая книга социолога. М.: «Наука», 1976, Глава 5 с. 257–297.

Шляпентох В. Э. Репрезентативность информации выборочных исследований // Шляпентох В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: ЦСП, 2006, с. 184–369.

ЛЕКЦИЯ 8. СБОР ПЕРВИЧНЫХ ДАННЫХ

Как выбрать адекватный способ сбора эмпирических данных?

Начнем с повторения пройденного⁹⁷. Выбор метода сбора первичных данных зависит от многих факторов. Прежде всего, от основного исследовательского вопроса, который вынесен в название проекта, как проблема исследования. Во-вторых, от того, каковы объект и предмет данного исследования. В-третьих, от характера исследования: теоретическое или эмпирическое; фундаментальное или прикладное. В-четвертых, этот выбор зависит от того, насколько глубоко вы понимаете природу естественных ограничений и эвристических возможностей того или иного конкретного метода. И, наконец, в-пятых, от того, насколько вы «уже вошли» в исследуемую проблему.

Первый пример относится как раз к ситуации, когда проблема только-только нащупана. Моя внучка лет с двух жила с нами (с бабушкой и дедушкой) и вот она пошла в школу. На первом же родительском собрании классный руководитель обратилась к присутствующим: «Дорогие родители, бабушки и дедушки!». Когда я спросил у неё, почему она обратилась именно так, она ответила: «А вы думаете, что только ваша внучка живет вами, хотя её родители живы и здоровы, да и живут не за горами». Оказалось, что детей, которые при живых родителях живут с тётями, бабушками, взрослыми старшими сестрами и братьями, только в нашем классе было не менее 5–6.

Условно я обозначил эту проблему: «приходящие родители». Именно в такой формулировке предложил её одной из своих студенток в качестве темы курсовой работы. Честно говоря, ни я, ни студентка поначалу не имели представления, с какого конца за неё браться. Было очевидно, что опрос (даже глубокое интервью) здесь будет неуместен. Прежде всего, потому, что мы сами не представляли, кого и о чем именно можно и нужно спрашивать.

Случайно мне на глаза попала небольшая книжечка из серии «Библиотечка журнала «Народное образование», № 10–11 — Виктор Острогорский «Двадцать биографий образцовых русских писателей». Купил. И, начав её читать, мы обнаружили интересные вещи. В частности, многие из русских

⁹⁷ См. лекции 2 и 3

писателей (при живых родителях, к тому же и живших с ними под одним кровом) росли практически на руках чужих людей: кормилиц, нянек, гувернеров и т. п. Но это были очень краткие биографические очерки. Тогда мы обратились к более основательным биографическим произведениям, где было бы более подробно описано детство⁹⁸.

В это же время наш институт получил заказ от правительства СПб на исследование вопроса о школьных завтраках. Я включил в это исследование, буквально, пару вопросов о том, с кем из членов семьи постоянно проживают, попавшие в выборку школьники. Изюда мы выяснили, что в любой школе, в любом классе доля детей, проживающих отдельно от родителей, составляет не менее 9–10%, а это очень немало. Таким образом, стало ясно, что эта проблема вполне актуальна и имеет достаточно массовый характер.

И, тем не менее, мы отказались от использования любых форм опроса и продолжали внимательное чтение и анализ художественной литературы, где освещалось детство. В результате нам удалось построить (пусть не всеобъемлющую) типологию социальных отношений «родители-дети», актуальную для разных обществ до начала XX века. Мы выделили, по меньшей мере, три типа этих отношений, характеризующих дворянские («аристократические»), крестьянские и мещанские (прежде всего, купеческие) семьи⁹⁹. Более того, моя студентка в ходе написания курсовой работы, и уже имея представление о трех моделях отношений «родители-дети», провела несколько интервью¹⁰⁰ с «новыми русскими» и нашла в современной жизни некоторое сходство с уже известными нам моделями этих отношений, хотя и в зачаточном состоянии. В данном конкретном случае эти 5–6 интервью позволили сформулировать несколько содержательных социологических выводов, констатирующих, что с изменением социально-экономических условий некоторые, прежде актуальные, модели социальных отношений могут оказаться «реанимированными»¹⁰¹.

⁹⁸ В первую очередь в этот список вошли все известные нам «Детства», начиная с «Детства Багрова внука», «Детства Никиты» и кончая «Детством» Максима Горького и его же книгой «Мои университеты». Потом этот список, естественно, расширился.

⁹⁹ Поскольку рабочий класс в России начал зарождаться лишь в самом конце XIX века, русская классическая литература практически не отразила (не успела отразить) особенности детства представителей рабочего класса.

¹⁰⁰ Её к этому, буквально, принудила зав. кафедрой, поскольку в курсовой работе обязана быть, так называемая эмпирическая часть. Анализ биографий и художественной литературы в таком качестве не воспринимался руководством кафедры, они считали, что это «обзор литературы»

¹⁰¹ Более подробно об этом сюжете можно прочесть в книге: О. Божков «Социология: ориентир — классика», изд-во «Эйдос», СПб, 2014. Глава «О важности дистанции между детьми и родителями (еще немного биографики)», с. 343–345.

Опрос или не опрос?

В 1975 году в Ленинграде в рамках АН СССР был создан Институт социально-экономических проблем. На него, кроме обычных академических исследований, была возложена обязанность координации социологических исследований в регионе и консультирование «практических», т. е., прежде всего, промышленных социологов. К нам часто приходили на консультации работники социологических служб промышленных предприятий, а также НИИ и КБ¹⁰². Чаще всего их вопросы касались проблем выборки, а точнее, сколько человек надо опросить, чтобы выборка «считалась» представительной. Но столь же часто приносили уже разработанные анкеты, чтобы мы оценили, правильно они составлены или нет.

Как правило, эти анкеты составлялись «под заказчика», который — опять же, как правило, — «знал», что ему нужно и требовал от социологов подтверждения этого «знания». Поэтому приходилось детально выяснять, что именно хочет получить заказчик, и что хотел бы узнать сам исследователь, т. е. заводской социолог. А затем объяснять, что для того, чтобы получить необходимое и достоверное знание, сформулированные в анкете вопросы и шкалы совершенно не годятся. Приходилось читать лекцию о понятиях и их операционализации. Потому что большинство вопросов анкет, которые приносили на отзыв, требовали от респондента явно недостающей ему компетенции или воспринимались настолько неоднозначно, что интерпретировать их корректно вряд ли было возможно.

Довольно часто приходилось убеждать консультируемого, что в его конкретном случае социологический опрос вообще не нужен. Как-то пришел к нам на консультацию толковый инженер из Института сварки, где разработали новый сварочный электрод существенно более безопасный для зрения сварщиков, нежели серийные электроды. Этот инженер решил провести социологический опрос сварщиков, дабы убедить министерство в том, что новые электроды необходимо срочно внедрять в промышленное производство.

Стоило большого труда убедить этого (повторю — толкового инженера и вообще очень умного) человека в том, что здесь, скорее, необходимо обратиться к окулистам, чтобы они провели объективные замеры влияния новых электродов на состояние зрения сварщиков. А это, конечно же, будет вовсе не опрос. Но эти «объективные замеры» будут неотразимо убедительнее любого (даже социологического) опроса.

Эта дилемма: опрос или не опрос, остается актуальной и сегодня. Другое дело, что нынче, говоря об опросе, подразумевается не столько анкета, сколько интервью. Сути дела это не меняет.

¹⁰² НИИ — научно-исследовательские институты, как правило, ведомственные; КБ — конструкторские бюро.

***Исследовательские ситуации,
когда опрос просто не нужен или невозможен***

Взять, к примеру, чрезвычайно актуальную сегодня проблему агрессивности и насилия, особенно, если речь идет о насилии в семье. Это настолько интимная сфера, что даже жертвы насилия не очень склонны говорить о таких случаях. Существует множество факторов, которые «блокируют» нарративы на эту тему.

Даже если мы обратимся к протоколам судебных заседаний, на которых рассматривались случаи немотивированной агрессии, увидим, что подсудимые двух слов не могут связать, чтобы хоть как-то объяснить свое поведение. И даже самый квалифицированный социолог здесь вряд ли сможет «вытащить» сколько-нибудь существенную информацию.

При изучении этой сферы общественной жизни, представляется более целесообразным обратиться к анализу текстов (в широком смысле), а также к методам наблюдения. Но и здесь не обойтись без процедуры операционализации понятий (или тщательного их описания).

В 1994 году мы получили заказ от Госдумы на исследование содержания телевизионных передач всех трех существовавших тогда каналов: 1-го, Российского и НТВ. Заказчик хотел получить информацию о доле экранного времени, в течение которого демонстрируются акты потребления алкоголя, курения, насилия и эротических сцен. Поскольку в это время уже наступила «эра рыночной экономики», а, следовательно, и рекламы, то в сферу нашего внимания неизбежно попала и реклама, которая вторгалась в любые телевизионные передачи.

Для того, чтобы наши «наблюдатели» могли четко фиксировать эти явления, пришлось более или менее четко «расписать» различные формы каждого из них. Проще всего было с алкоголем и курением. Например, алкоголь. Фиксации подлежали: 1) бутылки и рюмки (стаканы) в кадре; 2) процесс наливания алкоголя; 3) пьют во время действия; 4) демонстрация пьяного персонажа. Или, курение: 1) пачка сигарет (или сигарета) в кадре; 2) дымящаяся сигарета (трубка, папироса) в кадре; 3) курящий человек в кадре; 4) несколько человек интенсивно курят в кадре. При этом фиксировалась частота появления таких кадров и их продолжительность. Сложнее было таким образом «операционализировать» ситуации насилия. Однако и с этим нам удалось более или менее удовлетворительно справиться.

Здесь мне приходится огрублять эту «операционализацию»: в инструкции наблюдателям все это выглядело несколько иначе — более подробно. Однако, для написания подобной инструкции пришлось весьма детально проанализировать и «расписать» те явления, которые предстояло наблюдать нашим помощникам.

Конечно, это исследование было далеко от совершенства. Достаточно сказать, как непросто смотреть телевизор, да еще и фиксировать по определенным формам то, что ты видишь. Это дело архитрудное. Представьте, перед

наблюдателем одновременно лежало пять форм для занесения в них наблюдаемого, и, соответственно пять инструкций, в которые время от времени приходилось заглядывать. А, кроме того, перед ним лежал хронометр, по которому следовало фиксировать продолжительность каждого эпизода. Заниматься такой работой больше двух часов физически невозможно — «крыша съедет». Даже Госдума — наш заказчик — не смогла тогда обеспечить предоставление для анализа видеозаписей всех передач (ежедневное наблюдение велось непрерывно в течение полутора месяцев). Тем не менее, мы благодарны заказчику за то, что в результате мы получили неоценимый опыт такого уникального исследования.

К этому исследованию нам еще придется вернуться, когда будем обсуждать приемы и способы представления эмпирических данных для их машинной обработки.

Кроме анализа текстов и разных видов наблюдения во многих исследовательских ситуациях полезно обращение к официальной (и не официальной) статистике. Впрочем, и здесь есть свои (и немалые) сложности.

В советское время издавалось множество различных статистических справочников, в частности, ежегодно выходила книга «Ленинград и ленинградская область в цифрах», публиковались материалы всесоюзных переписей населения. В конце концов, с трудом, но можно было получить доступ к более полным материалам статистических управлений (не только региональных, но и всесоюзных). Хотя и тогда значительная часть статистических данных была «распылена» по разным ведомствам, но при известном напряжении ума и при наличии упорства и настойчивости, и до неё можно было добраться.

Нынче, с наступлением «рыночной экономики» ситуация стала более сложной, а главное — весьма дорогостоящей. (Коммерциализация!) Тем не менее, и сегодня эта информация (пусть и в меньших объемах) все-таки доступна. Более того, подчас статистические данные позволяют получить более или менее достоверное представление о проблеме, которая привлекла ваше внимание.

А если все-таки опрос?

Как вы уже, наверное, поняли, — это дело очень серьезное и вовсе не такое простое, как может показаться. Во-первых, кроме основательно проработанной анкеты, здесь также необходимы тщательно проработанная выборка (в том числе, и квотные задания, если эта выборка квотная), а также детальная инструкция для анкетеров (или интервьюеров).

Не менее важно продумать, какая из разновидностей анкетного опроса наиболее адекватна целям и задачам конкретного исследования. Если это раздаточная или почтовая анкета, необходимо отпечатать её тираж; если это пресовая анкета, то необходимо договориться с соответствующим изданием и заручиться его поддержкой; если это опрос по телефону, необходимо по-

строить анкету так, что каждый опрос уложился максимум в 25–30 минут (а лучше в 10–15).

В случае «раздаточной» анкеты важно правильно проинструктировать анкетеров, которые должны найти определенных респондентов, объяснить им, как заполнять анкету, а также, когда и куда они должны вернуть заполненную анкету. Анкетеров следует научить, как не навязчиво контролировать процесс заполнения и возврата анкет респондентами.

В случае почтового опроса необходимо наладить четкий учет рассылки и возврата анкет. В 1986 году Б. З. Докторов издал препринт научного доклада «Подготовка и проведение почтового опроса», где была рассмотрена история и развитие этого опросного метода, а также, что особенно важно, приемы повышения возврата почтовых анкет, подготовка полевой документации и приемы анализа данных о возврате анкет.

В 2001 году Леонид Кесельман¹⁰³ издал еще одно ценное методическое пособие «Уличный опрос в социологическом исследовании» которое одно время было очень популярным. Думаю, обе эти брошюры сохранили свою актуальность и по сей день¹⁰⁴.

Анкетный аудиторный опрос

Групповой опрос периодически применялся в советское время на промышленных предприятиях. В обеденный перерыв рабочих (инженеров, техников, мастеров), попавших в выборку, собирали, например, в красном уголке для того, чтобы они заполнили анкеты.

Анкетер объяснял респондентам их задачу и наблюдал за процессом. Желательно было рассадить респондентов так, чтобы они не мешали друг другу и не подсказывали, как надо отвечать на тот или иной вопрос. Если у респондентов возникали какие-либо проблемы, надо было обратиться к анкетеру за разъяснением.

Такая форма опроса представлялась естественной и удобной для проведения опросов среди студентов.

В 1992 году таким образом проводился опрос школьников. Задача опроса состояла в том, чтобы выяснить, как школьники восприняли спектакли театра «Зазеркалье», на которые для них были организованы культпоходы. Анкетеры посещали эти спектакли, в антракте договаривались с классными

¹⁰³ Леонид Евсеевич Кесельман (1943–2013) — ленинградский социолог, специалист по методике и технике социологических исследований, блестящий организатор социологических опросов, один из активистов перестройки 1986–1991 гг.

¹⁰⁴ Уже в который раз приходится повторять, что оба этих издания нынче — библиографическая редкость. Впору отсканировать некоторые такие раритеты и выложить их в интернет, чтобы они были доступны, прежде всего, студентам.

руководителями о том, чтобы для опроса были выделены учебные часы. При достижении такой договоренности, они на следующий день приходили в соответствующие школы и проводили опросы в классах. Правда, в этом случае (опять же за неимением достаточных средств) технику опроса пришлось модифицировать.

Эта процедура выглядела следующим образом. Школьники на чистом листочке ученической тетради писали минимальные сведения о себе (пол, возраст, № школы и класса). Анкетер записывал на доске вопросы и варианты ответов (некоторые из анкетеров заранее заготовили на листах ватмана транспаранты с текстами вопросов и вариантами ответа). Респонденты записывали номер вопроса и номер (код) только того варианта ответа, который они выбрали. В случае открытого вопроса респонденты под соответствующим номером вопроса писали ответ в свободной форме. Как правило, это были односложные назывные предложения, но их могло быть и несколько. Открытые вопросы касались характеристик главных героев спектаклей.

Учителя непременно присутствовали при опросе и, более того, проявляли, подчас, излишнюю активность. Одна из серьезных проблем состояла в том, чтобы минимизировать участие классных руководителей в этом процессе. Должен заметить, что почти все анкетеры отлично (и очень деликатно) с этой непростой проблемой справились.

Конечно, как и любой другой, этот метод имеет свои достоинства и свои недостатки. На анкетера при этом ложится дополнительная нагрузка — поддерживать порядок в аудитории. А в этом конкретном случае и сами анкетеры были школьниками старших классов, которые обучались в МШУППе¹⁰⁵ Калининского района СПб и после двух лет обучения получили квалификацию лаборантов-социологов и/или лаборантов-социальных психологов. Они получили хорошую «закалку» и неоценимый практический опыт.

Интервью — кажущаяся свобода

Еще и еще раз повторю, что любой метод — это довольно строгая процедура, которую следует **неукоснительно соблюдать**. Наиболее популярные сегодня методы сбора первичной социологической информации — глубокое (или глубинное), а также фокусированные интервью. Для них не разрабатывается детальная анкета с закрытыми вопросами (шкалами). Как правило, исследователь ограничивается гайдом, т. е. путеводителем, где прописаны основные блоки информации, которые необходимо получить в ходе интервью. Ни последовательность, ни форма вопросов специально не прописаны

¹⁰⁵ МШУПП — Межшкольное учебно-производственное предприятие. Основная задача таких учебных заведений состояла в профессиональной ориентации школьников и их профессиональной подготовке. В 1992/93 учебном году в Калининском районе был сделан первый набор учащихся 10–11 классов по названным выше специальностям.

(в лучшем случае, в гайде содержатся некоторые практические рекомендации и советы). Казалось бы, интервьюер может находиться в «свободном полете».

Однако это совсем не так. В этой ситуации интервьюер должен хорошо понимать, что действительно важно для исследования, уметь «отсекать» существенное от несущественного. Он должен быть полноправным участником исследования (желательно — на всех стадиях). Более того, каждый интервьюер, кроме собственно текста (или аудио файла) интервью, должен представить подробный отчет о ходе интервью. Примеры такого рода отчетов были приведены в 5-й лекции. И, наконец, при использовании глубоких или фокусированных интервью очень полезен регулярный «разбор полетов», анализ всех неординарных случаев, с которыми сталкиваются интервьюеры.

Это ложное ощущение свободы подчас весьма опасно, так как подвигает исследователя к заметным изменениям методики уже в ходе опроса. Но такое «совершенствование» методики — просто вредно и может привести к серьезным ошибкам на стадии интерпретации, полученных данных. Э. Ноэль-Нойман настаивает на «радикальном отделении ролей исследователя и интервьюера» и приводит два случая.

«Мы подошли к чрезвычайно удивительному моменту в демоскопическом методе. — пишет Э. Ноэль-Нойман. — Выше говорилось, что интервьюер и опрашиваемый являются самыми слабыми звеньями в цепи — оба неспециалисты. Что касается опрашиваемого, то это понятно, хотя в дальнейшем мы рассмотрим вопрос, действительно ли нужно опрашивать «первого встречного» вместо того, чтобы обратиться к более компетентным людям .

Но почему интервьюер должен быть неспециалистом?

Самый краткий ответ гласит: потому что требуется полная объективность, единообразие опроса, потому что исследование должно поддаваться повтору и перепроверке его данных любым другим лицом.

Вот пример. При подготовке реформы законодательства для снижения расходов на лечение у стоматолога, по поручению министерств труда и здравоохранения следовало в репрезентативном опросе выявить отношение населения к двум различным предложениям. Здесь возможны различные пути.

Случай А. Исследователь в течение двух месяцев разъезжает по стране и опрашивает 500 статистически отобранных лиц, описывает им предлагаемые модели и записывает, что ему говорят. Исследователь записывает и те контрпредложения, которые ему делают. Если идеи совершенно нелепы, он тут же разъясняет, почему их нельзя осуществить. В ходе своих интервью он все лучше учится ясно и просто описывать два предложения министерства. Он сам даже может наблюдать за своим успехом: все чаще он получает однозначные ответы в пользу одного из двух предложений. <...>

При первом подсчете после 200 интервью обнаруживается, что таким образом у трети опрошенных он не выяснил, какая из моделей им больше нравится, если никаких других альтернатив нет. Поэтому он вынужден еще раз

подводить итог и спрашивать: «Предположим, есть только эти два варианта — с каким Вы, скорее всего, согласитесь?»

После того как этот — разумеется, придуманный нами только для иллюстрации — исследователь представляет свой отчет, его выводы вызывают сомнение в министерстве. Члены комиссии бундестага, решающие этот вопрос, также спорят по поводу результатов исследования. Некоторые члены комиссии хотят знать, как проходил опрос. <...>

Депутаты не вполне удовлетворены. Для верности отдается распоряжение о проведении второго опроса. В путь отправляется другой исследователь. В действительности на этот раз получают другие результаты. Интересно поразмыслить над тем, что могло быть причиной для этого:

1. Исследователь, который провел первый (или второй) опрос, не опросил репрезентативную выборку и, таким образом, не произвел правильного статистического отбора лиц, предоставляющих сведения.

Эту возможность мы можем исключить. Нельзя представить себе, чтобы исследователь, затративший на исследование столько труда, нарушил твердые статистические принципы отбора респондентов.

2. Первый и второй исследователи по-разному формулировали вопросы.

В данном случае перепроверка невозможна. Вопросы не были заранее сформулированы. Правда, их примерно можно воспроизвести, но для точного повторения этого недостаточно, не говоря уж о том, что исследователь менял формулировки по собственному усмотрению (чтобы быть лучше понятым).

3. Первый и второй исследователь имеют разные точки зрения на то, какое предложение министерств наилучшее. Это неосознанно влияет и на то, как они спрашивают, и на то, как они понимают ответы.

Это неприятное предположение, потому что результаты опроса будут иметь политическое значение. Возможность такого бессознательного влияния исследователя на результаты нельзя просто скинуть со счетов. Систематические исследования так называемого «влияния интервьюера», например, показали, что спрашивающий селективно слышит ответы. При всей своей добросовестности он скорее услышит в ответе то, что ожидает услышать.

А теперь рассмотрим противоположную методику исследования.

Случай Б. 400 интервьюеров получают задание провести каждый в среднем по пять интервью. В анкете, вопросы которой следует зачитывать в предписанной последовательности, дословно и без дополнительных пояснений, среди вопросов об экономической ситуации в стране, отношении к религии, о прочитанных на прошлой неделе газетах и журналах и об интересе к фотоаппаратам помещены следующие вопросы:

1. Сколько времени прошло с тех пор, как Вы последний раз были у зубного врача — в этом году, в прошлом году или еще раньше?

Предлагаемые ответы: в этом году; в прошлом году; в позапрошлом году; еще раньше; никогда не был у зубного врача.

2. Насколько важно для Вас сохранить здоровые зубы, чтобы с зубами все было в порядке? Пожалуйста, ответьте, используя вот эту лестницу: Ноль означает, что Вам это вообще неважно, а десять будет означать, что для Вас это очень важно. Какую ступеньку Вы выберете? (Интервьюер передает листок, на котором изображена лестница, ступеньки которой пронумерованы снизу вверх от одного до десяти.)
Предлагаемые ответы: 0/1/2/3/4/5/6/7/8/9/10.

3. «Какая у Вас медицинская страховка? Вы можете назвать мне просто одну или две буквы соответственно этому списку»? (Интервьюер передает список различных видов страхования, где каждый вид обозначен буквой).
Предлагаемые ответы: а/б/в/г/д.

Неформальный вопрос интервьюера (это означает, что интервьюер задает вопрос, не имеющий утвержденной формулировки): имеет ли опрашиваемый дополнительную страховку на лечение или замену зуба?

Возможный ответ: да/нет.

Чтобы цены в здравоохранении больше не росли, больничные кассы не во всех случаях оплачивают расходы полностью, пациентам приходится доплачивать, а некоторые расходы нести полностью самостоятельно. Как Вы считаете, есть ли необходимость в том, чтобы пациенты часто сами оплачивали часть расходов на лечение, или в этом нет необходимости, больничные кассы могли бы больше оплачивать?

Предлагаемые ответы: необходимо, чтобы пациенты, часть расходов платили самостоятельно; нет необходимости; больничные кассы должны больше платить; нет ответа; не знаю.

Интервьюер вручил листок бумаги, на котором изображены двое говорящих мужчин, и задал вопрос: Здесь двое беседуют о том, сколько платить за лечение зубов. Кто из них говорит то, что и Вы думаете — верхний или нижний?

Верхний: Мне больше по душе платить более высокие взносы в больничную кассу и за это не доплачивать при лечении зубов.

Нижний: Мне больше по душе самому доплачивать за лечение зубов, зато взносы в больничную кассу будут ниже.

Предлагаемые в вопросе ответы: верхний (лучше больше взносы); нижний (лучше доплачивать); затрудняется ответить (в половине интервью последовательность ответов менялась)» (2007, с. 77–80).

Далее автор сводит баланс приобретений и потерь для обоих случаев и (вполне аргументированно) склоняется к тому, что в случае Б приобретений существенно больше. Вот её резюме: «На первом месте ранговой шкалы ценностей, которую всегда следует иметь в виду при планировании исследования, находятся: сопоставимость, единообразие обследования и предлагаемых ответов, унифицированная запись реакций, наблюдаемых признаков, нейтральность, возможность перепроверки, возможность повторного проведения исследования другими лицами. Только наличие этих качеств гарантирует результат, не искаженный субъективностью исследователя» (там же, с. 82).

Анкертер (интервьюер, наблюдатель) — не нейтральный персонаж

О влиянии интервьюера (анкетера) на результаты исследования говорят и В. Шляпентох, и Э. Ноэль-Нойманн, не буду повторять их аргументы и соображения по этому поводу. Лучше, если мои читатели сами прочтут эти супер актуальные книги.

Приведу один (тоже сорокалетней давности) пример. В 1976 году мы проводили повторный опрос по программе книги «Человек и его работа». Среди интервьюеров, кроме «волонтеров», были и профессиональные социологи. Один из них — бывший комсомольский работник — всегда лощеный и ухоженный, а другой — из крестьян (прочем, закончивший философский факультет ЛГУ) — простецкий парень. Я и Л. Кесельман выполняли в этом проекте функции «директоров поля» и принимали анкеты у интервьюеров.

Мы обратили внимание на то, что у первого все респонденты практически одинаково реагировали на вопросы о посещении театров и на вопросы об употреблении алкоголя. У первого, конечно, они все — исключительно рабочие — не очень часто, но регулярно ходили в театр и почти не употребляли алкоголь: «ну разве что, по праздникам». У второго респонденты в театр не ходили, а алкоголь употребляли «нормально».

Когда мы заметили эти «странности», спросили и у одного, и у второго, как ведут себя респонденты, отвечая на эти вопросы. Первый ответил: «Да, нормально!». Второй же заметил, что после этих вопросов респонденты говорили ему примерно следующее: «Ну мужик, ты даешь! Какие театры? Домой придешь после смены, рюмочку примешь и в койку. Ты же понимаешь». Или: «Да, как принимаем (это про алкоголь), нормально. После смены надо же как-то расслабиться».

Первому мы посоветовали не надевать галстук, и вообще одеваться проще. Второму, напротив, — надеть светлую рубашку, галстук, пиджак, и кудри уложить лучше. Правда, наши рекомендации не помогли. Но и отказать им в участии в этом исследовании — статус не позволял: оба интервьюера к этому времени уже были кандидаты наук, а мы с Ленией — просто младшими научными сотрудниками без степеней. Вот такие бывают обстоятельства.

Ошибки при формулировании вопросов

От ошибок не «застрахованы» ни закрытые (количественные), ни открытые (качественные) вопросы. Э. Ноэль предлагает провести относительно простой контроль, позволяющий избежать целого ряда ошибок.

«Краткая проверка:

1. *Языковые трудности понимания? — Нет.*
2. *Абстрактный вопрос? — Нет.*
3. *Завышенные требования к разговорчивости опрашиваемого? — Нет.*
4. *Недостаточная наблюдательность, чтобы ответить? — Нет.*

5. *Завышенные требования к памяти?* — Нет.
6. *Утомительно? Большой объем вопроса?* — Нет.
7. *Желание ответом угодить?* — Нет.
8. *Отказ отвечать из-за страха, недоверия, опасения быть не как все?* — Нет.
9. *Соображения престижа?* — Нет.
10. *Блокирована искренность, т. к. тема слишком приватная?* — Нет.
11. *Возможный конфликт с Я-идеалом?* — Нет»¹⁰⁶.

К этим контрольным вопросам желательно добавить и такие:

12. В формулировке содержится более одного вопроса? — Нет
13. Ответ респондента требует специальных его комментариев или пояснений? — Нет.

Ответ «да» на любой из этих контрольных опросов требует тщательного внимания к формулировке вопроса в целом. Элизабет Ноэль продолжает:

«Конференция по вопроснику организуется таким образом, чтобы «в ней были представлены различные точки зрения: мужчины и женщины, люди разного возраста, различных специальностей; <...> Не только желательно, но и необходимо, чтобы они имели разные политические ориентации. Это почти единственная возможность избежать политической предвзятости в вопроснике. Опыт показывает, что тенденциозная формулировка воспринимается как нейтральная, если она деформирована согласно собственным убеждениям. И тенденциозность сразу становится заметна, когда формулировка противоречит собственным убеждениям. Команда из членов с разными политическими убеждениями, несомненно, заметит пристрастия одной из сторон и сможет их откорректировать.

Различие точек зрения, жизненного опыта, профессиональной квалификации, кроме того, позволит раскрыть многообразие аспектов в обсуждаемой исследовательской задаче. Конечно, нескольким сотрудникам скорее удастся обогатить вопросник, чем работающему одиночке.

Должно быть также нечто объединяющее членов команды: языковые, журналистские, литературные способности, хорошая общая подготовка, информированность в сфере политики, экономики, культуры — не только из передач радио и телевидения, но и из специальных журналов и еженедельников. И наконец, необходимы способность работать в команде, самокритика, дисциплина и терпимость.

Разработка вопросника требует специальных знаний, которые приобретаются в ходе длительной работы с вопросником — предварительной версией и апробацией. С этим связано также то обстоятельство, что конференции по вопроснику, создаваемые для конкретного проекта, не всегда работают одинаково успешно.

¹⁰⁶ Ноэль-Нойманн Э., Петерсен Т., Все, но не каждый... Введение в методы демо-скопии. Пер. с нем. Л. Н. Рыбаковой и Е. В. Невмержицкой. Науч. ред. и автор вступ. ст. Н. С. Мансуров. — М.: МГУКИ, 2007, с. 112.

*Искусство перевода исследовательских вопросов в анкетные предполагает также знание многочисленных моделей вопроса, которых может быть до пятидесяти. Специалист по анкете должен знать, при каких условиях используется та или иная модель*¹⁰⁷.

*Необходимо также знать ситуацию, в которой работает интервьюер, чтобы он действительно мог выполнить свои предписания и вопрос мог быть задан так, как это задумано. Правило интервьюера: вопросы зачитывать дословно, если возникает просьба пояснить или уточнить, то лучше просто второй раз прочитать вопрос*¹⁰⁸.

В связи с этим стоит привести пару фрагментов из интервью, взятых в ходе массового опроса, проведенного ВЦИОМ и ФОМ по Крыму.

Фрагмент первый:

И: Как Вы считаете, Россия должна или не должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму?

Р: Думаю, да.

И: Даже если это осложнит отношения с другими странами?

Р: Боже упаси.

И: То есть нет?

Р: Боже упаси. Боже упаси. Нет. Я хочу, чтобы были хорошие отношения со всеми странами, в том числе...

И: А нет, если Россия будет защищать русских в Крыму и представителей других национальностей, ну то есть жителей Крыма, а осложнится отношение с другими странами, Россия должна все-таки защищать интересы Крыма или нет?

Р: (Пауза.) Господи, ну как сложно все-таки. Как мы можем их не защищать, если это наши люди?

И: Ну поняла я Вас, то есть поставим то, что да. А вы согласны или не согласны с мнением, что Крым — это Россия?

Р: Да, это Россия.

И: А Вы согласны или не согласны с присоединением Крыма <...> в качестве субъекта Российской Федерации?

Р: Обязательно. <...>¹⁰⁹.

Фрагмент второй:

И: А Россия должна или не должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих сейчас в Крыму?

Р: (Пауза.) Я считаю, да¹¹⁰.

Эта ситуация напоминает старый анекдот.

— Скажите, Рабинович, вы играете на тромбоне?

¹⁰⁷ Различные модели вопросов мы рассмотрим в следующей лекции

¹⁰⁸ Там же, с. 122–123

¹⁰⁹ <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/eh-eh-bridet-li-vremechko-kogda-pridi-zhelannoe>

¹¹⁰ Там же

— Я, нет, а вы?

— Да.

— Что, «да»?

— Тоже нет.

Так и хочется спросить: «Что, да?» «Да, должна» или «да, не должна?» Но, оказывается, это уже лишнее, т. к. социолог сам решит, какое «да» его больше устраивает.

В данном случае мы имеем дело с типичной ошибкой: фактически здесь в одной формуле два альтернативных вопроса, а ответ — это выбор одной из них. Как ответ «да», так и ответ «нет» в равной мере могут относиться к любой из альтернатив. В традиционном анкетном варианте опроса эта проблема легко снимается: за формулой вопроса следует простая шкала. Например, «1- да, Россия должна защищать интересы; 2 — нет, Россия не должна этого делать». (Хотя здесь сразу становится очевидным «опасность» выбора второго варианта и, стало быть, вопрос требует более тщательной и аккуратной формулировки). В интервью, как мы видели, больше простора для произвола в интерпретации ответа респондента.

Сбор качественных данных

До сих пор речь шла преимущественно о сборе количественных данных. Процедуры и приемы качественных данных имеют свою специфику. Хотя в силу непременно остается требование к их надежности и достоверности.

С качественными данными мы сталкиваемся и в рамках традиционных количественных исследований. Я имею в виду, во-первых, полузакрытые вопросы, имеющие вариант «другие, укажите, что именно»; а, во-вторых, открытые вопросы, которые иногда встречаются в «закрытых» анкетах. Некоторые исследователи с недавних пор, отдают предпочтение исключительно открытым вопросам, например, Галина Иосифовна Саганенко. Но, об её опытах чуть позже (см. лекцию № 13).

К качественным данным (или исследованиям) обычно относят материалы глубоких или фокусированных интервью, фокус-групп, наблюдения, визуальные данные: фотографии, видеозаписи, рисунки и т. п.; а также личные документы (дневники, письма, автобиографии), как правило, исходно — это аудио- и видео-записи, требующие транскрибирования, т. е. распечатки в текстовом виде и/или текстового описания или тексты в «свободной форме».

Здесь стоит, пожалуй, сделать небольшое отступление и кратко рассмотреть причины, которые привлекли внимание социологов к качественным данным.

Генеалогия постмодерна в социологии

Кризис практически никогда не наступает внезапно. Это только кажется, что «вдруг». На самом деле любой кризис имеет свои «подготовительные»

стадии. Также и в социологии. Недавно один из моих коллег в разговоре об истоках и причинах постмодерна в социологии высказал не лишнюю оснований догадку, что за исходную точку в исследовании этого интеллектуального явления стоит взять Иммануила Канта (1724–1804). А именно его книгу «Антропология с прагматической точки зрения»¹¹¹, где немецкий философ утверждает, что учение о человеке «может быть построено с физиологической и с прагматической точки зрения», причем последняя исследует «то, что он в качестве свободного действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам».

И. Ю. Ларионов по поводу этой книги пишет, в частности: «В тексте без труда можно найти множество рассуждений относительно природы языка, сна, игры; описание характеров индивида, пола, народа; ряд остроумных замечаний о типах эгоистов, об отличии самонаблюдения от простого замечания фактов о себе, о различии между простофилей, ясной головой, человеком ограниченного ума и широко образованным, о разных типах заучивания наизусть и т. д.»¹¹².

Впрочем, Кант решал вопрос о том, *как возможно познание*. Человек не мог не интересоваться его, ибо только он является существом, которое обладает разумом и способностью к познанию.

В своих первоначальных рассуждениях об истоках кризиса в социологии в качестве отправной точки я брал другого немецкого мыслителя, социолога — Макса Вебера. Именно Вебер утверждал, что общество (группы, слои, классы) — всего лишь фантом (искусственные категории), что только индивид является действующим лицом истории. Отсюда идея социального действия, отсюда же и идея «понимающей социологии». Человек не только действует (взаимодействует с другими), но только он порождает смыслы и наделяет ими окружающий мир и собственные действия (взаимодействия).

Действительно, Вебер почерпнул эти идеи у Канта, через Риккерта и Виндельбанда и творчески развил их. Но Вебер решал свою задачу, *как возможно общество*, которое состоит из индивидов.

Альфред Шюц (1899–1953), один из ярких последователей основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля (1869–1938), целиком принял социологическую программу Макса Вебера. При этом он поставил перед собой цель «дополнить» Вебера — создать теоретико-познавательное обоснование веберовской понимающей социологии. Первая и, пожалуй, наиболее значительная книга Шюца так и называлась «Смысловое строение социального мира: Введение в понимающую социологию». В феноменологии А. Шюца акцент ставится, прежде всего, на конкретных ситуациях, в которых действует человек, ибо без учета этих ситуаций невозможно понять действия людей.

¹¹¹ Рус. перевод Н. М. Соколова (1900), М. И. Левиной (1994)

¹¹² Электронный ресурс. <http://anthropology.ru/ru/texts/larionov/kantantr.html>

Затем идеи Гуссерля и Шюца подхватили английские социологи Пол Филмер со товарищи, авторы книги «New Directions in Sociological Theory»¹¹³. Во вступительной статье к этой книге, вышедшей на русском языке в 1978 году Л. Ионин и Г. Осипов писали: «Вряд ли, однако, следует обвинять авторов в слишком расширительном толковании или преувеличении роли этого направления. Дело в том, что выход феноменологической социологии на широкую теоретическую арену не только совпал по времени с обострением кризиса современной буржуазной науки об обществе, но и явился одним из важнейших его проявлений. Феноменологическая социология (вместе с такими родственными ей и многое у нее заимствовавшими теориями, как «социология повседневной жизни» Дж. Дугласа, «социология абсурда» С. Лаймена и М. Скотта, «рефлексивная социология» Э. Голднера, «социология социологии» Р. Фридрихса, «экзистенциальная социология» Э. Тиракьяна, «гуманистическая социология» П. Бергера и т. п.) самим фактом своего появления в корне изменила положение в буржуазной социологии, где десятилетиями безраздельно властвовали структурный функционализм в теории и традиционный эмпиризм в практическом исследовании»¹¹⁴. (Вынесем за скобки характерное для советского времени употребление словосочетания «буржуазная социология», ибо и тогда, когда авторы писали эти слова, все понимали, что речь идет просто о социологии. Это были своего рода необходимые идеологические реверансы).

Если первая часть этого манифеста, посвященная критике господствовавшего в то время позитивизма и эмпирических, основанных на массовых опросах и математической статистке, исследований убедительно аргументирована, то вторая — конструктивная — его часть не столь убедительна. Здесь авторы заявляют, что нужны «попытки создания совершенно новой социологии, которая отказывается принимать на веру и считать узаконенными существующие социологические проблемы и методы. В этом смысле принятие феноменологической критики традиционной социологии открывает безграничное поле для развития социологической теории и исследования, ибо требует коренного переформулирования всех традиционных проблем и методов»¹¹⁵.

Все это можно рассматривать, как нормальное развитие науки, как нормальную научную дискуссию, как поиск новых интерпретаций и объяснительных моделей. Однако тенденция здесь обнаруживается вполне определенная. Чем больше внимания уделяется социологами «нового поколения» человеку и повседневности (конкретным ситуациям существования), тем более пренебрежительное отношение высказывается об обществе, об универсальных социологических категориях, тем детальнее рассматриваются раз-

¹¹³ Новые направления в социологической теории. М., «Прогресс», 1978 г.

¹¹⁴ Названная книга с. 5–6.

¹¹⁵ Там же, с. 205.

личия и частности. Эта тенденция становится очевидной в творчестве одного из основателей постмодернизма Жака Деррида (1930–2004), который ввел в философский и даже журналистский лексикон понятие деконструкции. Его основной тезис — мир есть текст. Как видим, здесь и индивид оказывается почти не нужен, разве что, как создатель и интерпретатор текстов.

Другой яркий представитель этого направления — Жан Франсуа Лиотар (1924–1998) становится в оппозицию к универсалиям, метанарративам (рассказам) и обобщенности. Он неистово критикует многие заявления «универсализма» Просвещения, а несколько его работ специально направлены на то, чтобы подорвать те фундаментальные принципы, на которых зиждутся эти многообещающие претензии.

В книге «Состояние постмодерна» (1979) Лиотар пишет:

«Когда этот метадискурс прибегает эксплицитным образом к тому или иному великому рассказу, как, например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т. п., — то науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимации решают назвать «модерном». ... Упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метанарративов. ... Существует много различных языковых игр — в силу разнородности их элементов. Они даны возможность своего учреждения только через места сбора и распределения информации — это локальная детерминация. ... Наша рабочая гипотеза состоит в том, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна, изменяется статус знания. ... В форме информационного товара, необходимого для усиления производительной мощи, знание уже является и будет важнейшей, а может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть. ... вопрос о двойной легитимации [научного знания] не только не снимается, но напротив, становится все более актуальным. Обращение к великим нарративам исключено; и мы не можем прибегать ни к диалектике Духа, ни к эмансипации человечества как оправданию постмодернистского научного дискурса».

И, наконец, венец этой методологической деконструкции — идея Пола Карла Фейерабенда (1924–1994) — так называемый «эпистемологический (или методологический) анархизм», отрицающий любые методы научного познания. Он выступал против единого, основанного на традиции, научного метода, обосновывая это тем, что любой такой метод ограничивает познавательную деятельность учёных, и, таким образом, ограничивает прогресс. Он также считал, что анархизм в теории желателен, потому что это более гуманистический подход, чем другие научные системы, поскольку он не навязывает учёным жёстких правил.

Вырисовывается такая траектория этого направления социальной мысли: человек (субъект), порождающий смыслы и «здесь и сейчас» творящий общество; язык и языковые игры, как инструмент «созидания общества»; отрица-

ние любых методов научного познания; отрицание любых научных обобщений, акцент на уникальности и различиях. Это и есть постмодерн.

В социологии постмодерн проявляется, во-первых, в переключении внимания с общества, как целого, на частное — индивидов и повседневность; во-вторых, в переориентации с количественных методов преимущественно на качественные, такие как case study, нарративный анализ, дискурс анализ, «обоснованная теория» (Grounded Theory), которая принципиально должна выводиться из реальных фактов.

Достаточно лаконично и выразительно эти признаки сформулированы в книге В. Семеновой «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» (Добросвет, 1998). Вот как выглядят выводы автора к одной из глав:

*«Качественный метод служит для изучения социальных проблем с точки зрения **индивидуального, частного** (здесь и далее выделено мной — О. Б.). Объектом исследования являются отдельные индивиды или узкое сообщество индивидов с их специфическими социальными характеристиками. Предметом изучения — социальные роли и их исполнение в конкретной практике повседневной жизни.*

*Это направление является отдельной областью социологии со своей методологией, идеологией, языком исследования, а также уровнем интереса: **частное, локальное, микроанализ конкретных ситуаций.***

*Как исследовательская стратегия качественный метод существенно отличается от количественного, поскольку ориентирован на познание **переживаний, опыта, чувств людей и их практики**, выраженных в их собственных высказываниях.*

*Это способ познания объекта в естественных условиях; он концентрируется в основном на субъективном видении социальных проблем, которые обобщаются путем **аналитического анализа** (выделенно мной, т. к. здорово сказано — О. Б.) разнохарактерной информации об объекте.*

Это поисковая стратегия, «открытая» на входе и формулирующая теоретические концепции в процессе исследования, логика анализа индуктивная — от фактов жизни к их классификации и концептуализации.

*Такая стратегия является приоритетной при интересе к детальному описанию объекта, его социальному своеобразию в единстве всех составляющих, при изучении **субъективного аспекта социальных проблем**. Использование поисковой, мягкой стратегии способствует выявлению инноваций, необычного, особенно в ситуации быстрых социальных изменений»¹¹⁶.*

Эта линия принципиально расходится с позицией Э. Дюркгейма, который настаивал на том, что социология — наука об обществе как определенной целостности, и понять это целое невозможно через его элементы (индивидов). Если мы имеем намерение изучать социальные факты, нам нужно оставить в

¹¹⁶ Названная книга, с. 45–46.

стороне индивида с его индивидуальным сознанием и искать объяснение социальных явлений в природе самого общества (социальные факты надо объяснять через такие же социальные факты). Это, если угодно, ключевая идея Дюркгейма.

Так как идеи Макса Вебера выглядели вполне убедительно, уже в 20-м веке Толкотт Парсонс решил более детально разобраться в природе и структуре социального действия. В описание социального действия он ввел такой существенный элемент, как условия (и/или средства) его осуществления. Но, вот что интересно, в итоге своих теоретических разработок Парсонс пришел, во-первых, к тому, что сами социальные действия — нельзя сводить к отдельным (единичным) актам поведения: они образуют систему; во-вторых, к социальной структуре **общества**, а само общество предложил рассматривать как сложно организованную систему.

Вернемся к основной теме.

Буквально, в следующей лекции мы будем говорить о необходимых преобразованиях, которые требуют количественные данные при переходе от одного этапа исследования к другому, а также о том, что каждое преобразование чревато дополнительными ошибками. Качественные данные, в отличие от количественных, требуют более существенных преобразований, ибо — это «сырые» данные, в которых социологическую информацию еще надо увидеть, а затем и аккуратно вычленивать. Здесь еще более остро, нежели в количественных данных, встает проблема взаимопонимания между респондентом (информантом) и исследователем. Более того, здесь мы сталкиваемся, с одной стороны, с избыточностью естественного языка (одна и та же вещь может быть названа с помощью разных слов, а то и местоимений), с другой стороны, — с принципиальными различиями в составе и объеме индивидуальных «словарей» участников диалога¹¹⁷.

Уже в силу только этих обстоятельств, требования к квалификации исследователя, решившего обратиться к качественным данным, оказываются более высокими. И те, кто думает, что качественные данные получить проще, и что они дают более глубокую и содержательную информацию, глубоко ошибаются. Обработка и анализ качественных данных — работа куда более трудоемкая, требующая более глубоких и широких знаний, не только социологии, но и психологии, а также обязательно хорошего владения родным языком. И, наконец, сбор и анализ качественных данных требует от исследователя более обширного жизненного, в том числе, и социального опыта.

Замечу с горечью, что при сборе качественных данных подавляющее большинство исследователей, как правило, пренебрегают проблемами пол-

¹¹⁷ С этой проблемой хорошо знакомы лингвисты и филологи, которые занимаются изучением проблем устной речи и анализом личных документов, например, частных писем.

ноты, достоверности и надежности собираемых ими качественных эмпирических, данных. Здесь не обсуждаются обычно проблемы выборки и целый ряд других существенных методологических проблем.

Вопросы к семинару

- Какие основные критерии вы можете назвать для выбора метода в конкретном эмпирическом исследовании?
- В каких случаях наиболее адекватным методом является опрос?
- В каких ситуациях метод опроса оказывается неадекватным?
- Какие требования предъявляются к опросным методам, когда они адекватны задачам исследования?
- В каких случаях применимы иные (нестандартные) варианты опроса?
- В чем принципиальное отличие интервью от анкетного опроса?
- Роль интервьюера в опросе, Основные требования к интервьюеру.
- Почему сбор качественных данных требует от социолога более высокой квалификации?

Литература

1. Аверьянов Л. Я. Социология: искусство задавать вопросы. Издание 2-е, переработанное и дополненное. — М., 1998
2. Алексеев А. Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб Филиал Института социологии РАН. — СПб.: 1997. — 76 с.
3. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов /Перевод с английского Г. Е. Крейдлина. Общая редакция, предисловие и примечания редакторов В. А. Смирнова, В. К. Финна. — М.: «Прогресс», 1981. — 288 с.
4. Берков В. Ф. Вопрос как форма мысли, Минск, Изд-во БГУ, 1972. — 136 с.
5. Божков О. Б. «Социология: ориентир — классика», изд-во «Эйдос», СПб, 2014
6. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Метод опроса// Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология. Методология и методы: Учебное пособие. — М., 2009
7. Девятко И. Ф. Массовые опросы в социологии// Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. 6-е изд. М.: КДУ, 2010.
8. Кесельман, Леонид Уличный опрос в социологическом исследовании. Самара: Фонд социальных исследований. Самара — Санкт-Петербург, 2001. — 80 с.
9. Лаборатория социолога: из опыта полевых исследований. Учебн. пособие /под ред. В. А. Ядова. — М.: Таус, 2008. — 80 с.
10. Методы сбора информации в социологических исследованиях: В 2-х кн. / Под ред. В. К. Андреевкова и О. М. Масловой. М., 1994.
11. Новые направления в социологической теории. М., «Прогресс», 1978 г.
12. Ноэль-Нойманн Э., Петерсен Т., Все, но не каждый... Введение в методы демоскопии. Пер. с нем. Л. Н. Рыбаковой и Е. В. Невмержицкой. Науч. ред. и автор вступ. ст. Н. С. Мансуров. — М.: МГУКИ, 2007. — с. 616.

13. Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле: Сб. ст. /Под ред. Виктора Воронкова и Елены Чикадзе. — СПб.: Алетейя, 2009. — 148 с. (Серия «Качественные методы в социологических исследованиях»).
14. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. Учебник. — М.: Логос, 2007. — 168 с.
15. Экстремальная социология: исследования с риском для исследователя. //Ассоциация региональных исследовательских центров (Группа «7/89»), Научно-исследовательский центр «Горизонт-М», Администрация муниципального образования Надымский район, Надым, 2005. — 104 с.
16. Электронный ресурс. <http://anthropology.ru/ru/texts/larionov/kantantr.html>

ЛЕКЦИЯ 9. ПОДГОТОВКА ДАННЫХ К АНАЛИЗУ

В этой лекции мы будем говорить преимущественно о традиционных количественных исследованиях, а еще точнее — о том, как подготовить к анализу материалы анкетных опросов или стандартизованных интервью.

На этой лекции надо максимально собраться и сосредоточиться, здесь и далее будет чистая технология и техника.

В процессе исследования приходится не один раз задумываться над тем, как представить необходимые данные. Во-первых, как предъявить их респондентам (опрашиваемым), чтобы им было все понятно и удобно отвечать на ваши вопросы и выполнять ваши задания. Во-вторых, как ввести полученную от респондентов информацию в базу данных, чтобы вам самим было удобно с нею работать. При этом важно так организовать работу, чтобы не делать «лишних операций». Ведь любое преобразование данных влечет за собой практически неизбежные ошибки. Самая распространенная ошибка начинающих исследователей состоит в том, что в анкете (или интервью) они нумеруют вопросы, хотя (как мы видели раньше) фактически они работают с признаками (переменными). Вот их-то и следует нумеровать.

В любой анкете есть, как минимум два объекта, которым необходимо присвоить определенные номера или коды. Следует накрепко усвоить, что вопрос получает номер (код) только в том случае, если он сам себе является признаком. Однако не удастся совсем избавиться от множественной нумерации: не только признак должен иметь свой номер (или имя), но и варианты ответов.

Кодирование — практически неизбежный этап исследования

Идеальных анкет, т. е. таких, где можно обойтись без операции кодирования, по большому счету, не бывает. Поэтому ввод данных непосредственно с первичного носителя информации (анкеты) — явление крайне редкое.

Сначала рассмотрим разнообразные способы (приемы) предъявления вопросов респондентам, а затем применительно к каждому из предложенных способов обсудим форму его представления в базе данных, т. е. способ кодирования.

Хотя, что-то давно ни у кого из моих коллег не видел я кодировальных листов. Это и не удивительно при нынешнем финансировании социологических исследований. Для кодировальных листов нужна бумага, листов надо чуть больше, чем анкет. Да и время на кодирование уходит немало. И, тем

не менее, от этого этапа никуда не уйти, если вы хотите получить надежные данные.

Приемы организации социологической анкеты

Мы уже говорили о том, что в грамотно составленной анкете, особенно, если вопросы имеют сложную структуру, признаки, как правило, группируются в блоки.

Блок — это группа признаков, имеющая нечто общее, например:

- Тематическое содержание, или
- Общую шкалу; или
- Общую единую единицу измерения; или
- Сходную структуру.

И т. п.

Рассмотрим наиболее типичные (часто применяемые) блоки.

Тематический блок 1 — все шесть признаков, включенные в данный блок, посвящены одной теме и освещают её с разных сторон

1.1¹¹⁸. *Где (в каком районе города) Вы раньше жили?* (открытый вопрос)

Кодирование: в поле записи фиксируется номер района в соответствии со списком районов города, упорядоченных по алфавиту.

1.2. Какую жилплощадь Вы занимали раньше?

- 1 комнату в коммунальной квартире
- 2 более одной комнаты в коммунальной квартире
- 3 ОДНОКОМНАТНУЮ отдельную квартиру
- 4 ДВУХКОМНАТНУЮ отдельную квартиру
- 5 ТРЕХКОМНАТНУЮ отдельную квартиру
- 6 собственный ДОМ или ЧАСТЬ дома

Кодирование: в поле записи переносится номер (код) варианта ответа, выбранного респондентом, далее такой случай будет обозначаться, как «буквальный перенос кода».

Вспомните, пожалуйста, каков был метраж занимаемой Вами раньше жилплощади?

1.3. Общий метраж (примерно) _____ кв. м.

1.4. Жилая площадь (примерно) _____ кв. м.

Кодирование: буквальный перенос указанного респондентом метража

1.5. Был ли у Вас на прежней квартире телефон?

1 нет, 2 да

Кодирование: буквальный перенос кода

1.6. Была ли в этой квартире ванная?

¹¹⁸ Первые два примера из анкеты, которая использовалась при обследовании пенсионеров, жильцов социальных домов. Здесь и далее номера имеют только самостоятельные признаки и варианты ответов

- 1 да, была отдельная ванная
- 2 да, совмещенная с туалетом
- 3 нет, ванной не было

Кодирование: буквальный перенос кода

Структурный блок в рамках тематического блока 1

Как бы Вы охарактеризовали свое прежнее жилье со следующих точек зрения?

	Предмет оценки	Оценка	
1.7.	Естественная освещенность	1 темно	2 светло
1.8.	Звукоизолированность	1 плохая	2 хорошая
1.9.	Уровень влажности	1 сыро	2 сухо
1.10.	Теплоизоляция	1 холодно	2 тепло

(Каждая строчка — отдельный признак (поле записи) в базе данных)

Кодирование: буквальный перенос кода

Тематический блок 2

А теперь расскажите немного подробнее о своей нынешней жизни (в социальном доме).

2.1. На что вы преимущественно тратите деньги, живя здесь?

(можно выбрать не более трех вариантов ответа)

- 1 на еду
- 2 на лекарства
- 3 на одежду
- 4 на обувь
- 5 на квартплату
- 6 на развлечения

Кодирование: в этом случае возможны два варианта в зависимости от того, что важнее для исследователя, 1) получить разные сочетания расходов (многоальтернативный признак) или 2) выяснить, сколько человек расходуют свои деньги по каждой из шести перечисленных позиций (совокупность дихотомических признаков).

В первом случае, тип признака в базе данных должен быть определен как текстовый (в SPSS — тип «string»). В поле записи следует перенести все коды (номера вариантов ответа), отмеченные респондентом, отделив их друг от друга запятыми.

Во-втором случае каждая позиция являет собой отдельный номинальный признак (поле записи), который имеет свой собственный номер среди всей совокупности переменных. Если та или иная позиция отмечена респондентом, в соответствующем поле записи проставляется код «1», в противном случае — код «0».

Отмечу, что второй способ более предпочтителен, так как всегда есть возможность построить необходимое количество кросстаблиц (двумерных

распределений по этим признакам) и выделить наиболее «популярные» сочетания статей расходов. Тогда как анализ многоальтернативных признаков требует от исследователя «более продвинутого» владения пакетом SPSS и хорошего «пространственного воображения».

2.2. Сколько денег (примерно) Вы тратите на питание в среднем за месяц? (примерно) _____ тыс. Рублей

Кодирование: буквальный перенос указанной суммы.

2.3. Получаете ли Вы здесь необходимую Вам медицинскую помощь?

(в п. 2.3. — 2.6. выбрать только один из предложенных вариантов)

- 1 в любое время по первому требованию
- 2 только в определенные дни и часы
- 3 только в острых случаях
- 4 по предварительной записи или договоренности
- 5 в принципе да, но фактически это не просто

2.4. Если у Вас возможность получить медицинскую помощь от врачей специалистов?

- 1 в любое время по первому требованию
- 2 только в определенные дни и часы
- 3 только в острых случаях
- 4 по предварительной записи или договоренности
- 5 в принципе да, но фактически это не просто

2.5. Удовлетворяет ли Вас качество медицинского обслуживания здесь?

- 1 совершенно не удовлетворен(а)
- 2 в общем не удовлетворен(а)
- 3 в общем удовлетворен(а)
- 4 безусловно удовлетворен(а)
- 5 Затрудняюсь ответить

2.6. Насколько Вы довольны тем, что живете здесь?

- 1 Совершенно доволен (довольна)
- 2 Пожалуй, доволен (довольна)
- 3 Пожалуй, НЕ доволен (довольна)
- 4 Совершенно НЕ доволен (довольна)
- 5 Затрудняюсь ответить

Кодирование: во всех четырех признаках — буквальный перенос кода, отмеченного (выбранного) респондентом

Структурный блок: тип 1 — Однородные (в одних и тех же единицах измерения) оценки разных (однородных по своей сущности) объектов.

Пример 1

КАКОЙ СРЕДНЕМЕСЯЧНЫЙ ДОХОД НА ОДНОГО ЧЛЕНА СЕМЬИ ПРИ НЫНЕШНЕМ УРОВНЕ ЦЕН ВЫ МОГЛИ БЫ ОЦЕНИТЬ КАК. . .

3.1. ... «НИЩЕНСКИЙ» _____ {тыс. рублей}

3.2 ... «БЕДНЫЙ» _____ {тыс. рублей}

3.3 ...»НОРМАЛЬНЫЙ» _____ {тыс. рублей}

Кодирование: буквальный перенос указанных респондентом цифр

Пример 1

ЕСЛИ НИ ОДИН ИЗ КАНДИДАТОВ В МЭРЫ СПБ НЕ ОДЕРЖИТ УБЕДИТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ В ПЕРВОМ ТУРЕ, ЗА КОГО ВЫ БУДЕТЕ ГОЛОСОВАТЬ ВО ВТОРОМ ТУРЕ?119

№№	Состав пары	код	№№	Состав пары	код
4.1.	Собчак — Яковлев		4.2.	Яковлев — Болдырев	
4.3.	Собчак — Ходырев		4.4.	Беляев — Болдырев	
4.5.	Собчак — Беляев		4.6.	Ходырев — Севенард	
4.7.	Собчак — Севенард		4.8.	Яковлев — Ходырев	
4.9.	Собчак — Щербаков		4.10.	Ходырев — Севенард	
4.11.	Собчак — Болдырев		4.12.	Беляев — Яковлев	

Пример 2

ПОПЫТАЙТЕСЬ ХОТЯ БЫ ПРИМЕРНО (в процентах) ОЦЕНИТЬ ДОЛЮ В ОБЩЕМ БЮДЖЕТЕ ВАШЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ:

3.4. Членских взносов _____%

3.5. Поступлений из госбюджета _____%

3.6. Прибыли от коммерческой деятельности _____%

3.7. Иностраннных поступлений _____%

Кодирование: буквальный перенос указанных респондентом процентов (при этом в сумме они могут составлять 100%, хотя и не обязательно)

Структурный блок: тип 1

вариант 2 — Серия однотипных суждений (признаков), имеющих единую шкалу, представленную как комментарий или пояснение, т. е. отдельно от самих суждений и помещенную либо перед ними, либо после них

Интервьюеру!

К потенциальным парам второго тура используйте следующую шкалу:

0 такой пары не будет

1 за первого в этой паре,

2 за второго в этой паре,

3 вообще не буду участвовать во втором туре,

¹¹⁹ Этот пример из реального электорального исследования 1996 года. Его задача состояла в том, чтобы оценить шансы каждого из кандидатов в мэры Санкт-Петербурга попасть во второй тур выборов и выиграть в этом туре. А в том, что без второго тура эти выборы не обойдутся, было вполне очевидно.

*4 голосовать пойду, но унесу бюллетень с собой,
5 проголосую ПРОТИВ обоих кандидатов,
6 не знаю, не думал(а) об этом,*

Кодирование: коды должны быть проставлены относительно каждой из 12 пар — возможных вариантов второго тура голосования. В базе данных этот блок признаков представлен 12 полями записи.

Пример 2

А ТЕПЕРЬ СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, УДОВЛЕТВОРЕННЫ ЛИ ВЫ СЛЕДУЮЩИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ВАШЕГО ЖИЛЬЯ, ИСПОЛЬЗУЯ ТАКИЕ ВАРИАНТЫ ОТВЕТА:

- 1 — совершенно не удовлетворен(а)
- 2 — в общем, не удовлетворен(а)
- 3 — трудно сказать
- 4 — в общем удовлетворен(а)
- 5 — совершенно удовлетворен(а)

Таблица оцениваемых характеристик была приведена ниже и включала 8 характеристик. Соответственно, в базе данных для этого блока отведено 8 полей записи.

Структурный блок: тип 1

Вариант 3 — Специфика этого варианта — в графике. Это блок вопросов, имеющих единую шкалу и представленный в анкете в виде таблицы (матрицы)

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВОЗМОЖНА ЛИ СЕГОДНЯ УСПЕШНАЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИ СОБЛЮДЕНИИ В ЛЮБЫХ СИТУАЦИЯХ СЛЕДУЮЩИХ УСЛОВИЙ?

		Совершенно невоз- можна	скорее невоз- можна	с трудом, но воз- можна	безуслов- но воз- можна	Трудно сказать
5.1.	Не нарушать деловых обязательств	1	2	3	4	0
5.2.	Не давать взяток	1	2	3	4	0
5.3	Не применять силовых методов, угроз	1	2	3	4	0

Кодирование: в каждое из трех полей записи осуществляется буквальный перенос кода.

Структурный блок: тип 2 — Двойная операция над списком позиций (суждений): выбор ограниченного числа и/или последующее их упорядочивание (ранжирование)

Пример 1

КАКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАКТИЧЕСКИ РЕАЛИЗУЮТСЯ ВАШЕЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ?

Задание 1: *Обведите номера (слева) только тех, которые используются у Вас*

6.1.1	экспертиза товаров	
6.1.2	отстаивание интересов членов организации в органах власти	
6.1.3	обучение, повышение квалификации персонала	
6.1.4	маркетинговые и иные исследования	
6.1.5	организация снабжения сырьем, оборудованием и т. п.	
6.1.6	поиск партнеров в России	

Задание 2: *А теперь в этом же списке отметьте справа те направления вашей деятельности, которые в вашей организации выделены структурно, как самостоятельные подразделения или группы*

Кодирование: по следующей специальной схеме.

Если номер слева не отмечен респондентом и нет отметки справа — код «0»;

Если номер слева не отмечен респондентом, но справа есть отметка — код «0», т. к. вероятнее всего, это ошибка респондента (он «сбился со строчки»);

Если номер слева отмечен, а справа отметки нет код «1»;

Если номер слева отмечен и есть отметка справа код «2».

Пример 2

ПОЧЕМУ ВЫ ПОЕХАЛИ В СТРОЙ-ОТРЯД В ЭТОМ ГОДУ, ЧТО ПРИВЛЕКАЛО ВАС ЛИЧНО В ЭТОЙ ПОЕЗДКЕ?

Следует выполнить два задания:

1) Сначала сделайте отметку слева от нужного пункта. Можно отметить не более ПЯТИ пунктов

2) Затем распределите 1.2.3.4 и 5 места между теми пунктами, которые Вы отметили. Поставьте справа цифры от 1 до 5.

6.2.1.	Желание переменить обстановку	
6.2.2.	Желание посмотреть новые места	
6.2.3.	Желание непосредственно познакомиться с жизнью на производстве	
6.2.4.	Возможность во многих отношениях быть самостоятельным	
6.2.5.	Поехал по приглашению друзей, за компанию с ними	
6.2.6.	Возможность получить физическую закалку	
6.2.7.	Желание как можно больше заработать	

Кодирование: любой из выбранных респондентом пунктов может занять любое из 5 мест, поэтому все признаки оцениваются по единой пятибалль-

ной шкале. Правда, возможна ситуация, когда респондент двум (или более) позициям присваивает один и тот же ранг.

Структурный блок: тип 3 — Операция над списком — упорядочивание (ранжирование) списка по индивидуальному ощущению.

Пример 1

ЕСЛИ ВАМ ОЧЕНЬ НУЖНО КУПИТЬ ИМЕННО ШОКОЛАД, ЧТО, В КОНЦЕ КОНЦОВ, ОПРЕДЕЛЯЕТ ВАШ ВЫБОР?

Просмотрите предложенный ниже перечень вариантов ответа (критериев выбора) и попробуйте упорядочить его в соответствии с Вашей точкой зрения: цифру 1 поставьте напротив критерия, который Вы считаете НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМ; цифру 2 — напротив следующего по значимости (важности) для Вас лично и т. д. до цифры 5.

7.1. Чтобы не очень дорого	___
7.2. Чтобы красиво выглядел	___
7.3. Высокое гарантированное качество	___
7.4. Красивые надписи на иностранном языке	___
7.5. Рекомендации рекламы	___
8.0. Другое, что именно?	___

Кодирование: аналогично предыдущему примеру. Однако обратите внимание: вариант «Другое, что именно?» имеет самостоятельный номер, т. е. занимает отдельное поле записи в базе данных. Дело в том, что невозможно угадать, что здесь может написать респондент. Как правило, именно такие «варианты ответа» требуют специального дополнительного кодирования. Опыт показывает однако, что подавляющее число «новых» (или «самостоятельных») вариантов вполне укладываются в те, что были заранее предложены социологом: просто респонденты некоторые слова понимают очень своеобразно. И это **надо** иметь в виду, когда используешь формулу «Другое, что именно...».

Пример 2

КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СЕЙЧАС ГЛАВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА?

Проранжируйте названные действия: цифрой 1 обозначьте самый главный приоритет, цифрой 2 — следующий за ним по важности и т. д. до цифры 13

9.1. ___ Приватизация
9.2. ___ Либерализация экономики
9.3. ___ Стимулирование инвестиций в производство
9.4. ___ Укрепление рубля, финансовая стабилизация
9.5. ___ Привлечение иностранного капитала
9.6. ___ Поддержка предпринимательства, создание слоя частных собственников

- 9.7. ___ Аграрная реформа
- 9.8. ___ Демонополизация, стимулирование конкуренции
- 9.9. ___ Структурная перестройка экономики
- 9.10. ___ Поддержка госсектора
- 9.11. ___ Демилитаризация экономики, конверсия
- 9.12. ___ Развитие научно-технического потенциала
- 10.0. ___ Другое

Рекомендация относительно процедуры ранжирования

Поскольку в списке трудно ранжировать ряд, содержащий более 5 строк, предпочтительнее, оказывается, работать с карточками. Интервьюер предлагает респонденту набор карточек (для нашего примера их должно быть 12), на каждой из которых содержится один из вариантов, и просит респондента расставить карточки по степени предпочтительности предложенных вариантов лично для него. Затем сам проставляет в бланке анкеты ранги в том порядке, как респондент расположил варианты ответа.

Этот прием можно применить и для примера 1.

Любой вариант ответа теоретически может занять любое место в шкале заданной размерности. Но практически каждый из них укладывается в одну и ту же размерность шкалы: для первого примера от 1 до 5, для второго — от 1 до 12. Таким образом, этот блок образует группу ранговых шкал и, соответственно, такое же число полей записи в базе данных.

Впрочем, с карточками возможен и еще один (правда, для респондента более трудоемкий) вариант. А именно, предложите респонденту разложить в один ряд все карточки. Затем попросите его взять первую карточку и сравнить её со всеми остальными. Сравнить, значит выбрать из каждой пары ту, которая для него предпочтительнее. Если карточка, находящаяся в руках предпочтительнее, она получает два балла, если нет, то ноль баллов, а если же респондент не может отдать предпочтение ни одной из них, то обе карточки получают по одному баллу. В результате самая предпочтительная карточка (суждение, ценность) теоретически может набрать максимально возможное число баллов (в данном примере — 22). Следующая, может «проиграть» в таком сравнении еще одной, а может и более, чем одной. Таким образом, можно получить весьма четкое ранжирование. При этом многие карточки (суждения, ценности) получают одинаковые баллы, а это означает, что они для данного респондента равноценны.

Если в списке, предложенном для ранжирования число строк не очень велико, или ограничено время для проведения опроса, известен относительно простой алгоритм, который позволяет привести любые сочетания ответов к шкале единой размерности.

Как видим (см. табл. 1), с респондентом № 1 нет никаких проблем, он, как просили, честно расставил все ценности по «своим» местам; респондент № 2 обозначил самое главное для него и самое неприемлемое; респондент № 3 выделил только две значимых для него ценности; респон-

Таблица 1. Варианты реального поведения респондентов, когда их просят ранжировать суждения или ценности и способ их кодирования

Номер ценности в списке	стиль ранжирования							
	респ. 1		респ. 2		респ. 3		респ. 4	
	ответы	код	ответы	код	ответы	код	ответы	код
1	3	3	3	3		6	√	2
2	5	5		6		6		6
3	2	2	4	4		6	√	2
4	9	9	2	2	1	2		6
5	8	8	9	9		6		6
6	6	6		6		6		6
7	1	1	1	1	2	2	√	2
8	4	4		6		6		6
9	7	7		6		6		6

дент № 4 просто отметил «галочками» три значимые для него ценности, проигнорировав все остальные. Привести к единой размерности эти разные способы ранжирования можно с помощью простой формулы. Не отмеченные респондентом № 2 пять ценностей занимают с 5 по 8 места, в его системе восприятия этих ценностей они одинаково значимы для него и не отличаются друг от друга. Используем формулу подсчета средней арифметической: разделим сумму мест на число не отмеченных ценностей $5+6+7+8=26/4=6,5$. Таким образом, все не «расставленные» по своим местам ценности, не различаются респондентом и располагаются на 6 месте.

Респондент № 3 четко обозначит места только двух ценностей. Следовательно, все остальные, которые для него равнозначны, опять займут 6 место: $3+4+5+6+7+8+9=42/7=6$.

С респондентом №4 поступим по той же логике. Отмеченные им ценности одинаково важны для него и делят места с 1 по 3, и в среднем занимают 2-е место, а все не отмеченные для него также равнозначны и занимают, соответственно: $4+5+6+7+8+9=39/6=6,5$, опять же 6 место.

Правила округления

В математике приняты следующие правила округления: если после запятой, отделяющей дробную часть числа от целой, стоят цифры от 0 до 4, целая часть не изменяется; если стоят цифры от 6 до 9, то целая часть увеличивается на 1 (единицу).

Отдельное правило для тех случаев, когда после десятичной запятой находится цифра 5.

Если целая часть выражена четным числом, она остается неизменной, а если нечетным, то она увеличивается на 1 (единицу).

Приведу ситуацию, когда сразу нет возможности в анкете указать коды ответов. Анкета исследования «Зритель в театре» начиналась с того, что мы предлагали респондентам познакомиться с репертуаром театра, в который они пришли.

«ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ОЗНАКОМИТЬСЯ С РЕПЕРТУАРОМ НАШЕГО ТЕАТРА»¹²⁰

Обведите кружком номера тех спектаклей, которые Вы видели в постановке нашего театра	А здесь отметьте крестиком не более трех спектаклей, которые вы не видели, но хотите посмотреть
--	---

1. Двери хлопают _____
2. Дульсиня Тобосская _____
3. Жестокость _____
4. Интервью в Буэнос-Айресе _____
5. Ковалева из провинции _____
6. Левша _____
7. Люди и страсти _____
8. Малыш и Карлсон, который живет на крыше _____
9. Миссис Пайпер ведет следствие _____
10. Мой бедный Марат _____
11. Нашествие _____
12. Остается час _____
13. Похожий на льва _____
14. Преступление и наказание _____
15. Приказ номер один _____
16. Старомодная комедия _____
17. Трубадур и его друзья _____
18. Укрощение строптивой _____
19. Человек и джентльмен _____
20. Я всегда улыбаюсь _____
21. Пятый десяток _____

Кодирование. Этот список в базе данных представлен 21 полем записей, т. е. каждый спектакль — самостоятельный признак. Если каждое задание ко-

¹²⁰ Анкеты для трех театров в целом были идентичны и различались именно первым вопросом (у каждого театра свой репертуар — для примера взяты «уникальные вопросы из анкеты театра имени Ленсовета) и вопросом № 29, так у каждого театра уникальный зрительный зал. На первых этапах обработки и анализа массивы анкет каждого театра рассматривались по отдельности. Для второго этапа при анализе совокупного массива данных по всем трем театрам, из анализа исключались «уникальные» признаки, но был добавлен признак «Театр», имеющий, соответственно, три значения.

дировать отдельно, то число полей надо увеличить вдвое, а это чересчур не точно. А возможно ли не дублировать поля записей? Безусловно.

Итак, **в каждой строке** этой таблицы могут находиться следующие варианты (сочетания) ответов респондента:

- 1 — нет никаких отметок ни слева, ни справа;
- 2 — есть отметка только справа: «*Не видел, но хотел бы посмотреть*»;
- 3 — есть отметка только слева: «*Видел этот спектакль*»;
- 4 — есть отметка и слева, и справа.

Последний вариант можно интерпретировать как ошибку респондента (например, он просто «сбился со строки»). Гадать при этом, куда именно сбился — вверх или вниз — дело бесполезное, да и вредное. Но этот вариант можно интерпретировать иначе, как *желание респондента еще раз посмотреть этот спектакль*¹²¹. Именно этот вариант и был признан целесообразным и допустимым.

Таким образом, код «1» означает, что респондент не знаком с данным спектаклем, и что его название никак не привлекло его внимание; код «2» — означает, по меньшей мере, **информированность** о нем; код «3» — есть **прямой ответ** на первую часть вопроса; код «4» — свидетельство **высокого интереса** к данному спектаклю. При такой интерпретации каждый из этих 21 признаков (спектакль) квалифицируется как ранговый, ибо характеризует **степень интереса** опрашиваемых к каждому спектаклю.

Внимание! Код «0» для всех строк репертуара — (отсутствие ответа) использовался лишь тогда, когда на странице репертуара не было вообще ни одной отметки, т. е. когда респондент просто пропустил этот вопрос.

Также замечу, что здесь имеем дело не с производным (вторичным) признаком, но с адекватным представлением в базе данных ответов респондента, т. е. с кодированием.

Процедура кодирования имеет жесткий характер, поэтому инструкция по кодированию данных — один из самых важных документов. Кодировщик должен строго следовать этой инструкции, а в случае любого сомнения он обязан обратиться к руководителю исследования или к тому, кто его непосредственно инструктировал. Принимать решение здесь может только тот, кто несет за все исследование полную меру и профессиональной, и гражданской ответственности.

Очень желательно, чтобы результаты кодирования заносились в специальные кодировальные листы. Это необходимо, в том числе, для того, чтобы социолог мог контролировать все этапы исследования и — особенно — все про-

¹²¹ При сборе анкет после окончания спектакля, если была возможность, консультанты бегло просматривали анкеты на предмет полноты заполнения. Некоторым респондентам, которые делали именно такие отметки в этом вопросе, задавали вопрос «Вы не ошиблись? Ведь слева Вы отметили, что видели этот спектакль, а справа, что «не видели». Чаще всего ответ звучал примерно так: «Ну и что, а я хочу посмотреть его еще раз».

цедуры преобразования данных. Ибо именно здесь могут возникать ошибки, которые потом бывает очень трудно и обнаружить, и исправить. Коды можно проставлять и на полях анкеты рядом с номерами соответствующих переменных, но это также приводит к заметному увеличению числа ошибок.

Психологический комфорт респондента и задачи исследователя

При изучении разделения труда, прав и обязанностей в семье представляется целесообразным апеллировать к индивиду, не навязывая ему гендерного статуса. Например, «Кто в вашей семье обычно моет посуду?» (и т. п.)

Если в анализе для исследователя важны именно гендерные позиции респондентов, особенно если его интересует приверженность последних к традиционным или современным нормам и ценностным ориентациям в семье (понятно, что «Я» — это в одних случаях мужчина, а в других женщина) перед анализом полученных данных имеет смысл преобразовать эту шкалу, введя в неё именно гендерный статус. Как это сделать? (см. таблицу)

В анкете	Исходный Код	Для анализа
Как правило, я	1	Как правило жена
Иногда я	2	Иногда жена
Когда как придется	3	Когда как придется
Иногда супруг(а)	4	Иногда муж
Как правило, супруг(а)	5	Как правило муж

На стадии обработки первичной информации, часть шкал, — например, мужских — потребуется «перевернуть» следующим образом: если респондент мужчина, то исходное (как оно было закодировано изначально) значение надо вычесть из 6¹²². Тогда, если мужчина говорит, что посуду моет «как правило, супруга», т. е. женщина, для анализа получим: $6-5=1$ и т. д. При этом желательно сохранить и исходные признаки с исходными же кодами. Для этого стоит построить новый признак, где и мужские и женские анкеты, обозначают их формальные гендерные статусы.

Определение (описание) формата данных

После того, как данные закодированы, их необходимо ввести в базу данных для последующей машинной обработки и анализа. На самом деле макет базы данных должен быть сформирован еще до начала кодирования сразу после того, как составлена анкета.

¹²² Если изначально была использована, например, четырех пунктовая шкала, то вычитать надо из 5 ($5-4=1$)

Вводить данные можно с помощью разных компьютерных программ (Excel, SPSS, Statistika, SAS и даже с помощью Word). Но все-таки лучше делать это непосредственно в базу данных того статистического пакета, в котором будет осуществляться реальная обработка и анализ. Если ввод осуществляется через Excel или Word, неизбежны процедуры конвертирования данных. А это, во-первых, процедуры отнюдь не простые, а, во-вторых, они чреватые дополнительными ошибками.

База данных SPSS представляет собой жесткую прямоугольную матрицу, строки которой являют собой записи данных по каждому объекту (это может быть респондент, предприятие, район и любой другой объект), а колонки (столбцы) отдельные поля записи, или признаки (характеристики) объекта. Эта база имеет две формы: Variable view — описание формата данных, т. е. признаков; и Data view — предназначенная собственно для ввода и просмотра данных. Пока не описан формат, матрица данных выглядит «слепой»: в ней пронумерованы все пустые строки — записи, а все поля имеют одно и то же имя «var».

Поля записи в режиме Variable view описываются стандартно: каждому должно быть присвоено краткое имя (Name), определен его тип (Type) (чаще всего используются типы numeric (число) и string (строка или текст)), размерность (количество символов, которое можно поместить в данное поле, включая число знаков после запятой, если число натуральное), метка (Label) — в качестве метки может быть помещено полное название признака и, наконец, список значений признака (Values), и другие его атрибуты. Следует обратить особое внимание на атрибут «измерение» (Measure), который имеет три состояния: Scale, что соответствует метрическому признаку, имеющему общепринятые единицы измерения (в пределе — натуральный ряд чисел); Ordinal, что соответствует ранговому (или порядковому) признаку, и, наконец, — Nominal, т. е. номинальный признак (см. лекцию 1). По умолчанию любому признаку SPSS присваивает тип Scale, допускающий применение коэффициентов оценивающих связи между метрическими признаками.

Эта разметка необходима для корректной работы с коэффициентами корреляции. Пакет SPSS использует множество различных коэффициентов корреляции. Их много по той причине, что каждый коэффициент оценивает определенные типы (виды) связей между признаками. Когда вы прямо указываете для каждого признака его тип (номинальный, ранговый или метрический), программа «учитывает» это и «включает» при анализе лишь те коэффициенты корреляции, которые для данных типов признаков имеют, прежде всего, математический смысл¹²³, потому что авторы этих коэффициентов и

¹²³ Очень важно иметь в виду, что самый современный компьютер — это всего лишь набор электронных компонентов, которые «умеют» с немислимой скоростью различать единички и нолики, а также специальные машинные коды. У компьютера «нет мозгов». Но есть программисты, которые заставляют машину делать то, что вам нужно. Не надо думать, что машина за вас

разработчики программы знали, какой именно тип связи измеряется (оценивается) каждым из коэффициентов.

Для чего стоит аккуратно описывать каждый признак (переменную)? Исключительно для собственного удобства. Придумывать краткие имена переменных надо так, чтобы они были «говорящими», чтобы не надо было каждый раз держать перед собой анкету, чтобы посмотреть, а про что там, в признаке 112? С этой же целью стоит не лениться и в атрибут переменной «Label» вписывать полное название признака, а в поле «Values» перенести полностью *весь список значений* каждой переменной. Иначе вы получите на выходе только номера (коды) значений и будете «ломать голову»: «11» — это какой район Московский или Невский? и т. п. Или еще того смешнее, после того, как получите двумерную, например, таблицу с кодами вместо обозначенных словами значений каждой переменной, все равно будете потом вручную вводить «слова», чтобы любой ваш коллега и/или заказчик сам мог понять, про что же эта таблица.

Итак, предлагаю следующую последовательность действий: сочинили анкету; определили формат данных и описали его (т. е. заполнили матрицу Variable view); разработали инструкцию по кодированию; закодировали исходные данные и проверили, хорошо ли это сделано; ввели закодированные данные в компьютер.

И последнее, хотя с этого, стоило бы начать: в качестве первой переменной всегда описывайте уникальное имя респондента, т. е. номер его анкеты. Для этого все анкеты должны быть пронумерованы от первого номера до последнего (желательно без пропуска номеров). Эти номера самое надежное «уникальное» имя для респондента, каждой анкете должен соответствовать одноименный (с тем же номером) кодировальный лист. Без этого, — по сути дела, фиктивного — признака вы можете никогда не найти конкретные анкеты, в которые на разных этапах работы «вкрались» ошибки.

Контроль качества данных

Поскольку от ошибок никто не застрахован на любом этапе исследования, после ввода данных в SPSS? первым делом стоит получить простые распределения по всем переменным. Больше, чем уверен, что обнаружатся странные вещи. Например, в поле признака «пол», который не может иметь (в традиционном варианте) более двух значений, вы найдете некоторое количество кодов значительно превышающих цифру 2. Или в поле стандартной шкалы удовлетворенности (5 значений) увидите коды «8», «19», и что-нибудь еще. Не пугайтесь. Вероятнее всего, в нескольких анкетах произошел «сдвиг» дан-

что-то сделает. Необходимо понимать, что вы хотите сделать и уметь объяснить это программисту на простом русском (или английском, французском, немецком или ином) языке. Кстати, SPSS — умная программа.

ных — что-то нечаянно было пропущено, или что-то по рассеянности «вбили» дважды. Такие ошибки найти не трудно.

Пилотаж пилотажем, но не исключено, что и там что-то было недоучтено или элементарно просмотрено. При анализе простых распределений на этапе контроля качества данных обратите внимание на долю пропущенных ответов, а также значений «трудно сказать», «затрудняюсь ответить» и т. п. От вашего внимания не должно ускользнуть ни одно «странное», на ваш взгляд, распределение. Такие признаки (переменные) следует основательно рассмотреть и «покрутить» их. Возможно, что их вообще придется исключить из обработки и анализа, но это должно быть хорошо продуманное и взвешенное решение.

Создание необходимых вторичных признаков

После тщательного контроля качества первичных данных стоит снова обратиться к программе исследования, к её основным задачам с тем; чтобы построить все необходимые вторичные (производные) шкалы, запланированные ранее индексы (агрегированные показатели, индикаторы). Некоторые из них придется строить вручную (вроде «логического квадрата»). Однако SPSS предоставляет широкие возможности для вычисления и построения разнообразных производных шкал.

Все, что можно делать без кодировщика, лучше делать программным путем, т. е. непосредственно в базе данных.

Для некоторых индексов, возможно, понадобится построить несколько вспомогательных производных признаков. Именно таким многоступенчатым способом мы строили индексы взаимодействия взрослых супружеских пар с их родителями в исследовании «Ваша семья» 1977 года. Исходным материалом для их построения служили блоки вопросов о том, каким образом супруги поддерживают своих родителей, и какую поддержку, в свою очередь, получают от них.

На этапе разработки программы исследования мы занимались анализом (расчленением), т. е. старались найти такие относительно простые и наблюдаемые индикаторы, которые позволили бы описать такое, скажем, понятие, как межсемейное взаимодействие, его различные состояния и свойства. На этапе обработки эмпирических данных с помощью индексов решается обратная задача — «сборка» этого понятия. Индекс сбалансированности межсемейных взаимодействий позволил понять направление доминирующих векторов этого взаимодействия, т. е., в какую сторону направляются материальные, эмоциональные и иные ресурсы взаимодействия и взаимопомощи.

Другие индексы, основанные на вопросах о том, как распределяются домашние дела и обязанности между супругами, дали возможность понять, как «работают» традиционная и современная модели внутрисемейного взаимодействия.

И хотя теоретически механизм «сборки» прорабатывался на программной стадии исследовательского процесса, естественно, было невозможно предусмотреть все детали. Эмпирические данные, конечно же, внесли свои коррективы в разработанные ранее алгоритмы построения индексов.

Формирование подмассивов данных для специального анализа

В международном исследовательском проекте «Полиция в крупном городе», которым с российской стороны руководил профессор Я. И. Гилинский, были обследованы несколько типов поселений (СПб, Волгоград и Боровичи). В каждом из них замеры проводились несколько раз с тем, чтобы проследить динамику взаимодействия полиции (тогда в России — еще милиции) и населения.

Одна из задач состояла в том, чтобы выделить разные типы взаимодействия людей с милицией, в частности, тех, кто стал жертвами преступников; тех, кто обращался к милиции по каким-либо житейским вопросам; а так же тех, кого милиция задерживала за различные нарушения общественного порядка. Решение этой задачи потребовало разбиения всего (довольно объемного) массива данных на «чистые» подмассивы.

Для выделения названных групп респондентов использовались разные алгоритмы построения соответствующих индексов. Естественно, пришлось тщательно операционализировать сами ключевые понятия: «жертвы», «задержания», «обращения в милицию»¹²⁴. Очевидно, что разные мотивы и поводы взаимодействия людей с милицией в определенной мере влияют и на характер этого взаимодействия, и на характер отношения к милиции. Именно поэтому итоговый анализ и выводы делались на базе выделенных подмассивов, а не только и не столько на распределениях по всему массиву.

Вопросы к семинару

- Чем вызвано, по меньшей мере, двукратное преобразование массива первичной информации?
- Почему ответы респондентов надо кодировать?
- В чем смысл группировки первичных признаков в блоки? Каковы критерии для «сборки» переменных в блоки?

¹²⁴ Как и в случае с семейными индексами (исследование «Ваша Семья»), я сознательно не привожу здесь описания алгоритмов построения индексов. Во все не потому, что это какое-то секретное «ноу-хау», а потому, что, как и операционализация понятий, так и построение индексов, во-первых, основаны на определенных теоретических концепциях; а, во-вторых, — это дело творческое и здесь не может быть решений, которые годятся на все случаи жизни. Важно не научить, «какие кнопки нажимать». Гораздо важнее, что бы читатели поняли, зачем это нужно и что это не просто.

- Почему необходимо проводить контроль качества ввода данных?
- Какую функцию выполняют в исследовании индексы (агрегированные показатели) и вторичные переменные?
- Почему необходимо тщательно описывать все переменные (формат данных) в базе SPSS)?
- В чем смысл выделения (формирования) подмассивов?

Литература

1. Божков О. Б. Компьютерные технологии в социологическом исследовании // Социологический журнал 1998, №1–2, с. 95–112.
2. Каныгин Г. В. Предметная область при компьютерном моделировании анкетного опроса // Социологический журнал, 1997, № ½, с. 93–119
3. Методология и методы социологического исследования. Для студентов, обучающихся по основным образовательным программам уровня «Бакалавриат» по направлению «Социология» /под ред. Дудиной В. И. и Смирновой Е. Э., СПбГУ, 2013. — 297 с.
4. Пациорковский В. В., Пациорковская В. В. SPSS для социологов. Учебное пособие. М.; 2005 г. — 433 с.

ЛЕКЦИЯ 10. АНАЛИЗ ДАННЫХ. ЧАСТЬ 1

Здесь совсем не будет ни формул, ни математики. Задача автора — объяснить смысл того, что происходит, когда социолог использует статистические и математические процедуры. В этой лекции мы сосредоточимся на простейших процедурах анализа данных и общем обзоре данного этапа исследования. Но, прежде всего, обозначим основные задачи этого анализа.

Задачи анализа: общий обзор

Итак, мы придумали идею и проект исследования. Разработали инструмент, собрали эмпирические данные и ввели их в базу данных. Настало время анализа. Впрочем, стоп! Анализом мы занимались вначале¹²⁵. Теперь пришло время синтеза: то, что мы вначале разобрали, теперь предстоит собрать на новых, открывшихся в ходе исследования, основаниях. Это можно назвать проверкой гипотез, а можно — получением нового знания. Нового, т. е. того, которого раньше не было.

А что же мы делаем в процессе этой «сборки»? Да, ничего особенного. На этом этапе познания мы в основном делаем всего две операции: сравниваем давно известное с тем новым, что получили в результате, т. е. фактически ищем **сходства и различия** между разными известными нам и вновь открывшимися данными. В этом — вся суть познания. Новое знание состоит как раз в том, что то, что мы считали схожим оказывается несхожим, а то, что мы считали различным, подчас оказывается просто разновидностью одного и того же. Конечно, это утверждение очень общо.

В этой лекции мы и начнём разбираться в непростом вопросе, а как же узнать что-то новое? И, заметим, это «новое» начинается с внимательного рассмотрения простых распределений.

Простые распределения

Это — информация о том, как ответы респондентов распределились между предложенными вариантами. Таблица простого распределения содержит: общее

¹²⁵ Если анализ [analyze] в переводе с латинского означает расчленение, разборку на части, то синтез [sintesys] — означает именно сборку, т. е. собирание целого из частей.

Таблица 1. Культурный облик Финляндии (самое точное определение)

		Частота (число чел.)	Про- цент	Валид- ный процент	Кумуля- тивный процент
Валидные	Затрудняюсь ответить	56	4,0	4,0	4,0
	западно-европейская страна	112	8,0	8,0	12,0
	скандинавская страна	568	40,6	40,7	52,7
	восточно-европейская страна	5	0,4	0,4	53,1
	своеобразная финская страна	576	41,1	41,3	94,3
	европейская страна	62	4,4	4,4	98,8
	американизированная страна	4	0,3	0,3	99,1
	не могу решить, не знаю	13	0,9	0,9	100,0
	Итого	1396	99,7	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	4	0,3		
Итого		1400	100,0		

Если бы вы поленились заполнить форму SPSS «Variable view», таблица 1 выглядела бы так:

Таблица 2. VAR 124

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумуля- тивный процент
Валидные	0,00	56	4,0	4,0	4,0
	1	112	8,0	8,0	12,0
	2	568	40,6	40,7	52,7
	3	5	0,4	0,4	53,1
	4	576	41,1	41,3	94,3
	5	62	4,4	4,4	98,8
	6	4	0,3	0,3	99,1
	7	13	0,9	0,9	100,0
	Итого	1396	99,7	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	4	0,3		
Итого		1400	100,0		

число выбравших каждый из вариантов; долю, которую они составляют от общего числа ответивших; долю, которую они составляют от общего числа опрошенных и, наконец, кумулятивный, т. е. накапливающийся процент.

Ранее уже говорилось о том, что анализ простых распределений очень важен на этапе контроля качества исходной информации. Но и собственно для анализа, полученных данных — это достаточно эффективный инструмент.

В пакете SPSS, если в модуле Analyze использовать процедуру Frequencies, пользователь получает таблицу следующего вида. В таблице 1 распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, Финляндия это...»¹²⁶. Название таблицы 2 не было введено в базу данных как Lable.

И вы судорожно вспоминали бы, а что же скрывается за этими цифрами? И непременно пришлось бы обращаться к анкете. Результаты обработки данных в SPSS (файлы Output) «легко переносятся в любой текстовый редактор с помощью операции «Paste-Copy». Но уже в редакторе Word вам придется (если вы-таки поленились) все нужные слова в таблицу вводить заново. Так что не стоит лениться: лучше один раз выполнить эту скучную работу, зато потом без лишних хлопот иметь внятные понятные таблицы, графики и т. п.

Т а б л и ц а 3. Хотели бы Вы поехать в Финляндию как турист?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Не знаю	13	0,9	0,9	0,9
	нет	115	8,2	8,2	9,2
	да	1268	90,6	90,8	100,0
	Итого	1396	99,7	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	4	0,3		
Итого		1400	100,0		

Любое простое распределение можно представить в виде гистограммы (Рис. 1) или в виде графика (Рис. 2) Рис. 1 построен на исходных «не подготовленных» данных, варианты ответов здесь следуют в том порядке, как они были представлены в анкете. Для рисунка 2 эти данные упорядочены по убыванию числа респондентов, выбравших каждый из вариантов. Такие предварительные операции делают картину распределения более удобной для его интерпретации.

Что же нового (и о чем) мы узнали, благодаря этому распределению? Первый вывод довольно банален: подавляющее большинство респондентов (в сумме почти 82%) считают Финляндию скандинавской страной. Однако почти пятая часть опрошенных имеют иные мнения, какими бы странными они не казались, это факт, с которым необходимо считаться. Более детальный

¹²⁶ Эти примеры из исследования 1989 года, которое проводилось по заказу финского союза предпринимателей и фирмы Suomen Gallup в Ленинграде и Выборге с помощью почтового опроса.

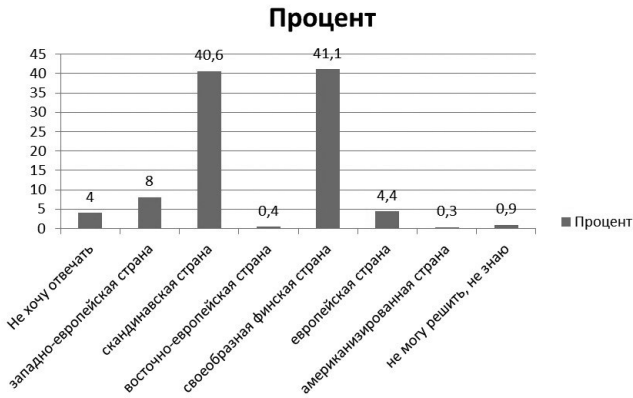

Рис. 1

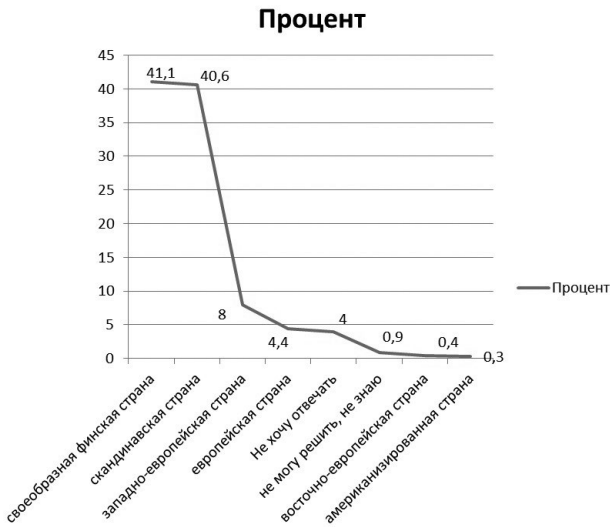

Рис. 2

анализ показывает, что «иные мнения» принадлежат людям относительно малообразованным, а также тем, кто в большей мере погружен в свои личные дела, и в меньшей степени интересуется делами общественными. Впрочем, и это весьма банальный вывод.

Простые распределения содержат много полезной информации, и, тем не менее, её явно недостаточно для серьезной и осмысленной интерпретации. К

сожалению, наиболее часто современные социологи при анализе данных не идут дальше простых распределений. Именно поэтому читать статьи, написанные по результатам эмпирических исследований, подчас довольно скучно. Как правило, они дают не столько ответы, поиск которых был анонсирован автором, сколько порождают вопросы, на которые в этих статьях ответов нет.

Простая «сборка»

Мы уже говорили о том, что одна из существенных необходимых операций в процессе исследования, трансформация или преобразование данных. В частности, некоторые вопросы (особенно представленные респондентам в виде таблиц) на стадии ввода данных мы преобразовывали в совокупность **отдельных признаков**. На стадии обработки и анализа данных, подчас, полезно снова «собрать» эти признаки в одну таблицу.

Например, в исследовании 1989 года «Что Вы можете сказать о Финляндии?» вопрос «Как бы Вы оценили состояние следующих сторон жизни Финляндии?» предъявлялся респондентам в виде таблицы. (В базе данных SPSS эта таблица была представлена признаками 111–126). А теперь снова соберем эти признаки в таблицу, но уже вместо кодов (вариантов ответов) представим в неё результаты простых распределений (см. табл. 4).

В отдельности каждый признак не дает оснований для сколько-нибудь обобщенной интерпретации, но сведенные в одну таблицу они дают некое общее представление. Можно полагать, что чем меньше доля затруднившихся ответить, тем выше информированность респондентов о тех или иных сторонах жизни Финляндии. И, следовательно, к этим оценкам можно относиться с большим доверием. Таблица свидетельствует, прежде всего, о довольно высокой информированности респондентов и о доброжелательном в целом отношении опрошенных к этой стране.

И, тем не менее, это еще очень поверхностный взгляд на данные. С ними еще стоит «поиграть». Например, можно выделить некоторые смысловые группы в этом наборе признаков, посмотреть, насколько оценки по этим признакам согласованы между собой у определенных групп респондентов. Для этого можно построить соответствующие индексы. Тогда постепенно картина будет все более и более отчетливой. И тогда с большей вероятностью мы сможем получить и новое, в том числе, теоретическое знание. Иными словами, внимательное рассмотрение простых распределений — это лишь начало работы по «сборке» первично проанализированной информации.

Таблицы сопряженности, в том числе, трехмерные

Более сильный прием — таблицы сопряженности или, как их называют, двумерные таблицы или кросстаблицы.

Таблица 4. Оценка респондентами различных сторон жизни Финляндии¹

	Очень хорошее	Довольно хорошее	Довольно плохое	Очень плохое	Не могу сказать
Качество финской продукции	64,1	33,3	0,1	0	1,4
Материальное благополучие	25,8	70,1	0,1	0	3,2
Уровень спорта в Финляндии	41,8	45,1	2,7	0	8,8
Технологический уровень Финляндии	32,1	57,2	0,4	0	8,8
Привлекательность для туристов	42,4	44,4	2,8	0,1	8,9
Количество финских туристов в СССР	43,0	36,4	4,8	0,6	13,0
Культурный уровень населения	16,7	65,1	3,4	0,1	13,7
Экономическое сотрудничество между Финляндией и Ленинградской областью	6,5	39,8	33,1	4,9	14,6
Поведение финских туристов в СССР	3,4	45,9	30,7	2,9	14,8
Достижения финнов в науке и технике	14,1	60,1	5,2	0,1	19,9
Состояние окружающей среды	25,3	48,5	3,9	0,1	20,6
Отношение в мире к политическим инициативам Финляндии	23,9	46,5	2,0	0,2	26,2
Количество советских туристов в Финляндии	1,5	9,2	33,5	25,5	28,2
Счастьливость населения	11,5	47,2	0,7	0,1	38,5
Функционирование многопартийной системы в Финляндии	17,2	33,7	0,6	0,1	47,1
Возможности получения образования	6,4	31,6	3,9	1,2	54,7

¹ В ячейках таблицы использован «валидный процент, а сама таблица упорядочена по мере увеличения доли варианта «Не могу сказать». Стоит обратить внимание на тот момент, что варианты ответов «Очень хорошее» и «Не могу сказать» имеют диаметрально противоположные распределения.

Относительно этих таблиц стоит сделать несколько чисто технических замечаний. Во-первых, полезно изначально учитывать размерность шкал тех признаков, которые вы «перекрещиваете». В первое (верхнее) поле в окне заданий SPSS всегда стоит помещать признаки большей размерности, т. е. шкалы, имеющие большее число значений или градаций. Тогда таблица при копировании её в текстовый редактор, как правило, будет помещаться на стандартной странице «книжной» ориентации. Во-вторых, и здесь очень полезно не следовать «тупо» за тем, как были расположены значения того или иного признака в анкете. Но предварительно упорядочить их по одному из значений. Это особенно актуально, если вы намерены представить двумерное распределение в графической, а не в табличной форме. Допустим, вы упорядочиваете интересующий вас признак по мере убывания частоты его выборов женщинами. Тогда для них эта кривая будет иметь относительно плавный характер, а у мужчин эта кривая будет иметь «случайной» характер. На рис. 3 (для которого эта операция была выполнена) различия между ответами мужчин и женщин о предпочтительности ими разных досуговых занятий зимой заметны визуально.

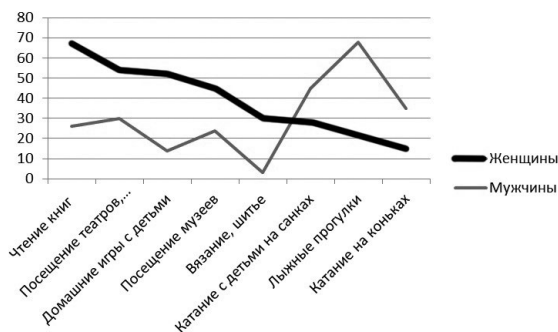

Рис. 3

В-третьих, и SPSS, и Statistica, и SAS, да и другие «продвинутые» статистические пакеты, которыми чаще всего пользуются социологи, дают возможность включать в таблицы и одновременно, и по отдельности различные статистические маргиналии. Вы можете использовать проценты по строке, по столбцу, а также процент от числа всех ответивших. Использование большого числа процентов заметно усложняет и восприятие таблицы, и усложняет её интерпретацию. Поэтому перед тем, как вставлять ту или иную двумерную таблицу в отчет, стоит подумать и определить, каким именно процентом лучше воспользоваться, чтобы более внятно и прозрачно интерпретировать имеющиеся в ней данные¹²⁷.

¹²⁷ Не буду занимать драгоценную книжную площадь примерами таблиц. При желании вы легко можете «поиграть» с пакетом SPSS и найти удобные для

Повторю вслед за Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом, если на стадии разработки программы вы не заложили в анкету никакой идеи, а полагались на то, что при анализе что-нибудь выявится, то вы глубоко заблуждаетесь. Если в вашей анкете, например, 120 признаков¹²⁸ (и это еще не так и много, бывает гораздо больше), то двумерные таблицы «все на все» дадут тонно-километры распечаток. Только на их просмотр уйдет масса времени, но вряд ли эти усилия оправдаются какими-либо ценными находками.

Анализ двумерных таблиц полезен для того, чтобы посмотреть, как взаимосвязаны те переменные, которые вы намеревались использовать для построения индексов (обобщенных, интегральных) переменных. Этот анализ необходим и после того, как вы использовали процедуру факторного анализа, чтобы уверенно интерпретировать его результаты. Для того, чтобы лучше понять, что скрывается за выявленными в факторном анализе латентными (т. е. скрытыми от прямого наблюдения) переменными¹²⁹.

Трехмерная таблица — это уже не «Средняя температура по больнице»

Но, что более существенно, двумерные таблицы могут содержать не только полезную информацию, но и вводить исследователя в глубокие заблуждения. В начале 1970-х годов среди социологов (и не только) стало весьма популярным парадоксальное утверждение, будто бы образование вредно. Оно основывалось на том, что разные исследователи, изучавшие факторы повышения качества и производительности труда, использовали при этом в основном двумерные таблицы, которые «убедительно» показывали, что с ростом уровня образования и качество работы, и его производительность не только не растут, но имеют тенденцию к снижению.

Как раз в это время мы занимались повторным исследованием по проекту «Человек и его работа». И наши данные также подтверждали этот вывод. Действительно, двумерка «возраст — образование» обнаруживала явно отрицательную связь (т. е., чем младше рабочие, тем выше уровень их образования). Двумерные таблицы «образование — производительность труда» также характеризовались отрицательной связью (чем выше образование, тем ниже производительность). Аналогичную картину мы наблюдали и на двумерках: «образование — качество труда». В отличие от многих других исследователей, мы заподозрили, что что-то здесь не так.

вас формы представления данных. Тем более, что этот пакет считает поразительно быстро даже очень большие массивы данных.

¹²⁸ Можно посчитать, сколько это будет двумерных таблиц по простой формуле ($N*N-1$). В нашем примере это будет $120*119=14280$ таблиц.

¹²⁹ Об этом более подробно см. следующую лекцию

Разбираясь с этой парадоксальной ситуацией, мы решили применить трехмерный анализ¹³⁰. Для этого разделили весь массив на три возрастных категории: до 30 лет, от 31 до 55 лет и старше 56. Те, кто вошел в первую возрастную группу, родились не раньше 1946 года — это послевоенное поколение, почти поголовно получившее полное среднее образование (т. е. окончили 10 или 11 классов средней общеобразовательной школы). Те, кто вошел во вторую группу, это люди, родившиеся после 1921 года. Многие из них не успели получить полного среднего образования до войны, но, как правило, очень рано начинали свою трудовую деятельность. Те, кто попал в старшую возрастную группу, войну застал во взрослом состоянии. Более того, к началу войны система школьного образования только-только принимала обязательный всеобщий характер.

Когда мы получили те же самые двумерные таблицы, но не в «среднем по больнице», а по каждой из выделенных возрастных групп в отдельности («третье измерение») — все встало на свои места. Выяснилось, что внутри каждой из возрастных групп более высокий уровень образования способствовал и более высокому качеству, и более высокой производительности труда. Таким образом, образование было полностью «реабилитировано», а миф о его вредности, если не развеян, то получил сильные контраргументы.

Использование двумерных (и трехмерных) распределений наиболее уместно после того, когда вы уже произвели некоторую «сборку». То есть, когда построены интегральные признаки (показатели, индикаторы) — индексы¹³¹.

Как показывает опыт, индексы более устойчивы и более надежны, нежели исходные («сырые») признаки. Более того, они «собраны» в соответствии с тем смыслом, что и составляло суть понятия, которое эти индексы призваны отразить. Естественно, при условии, что все процедуры были произведены вдумчиво и корректно. В этом случае по двумерным распределениям можно более уверенно судить о силе и характере взаимосвязей между анализируемыми переменными.

Вопросы к семинару

- Содержат ли «открытия» простые распределения?
- Когда наиболее целесообразно использовать двумерные таблицы, как инструмент анализа данных?
- В чем преимущество трехмерных таблиц?

¹³⁰ Инициатором этой идеи был Л. Е. Кесельман, а наш шеф — В. А Ядов — поддержал его и внимательно следил за этим «экспериментом», и затем всеми доступными способами пропагандировал полученные результаты.

¹³¹ Описание (правда, очень краткое) состава и алгоритмов построения индексов см. в книге В. Голофаст «Социология семьи. Статьи разных лет», СПб.: Алетейя, 2006, с. 234.

- Почему применение двумерных распределений предпочтительнее для анализа вторичных признаков и интегральных индексов?

Литература

1. Методология и методы социологического исследования. Для студентов, обучающихся по основным образовательным программам уровня «Бакалавриат» по направлению «Социология» /под ред. Дудиной В. И. и Смирновой Е. Э., СПбГУ, 2013. — 297 с.
2. Папиорковский В. В., Папиорковская В. В. SPSS для социологов. Учебное пособие. М.:, 2005 г. — 433 с.
3. Рабочая книга социолога. М.: «Наука», 1976. — 512 с.
4. Татарова Г Г. Методология анализа данных в социологии // Серия: Высшее образование. — 2-е изд., испр. — М.: Издательство: Nota Bene, 1999. — 224 с.
5. Толстова Ю. Н. Анализ социологических данных: Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. –М.: Научный мир, 2000.- 352с.

ЛЕКЦИЯ 11. АНАЛИЗ ДАННЫХ. ЧАСТЬ 2

Необходимое предисловие

Одна из важных задач анализа полученных данных — установление характера и силы связи между переменными. Для реализации этой задачи математиками и статистиками разработано огромное количество различных коэффициентов корреляции. Раньше уже говорилось о том, что это многообразие отнюдь не случайно, и что каждый коэффициент измеряет (оценивает) разные типы связей. А они бывают симметричными и не симметричными¹³², одни коэффициенты хорошо «работают» с ранговыми признаками, а другие с номинальными и т. д. Для того, чтобы оценить силу связи между номинальным и ранговым признаком, лучше использовать определенные коэффициенты, тогда как другие для этой цели просто не имеют никакого смысла (хотя машина будет их считать и выдаст конкретное значение).

Имеет смысл дать минимальные пояснения к сути корреляционных связей. В случае оценки корреляции между номинальными признаками мы всегда имеем дело с совершенно конкретными значениями. Допустим, нас интересует взаимосвязь между конкретными качествами «А» и «Б». Теоретически эта связь имеет три состояния (см. рис. 1.1–1.3).

Рис. 1.1–1.3. Тип взаимосвязи между значениями номинальных признаков

Это означает, что в случае 1.1, нет таких объектов, в которых признаки А и Б присутствовали одновременно; в случае 1.2. их одновременное присутствие встречается довольно редко; а в случае 1.3. их взаимное соответствие встречается весьма и весьма часто. Понятно, что изменения коэффициента корреляции между этими признаками имеют тенденцию от нуля (случай 1.1.)

¹³² Например, коэффициент, получивший название «корреляционное отношение», предназначен как раз для оценки не симметричных взаимовлияний переменных X и Y (обозначается греческой буквой «эта» — η и выражается парой значений: η_{xy} и η_{yx})

к единице. В последнем случае эта связь имеет «вырожденный характер», ибо если эти качества всегда имеют место одновременно, это означает, что они либо неразделимы, либо, что это просто одно и то же качество.

Когда мы оцениваем сущность взаимосвязи между ранговыми (порядковыми) признаками, характер связи между ними принципиально иной (он отражается на Рис. 2). При этом, положительная связь означает, что с увеличением (уменьшением) значения А увеличивается (уменьшается) значение Б (рис. 2-а), тогда как отрицательная связь означает, что с увеличением (уменьшением) значения А уменьшается (увеличивается) значение Б (рис. 2-б).

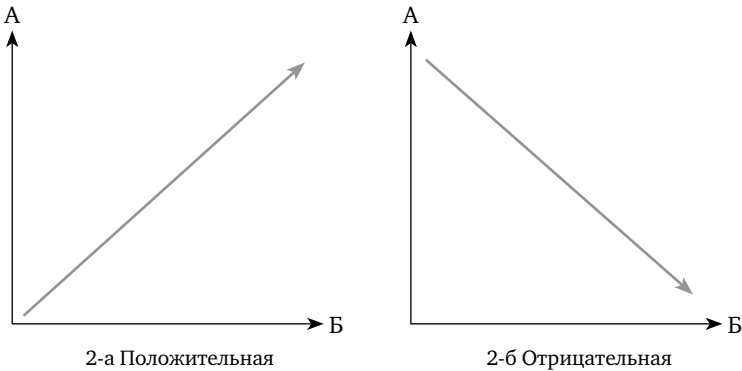

Рис. 2. Характер связи между значениями ранговых признаков (переменных)

Небольшое отступление

Когда в 1975 году образовался ИСЭП АН СССР (Институт социально-экономических проблем), в структуру которого вошел и вычислительный центр ЛО ЦЭМИ, мы — социологи — «дорвались» до вычислительных машин. В этом вычислительном центре тогда были две машины из серии БЭСМ (БЭСМ-3 и БЭСМ-6). БЭСМ-6 была, пожалуй, самой мощной советской вычислительной машиной (она выполняла миллион операций в секунду). При этом стоит отметить, что наш вычислительный центр был одним из самых «продвинутых» — уже в середине 1970-х в нем почти не использовалась перфораторная техника. Для ввода данных и программ использовались электронные терминалы венгерской фирмы «Видеотон», обеспечивавшие интерактивный режим взаимодействия с машиной.

Как и всякие «неофиты» мы тогда увлеклись корреляционным анализом и запускали в счет безумные матрицы (типа «все на все») и выискивали в них

«жирные» коэффициенты. Но это увлечение быстро прошло, так как мы поняли, что подавляющее большинство этих коэффициентов не говорят ни о чем. Любой признак всегда содержит некоторую долю не ответов. И чем их больше, тем менее надежен коэффициент корреляции. Пакет SPSS, в частности, предлагает три варианта поведения в этом случае: 1) «отбрасывание» объектов (в нашем случае анкет), содержащих не ответы; 2) по парное отбрасывание только признаков, содержащих пропуски в ответах; 3) замену пропусков на среднее значение по данному признаку. Первый вариант — самый жесткий — зачастую приводит к тому, что массив данных заметно уменьшается в объеме. Второй — оказывается более щадящим в этом отношении, но также ведет к большим потерям. Третий сохраняет объем массива данных в целости, но и он имеет свои недостатки.

Но главное, что объяснили нам математики, и что мы усвоили, — это то, что в наших безумных матрицах присутствуют все типы признаков, а для расчета матрицы используется каждый раз какой-либо один из многообразных коэффициентов. Его значения имеют смысл только для определенного типа признаков, для других же — эти цифры лишены какого бы то ни было смысла (и физического, и — тем более — социального). Тем не менее, корреляционные матрицы являются исходным материалом для целого ряда полезных для более тонкого и сложного анализа данных математических приемов и процедур. В частности, для факторного анализа.

Факторный анализ — сжатие пространства признаков

Первоначально эта программа была разработана для психологов, которые изучали отдельные психологические характеристики личности с помощью тестов. В состав тестовых заданий, как правило, включались отдельные индикаторы, которые, по мнению психологов, в совокупности описывали некое изучаемое свойство. Само же это свойство, скажем, ригидность или фрустрированность — прямой оценке, а тем более, измерению, не поддавалось, так как являлось латентной (скрытой) переменной.

Математиков заинтересовала эта задача. Теория множественной корреляции основывалась, в частности, на допущении, что, если некоторые переменные хорошо коррелируют друг с другом, вероятно, это обусловлено некоторой общей латентной причиной. Процедура факторного анализа строилась именно на этом допущении. В первых её реализациях как раз и выяснялось, все ли исходные (явные) признаки коррелируют с этой латентной переменной. Таким образом, задача ограничивалась построением одного (генерального) фактора. В случае, когда все исходные переменные на одном уровне коррелировали с латентной переменной (т. е. имели близкие по модулю факторные нагрузки), тест признавался валидным. Если же какие либо из исходных признаков слабо (или отрицательно) коррелировали с латентной переменной, они подлежали отбраковке, как свидетельствующие о чем-то ином.

Иначе, первоначально факторный анализ использовался для оценки гомогенности психологических тестов.

При этом оценивалась и мера информативности генерального фактора, которая, по мнению математиков, свидетельствовала о том, какая доля связей в общей матрице активно использована (объяснена) этим фактором. В самом лучшем случае, информативность этого единственного фактора не превышала 25–35%. Были предприняты попытки повысить информативность факторного анализа. Разработчики научились вычленять «объясненные» связи и строить матрицы остатков. На «очищенной» матрице остатков вновь вычислялся один — генеральный фактор, его информативность была ниже первого генерального фактора, но в сумме информативность двухфакторного решения приближалась к 40–50 процентам.

В результате экспериментов выяснилось, что теоретически можно получить столько факторов, сколько исходных признаков было включено в матрицу, и достичь при этом стопроцентной информативности, но... При этом каждый «фактор» оказывается представлен одним-единственным исходным признаком. Отсюда важный вывод: при вычислении следующих (за генеральным) фактором целесообразно остановиться, когда суммарная информативность достигает 60–70% — не более.

Так как каждый следующий фактор вычисляется без учета уже объясненных связей (на базе матриц остатков), то все факторы независимы друг от друга. А, следовательно, с помощью факторного анализа можно получить не только генеральный фактор, но несколько латентных переменных *независимых* друг от друга. Основная проблема при интерпретации факторов — понять их суть и дать им адекватное название.

При дальнейшем развитии аппарата факторного анализа (уже не только для психологов, но и для социологов и экономистов) возникла еще одна мощная идея — вычисления индивидуальных значений по каждому фактору для каждого респондента. Т. е. представить эти латентные переменные, как новые вторичные признаки. Эта идея удачно реализована в пакете SPSS.

Таким образом, можно назвать основные функции, которые факторный анализ выполняет в исследовании. Во-первых, — и это главное — он позволяет обнаружить такие переменные, которые по разным причинам невозможно обнаружить и измерить непосредственно. И, более того, сделать эти латентные переменные явными. Во-вторых, если ваша гипотеза о латентных переменных была верна, он позволяет «сжать пространство признаков». И для построения итоговых выводов использовать не все первичные признаки, но только те — вторичные или производные, — которые вы построили по результатам факторного анализа.

Впрочем, «сжатие пространства признаков» обеспечивается и другими способами, в частности, построением индексов, т. е. интегральных вторичных переменных.

Ограничения факторного анализа

Как и всякий метод, факторный анализ имеет свои ограничения и свои особенности. Во-первых, у исследователя, который решил применить этот метод, должна быть гипотеза о том, что для некоей совокупности исходных признаков существует определенная «общая причина», что они объединяются им в группу не случайно. Во-вторых, исходные признаки должны быть хотя бы **ранговыми**, а не номинальными. В-третьих, составляющие их содержательные шкалы, должны быть одной размерности. Факторный анализ очень «чувствителен» к этому.

В 1976 году был предпринят повтор исследования «Человек и его работа». Благодаря Л. Кесельману массив данных первого исследования (1962 года) был перенесен на БЭСМ-6 и мы получили возможность корректно сравнить оба массива и оценить, что же изменилось в отношении к труду ленинградских молодых рабочих.

В том числе была применена и процедура факторного анализа. Мы отобрали около 20 переменных, характеризующих разные стороны труда. И получили 3 «красивых» фактора, суммарной информативностью порядка 67%. Когда мы показали этот «выдающийся» результат В. А. Ядову, он рассмотрел эти факторы и заявил: «Артефакт!». Он-то знал эту анкету наизусть, и сразу увидел, что один фактор «собрал» все трехпунктовые признаки; другой — все пятипунктовые, а третий — все признаки иной размерности, т. е. факторный анализ выделил те исходные блоки вопросов, которые мы собрали вместе.

Л. Кесельман привел все эти шкалы к единой размерности и при повторном извлечении (опять же трех факторов) получил иной, правда, не менее красивый результат, где эти же признаки совершенно иначе распределились по разным факторам. Получив новый результат, Владимир Александрович внимательно его рассмотрел и сказал: «Вот это уже похоже на правду».

Опыт применения

В 1970–1980-е годы мы активно использовали алгоритм факторного анализа. Например, при изучении театральной жизни Ленинграда, этот алгоритм применялся и для построения типологии спектаклей, и для построения типологии зрительского поведения в сфере культуры. Не буду пересказывать наши опыты, тем более, что они описаны в публикациях¹³³.

¹³³ См., например, «Глава 3 «некоторые проблемы построения типологии явлений театральной жизни» // Театр и публика. Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов. М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013, с. 138–168. Эта книга вообще достойна внимания, прежде всего, с точки зрения методики и техники социологических исследований. В ней авторы старались не пропустить ни одного исследовательского этапа и даже шага.

Однако стоит отметить еще одну процедуру факторного анализа, по поводу которой существуют разные позиции. Я имею в виду ротацию (или вращение) факторов. Одни предпочитают работать с «сырыми» факторами, другие — с факторами после ротации. В чем разница?

Знаете, что такое японский «сад камней»? Это клумба, в конструкции которой использованы 15 камней. Но откуда бы вы ни смотрели на эту клумбу, вы видите всегда только 14 камней: пятнадцатый всегда от вас скрыт за каким-нибудь другим камнем. Есть только один ракурс, с которого можно увидеть все 15 камней — сверху.

Когда мы имеем проекцию множества точек в трехмерном пространстве, некоторые точки на одной из трех поверхностей неизбежно «сливаются» друг с другом и видятся, как одна. Но если повернуть всю конструкцию под определенным углом, мы можем «развести» эти точки. При этом каждая точка остается на своем месте. В этом суть ротации факторов. Мы поворачиваем всю конструкцию так, чтобы как можно меньше точек «сливались».

Некоторые авторы называют эту процедуру не «ротацией» или «вращением», а «приведением к прозрачной структуре», что вполне адекватно простой смене ракурса. Лично я предпочитаю пользоваться факторными решениями исключительно после ротации.

Здесь, пожалуй, стоит привести пример¹³⁴ одного и того же факторного решения до и после ротации. (см. табл. 1 и 2)

Метод выделения: Анализ методом главных компонент.

Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. а. Вращение сошло за 6 итераций.

В «сырой» таблице 1 видим, что 1-й фактор по всем исходным признакам имеет более или менее «ровные» факторные нагрузки, что уже обнадеживает. Т. е. он свидетельствует лишь о том, что все исходные признаки имеют отношение к некоей латентной переменной. В других факторах значимые факторные нагрузки приходится выискивать. Тогда как в матрице факторных нагрузок после ротации (см. таблицу 2) каждый фактор «собран» и это существенно облегчает его восприятие и интерпретацию.

Впрочем, для того, чтобы интерпретация была убедительной (обоснованной) предстоит проделать дополнительную аналитическую работу. А именно:

¹³⁴ Этот самый свежий пример (2015 года) взят из исследования проф. И. В. Поповой (Ярославский гос. университет). Процедура факторного анализа реализована на блоке признаков, сопровождавших вопрос: «Как вы относитесь к перечисленным поступкам?». Все признаки этого блока имеют стандартную шкалу: 1. Считаю недостойным при любых обстоятельствах; 2. Считаю возможным в чрезвычайных ситуациях; 3. Иногда считаю возможным; 4. Считаю нормальным; 5. Затрудняюсь ответить. Здесь приведены только методические комментарии, т. к. автор этого материала пишет статью, где данный пример с содержательной точки зрения будет рассмотрен и интерпретирован основательно.

Т а б л и ц а 1. Матрица компонентов (до ротации)

	Факторы				
	1	2	3	4	5
Вступить в брак по расчету	0,397	0,416	0,334	0,410	0,199
Взять0, что плохо лежит	0,584	0,250	0,186	-0,035	-0,316
Добыть хитростью	0,527	0,291	0,092	0,024	-0,460
Проехать в транспорте без билета	0,592	0,297	0,372	-0,165	0,055
Употреблять нецензурные выражения	0,554	0,274	0,171	0,049	0,120
Уклоняться от налогов	0,644	0,223	0,177	0,067	0,008
Уклоняться от алиментов	0,619	0,032	0,033	0,020	-0,486
Получить взятку	0,632	0,136	-0,580	0,289	-0,142
Дать взятку	0,653	0,181	-0,583	0,231	-0,028
Обмануть близкого человека	0,668	-0,102	-0,003	-0,114	0,047
Обмануть чужого	0,657	0,122	-0,259	-0,368	0,173
Обмануть организацию	0,653	0,262	-0,142	-0,370	0,184
Иметь любовника(цу)	0,553	0,222	0,071	0,414	0,363
Недобросовестно относиться к работе	0,640	-0,070	-0,028	-0,253	0,180
Ударить женщину	0,690	-0,521	0,134	0,108	-0,119
Ударить ребенка	0,685	-0,467	0,185	0,081	-0,132
Бросить мусор в неполюженном месте	0,681	-0,146	0,082	-0,279	0,001
Оставить ребенка в роддоме	0,642	-0,489	0,014	0,266	0,085
Отдать родителей в дом престарелых	0,640	-0,403	0,012	0,121	0,223
Вынести товар не оплатив	0,703	-0,099	-0,058	-0,239	0,066
Метод выделения: Анализ методом главных компонент.					
а. Извлеченных компонент: 5					

в первую очередь, посмотреть на двумерных распределениях, как индивидуальные значения каждого фактора коррелируют с образовавшими его исходными признаками. Полезно также посмотреть (опять же на двумерных таблицах), как сопрягаются между собой разные факторы (латентные переменные). И только после этого можно будет с большим основанием дать интерпретацию (в том числе, и более точное название) каждому из выделенных факторов.

Иногда уже по матрице корреляций можно решить, стоит использовать факторный анализ или нет. В ходе исследования «Театр и молодежь» (1974) была построена корреляционная матрица по признакам частоты посещения респондентами различных, по преимуществу зрелищных форм культуры. Чтобы легче было интерпретировать матрицу были произведены расчеты средних величин коэффициентов корреляции для каждой строчки матрицы. А затем матрица была переупорядочена: строки ранжировались по мере убывания величины модуля средних значений.

Таблица 2. Та же матрица компонент после ротации (вращения)¹

	Факторы				
	1	2	3	4	5
Ударить женщину	0,831	0,168	0,256	0,050	0,073
Ударить ребенка	0,787	0,180	0,296	0,077	0,027
Оставить ребенка в роддоме	0,801	0,119	0,037	0,170	0,210
Отдать родителей в дом престарелых	0,700	0,283	-0,043	0,200	0,155
Обмануть чужого	0,137	0,748	0,122	0,080	0,282
Обмануть организацию	0,042	0,755	0,183	0,200	0,201
Недобросовестно относиться к работе	0,343	0,596	0,105	0,138	0,096
Бросить мусор в неположенном месте	0,433	0,548	0,276	0,068	0,009
Вынести товар не оплатив	0,396	0,581	0,207	0,090	0,152
Обмануть близкого человека	0,417	0,457	0,213	0,153	0,146
Взять, что плохо лежит	0,134	0,252	0,623	0,250	0,077
Добыть хитростью	0,067	0,148	0,702	0,176	0,181
Уклоняться от алиментов	0,310	0,163	0,670	0,043	0,219
Вступить в брак по расчету	0,037	0,005	0,183	0,782	0,053
Иметь любовника(цу)	0,238	0,154	-0,012	0,710	0,281
Проехать в транспорте без билета	0,108	0,459	0,393	0,455	-0,153
Употреблять нецензурные выражения	0,125	0,330	0,252	0,483	0,081
Уклоняться от налогов	0,217	0,320	0,366	0,452	0,113
Получить взятку	0,206	0,196	0,249	0,134	0,835
Дать взятку	0,170	0,296	0,179	0,185	0,818

¹ Исходные признаки, образующие факторы в таблице выделены более крупным кеглем

На преобразованной матрице (табл. 3) стало видно, что формы культуры, составившие первые 6 строк тесно коррелируют друг с другом; аналогичную картину наблюдаем и во второй половине матрицы. Однако между собой эти два блока признаков коррелируют очень слабо.

Было сделано еще одно преобразование — на основе этой матрицы построен граф связей (см. рис. 3). Если на матрице отчетливо просматривались два блока, то граф показал, что здесь более сложная структура связей. В результате была использована процедура факторного анализа и получено 4 фактора, суммарная информативность которых составила более 59%¹³⁵.

¹³⁵ Более подробно об этом опыте можно прочесть в книге «Театр и публика. Опыт социологического исследования 1960–1970-х гг. — М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. — с. 156–168.

Таблица 3.

Корреляционная таблица

Признаки	Телевидение	Массовые гулянья	Эстрадные концерты	Танцы	Цирк	Кино	Литературные концерты	Филармония	Драматический театр	Музыкальный театр	Художественные выставки	Лекции и концерты
1 Телевидение	1											
2 Массовые гулянья	0,1	1										
3 Эстрадные концерты	0,05	0,43	1									
4 Танцы	0,05	0,41	0,30	1								
5 Цирк	0,23	0,29	0,28	0,17	1							
6 Кино	0,05	0,24	0,22	0,16	0,08	1						
7 Литературные концерты	-0,001	0,19	0,09	0,15	0,08	0,39	1					
8 Филармония	-0,09	0,01	0,04	-0,04	0,08	0,35	0,27	1				
9 Драматический театр	-0,07	0,05	0,10	-0,03	0,10	0,25	0,27	0,22	1			
10 Музыкальный театр	-0,02	0,10	0,24	0,01	0,08	0,23	0,22	0,37	0,16	1		
11 Художественные выставки	0,04	0,24	0,27	0,18	0,14	0,28	0,25	0,26	0,16	1		
12 Лекции и концерты	-0,02	0,21	0,14	0,13	0,08	0,42	0,25	0,12	0,13	0,14	1	

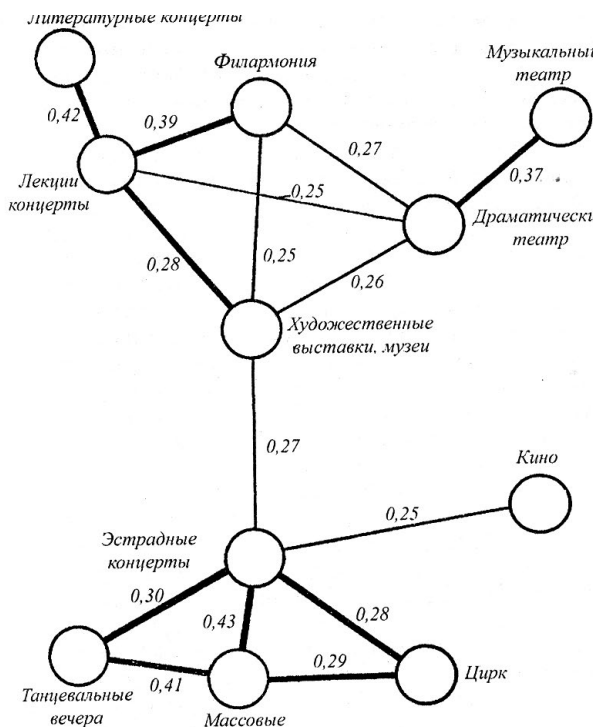

Рис. 3

Регрессионный анализ в социологическом исследовании

Этот алгоритм используется социологами не так часто. Хотя смысл его относительно прост. Если Вы выделили некоторый (критериальный) параметр, который, по вашему мнению, зависит от некоторого множества других независимых параметров (предикаторов), с помощью регрессионного анализа появляется возможность оценить вероятность этой зависимости от каждого из независимых параметров. Иными словами, оценить силу их влияния на изменения зависимой переменной.

Например, вы считаете, что производительность и качество труда определяются (детерминируются) целым рядом свойств работника: уровнем его трудовой дисциплины, опытом работы, уровнем образования, исполнительностью, мерой инициативности и многими другими. Понятно, что производительность и качество труда — разные переменные. И влияние на них разных свойств работника будут, соответственно, различными. Следовательно, придется, как минимум, дважды использовать алгоритм регрессионного анализа (для каждого из зависимых признаков отдельно). При этом и теоретически, и эмпирически важно определить совокупность независимых переменных, т. е. свойств работника, в шкалах единой размерности, например, в пятибалльных шкалах.

Уверяю вас, что при корректном отборе предикаторов и столь же корректном описании критериальных переменных, вы получите, возможно, неожиданные данные.

Собственно, целью регрессионного анализа и являются:

- Определение степени детерминированности вариации критериальной (зависимой) переменной предикторами (независимыми переменными)
- Предсказание значения зависимой переменной с помощью независимой(-ых)
- Определение вклада отдельных независимых переменных в вариацию зависимой переменной.

При этом стоит учесть, что регрессионный анализ нельзя использовать для определения наличия связи между переменными, поскольку гипотеза о наличии такой связи и есть предпосылка для применения этого алгоритма. Кстати, он и является одним из способов анализа матрицы корреляционных связей.

Итак, регрессионный анализ — это статистический метод анализа и обработки *экспериментальных* данных при воздействии на отклик только *количественных* факторов, основанный на сочетании аппарата метода наименьших квадратов и техники статистической проверки гипотез.

Также необходимо иметь в виду, что различаются линейные и нелинейные модели регрессионного анализа¹³⁶. Более подробную информацию по этому

¹³⁶ Говоря о нелинейных моделях регрессионного анализа, важно обращать внимание на то, идет ли речь о нелинейности по независимым переменным

поводу следует искать в специальной литературе или стоит обратиться к математикам или статистикам, с которыми вы работаете или будете работать.

Я обещал не утомлять читателей формулами, но все-таки никак не обойтись без некоторых математических символов. Особенно если говорить о том, как грамотно интерпретировать результаты регрессионного анализа.

Параметры b_i (веса влияния — собственно говоря, основной показатель в уравнении регрессии, который и лежит в основе интерпретации полученных результатов) являются частными коэффициентами корреляции; $(b_i)^2$ интерпретируется как доля дисперсии Y , объяснённая X_i при закреплении влияния остальных предикторов, то есть измеряет индивидуальный вклад X_i в объяснение Y . В случае коррелирующих между собой предикторов возникает проблема неопределённости в оценках, которые становятся зависимыми от порядка включения предикторов в модель. В таких случаях необходимо применение методов анализа корреляционного и пошагового регрессионного анализа.

Процедуры регрессионного анализа были использованы также при изучении образа жизни (Всесоюзный проект ИС АН СССР, 1981 г.), а точнее — удовлетворенности жизнью (критериальный параметр) и зависимости её от удовлетворенности различными сторонами или аспектами жизни (предикторы). При этом выяснилось, например, что одни и те же предикторы оказывают разное влияние на интегральную оценку для различных социальных слоев населения. Эта гипотеза была выдвинута при разработке программы исследования, но проверить её более или менее убедительно оказалось возможным именно благодаря применению регрессионного анализа.

Кластерный анализ

Если процедуры факторного и регрессионного анализа предназначены для оценки взаимосвязей между признаками, то кластерный анализ (на основании выделенной группы признаков) предназначен для обнаружения сходства и различия между объектами¹³⁷. В основе этого метода лежит определение (измерение) расстояний между объектами. Кластер — это группа объектов близко друг к другу расположенных в данном признаковом пространстве. Для определения степени близости между объектами в этой про-

(с формальной точки зрения легко сводящейся к линейной регрессии), или о нелинейности по оцениваемым параметрам (вызывающей серьёзные вычислительные трудности). При нелинейности первого вида с содержательной точки зрения важно выделять появление в модели членов вида $X_1 X_2$, $X_1 X_2 X_3$ свидетельствующее о наличии взаимодействий между признаками X_1 , X_2 и т. д.

¹³⁷ Напомню, что в качестве объектов кластеризации могут вступать не только респонденты (индивиды), но и социальные институты (в частности, учреждения) и иные социальные объекты.

цедуре используются, как меры евклидовой геометрии, так и иные, чисто математические, конструкции. В частности, используются показатели дисперсии (рассеяния) значений признаков. Так, например, дисперсия внутри кластеров по определению должна быть меньше, чем дисперсия между кластерами.

Но и в случае применения кластерного анализа лучше использовать, прежде всего, содержательные критерии для формирования пространства признаков, в поле которых предполагается выявление различающихся кластеров. Это просто еще один прием построения типологии с использованием математических моделей и процедур.

Иными словами, какими бы красивыми словами не назывались те или иные алгоритмы, основанные на принципах и законах математики, они не избавляют (и не могут избавить) социолога от необходимости теоретического осмысления изучаемых социальных процессов и учета особенностей тех объектов, которые попали в сферу его научных интересов. А также от необходимости понимания того, насколько тот или иной математический аппарат адекватен его познавательным задачам.

В определенном смысле факторный и кластерный анализ могут взаимно дополнять друг друга. Известны ситуации, когда после выделения и интерпретации кластеров, исследователи строили ряд вторичных переменных и уже их использовали для факторизации.

Приведу пример из собственного опыта. В начале т. н. «нулевых» годов мы обратились к социологическому анализу биографических и генеалогических данных¹³⁸. Одна из исследовательских задач состояла в построении обобщенного описания и классификации генеалогических деревьев. Эту задачу мы решали вместе с математиками, которые предложили метод из области линейной алгебры, предназначенный для оценки и выделения однородных групп объектов (персонажей), входивших в разветвленные описания семейных структур. Этот метод позволял для любой группы персонажей (в частности, для всей родословной схемы) оценить степень её однородности, понимаемой в смысле структурного сходства (различия) входящих в неё персонажей.

Здесь придется привести небольшую выдержку из статьи, в которой излагался этот метод и обсуждение полученных результатов. «Ядром всякого формального метода построения классификаций и, тем более, типологий тех или иных объектов является *не формальное*, а содержательное представление

¹³⁸ Это исследование в течение ряда лет поддерживалось Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ): проекты № 01–06–80410-а, Методология социологического анализа генеалогических и биографических данных; № 03–06–88021-к, Организация и проведение экспедиции для сбора генеалогических и биографических данных о жителях среднего и нижнего течения реки Молога; № 04–06–80208-а, Методология и компьютерная поддержка социологического анализа генеалогических и биографических данных.

о мере близости между ними, вытекающее из природы изучаемых объектов: Выбор метрики (или меры близости) является узловым моментом исследования, от которого решающим образом зависит окончательный вариант разбиения объектов на классы. Для таких сложнейших структур, какими оказались РС¹³⁹, понятие о мере близости между ними формировалось постепенно через представление о сходстве персонажей внутри отдельной РС. Становилось ясным, что это центральный момент проблемы»¹⁴⁰.

В процессе решения этой задачи были использованы разные методы, в том числе, и кластерный анализ. Для интерпретации кластеров пришлось использовать дополнительные процедуры, в частности, графическое представление кластеров, что существенно облегчило их интерпретацию. Далее для решения той же задачи (и для контроля) был использован один из традиционных методов оценки взаимосвязи между признаками — факторный анализ. Интерпретация латентных переменных (факторов) по каждой из РС совпадает лишь частично.

Для обсуждаемых в этой лекции вопросов вполне актуален небольшой фрагмент из резюме этой статьи: «Сама по себе задача оценки сходства (различия) объектов традиционна и типична для социологического исследования. Однако далеко не всегда исследователь оказывается столь серьезно озабочен проблемой релевантности объекта и метода и, тем более, разработкой каких-либо новых подходов. Опыт сотрудничества социолога и профессиональных математиков в таком непростом деле показался нам и плодотворным, и обоюдно интересным. При этом ни математики, ни социолог не собирались перекавалифицироваться. Прежде всего, мы обоюдно старались найти доходчивый и ясный язык описания своих проблем и способов, методов их решения»¹⁴¹.

Резюме

Сверхзадача этой лекции состоит в том, чтобы донести до читателя (слушателя) очень простую в своей основе мысль. Если на стадии разработки программы исследования не выполнен достаточно глубокий анализ изучаемой проблемы, если не четко определены и не операционализированы основные понятия, никакие сложные методы обработки полученных данных не помогут получить сколько-нибудь надежное и достоверное знание. Бездумно используемая математика (при всем пиетете перед этой умной и полезной наукой) — плохой помощник.

Перед тем, как решить, какой из видов анализа использовать (факторный, регрессионный или кластерный), необходимо выполнить, по меньшей

¹³⁹ РС — родословная схема или генеалогическое дерево.

¹⁴⁰ О. Б. Божков, Г. А. Козлов, С. В. Сивашинский. Алгебраический метод сравнения генеалогических схем //Социология 4М, № 15.2002 г., с. 158–178.

¹⁴¹ Там же, с. 177

мере, три условия. Во-первых, должны быть сформулированы внятные (пусть и локальные) гипотезы. Во-вторых, необходимо представлять (на содержательном уровне) реальные возможности того или иного математического аппарата. А, в-третьих, в инструментарий для сбора первичной информации должны быть, заложены переменные (признаки) определенного (как по форме, так и по содержанию) типа.

Вопросы к семинару

- Почему получение матрицы корреляций по принципу «все на все» не имеет содержательного смысла?
- В каких ситуациях целесообразно применять процедуры факторного анализа?
- В каких исследовательских ситуациях применимы процедуры регрессионного анализа?
- В чем принципиальное различие факторного и кластерного анализа?
- В каких ситуациях факторный и кластерный анализ могут дополнять друг друга?
- Что может служить надежным основанием для использования факторного, регрессионного и/или кластерного анализа в исследовании?
- Попробуйте дать интерпретацию факторов таблицы 2, т. е. придумать название и дать ему обоснование.

Литература

1. Айвазян С. А., Бежаева З. И., Староверов О. В. Классификация многомерных наблюдений. — М.: Изд-во «Статистика», 1974. — 238с.
2. Божков О. Б., Козлов Г. А., Сивашинский С. В. Алгебраический метод сравнения генеалогических схем //Социология 4М, № 15.2002 г., с. 158–178.
3. Гуц А. К. Математические методы в социологии. — Изд. 3-е. / А. К. Гуц, Ю. В. Фролова. — М.: Изд-во ЛКИ, 2012. — 210 с.
4. Дрейпер Н., Смит Г. Прикладной регрессионный анализ. М.: Издательский дом «Вильямс». 2007
5. Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики. — М., 1995
6. Крыштановский А. О. Анализ социологических данных М.: ГУ ВШЭ, 2007
7. Мандель И. Д. Кластерный анализ. — М.: Финансы и статистика, 1988.
8. Найденов А. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS. Профессиональный статистический анализ данных СПб: Питер, 2013
9. Окунь Ян Факторный анализ. /Перевод с польского Г. З. Давидовича. Научный редактор В. М. Жуковская. Москва, Статистика, 1974. .
10. Пациорковский В. В., Пациорковская В. В. SPSS для социологов. Учебное пособие. М., 2005 г. — 433 с. Стрижов В. В., Крымова Е. А. Методы выбора регрессионных моделей. М.: ВЦ РАН, 2010.60 с.

ЛЕКЦИЯ 12.

ОПЫТЫ РАЗРАБОТКИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ СОЦИССЛЕДОВАНИЙ

В 1975 году в Ленинграде был создан Институт социально-экономических проблем (ИСЭП АН СССР), в его структуру вошел вычислительный центр Ленинградского отделения Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ АН СССР). Кроме его собственных сотрудников, наиболее активными пользователями вычислительной техники, стали социологи со своими огромными массивами данных. Естественно, задачи, которые решали социологи существенно отличались от тех задач, с которыми имели дело сотрудники ЦЭМИ. Поэтому, пришлось определенным образом «перестраивать» или создавать заново математическое и программное обеспечение под эти новые задачи. За основу был взят опыт вычислительного центра Эстонского радио и телевидения, где до этого сотрудники лаборатории В. А. Ядова обрабатывали свои эмпирические данные.

Надо сказать, что математики и социологи ИСЭП быстро нашли общий язык, и общими усилиями эта проблема была решена за довольно короткий срок. Были разработаны два взаимосвязанных комплекса программ: АРФА (архив форматных анкет) и СКОСИ (система комплексной обработки социологической информации)¹⁴².

АРФА и САСЭД

Вот как описаны общие сведения о системе АРФА, её основными разработчиками Д. В. Иголкиной, И. В. Клокачевым и Ж. И. Панчук: «Система АРФА (Архив Форматных Анкет) на ЭВМ БЭСМ-6 предназначена для ввода, контроля, редактирования и долговременного хранения социально-экономической информации, задаваемой в форме анкет. Архив организуется на физических носителях внешней памяти ЭВМ: магнитных лентах (МЛ) и магнитных дисках (МД), — называемых архивными томами. Совокупность анкет одинаковой структуры (одного формата), относящихся к одному исследованию, образуют так называемый пакет анкет. Для анкет одного пакета задаются паспорт и формат, в которых, в частности, содержатся сведения, необхо-

¹⁴² Позднее эта система стала обозначаться другой аббревиатурой «САСЭД», что означало «Система анализа социально-экономических данных», что точнее отражало сферу её применения.

димые для эффективной записи значений элементов анкеты в памяти ЭВМ. В один архивный том записываются паспорта, форматы и анкеты, относящиеся к различным социологическим исследованиям».

Обработка и анализ информации реализовывался пакетом программ статистического прикладного анализа в рамках САСЭД. Этот пакет состоял из двух частей. Первая реализовала построение и анализ одномерных таблиц частот и многомерных таблиц сопряженности. Вторая часть пакета реализовывала классические методы многомерного статистического анализа: регрессионный, факторный, компонентный и дисперсионный анализ. Кроме этого, в рамках этой системы были реализованы алгоритмы детерминационного анализа, средства для обработки многоальтернативных признаков (строились таблицы частот встречаемости одновременного сочетания различных градаций признака), а также специальные модули для наглядного графического представления и сравнения одномерных и двумерных распределений.

Совместно с социологами были разработаны стандартные формы разных заданий на обработку первичной информации, которые существенно облегчали работу и обеспечивали нормальный диалог между социологами и математиками.

Для социологов были организованы краткосрочные курсы, где они могли научиться основам программирования. В результате социологи (конечно, не все) могли сами писать небольшие программы для построения необходимых производных (вторичных) признаков. В целом все это в совокупности делало диалог математиков и социологов достаточно продуктивным и бесконфликтным.

Когда в начале 1990-х годов в нашу жизнь начали активно вторгаться персональные компьютеры, мы убедились, что системы АРФА и САСЭД практически ни в чем не уступали западным статистическим пакетам, а по некоторым параметрам и превосходили их. Пожалуй, самый большой минус «персоналок» состоял в том, что вместе с большими машинами из повседневного социологического обихода ушли вычислительные центры коллективного пользования и, в значительной мере, нарушился диалог между математиками и социологами, как профессиональными сообществами. Этот диалог стал, по большей мере, индивидуальным и приватным.

Детерминационный анализ

В 1982 году в издательстве «Наука» вышла небольшая книжка С. В. Чеснова «Детерминационный анализ социально-экономических данных». Автор обратил внимание на то, что «элементы матрицы данных в социальных исследованиях имеют, как правило, нечисловую природу. Это обстоятельство отражает одну из важнейших специфических особенностей социальных измерений. В этих условиях термин «матрица» теряет свое формальное мате-

матическое содержание и превращается в математическую метафору, обозначающую произвольное, вообще говоря, нечисловое множество, элементы которого расположены в клетках прямоугольной таблицы»¹⁴³.

Действительно, номера значений номинальных, равно как и номера значений ранговых признаков, не являются числами — это коды или метки, которые могут быть обозначены как цифрами, так и буквами. Производить с этими кодами какие-либо арифметические или математические операции — некорректно. Фактически, социолог работает не с этими кодами, а с количеством объектов, соответствующих им (или, иначе, людей, выбравших те или иные значения признаков). И это важно осознавать и учитывать при работе с социологическими данными.

Автор предлагал прозрачную модель многомерного анализа социологических данных. И начал её описание с изложения трех основополагающих тезисов или принципов. «Социальные измерения не могут существовать вне общения с людьми, вне коммуникативных процессов. — пишет С. Чеснов, — Это основная причина того, почему социальные измерения являются по существу измерениями номинальными или качественными. <...>

Номинальные переменные возникают всегда, когда объектами исследования становятся люди, их сознание и поведение. Это обусловлено тем, что социальное не может формироваться, существовать и проявлять себя вне языка, вне словесности в широком смысле. И социолог-исследователь, и те, кто выразил добрую волю вступить в роли респондента, предпочитают представлять свои реакции и описывать внешний для них мир образами и понятиями, выражаемыми словами, а не числами»¹⁴⁴. Так обосновывается первый принцип (тезис) — номинальность.

«Тезис. Принцип конкретности. Содержательные социальные значения всегда привязываются к конкретным свойствам, которые выступают как отдельные значения признаков (первичных и вторичных переменных). Реальные установки, ценностные ориентации, мотивации людей строятся на основе связей между отдельными свойствами, т. е. между отдельными значениями признаков, а не признаками в целом. В этом смысле понимаемая конкретность является внутренним свойством социального объекта»¹⁴⁵.

«Ограниченная статистичность» — третий тезис. «Социальные закономерности представляют собой закономерности статистические и в общем случае не являются жестко детерминированными. Однако статистичность социальных закономерностей выступает лишь как ограниченное по своим масштабам нарушение детерминизма.

В эмпирическом исследовании данные о наличии тех или иных социальных закономерностях возникают всегда как данные о связях между перемен-

¹⁴³ С. В. Чеснов Детерминационный анализ социально-экономических данных, М.: «Наука», 1982. — с 13.

¹⁴⁴ Там же, с. 15

¹⁴⁵ Там же, с. 17–18

ными, фигурирующими в обследовании. <...> Жесткость связей, которыми представлены социальные закономерности, может быть различной в разных социальных группах»¹⁴⁶.

Попробуюсь коротко и совсем просто объяснять, на какой (какие) вопросы может дать ответ программа детерминационного анализа. Первый класс вопросов, например, таков: «Кто такие читатели книг?» и «Кто такие, кто книг не читает?» Безусловное достоинство программы в том, что ответ дается не в виде набора двумерных распределений: «чтение книг x пол», «чтение книг x возраст», «чтение книг x образование» и т. п. Детерминационный анализ позволяет сформулировать ответ одновременно по всей совокупности признаков, в терминах которых вы хотите этот ответ получить.

Итак, нас интересует вопрос, кто такие читатели книг¹⁴⁷, а ответ мы хотели бы получить в терминах пяти переменных.

«Читатели книг» — это: (пол, возраст, образование, род занятий, место жительства). Поскольку, каждая из переменных, интересующих вас, имеет определенное количество значений, то таких ответов может быть много в силу заявленных принципов *номинальности* и *конкретности*.

- Допустим, что переменная «пол» имеет два значения (мужчина или женщина);
- переменную «возраст» вы представили тремя значениями: до 30 лет, 31–50 лет, старше 50 лет;
- переменная «образование» имеет у вас также три значения: нет образования, среднее или среднее профессиональное образование, высшее образование;
- переменная «род занятий» описана четырьмя значениями: рабочий, служащий, ИТР, чиновник;
- и, наконец, переменная «место жительства», в свою очередь, имеет пять значений: деревня, рабочий поселок, малый город, средний город, крупный город.

Очевидно, что ответов на этот вопрос может быть много. Представим возможную совокупность ответов на этот простой вопрос в таблице 1

Понятно, что каждая строчка может быть «расшифрована» словами, например, читаем первую строку: «мужчина, от 31 до 50 лет, образование среднее или среднее профессиональное, рабочий, житель среднего города». В первой колонке помещается число *«читателей книг»*, обладающих именно таким набором характеристик; в седьмой общее количество людей с такими же характеристиками вне зависимости от того, являются или не являются они «читателями книг». В восьмой колонке — один из ключевых показателей детерминационного анализа (ДА) — коэффициент детерминации, который

¹⁴⁶ Там же, с. 21

¹⁴⁷ В данном случае договоримся, что «читатели книг» это те люди, которые по данному признаку выбрали градации (значения) 4 или 5, т. е. которые читают книги «часто» или «очень часто» — опять же, принцип конкретности.

Таблица 1. Фрагмент совокупности ответов на заданный выше вопрос¹.

Читатели книг	Пол	Возраст	Образование	Род занятий	Место жительства	Всего таких респон- дентов	К-нт дет. Чк _i /X _i	Емк. дет. Чк _i /ΣЧк _i
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Чк1	1	2	2	1	4	X1		
Чк2	2	2	3	3	3	X2		
Чк3	2	3	3	3	5	X3		
Чк4	1	2	3	4	5	X4		
Чк5	1	3	3	3	3	X5		
Чк???		
Чк _n	2	1	2	2	3	X _n		
ΣЧк _i	-	-	-	-	-	Σ x _i		

¹ В скобках указано число значений каждой из переменных, с помощью которой формулируется ответ.

показывает, какую долю от всей совокупности лиц, обладающих идентичными характеристиками, составляют читатели книг или иначе, каково влияние данного набора признаков на свойство «быть читателем книг». В последней колонке другой ключевой показатель — емкость данной детерминации, т. е. какая доля от всей совокупности читателей книг описана данной строкой. Автор ДА обращает внимание читателей на то, что оба показателя ДА являются простыми процентами в таблице: первый — процент по строке, второй — по колонке.

Далее исследователь может выбрать из этой таблицы строки с наиболее весомыми коэффициентами детерминации и со значимой емкостью. Кстати, это можно сделать изначально, указав порог интересующей вас силы детерминации (скажем, не менее 50%). Более того, авторы программы, используя принципы и методы регрессионного анализа, дают возможность исследователю оценить, какой вес имеет каждый параметр в этой детерминации.

Основное достоинство детерминационного анализа, на мой взгляд, состоит в его абсолютной прозрачности: здесь ясен смысл каждого шага, а кроме того, это реальный многомерный анализ, а не «вырванные из контекста» двумерные таблицы. Но, у этой программы есть и очень существенный для социолога недостаток, который вытекает из основных её постулатов-принципов: номинальности, конкретности и ограниченной статистичности. Авторы программы честно предупреждают, что полученные результаты некорректно распространять на всю «генеральную совокупность», т. к. они справедливы

исключительно в рамках конкретной выборочной совокупности, т. е. данного конкретного контекста. Другой недостаток состоит в том, что для получения более «выпуклых» результатов, приходится «идти на компромисс» с принципом конкретности и укрупнять («склеивать») некоторые значения переменных. Иначе статистичность ограничивается чересчур сильно.

В свое время я и мои коллеги из ИСЭП (по преимуществу программисты и математики) с большим интересом и вниманием восприняли не только идеи детерминационного анализа, но и их воплощение в программном продукте. И даже прошли обучение и получили соответствующие сертификаты. Более того, по согласованию с авторами идеи детерминационного анализа, был создан аналог этой программы (А. М. Заболотный) и включен в состав САСЭД. Она реально использовалась социологами, в частности, в исследованиях Сергея Исаевича Голода и в некоторых исследованиях в секторе В. Б. Голофаства. И, наконец, мы провели специальный семинар совместно с С. Чесноковым и его командой.

Тем не менее, не случайно социологи-эмпирики в массе своей отнеслись с большим скепсисом к этой программе. А вот медики, физиологи, лингвисты и литературоведы хорошо работают с ней и получают очень интересные и, — главное, — устойчивые результаты. Вероятно потому, что закономерности, обнаруживаемые в этих сферах познания, в большей степени согласуются с детерминизмом и в меньшей степени «нарушают» его.

В анализе реальной социологической практики и в её критике С. В. Чесноков и его соратники во многом правы. В книге содержится немало тонких и точных наблюдений и замечаний, в частности, по поводу определенной «лукавости» и неточности коэффициентов корреляции. В заключительной главе С. Чесноков рассматривает сходства и различия между детерминационным анализом и традиционными методами исследования связей на основе критерия χ^2 и некоторыми другими традиционными методами математической оценки взаимосвязей между переменными.

И, наконец, в идее детерминационного анализа привлекает её ярко выраженная гуманистическая направленность, ориентированная на обязательный учет природы человека и дифференцированный подход, как к операциям получения исходной информации, так и к операциям, которые используются при её анализе.

Проблема обустройства рабочего поля социолога

Это был благословенный, но, к сожалению, очень непродолжительный период, когда казалось, что вот, наконец-то, социология востребована. В 1989 году мы начали мониторинг социально-экономического и социально-политического состояния жителей Ленинграда, т. е. регулярные замеры этого состояния. Обычный ритм проведения социологических исследований: год-два на сбор первичной информации, а затем лет 5 на его обработку и осмысление — уже категорически не устраивал.

Тогда мы с моим коллегой Геннадием Викторовичем Каныгиным — программистом и математиком — предприняли попытку формализованного описания процесса социологического исследования и поиска подходов к созданию индивидуальной базы социологических знаний. По замыслу эта база должна была включать: словарь основных теоретических понятий, результаты их операционализации; методические и процедурные решения, то есть анкетные вопросы и их шкалы, а также алгоритмы фиксации перехода от теоретических понятий к их эмпирическим индикаторам. Речь шла об интегральной информационной технологии, в рамках которой профессиональная деятельность социолога могла бы поддерживаться как непрерывный, технологически единый процесс накопления знаний и опыта в интересующей его предметной области. И в этом смысле рабочее пространство социолога было бы обустроено более комфортно.

С самого начала стало очевидно, что работа предстоит большая и что программы вроде статистических пакетов не в состоянии решить такую задачу. Мы остановились на реляционных базах и выбрали для первых опытов СУБД Paradox¹⁴⁸. Прежде всего, уже имея некоторые образцы подобных решений (та же программа детерминационного анализа, CATI, CAPi и т. п.) решили автоматизировать процесс создания методик, т. е. анкет. Но и пойти дальше — в названных образцах, анкета создавалась заново для каждого нового исследования. Мониторинг предполагает использование уже разработанных и апробированных методических решений многократно, однако для него не противопоказано и пополнение арсенала методических решений.

Реализация этого проекта изначально планировалась на базе персональных компьютеров и, в принципе, каждый мог использовать разработанную систему индивидуально.

Сложность такого рода работы состоит в том, что ЭВМ сама по себе ничего не может сделать за человека, особенно за программиста. Повторю, компьютерная программа — выполняет только регулярно и единообразно повторяющиеся действия. Следовательно, каждое необходимое действие необходимо, во-первых, хорошо описать, чтобы отчетливо понимать возможность или невозможность его точного выполнения. А, во-вторых, провести непростую операцию формализации.

Объекты формализации

В процессе осмысления первой версии системы мы обнаружили, что формулировки вопросов анкеты имеют, по меньшей мере, две типичные «проблемы» или два «воплощения»: во-первых, в качестве «полного имени вопроса», а во-вторых, в качестве комментария «до вопроса» в ситуации, когда вопрос

¹⁴⁸ Правда, впоследствии было принято решение обратиться к среде программирования DELPHI, которая позволяет те же задачи решать более компактно, создавая исполняющиеся файлы.

реализуется с помощью совокупности (блока, набора, множества) признаков. И в том, и в другом случае он выглядит как текст достаточно большой длины (порядка 80–100 или даже больше символов). Иными словами, к некоторому удивлению мы были вынуждены констатировать, что сам по себе вопрос не являлся объектом нашей модели и оказывается *de facto* вовсе не самостоятельным.

На эмпирическом (в частности, технологическом) уровне социолог почти не работает с вопросом, который, формируя признаковое пространство, остается как бы во «внешнем», не формализуемом контуре исследования. Это, скорее, некоторая исследовательская метафора, лишь многообразная форма для содержания, которое сосредоточивается и эксплицируется в используемых исследователем понятиях, признаках, шкалах, правилах и комментариях. Следовательно, объекты, элементы модели надо искать именно здесь.

Бесспорно, ключевым элементом модели является признак, характеристика, свойство того или иного изучаемого объекта. Именно над признаком исследователь производит наибольшее число операций, начиная с определения, операционализации и кончая обработкой (вычислениями) и обобщениями. Распределения ответов по пунктам шкалы (вариантам ответов) свидетельствуют о «поведении», состоянии и качественной определенности отображаемого ими признака (свойства, качества изучаемого явления). Поэтому шкала есть основной способ представления и конкретизации признака (если угодно, первый слой его интерпретации).

Тем не менее, на наш взгляд, шкала обладает статусом самостоятельно-го объекта именно в силу своей относительной автономности от признака. В частности, одна и та же шкала может «обслуживать» разные признаки, и, в то же время, один признак может быть конкретизирован с помощью разных шкал. Конкретизация признака осуществляется также с помощью комментариев, которые, однако, не являются самостоятельными объектами в системе технологической поддержки исследования, хотя над ними и производится ряд операций: ввод, форматирование, верстка, привязка к определенному признаку или шкале. Комментарий, по сути, есть атрибут (причем не обязательный) либо признака, либо шкалы, либо анкетного вопроса в целом как метафорического отображения концепта.

Итак, реально мы имеем всего два необходимых, значимых и тесно связанных друг с другом объекта и предмета формализации: признак и шкалу. Именно вокруг этих объектов разворачивается вся «содержательная» деятельность исследователя.

Признак может быть охарактеризован с помощью следующих обязательных или постоянных атрибутов (свойств): краткое имя или «мнемоформула», полное имя, описывающее его содержание, тип признака (альтернативный, то есть допускающий выбор одного и только одного варианта ответа, или многоальтернативный, допускающий одновременный выбор нескольких значений).

Описание шкалы более развернуто. Во-первых, шкала представляет собой самостоятельный объект, она имеет собственное уникальное имя. Во-вторых, шкала непременно содержит список (перечень) пронумерованных (закодированных) вариантов ответов (значений или состояний). В-третьих, существуют шкалы нескольких типов: номинальная, ранговая и метрическая. К числу необязательных (или переменных) атрибутов шкалы следует отнести: единицы измерения, если шкала метрическая, то есть в нашей терминологии (табл. 1 в лекции 4) — «предопределенная».

Таким образом, возникла потребность в создании, по меньшей мере, трех основных таблиц: первичных признаков, алгоритмов для построения вторичных признаков и таблица шкал. Затем, понадобилась таблица исследований (или проектов). Так как к опросам мониторинга привлекались интервьюеры, пришлось создать таблицу и для них, где фиксировались не только личные характеристики, но также исследования, в которых участвовал тот или иной интервьюер, и полученные им задания.

Все эти таблицы активно пополнялись и использовались. Некоторые процессы удалось почти целиком автоматизировать. В частности, анкета «собиралась» из трех основных таблиц. После того, как она создана, автоматически генерировались новые таблицы: база данных для первичной информации и кодировальные листы. Система обеспечила заметное сокращение сроков проведения исследования от создания анкеты до получения результатов. Иными словами, удалось наладить почти непрерывный единый технологический процесс, обеспечивающий преемственность между отдельными исследованиями, и при необходимости их повторение. Пожалуй, только создание инструкции по кодированию осталось во многом «ручным процессом».

Это была большая и интересная работа, в ходе которой мы, прежде всего, сами отчетливее понимали специфику каждого этапа исследовательской работы и всего процесса в целом.

Но, опять приходится говорить «к сожалению» — ибо этот «золотой» период закончился примерно в 2008 году. Причин для этого было несколько: и финансовые затруднения, и переключение внимания с задачи изучения и понимания общественных процессов, на опросы общественного мнения — как формы пропагандистского воздействия на людей, и затухание в целом общественной, публичной, в том числе, и политической деятельности. Ну, и, конечно же, бездумные и разрушительные экономические и политические реформы.

Естественно, здесь представлены только те отечественные компьютерные разработки для нужд социологов, которые мне хорошо известны, с которыми мне довелось близко познакомиться. Конечно, их гораздо больше. Но то обстоятельство, что они не приобретают достаточно широкого распространения в профессиональной среде, есть лишь свидетельство определенной разобщенности социологического сообщества.

Вопросы к семинару

Знаете ли вы какие-либо другие отечественные компьютерные программы для обработки и анализа социологических данных? Опишите их.

Литература

1. Божков О. Б., Компьютерные технологии в социологическом исследовании // Социологический журнал 1998, №1–2, с. 95–112.
2. Каныгин Г. В. Предметная область при компьютерном моделировании анкетного опроса // Социологический журнал, 1997, № , с. 93–119
3. Чесноков С. В. Детерминационный анализ социально-экономических данных, М.: «Наука», 1982. — 168 с.

ЛЕКЦИЯ 13. КАК ОБРАБАТЫВАТЬ КАЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ

Качество или количество? Вот в чем вопрос

Преподаватель — не гуру, он может чего-то не знать (но должен знать, как это узнать), может чего-то не понимать. Я, например, не понимаю разделения методов на качественные и количественные. В последние годы в отечественной социологии ведется оживленная дискуссия о методах «количественных» и «качественных» исследований (методологиях, подходах, исследованиях, парадигмах — все это сплошь и рядом употребляется как синонимы). Именно эти понятия, на мой взгляд, требуют уточнения.

Не будем рассматривать «Качество» и «Количество» как философские категории. Здесь, казалось бы, все ясно, существует море философской литературы. Остановимся на бытовании этих понятий в современной социологии и, попытаемся понять, о чем идет речь. Прежде всего, что мы называем с помощью этих слов?

Совершенно бессмысленно разделять на качественные и количественные **научные парадигмы**. Хотя бы потому, что парадигма — это общая модель науки, «включающая общепризнанные в данной науке представления о том, какими должны быть общие подходы, теории, методы исследования и элементы мировоззрения (называемые иногда мифологией науки)»¹⁴⁹. Такого же мнения придерживается А. Б. Гофман, который утверждает, что не может в науке одновременно сосуществовать множество парадигм¹⁵⁰.

Столь же бессмысленно делить **исследования** на качественные и количественные. Хотя бы по той причине, что в любом исследовании никуда не деться от качественной определенности объекта и предмета, от качественной определенности переменных, которые в нем используются. В их числе могут быть такие, которые легко поддаются количественной оценке и счету, но есть и такие, которые трудно (или невозможно) представить количественно.

Не столь категорично, но могу сказать, что и применительно к методам (особенно к методам сбора первичной информации) использование оценок

¹⁴⁹ В. Ф. Чеснокова Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ, 2010, с. 7

¹⁵⁰ А. Б. Гофман «О теоретической социологии в России и за ее пределами» // http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=431

«качественный» и «количественный» также вряд ли принесет какую-либо пользу.

С определенной осторожностью, на мой взгляд, (который я не хочу никому навязывать) допустимо говорить о качественном и количественном подходах к исследованию. Потому, что «подход» включает в себя определенные методологические и методические принципы и нормы. И уж совершенно уверен, что следует различать качественные и количественные **данные**, качественную и количественную исходную (первичную) информацию, которую получает социолог в ходе исследования. Статус её определяется на стадии разработки программы.

Количественными данными будем называть исходную информацию, которая приведена к удобной для счета форме. А это такая информация, которая фиксируется в виде шкал, хотя бы номинальных или ранговых. Стоит напомнить, что эти типы шкал по сути своей — качественные, описательные, а вовсе не измерительные.

Таким образом, количественные данные специально проектируются на стадии разработки исследования. Движение этого конструирования имеет направление от понятия (концепта) к его эмпирическим референтам (эмпирическим индикаторам). Важный элемент этого движения — операционализация понятий. Естественно, за качественную определенность и корректность реализации этих процедур полную ответственность несет сам исследователь. Как правило, количественные данные содержатся в форме анкетных опросов или стандартизованных интервью, в ходе которых всем респондентам предъявляются одни и те же вопросы с единообразными вариантами ответов. Это и обеспечивает возможность счета и проверки статистических гипотез.

Качественными данными будем называть исходную информацию, которая (в силу разных причин) не может быть простыми способами приведена к форме удобной для счета. Типичным примером качественных данных являются: ответы на открытые вопросы, материалы глубоких интервью, фокус групп, а также разнообразные личные документы. Трудность формализации здесь обусловлена тем, что об одном и том же разные респонденты говорят «разными словами». На одну и ту же формулировку вопроса разные респонденты реагируют по-разному; а в личных документах каждый говорит (или — точнее — пишет) о своем, так что даже одни и те же предметы могут быть описаны по-разному и разными словами.

Таким образом, качественные данные являются «сырыми» данными, которые требуют серьезной предварительной подготовки к анализу. Движение этой подготовки: от конкретных фактов (эмпирических референтов, не всегда сразу ясно, каких теоретических понятий) к тем или иным абстрактным понятиям (концептам) мы и называем концептуализацией эмпирических наблюдений.

Социолог в определенном смысле должен быть «полиглотом». То есть владеть несколькими — как минимум, тремя — языками (вовсе не иностранны-

ми). Во-первых, обычным русским языком, на котором разговаривают все жители России. Во-вторых, языком социологической теории (научными терминами и категориями). И, в-третьих, языком эмпирических (наблюдаемых, надежно фиксируемых) фактов и явлений. Мало того, он должен владеть навыками и умениями перевода с одного из этих языков на любой другой. И это проблемы отнюдь не только лингвистические, это проблемы качественной определенности того, что социолог эмпирически изучает.

Пока качественно не определено какое-либо, интересующее социолога свойство, его просто невозможно корректно ни наблюдать (неизбежны «разночтения»), ни, тем более, — измерить (или хотя бы сосчитать). Для социолога (как, впрочем, и для любого ученого) качество и количество теснейшим образом связаны, но первично именно качество, как качественная определенность, а не как оценка (хорошее или плохое).

У меня на руке часы. Кто мне скажет, сколько это предметов? Я утверждаю, что два: собственно часы и ремешок. Почему? Да потому, что этот ремешок я могу пристроить к любым другим часам. Его суть (т. е. качество) от этого не изменится. А часы я могу положить в карман и без ремешка. Они и в кармане будут показывать время. Правда, кто-то может возразить, что часы — это не один предмет. У часов есть корпус, стекло, стрелки, а внутри еще много-много деталей. Так сколько же это предметов? Пока мы не договорились (на простом русском языке), что мы обозначаем словом «предмет» (на качественном или, если угодно — на понятийном уровне), мы ничего не сможем сосчитать так, чтобы у всех получился один и тот же результат.

Но ведь дело не только и не столько в счете. Важно понимать не только, что считаешь, но, — главное, — зачем и для чего.

К истории вопроса

В самом первом номере журнала «Социология 4М», 1991 году В. А. Ядов опубликовал статью «Стратегия и методы качественного анализа данных». Не все положения этой статьи вызывают согласие, более того, в ней есть некоторые противоречия. Например, в одном месте он пишет: «Исследование с помощью качественных методов имеет отправным пунктом то же состояние, что и при жестких методах: проблемную ситуацию. В классическом варианте она проясняется путем знакомства с литературой, пробных зондажей и другими способами действий по формулятивному плану. При использовании «качественной стратегии», как замечает Д. Сильвермен, отправная точка исследования достаточно неопределенна. Это — «столкновение с непонятным феноменом»¹⁵¹. А через несколько страниц утверждает: «Качественный анализ предполагает первоначально как бы целостное видение всего объекта,

¹⁵¹ В. А. Ядов Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология 4М, 1991, № 1, с. 20.

живое его воплощение»¹⁵². Но и «в классическом варианте» стимулом к началу познавательного процесса служит это самое «столкновение с непонятным феноменом», и здесь исследователь первоначально видит проблему в живом её воплощении, видит как нечто целое, синкретичное. Разработка программы исследования — и есть первый шаг к пониманию сути проблемы, к анализу, т. е. к выделению разных аспектов и сторон этой проблемы.

Неоднократно автор апеллирует к здравому смыслу и именно его выделяет, как основной инструмент качественных методов. Но разве в «классическом варианте» здравый смысл вообще не используется? Конечно, используется. А куда же без здравого смысла?

Однако эти мелкие противоречия и неточности искупаются заключительным аккордом статьи: *«Жесткие и гибкие методы никоим образом не исключают, но взаимодополняют друг друга. А можно и так сказать: кто не чувствует себя «на коне» в классических методах исследования, тот вряд ли достигнет успеха в использовании гибких приемов. Просто потому, что будет введен в заблуждение их как бы «нетребовательностью» к математико-статистическим и жестко формализованным процедурам, каковые несомненно остаются базисом достоверного научного знания. Правильный подход, следовательно, заключается в том, чтобы разумно использовать разные стратегии исследования и знать пределы разумных допущений в каждом случае»*¹⁵³.

Эта статья появилась не случайно. С одной стороны, на волне перестройки (1986–1991 гг.) социология оказалась актуальной и, вроде бы, востребованной. В это время «открылись границы» и западные коллеги ринулись в Россию, так как именно здесь происходили самые интересные для тех, кто изучает общество, процессы. И отечественные социологи получили возможность познакомиться с методическими и методологическими новинками популярными на западе. С другой стороны, уже начались процессы развала экономики: финансирование науки, в первую очередь, гуманитарной и обществоведческой заметно сократилось. Качественные методы, казалось, почти не требуют больших затрат, в отличие от массовых количественных исследований. Отчасти и по этой причине они оказались более привлекательными для многих российских социологов.

Ядов, всегда живо интересовавшийся всем новым, не только обратил на это внимание, но и попытался проанализировать эти новации. Приведенная выше фраза из его статьи, как бы предупреждала, что социология все-таки наука и не должна трансформироваться во что-то иное. Однако качественные исследования стали развиваться очень стремительно, но весьма своеобразно, как уникальный процесс «свободного творчества» опирающейся почти исключительно на здравый смысл.

¹⁵² Там же, с. 28

¹⁵³ Там же, с. 30

Во втором номере «Социологического журнала» за 1994 год появилась статья «Миф о «качественной социологии», которая вызвала большой резонанс в социологическом сообществе. Например, известный исследователь Наталья Никитична Козлова писала, что при первом чтении эта статья «можно сказать, нанесла рану, ибо даже не намекала, а прямо говорила: то, чем я и некоторые коллеги занимаемся — в общем-то чушь. В статье использовалась метафора-стигмат «эпистемологическая куча». По мнению авторов, большинство исследователей вовсе не выбирали методологические позиции, а расплозались по разным сторонам этой кучи»¹⁵⁴.

Стоит привести еще одну выдержку. «Поначалу мне самой думалось, — пишет Н. Козлова, — что, культивируя так называемые мягкие методы познания, не разрушаешь объект. Постепенно стала понимать, что *мягкость* здесь не более, чем эвфемизм. «Близкое» чтение «человеческих документов», по существу, более жестко, чем, допустим, обычный социологический анкетный опрос. Исследователь в данном случае не может не рассматривать *другого* как тип, как *представителя*. Включение его в ряд осуществляется достаточно жестким способом, причиняющим человеку боль. Ты переописываешь тех, кто сам себя уже описал и понял. Кому приятно быть переписанным, переведенным на другой, неведомый и непонятный язык?»¹⁵⁵. К этому мнению профессионала очень даже стоит прислушаться.

Примечательна также ремарка Н. Н. Козловой по поводу взаимосвязи индивида и общества: «Государство, следовательно, выступает основанием «логического конформизма» и «морального конформизма» (Э. Дюркгейм), молчаливого дорефлексивного согласия относительно значения мира, которое лежит в основе опыта мира как мира здравого смысла. Этот опыт рассматривали феноменологи, а этнометодологи пытались описать его. **Но ни те, ни другие не поставили вопроса о социальной конструкции самих принципов конструирования социальной реальности, которую они стремились объяснить, а также вопроса о вкладе государства в конструирование принципов конструирования, которые агенты применяют к социальному порядку**»¹⁵⁶.

Н. Н. Козлова в этой очень глубокой и многоплановой статье нашла определенные аргументы в пользу качественных данных, прежде всего, — нарративных источников. В частности, она пишет: «Осмысливая нарратив под классическим углом зрения, мы прорываемся к реальности, которая стоит «за текстом». Само повествование оборачивается родом субъективной реальности. Рассказ выступает как *свидетельство*. «Снимаемая» интерпретацией слой

¹⁵⁴ Н. Н. Козлова Опыт социологического чтения «человеческих документов» или размышления о значимости методологической рефлексии. //Социологические исследования, 2000, № 9, с. 23.

¹⁵⁵ Там же. Примеч. — все выделения в цитатах принадлежат автору, т. е. Н. Н. Козловой

¹⁵⁶ Там же, см. сноску на с. 24

за слоем, мы расширяем, расколдовываем, постигаем «подлинную» реальность»¹⁵⁷.

Однако и авторы статьи «Миф о «качественной социологии», и Н. Козлова по большому счету говорят об одном и том же — о силе и выраженности познавательной мотивации в процессе исследования и о позиции ученого в этом процессе. Не случайна фраза Н. Козловой о том, что «исследовательский взгляд — неизменно взгляд сверху»¹⁵⁸ — это её твердое убеждение, как ученого. А ведь именно об этом статья Г. Батыгина и И. Девятко. Их основная претензия к апологетам «качественных методов» как раз и состоит в том, что критерием «качественности» исследования здесь становится «нечто вроде переживательного отношения научного сотрудника к своему объекту». Другое, не менее важное основание для жесткой критики, так называемых качественных методов, в том, что сплошь и рядом именно методов (хорошо воспроизводимых, проверяемых, дающих устойчивые результаты) здесь и не обнаруживается. Собственно говоря, это имела в виду и Элизабет Ноэль, когда писала об «обманчивости» самого названия целого ряда методов «качественными» (см. лекцию 4).

«Чистая наука потому и считается чистой, что мало зависит от «внешней экспертизы», например, интересов публики или «спонсоров». <...> В таких условиях возникает тысяча возможностей для фабрикации новых «парадигм» и «методологий», рассчитанных на внешнюю экспертизу непосвященных»¹⁵⁹. И далее «Вызов, именующий себя постмодернизмом, декларирует отказ от деспотии «Закона» и «Каузальности», находя новую эпистемическую перспективу в «социальном порождении реальности». В основе «порождающих структур» — коммуникативных практик, лишившихся поддержки фактов, обнаруживаются «Идеальная игра», «Гиперреальность», «Совращение». <...> «Автономия сферы знания с трудом выдерживает натиск мощных полей власти и — параллельно этому процессу — гарантировавшая ученому автономии формальная рациональность уступает место субстантивной содержательной рациональности со стороны науки. Достаточно ли этого, чтобы забросить за шкаф академическую мантию и вместо скучного аполлонического дискурса предаться дионисийскому буйству? Или все же стоит сохранять верность собственной традиции и её нормам (теперь уже добровольно, без всякой внешней санкции)?»¹⁶⁰.

Невольно вспоминается публичная дискуссия 1960-х годов относительно «физиков и лириков», когда один из ораторов вызвал бурную овацию аудитории своим требованием «создать компетентную (!) комиссию из рабочих,

¹⁵⁷ Там же, с. 30

¹⁵⁸ Там же, с. 27

¹⁵⁹ Г. С. Багьтин, И. Ф. Девятко Миф о «качественной социологии» //Социологический журнал, 1994, № 2, с. 36.

¹⁶⁰ Там же, с. 36–37.

служащих и колхозников, чтобы они разобрались, наконец, что там гоняют эти физики в своих синхрофазотронах».

Статья Батыгина и Девятко написана «плотно» и сложно: она адресована тем, кто находится «в теме», в ней много апелляций к серьезной научной литературе. Но позиция авторов, тем не менее, выражена ясно и понятно. Их пафос не против «качественных» методов, но против бессовестной профанации науки в виде некритически принимаемых методологических новаций.

Один из центральных тезисов этой статьи о том, что сталкивание, априорное противопоставление количественного и качественного исследований (подходов, методологий, парадигм — как их только не называют) представляется совершенно бессодержательным. Хотя бы по той причине, что на этом пути практически не удается удержаться от определенной предвзятости и/или взаимных обвинений.

Возьмем для примера таблицу, которую приводит В. В. Якубович¹⁶¹, заимствуя ее у Рейхардта и Кука (табл. 1).

Симпатии авторов этой таблицы (и цитирующего его отечественного исследователя), очевидно, на стороне качественной парадигмы, их предвзятость налицо. Прежде всего, бросается в глаза случайность критериев, избранных для сравнения, а также декларативность приведенных суждений и их эмоционально-оценочная «окрашенность».

В пункте 3, с одной стороны, «естественное и неконтролируемое наблюдение», а с другой — «*навязанное* и контролируемое». Или в пункте 8, с одной стороны, длинный ряд явно положительно окрашенных эпитетов, а с другой — всего три определения и только одно из них имеет «холодную», «нейтральную» окраску — *надежность*. В пункте 10, с одной стороны, «целостность» (надо полагать, что это хорошо), а с другой — «фрагментарность» (что, конечно же, плохо). Не надо сильно напрягаться, чтобы найти еще не два и не три подобных примера и убедиться в том, что здесь «игра ведется в одни ворота». Логических аргументов и разъяснений, как правило, не приводится. Авторы полагают, что эмоциональный настрой вполне заменяет любые аргументы (в советские времена это называлось «вкусовщиной»).

Более продуктивным представляется не сталкивание разных подходов (т. е. акцентирование внимания только на различиях), а анализ и выявление, как различий, так и сходства. Сами по себе данные (количественные они или качественные), которые анализирует социолог, не могут изменить ни принципов социологического познания, ни представлений о надежности и достоверности полученного знания.

А существенное сходство состоит в том, что и в той и в другой стратегии социологических исследований на входе должна быть та или иная теория или социологическая концепция. По крайней мере, это исследование долж-

¹⁶¹ Якубович В. В. Качественные методы или качество результатов? // Социология. 4М. 1995. Т. 5–6. С. 16–27.

Таблица 1.

№№/пп	Качественная парадигма	Количественная парадигма
1	Обосновывает качественные методы	Обосновывает количественные методы
2	Феноменологизм, т. е. понимание человеческого поведения, исходя из интересов субъекта	Логический позитивизм, т. е. поиск фактов и причин социальных феноменов без особого внимания к; субъективным состояниям индивидов
3	Естественное и неконтролируемое наблюдение	Навязанное и контролируемое наблюдение
4	Субъективность	Объективность
5	Привязанность к данным, «внутренняя», перспектива	Отстраненность от данных, «внешняя» перспектива
6	Обоснованная, ориентированная на открытие нового, объясняющая, исчерпывающая, описательная и индуктивная теория	Необоснованная, ориентированная на верификацию, подтверждающая известное, редуccionистская, гипотетически дедуктивная теория
7	Ориентация на процесс	Ориентация на состояние
8	Валидные, «реальные», «богатые» и «глубокие» данные	Надежные, «жесткие» и повторяемые данные
9	Необобщающее исследование случая	Обобщающее исследование множества случаев
10	Целостность	Фрагментарность
11	Предполагает динамическую реальность	Предполагает стабильную реальность

но быть проблемно ориентированно (проблематизировано) на языке социологической науки. Другое сходство состоит в том, что в рамках и той и другой стратегии на выходе может быть уточненная теория. Здесь стоит прислушаться к содержащимся в статье Г. Батыгина и И. Девятко сомнениям о возможности выведения теории непосредственно из эмпирических наблюдений. Но стимулировать теоретическую рефлексию могут как качественная, так и количественная стратегии.

Без сомнения, стратегии различаются (потому они и разные). Эти различия относятся: к целям, к характеру исходных данных, к способам и методам сбора и организации исходных эмпирических данных, к способам и методам извлечения и анализа социологической информации из эмпирических данных. Отнюдь не претендуя на «истину в конечной инстанции», предложу «нейтральный» вариант таблицы 1 — таблицу 2.

Самое, что ни на есть строго ориентированное на количественные методы исследование, можно с полным основанием назвать качественным. Конечно, если социолог вопросы для респондентов «не высасывает из пальца» или не

Таблица 2. Различия между стратегиями

Основания различий	Количественная стратегия	Качественная стратегия
Цели исследования	Оценка распространенности того или иного явления или социального процесса	Детальное описание изучаемых явлений или процессов, выявление их природы и «устройства»
	Проверка статистических гипотез	Выдвижение новых гипотез, проверка логических гипотез
Характер исходных данных	Поддающиеся формализации и стандартизации	Трудно формализуемые, представленные в произвольной форме
Основной принцип и метод извлечения социологической информации	Дедуктивно-гипотетический. Операционализация понятий, формализованное представление их эмпирических индикаторов	Индуктивный. Концептуализация эмпирических наблюдений, извлечение информации из текстов и материалов наблюдений
Методы организации и анализа исходных социологических данных	Качественный и логический анализ понятий на этапе разработки программы исследования (включая разработку инструментария)	Кодирование, т. е. качественное, логическое агрегирование наблюдаемых фактов, подведение их под более общие (и, тем самым, более «бедные» по содержанию) понятия
	Использование математического аппарата на стадии обобщения и синтеза первичной социологической информации.	Использование достижений других наук, в частности, лингвистики и психолингвистики, семиотики, психологии.

«стелется» перед заказчиком, то львиная доля его времени и интеллектуальных усилий уходит на операционализацию понятий, на поиск надежных эмпирических индикаторов. А это исключительно качественные процедуры.

Убеден, что беда не только отечественной, но и зарубежной социологии, вовсе не в том, что одни твердолобо держатся за количественные стратегии, а другие столь же упорно выбирают качественные. Само противостояние «качественников» и «количественников» вызвано глубоким теоретическим кризисом, тем, что социология теряет свой собственный предмет. Об этом много размышлял в последние годы жизни В. Голофаст. И не случайно одну из последних своих маленьких работ он назвал «Отвлечение социологии», имея в виду именно отвлечение от своего предмета. По его мнению, не идентичность составляет этот предмет, и не повседневность. А если и повседневность, то не уникальность ее, а именно рутинная сторона повседневности. Он ввел в научный оборот понятие «макроповедение», т. е. поведение, порожденное общими для многих людей «внешними» событиями и обстоятель-

ствами. Конечно, службу каждого кадрового офицера можно представить как уникальный случай. Однако у огромного числа военных в судьбе, в траектории их уникальных жизней очень много общего. Да не только у офицеров, у любого мужчины, прошедшего срочную службу в армии, этот период жизни во многом схож. Я уж не говорю об участниках разных войн. И таких ситуаций, в которых мы сталкиваемся именно с макроповедением, — огромное множество.

О том, что человеческое общество отнюдь «не рукотворно», что общечеловеческое свойственно человеку от природы (как и многим животным), 120 лет тому назад писал Э. Дюркгейм: «Со времен Платона и его «Республики» не было недостатка в мыслителях, философствующих о природе общества. Но вплоть до начала нынешнего века в большинстве их трудов господствовала одна идея, которая сильно мешала формированию социальной науки. В действительности почти все эти теоретики политики видели в обществе *человеческое творение, произведение искусства и плод рефлексии*. С их точки зрения, люди начали жить вместе, потому что обнаружили, что это хорошо и полезно; это искусственное устройство, которое они изобрели, чтобы несколько улучшить условия своего существования (курсив мой — О. Б.). Нация поэтому не является естественным продуктом, подобным организму или растению, которое рождается, растет и развивается благодаря внутренней необходимости; она похожа скорее на создаваемые людьми машины, все части которых собраны согласно заранее предначертанному плану. . . Это значит, что в природе человека нет ничего, что с необходимостью предназначало бы его к коллективной жизни, но он сам изобрел и установил общество из разного рода кусков. Будь оно творением всех, как считает Руссо, или же одного, как думает Гоббс, оно целиком порождено нашим мозгом и нашим мышлением. Оно в наших руках лишь удобный инструмент, без которого, в крайнем случае, мы могли бы обойтись и который мы всегда можем изменить по своему желанию, так как мы свободно можем переделать то, что сами свободно сделали. Если мы авторы общества, то мы можем его разрушить или трансформировать. Для этого достаточно лишь нашего желания.

Такова, господа, концепция, господствовавшая до недавнего времени»¹⁶².

Оказывается, в 1895 г. классик ошибался, эта концепция жива до сих пор (по крайней мере, сегодня у нее опять есть немало сторонников). Но нынешняя ситуация в социологии еще сложнее, нежели 120 лет назад. Сегодня даже само существование общества ставится под сомнение: многие вполне солидные социологи, не признают его за реальный объект и утверждают, что это фантом.

¹⁶² Дюркгейм Э. Курс социальной науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: Пер. с франц. / Сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с. (История социологии в памятниках). С. 168–169; См. также Гофман А. Б. Существует ли общество? // Социс, 2005, № 5. С. 18–25.

Специфика анализа качественных данных

Безусловно, социологам и полезно, и необходимо работать с качественными данными. Опыт Чикагской школы, и опыт последних лет в отечественной социологии, свидетельствует о том, что с качественными данными можно работать по критериям научности, и получать достоверное и надежное знание. Но работать с ними надо в рамках тех требований, которые предъявляются Наукой. Это трудно — гораздо труднее (и, между прочим, затратнее, во всяком случае, с точки зрения временных затрат), нежели с заранее выстроенными формализованными количественными данными.

Есть немало примеров грамотного и корректного обращения к качественным данным, а также разработки методов их анализа. Здесь, в первую очередь, назову проект Теодора Шанина¹⁶³ и его коллег — исследования 1991–1997 гг. Опыт этого проекта подробно описан в книге «Качественные методы. Полевые социологические исследования»¹⁶⁴, там же содержится и анализ самих качественных методов.

Столь же подробное описание применения качественных методов (полуструктурированное интервью, групповые беседы, включенное наблюдение и т. п.) содержится в статье Ирины Козиной. В частности, автор дает подробное обоснование выбора объектов этого конкретного исследования¹⁶⁵.

Приведу ссылку и на опыт анализа материалов глубоких интервью, собранных в ходе социологических экспедиций в селах четырех субъектов черноземной зоны Российской Федерации в 2005–2008 гг.

Для того, чтобы понять, какие социальные практики характерны для наших информантов, приходилось по много раз перечитывать тексты интервью. И, тем не менее, ничего не «складывалось» до тех пока мы не осмыслили саму «модель» практики и не описали её, не выделили существенные, с нашей точки зрения, характеристики практик. А именно, их непререкаемую осмысленность, а также и воспроизводимость, повторяемость. В отличие от рутины, «обыденщины» практика, по крайней мере, первоначально — есть реакция на нестандартную или социально-значимую ситуацию.

¹⁶³ Теодор Шанин, профессор Манчестерского университета, основатель и первый ректор Высшей Московской школы социальных и экономических наук, известный социолог, крестьяновед, организатор ряда международных научных проектов.

¹⁶⁴ Штейнберг И, Шанин Т. и др. «Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. — 352 с. (Серия «Качественные методы в социологических исследованиях).

¹⁶⁵ Козина И. CASE STUDY: Некоторые методические проблемы. //Рубеж, № 10–11, с. 177–189. См. также электронный ресурс <http://ecsocman.hse.ru/data/229/307/1217/013kOZINA.pdf>

В абстрактных и конкретных примерах практик, которые мы рассматривали в предыдущих статьях¹⁶⁶, имплицитно вводилось описание их структурных элементов. Во-первых, мы описывали цепочки действий, составлявших разные практики. Одни цепочки были короткими, другие — достаточно длинными. Во-вторых, в некоторых практиках непременно фигурировали другие персонажи (друзья, родители и т. п.), а в некоторых случаях и определенные социальные институты (брачное агентство, клуб знакомств, интернет-магазин и т. д.). В-третьих, в описание водились ресурсы, ибо некоторые практики невозможно реализовать, не обладая определенными (и разными) ресурсами.

В результате анализа данных в ходе исследования различных семейных практик было выявлено, что практика, приобретающая массовый, регулярный характер становится уже неким иным явлением — «макроповедением». В. Б. Голофаст, в частности писал: «Жизненные истории обычных людей заполнены описанием таких событий, которые для каждого из них индивидуально кажутся уникальными, неповторимыми, однократными, словом — личными; их восприятие, переживание и описание несут в себе следы такой личной событийности. Но в другой перспективе многие из таких событий оказываются *рядовыми, массовыми, почти лишенными ореола случайности и редкости* — они, напротив, выступают примерами реализации массового потока, серии, осуществление которых подчинено очень простым социальным, структурным закономерностям (курсив мой — О. Б.)»¹⁶⁷.

Понятие «социальная ситуация» также потребовало более детального рассмотрения и уточнения. Говоря о жизненной и социальной ситуациях определим их, как «целостный комплекс рутинных социальных взаимодействий в конкретных условиях повседневной реальности. <...> Существенно и то, что сами по себе жизненные ситуации надындивидуальны и образуют как бы общую рамку (фрейм), в которой осуществляются поведенческие акты и практики. Подавляющее большинство метаконтекстуальных ситуаций, так или иначе «прописаны», артикулированы в культуре и культурно маркированы и описывают наличие (реально существующие) и заданные обществом конкретные условия жизни»¹⁶⁸.

¹⁶⁶ Например, О. Божков Возможности социальных изменений: о применении «теории практик» // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. — СПб.: Нестор-История, 2010, с. 199–219.

¹⁶⁷ Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // На перепутьях истории и культуры. Труды СПб филиала Института социологии РАН: (Сер. 3: Материалы текущих исследований, № 2, СПб, 1995, с. 107.

¹⁶⁸ О. Божков Возможности социальных изменений: о применении «теории практик» // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. — СПб.: Нестор-История, 2010, с. 204–205. В данном контексте понятия жизненная ситуация и социальная ситуация мы воспринимали как синонимы.

Однако социальная ситуация — это не просто «комплекс взаимодействий», но, прежде всего, комплекс правил, регламентирующих поведение людей. Эти правила, определяются на разных уровнях и имеют разные источники: законодательство (законы и подзаконные акты), решения различных органов управления (как государственных, так и общественных организаций), корпоративная этика, нормы, местные обычаи и традиции и т. п.¹⁶⁹ Существенным элементом социальной ситуации оказываются также разнообразные ресурсы: материальные (в том числе сырьевые); экономические, людские и социальные.

Анализируемые понятия взаимосвязаны и весьма существенны для осмысления практик. Можно сказать, что макроповедение — это своеобразный результат влияния определенного комплекса социальных условий (социальных ситуаций), обладающего мощным воздействием на людей и порождающего чувство сопричастности и самоидентификации. Социальная ситуация сама по себе может быть, как благоприятной (дружественной), так и неблагоприятной для человека.

Эти схемы оказались очень эффективным инструментом, который заметно облегчил чтение текстов, они как бы «проявили» его. Использование их не отменило многократного чтения, так как в текстах интервью описание значимых ситуаций, и практик далеко не всегда было сконцентрировано в одном цельном фрагменте, но чаще «рассыпано», так что его приходилось действительно «собирать».

Программа «Вега»

Несколько лет назад на английском языке вышла книга Ренаты Тэш¹⁷⁰, в которой содержался достаточно полный на то время обзор компьютерных программ, предназначенных для анализа и обработки качественных данных. Примерно в 1994 году мы с моим коллегой Г. В. Каныгиным получили эту книгу и нашли в интернете демонстрационные версии некоторых из этих программ. В это же время мои коллеги из соседнего сектора проводили совместное с финнами исследование и использовали две программы из описанных Ренатой Тэш (Ethno, AQUAD). Надо сказать, что все мы испытали заметное разочарование: программы эти были громоздки, требовали огромной

¹⁶⁹ Особое внимание стоит уделить ситуациям аномии, когда разлаживается система регламентации, когда одни нормы и правила уже осознаны людьми, как негодные, а другие нормы еще не сложились. Кстати, для современного этапа нашей истории характерна известная аномичность. Это особенно отчетливо проявляется в наших интервью, когда информанты говорят о несовершенстве законодательства или просто об отсутствии законодательной базы для решения тех или иных хозяйственных и социальных вопросов.

¹⁷⁰ Tesch R. Qualitative Research: Analysis Types and Software Tools, The Falmer Press. NY, Phil., L.: 1990.

дополнительной работы, которая, кстати, не всегда приводила к прозрачным результатам.

И в это же время другая наша коллега — Галина Иосифовна Саганенко — «заболела» открытыми вопросами. Но не просто «заболела», а придумала идею компьютерной программы, с помощью которой открытые вопросы можно было бы действительно продуктивно анализировать. Эта идея была реализована математиками из Санкт-Петербургского экономико-математического института РАН Е. А. Каневским, К. К. Боярским и другими. В результате появился программный продукт «Вега» (первоначально он имел имя «Дискант»).

Дадим слово авторам и разработчикам этой программы.

«Система ДИСКАНТ предназначена для обработки анкетной информации «мягкого» и «жесткого» типа, а именно, произвольных текстовых ответов на систему открытых и полужакрытых вопросов анкеты и «жестких» ответов на формализованные закрытые вопросы (номинальные, квантованные, количественные, многоальтернативные), а также для совместной обработки информации обоих типов. Основными и наиболее эффективными возможностями системы, на наш взгляд, являются итеративная классификация текстовых единиц (фраз), анализ результатов классификации, сравнение классификации для разных подмассивов и даже разных исследований. Рассмотрим эти возможности подробнее.

- 1) Решение задач классификации и сопутствующих ей процедур осуществляется в итеративном режиме, порциями, что должно позволить получать чистые и весьма удовлетворительные результаты содержательной классификации высказываний.
- 2) В рамках общего массива информации система позволяет вести обработку целого ряда различных текстовых подмассивов, требующих автономных процедур классификации и анализа. В рамках каждого подмассива разрабатывается классификатор и в соответствии с ним проводится классификация высказываний. Собственно классификатор отражает структуру, заложенную в содержании текстового подмассива, и, как правило, реализуется в виде «дерева» (как бы «дерева имен»), каждая полная ветвь которого может иметь 1–2 звена-имени. Соответственно структура всех текстовых подмассивов описывается в виде нескольких разных «дереьев».
- 3) Обработка отдельного текстового массива предполагает идентификацию всех составляющих его единичных фраз в конечном итоге в соответствии с разработанным классификатором, при этом итоговый результат классификации представляет «дерево с весами» — с указанием для каждого «имени» классификатора количества отнесенных к нему суждений (как бы «дерево имен и частот»). Результаты классификации всех текстовых подмассивов представляют соответственно несколько «дереьев с весами».

- 4) Разработка классификатора и сама классификация осуществляется внутри системы, не требуя априорных схем, а только в соответствии с содержательным наполнением текстового массива, поиска надлежащего структурирования материала и привлечения доказательств в самом материале. При этом для поиска оптимальных режимов реализации этих двух задач имеется несколько приемов поддержки (в частности, словари и частотные словари фраз, слов и ключевых слов, разные режимы поиска).
- 5) Система является многоклассификационной, она позволяет независимо друг от друга анализировать множество отдельных текстовых подмассивов с созданием для них собственных классификаторов и классификаций. Классификационных моделей может быть реализовано столько, сколько единичных текстовых полей (открытых вопросов). Но, как правило, количество моделей меньше числа таких полей, поскольку обычно существуют серии вопросов, направленных на сходную социальную тематику «описываемых» одним классификатором.
- 6) Система «параллельна» в том смысле, что она позволяет переходить от одного подмассива (в любой момент реализации его классификационной модели) к другому и выполнять требуемые для него операции.
- 7) Система «диалоговая» в том смысле, что решения о вводе классов в классификаторе, о непосредственной классификации и фраз в соответствии с позициями классификатора, об идентификации фраз с оптимальными классифицированными суждениями принимает исследователь, система же только предлагает средства оптимального выбора из множества близких решений.
- 8) Система проверяема относительно всех ее узловых решений, а при наличии нерелевантности позволяет вносить исправления.
- 9) Результаты классификации можно сопоставлять для разных текстовых подмассивов и подмассивов респондентов (с предварительным формированием базы «вторичных признаков»). В принципе можно сопоставлять результаты совокупности панельных исследований. В целом это одна из наиболее эффективных и оригинальных процедур системы¹⁷¹.

Г. И. Саганенко активно использовала эту программу в процессе обучения студентов-социологов, с её помощью выполнено несколько десятков курсовых и дипломных работ. Некоторые из результатов этих работ опубликованы в двух небольших книжках¹⁷².

¹⁷¹ Е. А. Каневский, Г. И. Саганенко Концептуальное обоснование компьютерного анализа массивов с текстами. // Социология 4М, 1997, № 9, с. 65–81.

¹⁷² Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. /Под научной ред. Г. И. Саганенко. Часть I Обоснование и технологии социологических исследований, базированных на текстах, СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004., — 116 с. и Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. /Под научной ред. Г. И. Саганенко. Часть II Приклад-

Можно ли стартовать без «теории»?

Наверное, можно. Но вряд ли целесообразно. Выше было сказано, что для исследователя, который обращается к качественным данным (и, соответственно, к методам, которые предназначены для их получения) необходим широкий теоретический кругозор. Ему всегда приходится проблематизировать свою исследовательскую ситуацию, т. е. выбирать ту теоретическую концепцию, в рамках которой его проблематика оказывается наиболее адекватной. Ведь концепты, которые обобщают «отдельные случаи» и вообще эмпирические наблюдения, всегда тяготеют к той или теории.

И. Штейнберг и его коллеги, в частности, пишут: «Аналитическая часть (качественного) исследования включает категоризацию и кодирование свидетельств, при этом особое внимание уделяется связям и взаимозависимости между установленными категориями. Работа с первичными данными, их соотнесение с понятиями в целях уточнения, классификации и осмысления составляет основную часть исследования»¹⁷³. А ведь именно понятия, категории и являются важными элементами любой теории.

А вот насколько реально появление «новой» теории «на выходе» — вопрос проблематичный. Кстати, в публикациях, основанных на качественных данных (включая диссертационные работы) я что-то не припоминаю не только каких-либо новых теорий, но даже новых теоретических подходов. Разве что «лабораторная этнография» Б. Латура и С. Вулгара, но и здесь «теория» (а точнее — идея) предшествовала и наблюдениям, и интервью, и другим качественным методам.

Вопросы к семинару

- В чем принципиальное различие количественных и качественных данных?
- Против чего выступили авторы статьи «Миф о «качественной социологии»?
- Почему невозможно построение теории непосредственно из эмпирических данных?

Литература

1. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. «Миф о «качественной социологии»//Социологический журнал, 1994, № 2, с. 28–42.

ные технологии в социологическом изучении образования. — СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004., — 157 с

¹⁷³ И. Штейнберг, Т. Шанин и др. «Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009, с. 21.

2. Божков О. Б., Игнатова С. Н. Опыт построения типологии сельских образовательных практик. //Петербургская социология сегодня: сборник научных трудов Социологического института РАН. — СПб.: Нестор-История, 2011. — с. 128–161.
3. Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование. Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. — 424 с.
4. Козина И. CASE STUDY: Некоторые методические проблемы. //Рубеж, № 10–11, с. 177–189. См. также электронный ресурс <http://ecsocman.hse.ru/data/229/307/1217/013kOZINA.pdf>
5. Козлова Н. Н. Опыт социологического чтения «Человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии. //Социологические исследования, 2000, № 9, с. 22–32.
6. Лаборатория социолога: из опыта полевых исследований. Учебн. пособие /под ред. В. А. Ядова. — М.: Таус, 2008. — 80 с.
7. Левичева В. Ф. Количественная и качественная стратегии социологического исследования: сравнительная характеристика //Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 26–28.
8. Методология и методы социологического исследования. Для студентов, обучающихся по основным образовательным программам уровня «Бакалавриат» по направлению «Социология» /под ред. Дудиной В. И. и Смирновой Е. Э., СПбГУ, 2013. — 297 с.
9. Мещеркина Е. Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий. // «Социологические исследования», 2002, № 7, с. 61–67.
10. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. / Под научной ред. Г. И. Саганенко. Часть I Обоснование и технологии социологических исследований, базированных на текстах, СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004,. — 116 с. и Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. / Под научной ред. Г. И. Саганенко. Часть II Прикладные технологии в социологическом изучении образования. — СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004,. — 157 с
11. Полевая кухня: как провести исследование. (Под ред. Н. Гончаровой. — Ульяновск. Изд-во «Симбирская книга», 2004. — 180 с.
12. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. — 292 с.
13. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественных исследований: обоснованная теория, процедуры и техники /Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.
14. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. — Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2009. — 356 с.
15. Толстова Ю. Н., Масленников Е. В. Качественная и количественная стратегии. Эмпирическое исследование как измерение в широком смысле //Социологические исследования 2000, №10. С. 101–109.

16. Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле: Сб. ст. /Под ред. Виктора Воронкова и Елены Чикадзе. — СПб.: Алетейя, 2009. — 148 с. (Серия «Качественные методы в социологических исследованиях»).
17. Штейнберг И, Шанин Т. и др. «Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. — 352 с. (Серия «Качественные методы в социологических исследованиях»).
18. Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных //Социология 4М, 1991, № 1, с. 14–31.
19. Якубович В. В. Качественные методы или качество результатов //Социология 4М, 1995, № 5–6, с. 16–27.

ЛЕКЦИЯ 14. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Существует много форм и жанров представления результатов исследования. Это многообразие определяется тем, что социолог в принципе должен предъявлять свои результаты разным адресатам. Тем не менее, не без основания, все чаще возникает впечатление, что социологи «закапсулировались» в своем узком кругу и поэтому говорят между собой на своем «птичьем» языке «для посвященных».

А ведь социология — наука об обществе. Недаром эту науку сравнивают с зеркалом, в котором общество имеет возможность увидеть себя без прикрас. Наподобие зеркальца из сказки о мертвой царевне. Помните; «Ты, конечно, всех милее, всех румяней и белее, но...».

Безусловно, наиболее компетентные эксперты, которые в состоянии профессионально оценить качество вашей работы, это — коллеги-социологи. Заказчик, как правило, корыстен — ему скорее нужны прагматические советы и рекомендации, нежели подробности социологической «кухни». Но, кроме коллег и заказчиков, есть люди, которые бескорыстно интересуются тем, как устроено общество, каковы тенденции его развития. А среди них и ваши респонденты, которым интересно, а что же Вы узнали об обществе и них самих с их помощью.

Таким образом, социолог всегда имеет, как минимум, три типа аудитории; профессиональное сообщество, конкретные потребители социологической продукции — заказчики и, наконец, широкая публика (в том числе, и так называемые «простые» люди). С каждой из этих аудиторий надо говорить на понятном ей языке. Здесь уместно еще раз вспомнить и Чарльза Райта Миллса, и Рейнальда Коллинза, которые справедливо утверждают, что самый сложный вопрос можно (и нужно) изложить доходчиво и просто, если вы владеете этим вопросом, а не «надуваете щеки», чтобы продемонстрировать свою ученость и свою значимость.

Полный научный отчет

Идеальный научный отчет написать легко, если вы всерьез подошли к своему исследованию и детально разработали его программу. Собственно говоря, именно программа исследования и задает структуру научного отчета. Если программа предварительно была опубликована (помните, В. А. Ядов говорил, что программа исследования имеет самостоятельное значение), то

в отчете стоит повторить названия её разделов, но подробно писать следует о тех изменениях и уточнениях, которые возникли в ходе её реализации.

Конечно, в научном отчете центральное место следует отвести подробно-му описанию и интерпретации полученных результатов. Но также необходим в этом документе и «технический раздел», где описывается вся технология исследовательского процесса. В том числе, не только то, что получилось, но также и то, что не получилось и описание причин, по которым это не получилось. По — большому счету полный научный отчет имеет внутри научное значение, адрес — научное сообщество, т. е. ваши коллеги, а вовсе не Академия наук или иное бюрократическое ведомство.

Хорошим тоном будет, если в заключительном разделе научного отчета дать описание перспектив и целесообразности продолжения (развития) данной проблематики. А также формулировку новых гипотез (или новых направлений), которые возникли в процессе работы. Некоторые из «новых» гипотез можно было проверить на том эмпирическом материале, которым вы уже располагали, но для некоторых у вас явно не хватало эмпирии.

Конечно, полный научный отчет должен сопровождаться целым рядом приложений. Во-первых, это основные рабочие инструменты: анкета или план интервью, инструкции для анкетеров (интервьюеров). Во-вторых, подробное описание процедур построения выборки. В-третьих, подробное описание алгоритмов построения производных признаков (индексов). И, наконец, список научных работ, опубликованных по материалам данного проекта. Иными словами, полный научный отчет — это вся важная документация исследования с необходимыми комментариями.

К сожалению, давно не попадались на глаза такого рода полные научные отчеты. Беда в том, что этот документ, как правило, попадает в недра различных бюрократических структур и пропадает там навсегда. А поскольку это, как правило, многостраничный фолиант, даже исполнитель не всегда имеет возможность сохранить для себя хотя бы один экземпляр. А это, я считаю, крайне необходимо.

Несколько слов о пользе необходимого рабочего бюрократизма. Руководитель группы «Социология и театр» Виталий Николаевич Дмитриевский на все рабочие заседания приходил с большой амбарной книгой и вел подробные записи (протоколы) этих заседаний. Мы периодически перечитывали записи в этой книге и извлекали из неё много полезного. Когда Дмитриевский переехал в Москву, заведенная им традиция осталась, и мы продолжали вести эти протоколы. Память — вещь коварная (я частенько повторял своим студентам: «голова, знаете ли, маленькая, много в неё не помещается, поэтому стоит все записывать»). Именно это имел в виду Ч. Миллс в очерке об интеллектуальном мастерстве, когда советовал заводить личный архив файлов и время от времени тасовать их и перепорядочивать. И это не только к вопросу о «мастерстве», но и к вопросу о культуре интеллектуальной работы.

Отчет для заказчика

Здесь еще раз приходится вспомнить об опыте группы «Социология и театр». Мы завершили свое первое исследование «Театр и молодежь» и представили полный отчет (том, порядка 300 страниц, + приложения) заказчику — правлению Ленинградского отделения Всесоюзного театрального общества (ЛО ВТО). Конечно, никто из членов правления (в силу разных причин) не осилил это фундаментальное произведение. Наш отчет они воспринимали «на слух». Правда, к заседанию правления этот том от корки до корки прочел эксперт (наш коллега — социолог), которого пригласили специально для этого.

Но выглядели мы довольно бледно. В результате, хотя отчет в целом был принят и даже одобрен, от нас потребовали краткий вариант отчета (не более 30 страниц), а решение по нашему вопросу перенесли на следующее заседание, чтобы все члены правления смогли прочесть этот (новый короткий) отчет и осознанно принимать окончательное решение. Но еще от нас потребовали 4–5 страничек конкретных рекомендаций¹⁷⁴.

Таким образом, заказчик всегда ориентирован исключительно прагматически. Соответственно, отчет для него должен быть написан на понятном ему языке. Многолетний опыт, в том числе, и заказных исследований, говорит о том, что с заказчиком работать отнюдь не просто. Во-первых, он, как правило, либо четко знает, что ему нужно, либо просто следует моде (научные исследования одно время были в моде). В первом случае, ему нужно научное подтверждение того, что он знает и без вас. Ведь одно дело, когда он подает какое-либо предложение, скажем, в министерство от себя, а другое, — когда это предложение подкреплено научными данными. Второй случай в принципе не отличается от первого, он просто укрепляет имидж заказчика, как серьезного современного человека. Но, в обоих случаях, к такому заказчику следует подходить с осторожностью и, по возможности, не идти у него «на поводу», вплоть до отказа от таких заказных исследований.

Другой, не менее существенный, момент во взаимоотношениях с заказчиком состоит в том, что подчас он настаивает на полном владении информацией, и не дает вам права на какие-либо публикации полученных результатов. В договоре следует тщательно прописывать все детали авторских прав. Вы можете согласиться на то, что не будете публиковать фактические данные (распределения по отдельным признакам, сведения о выборке и т. п., в том

¹⁷⁴ История группы «Социология и театр» более или менее подробно описана. См. О. Божков 15 лет социологического изучения театральной жизни Ленинграда //Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2008, № 6, с. 64–68. Этот текст вошел также в книгу «Социология: ориентир — классика. Предварительные итоги», СПб.: Эйдос, 2014, с. 61–71. (Электронный ресурс: http://www.socinst.ru/sites/default/files/books/Bozhkov_book.pdf)

числе, и «раскрывать инкогнито» заказчика), но необходимо настаивать на возможности публикации ваших методических и теоретических новаций, разработанных в процессе данного заказного исследования. Так же в договоре стоит более четко оговаривать и право заказчика не апеллировать к результатам исследования и на упоминание исполнителей. И то, и другое, если сделано не аккуратно, может повредить вашей деловой и профессиональной репутации

Отчет для заказчика — это особый жанр и для него нет устоявшихся форм и требований. Установление же «общего языка» с заказчиком происходит в процессе написания «соглашения о намерениях» и составлении проекта договора. Не стоит полагаться исключительно на « типовые договоры ». Каждый раз все позиции договора, в том числе и требования к отчету, должны прописываться очень тщательно, аккуратно и вдумчиво.

Доклады на научных и/или научно-практических конференциях и семинарах¹⁷⁵

Как правило, адрес доклада — научное сообщество. На научно-практических конференциях иногда присутствуют и потенциальные заказчики. Понятно, что доклад произносится устно и всегда ограничен по времени. В последние годы доклады часто (за редкими исключениями) сопровождаются визуальными презентациями.

Основная проблема, с которой сталкиваются (особенно молодые ученые и студенты) — это регламент. Бывает очень трудно уложиться в отведенное для доклада время, не «залезая» на время, отведенное для вопросов, ответов и обсуждения.

При подготовке доклада полезно учесть, что чтение одного стандартного листа текста (формат А4) занимает в среднем 2 минуты. Если регламент 7–10 минут, значит, ваш доклад должен (в письменном виде) занимать от 3,5 до 5 страниц. Также полезно прорепетировать свой доклад под хронометр с тем, чтобы внести в него необходимые коррективы (например, сократить или дополнить). Лучше это делать перед живым слушателем, но можно и перед зеркалом.

Доклад не должен содержать более 2–3 основных идей, которые следует изложить в вводной его части. Затем последовательно приводить аргументы в пользу каждой идеи и подкреплять её полученными данными. Завершать доклад целесообразно общим резюме.

Однако хороший тон — это не чтение доклада по бумаге, а свободное его произнесение. Для этого достаточно заготовить краткий конспект (или даже просто план) выступления и иметь его под рукой. Презентация также способ-

¹⁷⁵ К этому жанру представления результатов исследования уместно отнести и выступления на защите курсовых, дипломных и диссертационных работ.

ствует рациональному построению доклада — это тоже своего рода план или конспект.

При создании презентации не стоит увлекаться «художественным» оформлением: чем проще картинка слайда, тем лучше она воспринимается. Не стоит также перегружать слайд излишними деталями, а также большими текстами. Нужно учитывать простую вещь, когда слушатель читает текст с экрана, он, как правило, уже почти не слышит то, что Вы говорите с трибуны.

Не стоит также «жадничать» и перенасыщать презентацию слайдами. Мелькание слайдов на экране опять же отвлекает аудиторию. Оптимальный вариант — не более десятка слайдов, а еще лучше, когда их всего 4–5. Та примерная структура доклада, которая предложена тремя абзацами выше, требует как раз 4–5 содержательный слайда плюс «титульный» слайд (имя докладчика, название доклада и т. п.)

Когда вы владеете своим материалом, если вы хорошо знаете, что хотите донести до аудитории (если вам есть, что сказать), выполнить эти рекомендации легко. Надо только преодолеть естественное волнение и/или страх перед публикой. Но это приходит со временем и опытом.

Научные публикации

Спектр жанров научных публикаций весьма обширен. Он включает рецензии, обзоры, статьи, эссе, монографии и т. п. В статьях внимание может быть акцентировано на методологических и методических аспектах исследования, или на представлении собственно эмпирических данных.

Но, в любом случае, автор научной публикации обращается к коллегам, представителям профессионального научного сообщества. Соответственно, язык научных публикаций должен отвечать профессиональным требованиям. Но это вовсе не значит, что он непременно должен быть непонятным и для других — не посвященных — читателей.

Серьезные научные издания являются не только площадками для обмена знаниями и опытом, они выполняют очень важную функцию «внутренней» (теоретически независимой) профессиональной экспертизы. Как правило, перед публикацией той или иной статьи, она проходит через сито профессионального рецензирования. Многие профессиональные и уже опытные социологи (и не только социологи) знают, что пройти это «сито» бывает не просто. К сожалению, ни в отечественных журналах, ни в фондах, распределяющих гранты на исследования, как-то не принято доводить до сведения авторов содержание «внутренних» рецензий и объяснять причины отказа в публикации, если рецензии были отрицательными (при этом совершенно не обязательно «раскрывать инкогнито» рецензента).

Кроме того, в серьезных научных изданиях, любой текст проходит этап редактирования. На этом этапе стоит остановиться подробнее. Редактор, по сути, — это первый (кроме рецензентов) внимательный читатель на-

учной статьи. Его задача не сводится к исправлению грамматических и орфографических ошибок — это задача корректора. Не сводится она и к приведению текста к нормам стилистики литературного языка (или, иначе, к переписыванию статьи в соответствии с этими нормами). Хороший тон редакторской работы состоит в том, что это непременно совместная работа редактора и автора. Задача редактора состоит в том, чтобы помочь автору донести до читателя ту мысль (те мысли и те факты), которая и составляет содержание его статьи. Конечно, очень желательно, чтобы редактор научного журнала был «в теме», но он может не быть профессиональным социологом — у него другая профессия. Некоторые вещи автор просто не замечает, его глаз «замыливается» и начинает просто плохо видеть. И вот тут редактор просто необходим. По собственному опыту знаю, что хороший, въедливый редактор очень полезен. И жаль, что в книгах авторы благодарят коллег, друзей и редко говорят слова благодарности научному или литературному редактору.

И еще раз приходится повторить слова «к сожалению» по поводу распространенной практики отечественных научных журналов — перед публикацией окончательно отредактированный текст почти никогда не согласовывается с автором. Многие коллеги жалуются на то, что в публикации смысл некоторых важных положений искажен, или выброшены существенные аргументы и т. п. «Уж лучше бы отказали, чем печатать в таком виде. Ведь позорище-то какое! Что обо мне подумают». А репутация (престиж) исследователя преимущественно создается именно его публикациями.

Статья

Каждое научное издание (журнал или сборник) обычно публикует требования, которые оно предъявляет к статьям. В качестве примера приведем требования, которые предъявляет авторам журнал «Социология 4М»

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ¹⁷⁶

Редакция журнала принимает статьи объемом до 40 тыс. знаков, включая пробелы (1 авт. лист). Материалы должны быть записаны на электронном носителе (дискете), а также распечатаны на одной стороне листа шрифтом 12 кегля через 1,5 интервала, включая примечания и библиографический список.

Рисунки, схемы и таблицы должны быть такого же формата, что и текст, и снабжаться сквозной нумерацией. Цветные графические материалы не принимаются.

¹⁷⁶ Социология 4М, № 33.2011. Этот текст публикуется из номера в номер практически без изменений

Таблицы располагают как по тексту, так и на отдельных листах. Если таблица занимает несколько страниц, то на второй странице пишут: Продолжение табл. 1, а на последней странице пишут: Окончание табл. 1.

Формулы и обозначения должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation.

Комплект статьи включает, кроме основного текста, аннотацию на русском и английском языках, 8–10 ключевых слов с пометкой «Ключевые слова», справку об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, места работы, должности, ученой степени и звания, полного почтового домашнего адреса, номеров телефонов и адреса электронной почты.

Экспертиза материалов производится исключительно для внутреннего пользования. Рукописи не возвращаются.

Все источники, упомянутые в тексте, должны сопровождаться библиографическими ссылками. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. За точность (правильность) цитат в статье, а также цифр и иной информации, ответственность несет автор. Все аббревиатуры должны быть пояснены.

Ссылки на источники оформляются в виде приставительного библиографического списка и нумеруются в порядке следования с указанием по тексту в квадратных скобках порядкового номера ссылки цифрой: [1], [7]. Одновременная ссылка на несколько номеров дается в одних скобках: [3, 7, 11, 12, 13], [3, с. 5–7, с. 8–14].

Ссылка на неопубликованные работы не допускается. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания:

1. *Давыдов Ю. Н.* Социология XX века: В 5 т. М: Магистр, 1997. Т. 2. с. 23–52.
2. *Сорокин П. А.* Дальняя дорога: автобиография. М.: Терра, 1992. (Социологическое наследие).
3. Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное / Под ред. В. А. Ядова. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. с. 20–36.
4. *Поляков Ю. А. Жиромская В. Б., Киселев И. Н.* Полвека молчания // Социол. исслед. 1990. № 8. с. 49–51.
5. *Гаврилов К. А.* О конструировании понятия «риск» в социологии // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2007. № 24. с. 60–80.
6. *Николаев П. Т.* Критика и современный мир // Лит. газ. 1984. 12 сент. с. 2.
7. Saks H. An Initial Investigation of the Usability of Conversational Data for Doing Sociology // Studies in Social Interaction / Ed. D. Sudhow. N. Y.: Free Press, 1972.

Вариации этих требований от журнала к журналу — минимальны. И, что очень симптоматично, и «Социология 4М», и «Социологические исследования» до сих пор требуют от авторов печатный текст статьи в 3-х экземплярах

«+ дискета». Т. е. исследователи современного общества отстают от жизни этого общества, как минимум, лет на 10, так как примерно столько лет назад (или около того) дискеты практически уже вышли из обращения.

В большинстве зарубежных профессиональных социологических журналов в числе требований, если речь о статьях, основанных на эмпирическом материале, как правило, присутствует и необходимость указания параметров выборки, описания методов, которые использовались при сборе эмпирических данных и т. п. Эти сведения необходимы для того, чтобы читатель мог сам оценить уровень профессионализма автора и оценить, насколько этим данным можно или нельзя доверять.

В одном из недавних номеров журнала «Социологические исследования» в редакционной статье высказывалось сожаление о том, что отечественные авторы чаще всего не приводят такие данные ни в основном тексте статей, ни в примечаниях.

Вряд ли здесь уместны какие-либо конкретные рекомендации: статья — дело творческое, будь она для журнала или для научного сборника. Но некоторые самые общие пожелания могут быть полезны.

Сегодня редакция любого журнала и любого сборника научных статей непременно требуют аннотации (Abstract) на русском и английском языках. Понятно, мало кто сначала пишет аннотацию, а затем статью. Чаще бывает наоборот: аннотация пишется, когда статья уже практически готова. Написать аннотацию бывает не просто. Но если возникла такая проблема — это первый признак того, что в статье что-то не в порядке. И очень вероятно, что статью в этом случае стоит переделать. Может быть просто перекомпоновать: придать ей логическую и содержательную стройность. Ведь когда ваш текст логически и содержательно хорошо выстроен, то и аннотацию писать легко. Более того, статья действительно должна соответствовать тому, что вы заявили в аннотации.

Затруднения с аннотацией возникают по нескольким причинам. Но одна из самых существенных, как я успел заметить, — «жадность», когда автор хочет поведать научному миру «все и сразу». Чтобы избежать этого, стоит четко осознать, что и зачем вы хотите сказать в данной статье, не забыв при этом и о том, что читатель научных журналов и научных же сборников, такой же профессионал, как и Вы. А это значит, что для него важны не только ваши выводы, но и то, как они были получены: какой метод вы использовали; если опрашивали, то кого и сколько; с помощью каких аналитических методов вы пришли к этим выводам.

Еще одна распространенная ошибка (не только молодых, начинающих авторов) состоит в том, что, подчас на крохотных выборках делаются «глобальные» обобщения. Процессы и явления, которые изучает и описывает социолог, зависят от очень многих факторов и вряд ли вы в состоянии охватить весь этот спектр. Как правило, ваши выводы справедливы (более или менее точно отражают реальность) лишь для тех ситуаций и в тех обстоятельствах,

которые вы изучали и сумели корректно описать. Иногда авторы приводят дополнительные примеры и случаи — интересные сами по себе, — но интерпретируют их с излишней поспешностью и категоричностью, не обращая внимания на очень важные подчас детали.

В одном из научных текстов, предназначенных для публикации, мне попался следующий пример. *«В маршрутное такси заходит женщина с двумя маленькими детьми. Места в машине нет, они едут стоя, при том, что дети не могут даже держаться за что-нибудь. На улице темно и проливной дождь, водитель сам получает деньги и ведет в это время машину. Женщина подает за проезд, который стоит двадцать рублей, купюру в пятьсот рублей. Она не думает при этом не только о сидящих в машине людях, жизнь которых она подвергает смертельной опасности, но и о себе и своих собственных детях. Люди в России перестали понимать, что общество — «это лодка на аллеях парка»* (Полужирным шрифтом я выделил как раз такое через чур категоричное и не обоснованное обобщение).

Это элементарная жизненная ситуация. Обратите внимание: *«На улице темно и проливной дождь»*. По всей вероятности, дело происходит либо ранним утром, либо поздно вечером. К тому же, автор, полагаю, знает, что это маршрутное такси ходит не часто. Да, этой женщине просто негде и некогда было разменивать эту злосчастную купюру. Не исключено, что, увидев приближающийся автобус, она вместе с двумя детьми бежала к нему, что называется «сломя голову». И это все «на поверхности»: эти простые соображения не оставляют ни малейшего основания для заключения о том, что *«она не думает при этом не только о сидящих в машине людях, жизнь которых она подвергает смертельной опасности, но и о себе, и своих собственных детях»*. Конечно, не думает, в этой ситуации она думает только о том, как ей повезло, что она-таки успела на эту маршрутку. Этот «единичный случай» не дает ни малейшего основания для вывода: *«Люди в России перестали понимать, что общество — «это лодка на аллеях парка»*.

В скобках замечу, что такого рода «размашистые» (а можно сказать «огульные») обобщения встречаются не только в журнальных статьях, но и в диссертационных исследованиях, где на основании пяти-шести случаев делаются такие же «глобальные» и даже «теоретические» обобщения.

В заключение этого раздела стоит отметить, что статьи в научных журналах и сборниках — отражают самый актуальный, «передовой» фронт современной науки. Поэтому очень важно регулярно читать такого рода издания, чтобы лучше понимать, на каком участке этого фронта находитесь вы, насколько точно вы чувствуете «веления времени».

Монография

Это уже «тяжелая артиллерия» Монография, как правило, посвящена результатам большого исследовательского проекта или разным проектам по

одной или схожей тематике. Монографии бывают коллективные и индивидуальные (авторские). Примером коллективной монографии может служить уже упоминаемая выше книга И. Штейнберга, Т. Шанина и др. «Качественные методы. Полевые социологические исследования». В качестве примера индивидуальной монографии приведу книгу А. Г. Здравомыслова «Поле социологии в современном мире», вышедшую уже после его смерти в 2010 году.

Иногда (вероятно, для придания большего веса) монографией называют сборники статей. Например, книга «Новые идеи в социологии» (2013) имеет статус монографии, хотя и по сути, и по замыслу — это сборник статей разных авторов, в разное время опубликованных в журнале «Социологические исследования».

Естественно, что этот жанр предназначен почти исключительно для профессионалов, а также для студентов и аспирантов (будущих или уже «без пяти минут» профессионалов). Так же естественно, что монографии уже несколько отстоят от «передовой линии» научного фронта. В них обобщается и анализируется многолетний опыт и подводятся определенные промежуточные итоги. Промежуточные потому, что в науке (и в социологии, в том числе) окончательных итогов не бывает, ибо процесс познания безграничен.

Публицистика: говорить с широкой публикой на её языке

В отличие от рассмотренных выше жанров и способов представления научных результатов, публицистика обращается к широкой публике и пропагандирует профессиональное социологическое знание. Однако задача публицистики не только в том, чтобы нести «знание в массы», сколько в том, чтобы обозначить актуальные, «горячие» проблемы общества и привлечь к ним внимание.

С одной стороны, уже неоднократно замечено, что писатели, журналисты, артисты выполняют эту функцию гораздо лучше (в том числе, эффективнее), нежели социологи. Когда-то давно мы с Розалиной Владимировной Рывкиной были на концерте Аркадия Райкина. После концерта она сказала: «Знаешь, мне стыдно, что я социолог. А вот Аркадий Райкин и те, кто пишет для него все эти скетчи и репризы, настоящие социологи. Куда нам до них с нашими убогими процентами и банальными выводами». Я тогда был молод и горяч, и мне не было стыдно, что я социолог, хотя позиция Рывкиной мне была понятна. В те годы (а это начало — середина 1970-х) мы занимались интересными исследованиями: изучали образ жизни советских людей («100 вопросов о Вашей жизни»); мы как раз начинали свое второе исследование «Зритель в театре» в группе «Социология и театр». И хотя «на дворе» уже наступала пора застоя, мы еще были полны оптимизма.

А теперь о другой стороне. Некоторые социологи сегодня обратились к публицистике, но пока у них, по-прежнему, это получается хуже, чем у журналистов и писателей. Беда в другом, многие социологические тексты содержат

не так уж много научно обоснованных утверждений. Они все более и более похожи на публицистику с её алармизмом, с обобщениями и рекомендациями, не поднимающимися выше уровня здравого смысла. И это, в равной мере относится к публикуемым результатам как качественных, так и количественных исследований. Да и сами количественные исследования по объемам выборок все больше и больше приближаются к «качественным».

У этого явления много причин. Не буду говорить о сокращении финансирования социологических исследований — это уже «общее» место. Все просят денег. Не буду говорить о процессах распада общества, когда власти живут своей жизнью, а люди — своей. Это, в принципе, нормально. Хуже то, что эти столь разные «свои» жизни практически не пересекаются.

Главная, на мой взгляд, беда в том, что распадается на мелкие островки профессиональное социологическое сообщество, что утрачивается корпоративный дух. Каждый выживает в одиночку. Но и это понятно, ведь социологи — не небожители, они такие же люди, как и все прочие. На них также давит пресловутая «вертикаль власти» и отсутствие реальной возможности до этой власти достучаться. Нынешняя власть глуха практически на всех уровнях. Она не хочет, а может быть и не может, слышать ничего разумного.

Общество, а вместе с ним и социологи, замерли в ожидании то ли неотвратимого краха страны, то ли чуда. И все-таки, думаю, что если социолог настоящий профессионал и настоящий ученый, то, как известные в истории науки медики, должен до последнего мгновения описывать все — даже самые последние — конвульсии умирающего. Пригодится следующим поколениям.

О дефиците научно-популярной литературы по социологии

Социология теряет свой авторитет не только потому, что под этим именем сегодня процветают поллстеры. Одна из причин, на мой взгляд, состоит в том, что социологи (не только в России, но и за рубежом) почти никогда не уделяли должного внимания популяризации своей науки. Было время, когда сотни и тысячи молодых людей зачитывались книгами Ферсмана и шли в геологи и минералоги; а другие, зачитываясь книгами Перельмана, шли в физику и математику. Сколько замечательных популярных книг написано биологами, географами, литературоведами.

А вот популярные книги по социологии, которые могли бы захватить молодых и увлечь в эту профессию, можно перечесть на пальцах одной руки. Это, конечно же, книги В. Э. Шляпентоха «Социология для всех» и «Как сегодня изучают завтра», это книга И. С. Кона «Социология личности», это небольшая книжечка «для старшего школьного возраста» В. С. Максименко и В. И. Паниотто «Зачем социологу математика», изданная в Киеве. Сюда же можно отнести и книгу Шибутани «Социальная психология». Все!

Впрочем, я, пожалуй, чересчур суров: в 2010 году вышла еще одна книга о социологии для не социологов — это книга Валентины Федоровны Чесноковой «Язык социологии». Вот теперь, вроде бы — все!

А ведь история мировой социологии в целом, да и российской, в частности, полна драматических, захватывающих сюжетов. О них можно и нужно рассказывать просто и интересно (у В. Чесноковой это получилось очень здорово и, главное, понятно). А, Впрочем, и у В. Шляпентоха это получилось, и у моих киевских коллег.

В советской и постсоветской художественной литературе если и встречались герои-социологи, то преимущественно в карикатурном виде. Даже «свой брат» — философ и логик — Александр Зиновьев, когда решил написать почти художественную книгу «Зияющие высоты», взяв в качестве прототипов героев своих друзей, написал на них карикатурные портреты. К счастью, большинство читателей не заметили этого, но для тех, кто хоть немного был причастен к этому культурному слою, это было совершенно очевидно.

И прежние российские (царские), и советские, и постсоветские власти недолго любили и социологию, и социологов. Эта наука представлялась им опасной и нежелательной. В одной из «наставляющих» речей на собрании партхозактива Ленинграда и Ленинградской области первый секретарь Ленинградского Обкома КПСС Г. Ф. Романов сказал такую фразу: «Тут социологи нам предъявляют всякие нежелательные закономерности». А потом у М. С. Горбачева была излюбленная, правда не так четко персонифицированная, фраза «Тут нам подкидывают разные идеи...».

И сегодня некоторые серьезные социологи вкуче с экономистами и политологами снова «предъявляют» власти «всякие нежелательные закономерности». Так за что же их любить и привечать?

Не только власти сегодня пренебрежительно относятся к социологии, хотя и не прочь спекулировать на ней. Снижение уровня социологического профессионализма, свертывание масштабных и глубоких социологических исследований, вносят свою лепту в дискредитацию этой науки. Ну и, конечно же, бюрократизация и развал системы образования в целом (в том числе, и социологического) отнюдь не способствуют повышению престижа науки вообще, и социологии, в частности.

Работы, подтверждающие квалификацию

К этому классу я отношу так называемые студенческие работы: рефераты, курсовые, дипломные работы, а также диссертации на соискание ученых степеней. Главная ошибка при подходе к ним состоит именно в том, что они воспринимаются самими авторами именно, как студенческие (квалификационные), а не как серьезные публикации. Однако при правильной постановке профессионального образования, высшей оценкой такой работы должна

быть вовсе не пятерка, а именно рекомендация её к публикации. Такое бывает, но, к сожалению, исключительно редко это решение (эта оценка) доводится до практической реализации.

В своей преподавательской практике, будучи при этом сотрудником академического института, организатором многих научных семинаров и конференций, я всегда старался привлекать своих студентов к непосредственному участию в организуемых мною научных мероприятиях с обязательной последующей публикацией их докладов и сообщений. И старался добиться от них такого качества текстов, за которые ни им, ни мне не было бы стыдно. Как правило, те, кто успешно принимал участие с организованных мною научных мероприятиях, затем защищали достойные дипломные работы и закреплялись в профессии.

Говорят, что плох тот солдат, который в солдатском ранце не носит маршальского жезла. Этот афоризм в полной мере относится к студентам. Даже в «проходном» реферате можно сказать свое слово в науке. Именно к этому должен стремиться каждый студент, если он пришел в вуз за профессией, за знаниями, а не за «корочкой»

Вопросы к семинару

- Какая информация необходима для заказчика, какая для коллеги, а какая для «широкой публики»?
- Почему нельзя «стелиться» перед заказчиком?
- Почему в рефератах, курсовых и дипломных работах Вы не ставите перед собой больших научных задач?
- Что интересно и важно отражать в популярной литературе о социологии как науке?
- Чем отличается научная статья от научной монографии?
- В чем и для кого ценность полного научного отчета о проведенном социологическом исследовании?

Литература

1. Аймаутова Н. Е. Взаимодействие социолога с заказчиком. М.: Российский университет дружбы народов, М. 2009.
2. Здравомыслов А. Г., Поле социологии в современном мире. /А. Г. Здравомыслов; под общ. ред. Н. И Лапина; науч. коммент. к творческой биографии автора Н. И. Лапина, В. А. Ядова, О. Н. Яницкого, В. Г. Николаева, Н. Е. Покровского. — М.: Логос, 2010. — 408 с.
3. Максименко В. С., Паниотто В. И. Зачем социологу математика. Для ст. шк. Возраста. — К.: Рад. шк., 1988. — 223 с.
4. Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — 479 с.

5. Нозль-Нойманн Э., Петерсен Т., Все, но не каждый... Введение в методы демографии. Пер. с нем. Л. Н. Рыбаковой и Е. В. Невмержицкой. Науч. ред. и автор вступ. ст. Н. С. Мансуров. — М.: МГУКИ, 2007. — 616 с.
6. Чеснокова В. Ф. Язык социологии: Курс лекций /В. Ф. Чеснокова. — М.: ОГИ, 2010. — 544 с.
7. Шляпентох В. Э. Как сегодня изучают завтра. «Советская Россия», М., 1975
8. Шляпентох В. Э. Социология для всех. «Советская Россия», М: 1970

ПИСЬМЕННЫЕ РАБОТЫ
ПО МЕТОДОЛОГИИ, МЕТОДИКЕ И ТЕХНИКЕ
(РЕФЕРАТЫ, КУРСОВЫЕ И ДИПЛОМ)

Методическое пособие для студентов

Введение

Рефераты, курсовые и дипломные работы (особенно на младших курсах) вызывают у студентов понятные трудности. Во-первых, второкурснику очень нелегко выбрать тему. Во-вторых, проблема структурирования текста. В-третьих, не просто найти необходимую научную литературу, и тем более — ее осмыслить. Но, пожалуй, самая большая трудность в том, что студенты не всегда осознают смысл и задачи письменных работ в учебном процессе.

Конечно, трудностей меньше, если преподаватель (преподаватели) не только и не столько контролируют ход учебного процесса, но и направляют его, находят время, силы и желание работать со студентами в режиме индивидуальных консультаций. К сожалению, это встречается не так уж часто. Естественно, названные трудности усугубляются и понятной легкомысленностью учащихся, их неумением реально оценивать свои возможности и планировать свою учебную деятельность.

Задача настоящего методического пособия состоит в том, чтобы:

- разъяснить роль, место и статус письменных заданий (рефератов, курсовых и дипломных работ) в учебном процессе;
- ознакомить студентов с основными требованиями, которые предъявляются к каждому виду письменных работ, как по содержанию, так и по оформлению;
- дать учащимся некоторые практические рекомендации по подготовке, написанию и оформлению этих работ.

Итак, зачем эти работы включаются в программу обучения?

Существует понятие «выходной контроль знаний». Студенты еще со школьной скамьи хорошо знакомы с такими формами выходного контроля, как *контрольные работы и экзамены*. В вузе к этим испытанным формам добавляется целый ряд других форм контроля: семинарские и практические занятия, зачеты, рефераты, а также курсовые и дипломные работы или проекты.

Семинарские и практические занятия, кроме контрольных функций, способствуют освоению учащимися не только знаний, но и профессиональных умений и навыков. У рефератов, курсовых и дипломных работ контрольная функция — основная. В отличие от зачетов и экзаменов, эти виды контроля являются комплексными. При написании реферата студент должен продемонстрировать степень освоения той или иной темы учебного курса. В курсовой работе студент демонстрирует и знания, и многие навыки профессиональной работы. В частности, умение работать с научной литературой, связано и логично излагать свои мысли, оперировать приемами теоретического и эмпирического научного анализа. Но не только. Как в курсовых, так и в дипломных работах оцениваются не только их содержание и оформление. Предметом оценки здесь также являются: владение устной речью (ораторское искусство), навык публичной дискуссии, умение отстаивать свои профессиональные позиции, умение сжато и внятно устно изложить даже большой по объему текст, и, наконец, умение подготовить и предъявить наглядный иллюстративный материал и т. п.

Заканчивая введение, заметим, что рефераты, курсовые и дипломные работы — это не только отчетные экзаменационные работы, это демонстрация уровня способностей, старания, притязаний, целеустремленности и, наконец, таланта. С самого начала не стоит воспринимать их просто как контрольную работу. Принимаясь за дело, желательно настроиться на серьезные достижения, ведь и курсовые, и дипломные работы могут иметь как научное — академическое, так и практическое значение. Они вполне могут быть опубликованы, а их результаты даже внедрены в практику.

Чем более разнообразен и многопланов комплекс мотивов любого дела, тем более значимы его результаты. Если получение положительной оценки — единственный мотив при написании курсовой или дипломной работы, вряд ли эта работа будет иметь высокий научный и практический уровень.

Методическое пособие касается лишь одной социологической дисциплины, а именно — методологии, методики и техники социологических исследований. Оно содержит три части. Первая посвящена рефератам, вторая — курсовым, а третья — дипломным работам.

В программе обучения курсовые проекты (работы) на разных курсах пишутся в рамках разных профильных дисциплин.

На втором курсе тематика курсовой работы определяется в рамках дисциплины «Общая социология»,

На третьем — в рамках учебного предмета «Методология и методика социологических исследований»,

На четвертом — на выбор, в рамках «Истории социологии», или в русле какой-либо специальной социологической дисциплины.

Дипломная работа — особый жанр. По сравнению с курсовыми работами он имеет более фундаментальный, комплексный характер. Студент должен в полном объеме продемонстрировать и теоретические знания, и умение рабо-

тать с исходными (в том числе — эмпирическими) данными, и навыки глубокого научного анализа и синтеза.

В каждом разделе пособия, кроме требований к тому или иному типу курсовой или дипломной работы, содержатся практические советы и рекомендации, а также перечни рекомендуемых (примерных) тем.

При написании пособия мы стремились максимально полно реализовать все технологические правила (цитирования, оформления ссылок и примечаний, презентации графического материала и т. д.), о которых идет речь в тексте самого пособия. С этой точки зрения данное пособие можно рассматривать как образец. Поэтому рекомендуем читать его очень внимательно, обращая внимание не только на его содержание, но и на форму.

Как написать реферат?

Лексическая справка

Реферат [*лат. referre* — докладывать, сообщать] — 1) доклад на определенную тему, включающий обзор соответствующих литературных и других источников; 2) изложение содержания научной работы, книги, статьи¹⁷⁷ [1,530]. Таково исходное толкование этого слова. В современном литературном языке этим словом обозначается один из библиографических жанров.

Библиографическое описание включает минимум информации о произведении, а именно: фамилию автора, название, место и дату издания (библиографическая карточка).

Аннотация — краткая описательная информация о содержании произведения.

Реферат — конспективное изложение содержания произведения, выделяющее самые существенные моменты.

Все названные жанры имеют своей задачей облегчить поиск релевантной читательскому запросу литературы.

Реферат, который предстоит написать Вам, представляет собой доклад (текст) на определенную тему, включающий обзор соответствующих литературных и других источников. В современной библиографии этот жанр характерен для обзорно-аналитических реферативных журналов. Как, например, журнал «Общественные науки и современность» или «Общественные науки». К этому типу изданий примыкает и «Литературное обозрение».

Специфика трех жанров, выделенных курсивом, состоит в их отчетливом описательном характере. Автор, работающий в этих жанрах, «не имеет права собственного голоса», права на выражение собственной позиции. Тогда как последний вид — обзорно-аналитический реферат — предоставляет его ав-

¹⁷⁷ Современный словарь иностранных слов. Ок. 2.000 слов. — М., Рус. яз., 1992. — с. 530

тору высокую степень свободы для выражения собственной позиции относительно рассматриваемых им оригинальных произведений.

В учебном процессе рефераты являют собой один из видов контроля над усвоением студентами учебного материала. С этой точки зрения, реферат отличается от обычной контрольной работы тем, что он почти не формализован и представляет относительно произвольный текст на заданную тему.

Тем не менее, по реферату можно судить о том, насколько глубоко студенты освоили ту или иную тему, насколько они овладели навыками работы с литературой, методами анализа и т. п. Иными словами, при написании реферата студент должен продемонстрировать умение подобрать релевантные теме источники, проанализировать их содержание, выделить главные, наиболее важные мысли, идеи, положения, сопоставить разные точки зрения на ту или иную проблему, оценить достоинства и недостатки аргументов, изложенных в текстах.

Довольно часто студенты вместо реферата (т. е. вместо аналитического обзора литературы) в свободной форме пытаются изложить свои собственные мысли по той или иной теме. Это совершенно иной жанр, получивший в литературоведении название — эссе. Необходимо хорошо усвоить различие этих жанров и не путать одно с другим.

Иногда такая подмена объясняется стремлением студента быть оригинальным. Это вполне достойный мотив, но и жанр реферата не препятствует демонстрации индивидуальной оригинальности. Однако оригинальность должна проявляться в отборе источников, в способах и приемах сравнительного анализа, в обращении к тем мыслям, содержащимся в источниках, на которые многие не обращают должного внимания.

Правда, чаще всего реферат принимает вид эссе из-за неумения студентов работать с литературой, из-за неумения правильно и корректно ссылаться на используемые источники. Часто получается, что текст реферата и указанные в списке источники «живут» каждый самостоятельной жизнью, двигаются «параллельными» курсами. В таких рефератах практически ни одной собственной мысли студента и нет вовсе. Просто он приводит цитаты без кавычек или пытается пересказывать содержание источников «своими словами», считая, что в этом случае ссылки не обязательны. А это грубая ошибка.

Именно для того, чтобы предостеречь студентов от ошибок такого рода, один из разделов настоящего методического пособия специально посвящен тому, как работать с источниками, как делать ссылки и сноски на них.

Выбор темы и поиск источников

Обычно тема реферата задается преподавателем. На факультетах, где введение в социологию (или основы социологии) включены в программу

обучения как общеобразовательная дисциплина, практикуется использование весьма обширных рекомендательных тематических списков, наподобие того, что приведен ниже. Примерным такой список называется по той причине, что предложенные в нем названия тем, задают лишь общий их характер. Каждая тема может быть откорректирована студентом (желательно по согласованию с преподавателем).

Примерные темы рефератов по дисциплине «Методология и методика социологических исследований».

- Содержание понятий «методология» и «методика»
- Структура и функции программы социологического исследования
- Роль гипотез в структуре социологического исследования
- Социологические и маркетинговые исследования: сходства и различия
- Проблема качественных и количественных методов
- Возможности и перспективы контент-анализа
- Специфика телефонных опросов: проблема репрезентативности
- Биографический метод в социологии: проблемы и перспективы
- Социологический опрос: проблема неответов
- Открытые и закрытые вопросы анкет: аргументы «за» и «против».
- Методологические особенности групповых интервью (фокус-группы, тест-группы и т. п.).
- Методологические особенности глубокого и нарративного интервью.

Целесообразно выделить две группы тем:

- а) посвященных *методологическим* проблемам социологических исследований;
 - б) посвященных *отдельным методам* сбора первичной социологической информации
- Рассмотрим специфику разработки этих тем на двух типичных примерах.

«Роль гипотез в структуре социологического исследования»

Данная тема, без сомнения, имеет методологический характер. Перед тем, как приступить к разработке этой темы, целесообразно проделать определенную подготовительную работу. В частности, полезно обратиться к разным словарям и выписать из них различные определения самого понятия «гипотеза». Можно поискать или самостоятельно составить библиографический указатель литературы, посвященный рассмотрению этого понятия и соответствующего этапа исследования. (Указатель, кстати, может быть органично включен либо в структуру реферата, либо использован в качестве авторского приложения).

Специальный раздел реферата может быть посвящен классификации или типологии гипотез, И, наконец, стоит поискать в литературе примеры гипотез как подтвержденных, так и опровергнутых в ходе реальных социологических исследований.

«Биографический метод в социологии: проблемы и перспективы»

Типовая схема построения такого реферата может выглядеть следующим образом. Во введении целесообразно дать краткий обзор методов, используемых в социологических исследованиях и обосновать выбор для рассмотрения именно того метода, который заявлен в названии реферата. Первую главу имеет смысл посвятить истории возникновения метода и его использования в социологии. Во второй главе рассмотреть специфические особенности данного метода и сферу его применения. Наконец, в третьей главе необходимо осветить проблемы, встающие перед исследователем при использовании этого метода в реальной практике, и перспективы дальнейшего развития данного метода.

В последнее время этот метод широко используется в социологических исследованиях, поэтому поиск источников для реферата не должен вызвать больших затруднений.

Где и как искать источники по тематике реферата

Для поиска необходимой научной литературы существует огромный корпус библиографических изданий, это — библиотечные каталоги (алфавитные и предметные), тематические библиографические указатели, отраслевые реферативные журналы, справочники и т. п. В последние годы в связи с развитием компьютерных технологий и сети Интернет, возможности поиска существенно расширяются. Традиционным библиографическим и периодическим изданиям по социологии посвящено приложение 2. Поэтому здесь более подробно рассмотрим Интернет-ресурсы, которые могут быть полезны для студентов при написании реферата.

Использование ресурсов Internet

Интернет — полноценный современный источник не только общественно-политической или художественной и культурной, но и научной информации. Конечно же, им можно и нужно пользоваться при написании и рефератов, и курсовых, и дипломных работ.

Есть только одно-единственное ограничение: **КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕЛЬЗЯ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ** сайтами рефератов. **В частности, недопустимо «скачивать» готовые рефераты целиком, но также недопустимо «собирать» свой собственный реферат из нескольких чужих рефератов.**

Студент, замеченный в использовании рефератов, находящихся на сайтах рефератов, автоматически получает **НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНУЮ ОЦЕНКУ**. И никакие оправдания (типа: «было очень мало времени и я не успевал(а)», или «я в Интернете же и нашел (нашла) ссылку на этот сайт») не принимаются во внимание. Ибо воровство — есть воровство; жульничество — есть

жульничество и то, и другое во всем мире подвергается осуждению и остракизму.

Для поиска материалов для реферата в Интернете, в первую очередь, полезно обратиться к поисковым системам.

Что искать в Internet?

С помощью поисковых систем, используя режимы поиска по авторам, по ключевым словам, по датам нужно искать **оригинальные статьи и книги** по тематике своего реферата.

На многих сайтах имеется рубрика «форум», содержащая дискуссии по поводу опубликованных на них материалов. Как правило, стоит читать не только сами статьи, но и материалы их обсуждения. Кроме того, вы и сами можете высказать свое мнение о том или ином материале на «форуме».

Общие требования к реферату

Количество источников

Итак, из всего выше изложенного очевидно, что реферат «строится» на основе литературных источников и представляет собой **аналитический обзор научной литературы**. Минимальное количество источников, на базе которых строится любой реферат — 4. Их может быть и больше, но рефераты, основанные менее чем на четырех источниках, к рассмотрению, как правило, НЕ принимаются.

В число источников НЕ ДОЛЖНЫ ВХОДИТЬ:

- Учебники и учебные пособия;
- Методические пособия;
- Словари, энциклопедии и справочники;
- Практикумы;
- Статьи из реферативных журналов.

Полноценными источниками являются **оригинальные** научные работы: монографии, книги, статьи из сборников и журналов, диссертации.

Однако это не означает, что учебниками и методическими пособиями нельзя пользоваться вообще. Напротив, обращение к учебникам — это **первый шаг**, как в выборе темы, так и в поиске источников для реферата. Именно учебники и аудиторные лекции служат первыми ориентирами для студента.

Словари также могут и должны быть использованы. В частности, для более точного толкования тех или иных понятий и научных терминов. Ссылки на словари и энциклопедии могут и должны присутствовать в студенческом реферате, но лишь в примечаниях к тексту, **а не в списке основных источников**.

Почему учебники и словари не должны входить в число базовых источников? Да потому, что сами по себе учебники — вторичны. Даже самый оригинальный учебник всегда содержит устоявшиеся, многократно подтвержденные знания и оценки. В определенном смысле, любой учебник — реферативен. А словари и энциклопедии представляют собой справочную литературу, и содержат канонические определения понятий и терминов, тщательно отобранные и подтвержденные факты.

Хороший учебник (методическое пособие) отличается от плохого тем, что непременно содержит достаточно большое количество ссылок на оригинальные работы. Каждая тема в хорошем учебнике сопровождается списком литературы. Наконец, в хорошем учебнике, как правило, освещается не только прошлое состояние той или иной науки, но и современные, злободневные дискуссионные проблемы.

Таким образом, поиск источников не только можно, но и нужно начинать именно с учебников. И, конечно же, при выборе темы и поиске источников для вашего реферата стоит обращаться к преподавателям.

Требования к оформлению

Реферат обязательно должен содержать:

Титульный лист.

Оглавление с указанием страниц, на которых начинаются указанные в оглавлении главы и параграфы.

Каждая глава (раздел) реферата, а также каждый параграф (если главы разбиты на параграфы) должны иметь собственное содержательное название. Следует избегать таких названий, например, «Вводная часть», «Основная часть» и т. п.

Пронумерованный список источников, которые лежат в основе данного реферата. Желательно, чтобы источники в списке были упорядочены по алфавиту.

Страницы должны быть также пронумерованы. Отсчет страниц ведется с титульного листа. Однако на титульном листе и на странице, где находится оглавление, номера не ставятся. Таким образом, нумерация всегда начинается со страницы 3. Номер страницы обычно помещается в верхней части листа либо по центру, либо справа.

О структуре реферата

Реферат весьма объемный текст. Для того чтобы он лучше воспринимался, целесообразно выделять в нем определенные смысловые разделы. В структуру реферата входят непременно (обязательные) элементы: введение, заключение, список источников. Но основное его содержание также должно быть структурировано.

Совершенно не правильно (по-школярски) выглядит реферат, в котором между введением и заключением помещается раздел, именуемый «Основная часть».

Так называемая *основная часть* может состоять из двух или трех разделов (или глав), каждый из которых, в свою очередь, может быть разбит на более мелкие элементы: параграфы или подразделы.

Существуют разные принципы выделения глав: а) от общего к частному; б) хронологический; в) тематический; г) по персонам. Любой из этих принципов может быть использован в каждой из тематических разновидностей рефератов. Однако есть определенные предпочтения.

Например, для рефератов первого раздела (темы 1 и 4) целесообразно использовать либо хронологический, либо тематический принципы структурирования. Остальные темы этого раздела можно структурировать и по персонам. Т. е. в разных главах реферата рассматривать позиции отдельных авторов по отношению к тому или иному вопросу, а заключительную часть реферата посвятить сравнению их воззрений или основным различиям.

Для рефератов методологической ориентации наиболее целесообразно использовать принцип от общего к частному. Например, структура реферата на тему «Проблема качественных и количественных методов» может выглядеть так.

Введение

Глава 1. Философский смысл категорий «количество» и «качество».

Глава 2. История возникновения качественных и количественных методов в социологии.

Глава 3. Сферы применения качественных и количественных методов в современных социологических исследованиях.

Заключение.

Список источников.

Первая глава, как видим, посвящена введению и осмыслению ключевых понятий на самом общем — философском уровне. Во второй главе уровень рассмотрения проблемы более конкретен. И, наконец, в третьей главе рассматриваются совершенно конкретные вопросы.

Приведем еще один пример. Это оглавление брошюры М. Рассохиной

Метафора в языке социологической теории / Серия: «Научные доклады МВШСЭН»; Вып. 1; Под ред. Г. С. Батыгина. — М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук. — 2001. — 80 с.

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава первая. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТАФОРЫ И ЕЕ СВОЙСТВА. ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ	
Аристотелевская концепция метафоры.....	6
Метафора как объект исследования риторики и поэтики	7

Теории замещения и сравнения.....	8
Семантический подход к метафоре.....	11
Философия риторики А. Ричардса	13
Логическая грамматика метафоры М. Блэка	15
Метафора как результат взаимодействия говорящего и слушающего.	17
Семантический аспект истинности метафоры	19
Прагматический аспект истинности метафоры	20
Глава вторая. МЕТАФОРА В НАУКЕ.....	
Экскурс в историю метафоры в языке науки. 25	
«Контекст открытия»: метафоры в науке как метод и способ познания	28
«Контекст обоснования»: метафора как вид знания.....	31
Метафора и аналогия: соотношение понятий.....	32
Метафора в науке как инструмент объяснения.....	34
Прагматический подход к анализу метафоры в языке науки.....	37
«Абсолютные метафоры» теории	41
Дорефлексивная природа абсолютной метафоры: Ж. Деррида. 44	
Осмысление абсолютных метафор теории через герменевтически интерпретативную рефлексию: П. Рикёр	47
Глава третья. МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА МЕТАФОР В ЯЗЫКЕ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ	
Рефлексивная структура метафоры: философия «как если бы».....	51
Теоретическая логика как уровень работы с базовыми метафорами. 52	
Метод выявления и анализа метафоры теории. 55	
Глава четвертая. МЕТАФОРЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	
Базовые метафоры социального теоретизирования: организм и механизм. 57	
Метафоры организма и механизма в теории государства Т. Гоббса. 59	
Метафора организма в теории общества Г. Спенсера. 67	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	73
Библиография	75

Здесь органично применяются разные принципы структурирования. На уровне названий глав очень четко выдержан принцип «от общего — к частному». Для выделения параграфов автор использовала иной принцип, а именно, — предметный.

О содержании раздела «Введение»

Введение должно содержать следующие обязательные элементы:

- Обоснование актуальности избранной темы;
- Задачи, которые ставит перед собой автор реферата
- Основные цели и задачи настоящей работы;

- Краткая аннотация, обоснование содержания ее глав (разделов) Введение должно занимать не более 1–1,5 страниц.

Что писать в разделе «Заключение»

Заключение или выводы — отнюдь не формальный элемент работы. Если во введении были заявлены цели и задачи, то в данном разделе необходимо четко указать, в какой мере эти цели и, декларированные ранее задачи, достигнуты и реализованы.

Хороший тон — в начале каждой главы обозначать ее локальные цели, а в конце формулировать основные итоги или выводы. Это существенно облегчает написание окончательных выводов.

Выводов, как и целей, не должно быть много — не более трех — четырех. Они должны быть лаконичными и ясно сформулированными.

Как было показано выше, заключение может содержать сравнение разных теоретических позиций или описание существенных различий. Возможен и такой тип вывода, как выделение недостаточно изученных или выпавших из поля зрения исследователей аспектов той или иной проблемы.

Курсовые работы

Само название «Курсовая работа» говорит о том, что это определенный итог двух семестровой, а то и более длительной, работы студентов. С одной стороны, курсовые работы дают представление об уровне усвоения студентом учебной программы. А, с другой, — они помогают студенту более точно ориентироваться в рамках данной профессии и специализации.

Таким образом, в течение обучения каждый студент обязан написать и защитить три курсовые работы по основным базовым (профильным) дисциплинам и дипломную работу.

Поскольку это является обязательным элементом учебного процесса, и курсовые, и дипломные работы регламентируются определенными формальными процедурами и документами. На каждом курсе, начиная со второго, студент должен до 15 октября (т. е. в начале осеннего семестра) выбрать и утвердить тему курсовой работы.

Для этого на имя зав. кафедрой он пишет заявление, в котором указывается формулировка избранной темы, фамилия и инициалы потенциального научного руководителя и просьба утвердить заявленную тему. На этом же заявлении должна быть виза научного руководителя, подтверждающая его согласие на научное руководство. Утверждение тем и научных руководителей фиксируется в протоколе собрания курса или заседания кафедры.

Выбор и формулировка темы

Это, пожалуй, самая трудная задача, когда у студента еще нет опыта написания серьезных текстов.

Для первичной ориентации полезно знать, что курсовые и дипломная работы могут иметь **монографический** или **обзорный** характер.

Монография значит разбор одного конкретного вопроса.

Обзорная работа требует рассмотрения определенного спектра вопросов, авторов или анализа динамики изучения той или иной научной проблемы.

Например, студент выбрал такую тему курсовой работы: «Социальная структура как предмет социологического изучения». Раскрытие этой темы предполагает хороший обзор взглядов разных мыслителей и исследователей на природу социальной структуры общества и механизмы ее формирования. Однако, такое название небрежно и чрезмерно размашисто. Оно претендует на полноту раскрытия вопроса и студент рискует вызвать суровую (и справедливую) критику по той причине, что наверняка кого-то из великих (или просто известных) социологов он не упомянет, что может повлечь снижение оценки. Стоит сузить тему, например, таким образом: «Социальная структура как предмет социологического изучения в российской социологии XIX века». Возможны варианты: «Социальная структура как предмет социологического изучения в европейской социологии XIX века» или «Воззрения класиков европейской социологии на социальную структуру общества».

Работа также может быть **исторической** или **теоретической**.

В исторической работе акцент делается на последовательности тех или иных событий, на том, как углублялось познание того или иного предмета. В такой работе целесообразно акцентировать внимание на возникновении и спадах интереса к тому или иному вопросу в разное время и на причинах этих колебаний.

В теоретической работе внимание должно быть сосредоточено на содержании того или иного понятия, явления или социального процесса, на том, какие концептуальные и теоретические схемы обеспечивают более надежное описание и, — главное, — предсказание «поведения» рассматриваемого объекта.

На каком материале — **классическом** или **современном** — строить свою работу? Таков еще один возможный подход к определению и выбору темы. Заметим, что современный предмет всегда труднее классического. По нему существенно меньше литературы, часто еще не выработаны интерпретационные схемы, не устоялись представления о перспективе. Кроме того, говоря о современности, очень легко скатиться к журналистике и публицистике, для которых характерен поверхностный анализ и злоупотребление примерами.

Кстати, стоит обратить внимание на опасность подмены научного анализа политическими декларациями или попыткой найти панацею от актуальных бед. Нет ничего глупее, когда студент вместо изучения того или иного вопроса, вместо тщательного исследования его природы, пытается искать практические пути преодоления проблемы или борьбы с явлением, которое кажется ему негативным.

Описанные выше основания классификации курсовых и дипломных работ, вполне могут пересекаться. А проблема широты и узости формулировки

темы остается актуальной всегда. Как избежать опасности чрезмерно широкой формулировки?

Во-первых, никогда не следует забывать о том, что любое действие, явление, процесс — существуют во времени. Если не установлены временные рамки, по умолчанию предполагается, что Вы начинаете от сотворения мира. А ведь не трудно указать, на каком периоде вы сконцентрировали свое внимание.

Во-вторых, территориальный срез. Не вообще социология или социологическая теория, но европейская, или французская, или (еще уже) французская социология школы Дюркгейма. Конечно, последнее может показаться и чрезмерно узким, однако здесь представляется важным показать направление и дать представление о пределах.

В-третьих, сузить тему можно за счет точного отбора авторов, работы которых подвергаются анализу. К примеру, не «Проблема бытия в современной философии», а «Проблемы бытия у раннего Хайдеггера» или «Понятия свободы у Канта» или «Концепции социального действия Парсонса».

В-четвертых, (если тема касается вопросов эмпирических исследований) сужение темы возможно за счет более точного определения генеральной совокупности и/или рассматриваемых социальных групп. Например, не вообще молодежь, а студенческая молодежь или студенты гуманитарных вузов, или иногородние студенты и т. д.

В последнее время в свет вышло около десятка брошюр, методических пособий, посвященных тому, как писать студенческие работы (рефераты, курсовые и дипломные работы). Библиографическое описание некоторых из них приведены в приложении 3. Рекомендуем внимательно прочесть, по крайней мере, одну из них — книжку Умберто Эко. Эта книга очень легко читается и, в отличие от многих других, ее автор хорошо знает предмет, о котором пишет.

Как уже говорилось, для каждой из курсовых и для дипломной работы в методическом пособии содержатся списки рекомендуемых тем. Эти списки имеют ориентировочный характер, а формулировки названий — приближительны. Почти все эти названия нуждаются в уточнении и/или конкретизации с учетом рекомендаций, содержащихся в данном разделе.

Таким образом, списки не являются исчерпывающими, а темы, включенные в них — окончательными и не подлежащими изменению и редактированию. Более того, поощряются инициативные темы, которые студент должен внятно обосновать, и обязательно согласовать с научным руководителем перед тем, как вынести на утверждение кафедры.

Однако, эти списки — отнюдь не единственный источник или импульс для выбора темы курсовой или дипломной работы.

В качестве такого импульса (одного из самых сильных и эффективных), конечно же, выступает *личный интерес* к той или иной предметной области. Но имеются и другие импульсы. Например, условно говоря, — *социальный заказ*. Он может быть явно сформулирован определенным социальным субъектом.

ектом: правительством и другими официальными инстанциями, редакциями газет и журналов, благотворительными обществами, общественными или творческими организациями и т. д.

Социальный заказ может быть прямо не сформулирован и не заявлен. Но тема, которая Вам глубоко интересна, задевает Вас за живое и представляется действительно актуальной и потенциально востребованной. В этом случае стоит проявить инициативу, самостоятельно поискать заказчика и предложить ему свои услуги.

Не случайно на первом курсе во время практики для студентов — социологов организуется серия «экскурсий» в социологические учреждения разного типа — академические, бюджетные, частные, корпоративные и т. п. Эти экскурсии имеют несколько целей. Во-первых, полнее представить студентам характер, тематику и направления будущей профессиональной деятельности. Во-вторых, познакомить хотя бы с некоторой частью ожидающего их (кстати, достаточно широкого сегодня) рынка профессионального труда. В-третьих, — ознакомить с актуальными возможностями студенческих работков не «на стороне», а в сфере их будущей профессиональной деятельности. И, наконец, четвертая цель — открыть перед студентами еще один канал для определения своих конкретных интересов в области социологии и для профессиональной социализации.

Утвержденные темы также могут подлежать уточнению, конкретизации и редактированию. Однако, совершенно недопустимой представляется ситуация, когда студент накануне защиты (скажем, за месяц или два) заявляет о том, что он передумал и решил кардинально сменить тему своей работы.

Задачи курсовой работы по методологии и методике социологического исследования

Данная работа подводит итог другому четырех семестровому курсу: «Методика и техника социологических исследований». При написании ее студент должен проявить:

- Понимание различий между обыденным и научным знанием;
- Понимание роли и значения теории и методологии в процессе исследования;
- Умение операционализировать теоретические понятия, искать и находить их релевантные эмпирические индикаторы;
- Знание сути и назначения основных элементов программы социологического исследования;
- Понимание различий между методологическими и методическими аспектами исследования;
- Умение обосновать валидность применяемых социологом приемов получения социологического знания;
- Знание и понимание сущности понятия «репрезентативность (представительность) эмпирических данных»;

- Навыки эмпирического анализа рассматриваемой социальной и/или социологической проблемы.

Курсовая работа 3-го курса может стать развитием темы, избранной студентом на втором курсе, — меняется лишь ракурс ее рассмотрения. При этом акцент смещается с онтологического и теоретического аспектов в сторону гносеологии (теории познания), методологии и методики. В центре внимания оказываются вопросы обеспечения надежности и достоверности получаемого знания.

Рекомендуемые (примерные) темы курсовых работ

- Методологические функции программы социологического исследования.
- Проблемы построения репрезентативной выборки (на примере конкретного тематического исследования).
- Открытые и закрытые вопросы анкет: сферы применения.
- Решение проблемы представленности в выборке редких и трудно доступных единиц генеральной совокупности (на примере конкретного тематического исследования).
- Проблемы формирования массива текстов для контент-аналитического исследования (на примере конкретного тематического исследования).
- Вопросы организации опроса при изучении зрелищных форм культуры (кино, театра, художественных выставок и т. п.).
- Опыт операционализации понятий, поиск эмпирических референтов (на примере конкретного тематического исследования).
- О влиянии пола и возраста интервьюера на характер и качество первичной информации (опыт методического исследования).
- Влияние внешнего облика интервьюера на достоверность и качество первичной информации (опыт методического эксперимента).
- «Эффект эха» анкетных вопросов — методический эксперимент (на примере конкретного тематического исследования).
- Задачи и функции пилотажного исследования (на примере конкретного тематического исследования).
- Методологические особенности качественных и количественных исследований.
- Методы качественного исследования. Обзор и методологический анализ.
- Компьютерные программы для поддержки качественных методов социологического исследования. Обзор публикаций в Интернет.
- Операционализация понятия «субкультура» (на примере конкретного тематического исследования).
- Проблема многозначности эмпирических индикаторов (на примере конкретного тематического исследования).
- Методологические проблемы изучения мифологии сознания.
- Опыт решения «обратной задачи выборки».
- Компьютерное ассистирование опросных методов социологического исследования (обзор современных компьютерных программ).

- Опыт межкультурного сравнительного исследования (на конкретном тематическом примере).
- Возможности и ограничения процедур факторного анализа в социологическом исследовании.
- Возможности и ограничения процедур кластерного анализа в социологическом исследовании.
- Опыт когнитивного анализа опросных документов (на примере конкретного тематического исследования).
- Опыт использования психологических методик в социологическом исследовании (метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, метод репертуарных решеток и т. п.).
- Особенности применения тестов и тестовых заданий в социологическом исследовании (на примере конкретного тематического исследования).
- Проблемы контроля качества первичной социологической информации (на примере конкретного тематического исследования).
- «Ремонт выборки» — методологические основания и обоснованность процедур (на примере конкретного тематического исследования).
- Этапы уточнения понятия «генеральная совокупность»: методологическое обоснование, определение основы выборки (на примере конкретного тематического исследования).
- Типы социальной реальности и специфика познавательных стратегий.
- Социологическая проблематизация качественных исследований, основанных на личных документах.
- Биографические методы: история вопроса и особенности применения.
- Фотография (рисунок, видеоряд) как объект социологического анализа: концептуализация и методические подходы (на примере конкретного тематического исследования).

Особенности структуры курсовой работы

При внимательном ознакомлении с задачами данной курсовой работы и со списком рекомендуемых тем, становится очевидно, что при подготовке этого курсового проекта студент должен сосредоточиться на методологических и технологических аспектах познавательного процесса.

В названиях многих тем присутствует пояснение «на примере конкретного тематического исследования». В реальных работах вместо слов «конкретного тематического исследования» должны стоять другие слова. Например, «на примере исследования молодежных субкультур», или «на примере изучения проблем наркотизации», или «на примере исследования социальных проблем информационного общества» и т. п. С одной стороны, это не просто пожелание, но настоятельное требование, а, с другой, — приглашение к продолжению разработки темы, начатой студентом на предыдущем курсе.

В соответствии с описанной выше ориентацией несколько изменяется, по сравнению с предыдущим курсом и структура работы. Она также может

включать 2–3 главы (кроме введения, заключения и списка литературы). Но содержательное наполнение основных глав здесь совершенно другое.

В **первой главе** целесообразно рассмотреть общие методологические принципы и подходы к основному предмету обсуждения, историю становления того или иного метода или методического приема.

Во **второй главе** продемонстрировать опыт (или попытки) конкретной реализации данного метода для решения определенной социологической задачи.

Некоторые из рекомендуемых тем предполагают проведение специализированного методического исследования или методического эксперимента. В этих случаях структура курсовой работы может включать три главы.

В **первой** студент должен четко обозначить цели и задачи эксперимента, выделить и обосновать методологические проблемы, требующие решения. **Вторая глава**, по сути дела должна содержать описание программы методического исследования, включая обоснование и описание инструментальных средств. **Третья глава** посвящается описанию, полученных в ходе эксперимента (методического исследования) результатов и их интерпретации.

Таким образом, методология и методика, на которых акцентировано внимание студентов, становятся не самодовлеющей целью, но занимают подобающее им — инструментальное — место и значение в процессе содержательного социологического исследования.

Курсовая работа может быть построена по структуре полноценной программы эмпирического социологического исследования, отвечающей всем требованиям к документам такого рода. В этом случае **первая глава** работы посвящается формулировке проблемы исследования, включая описание и анализ социальной и научной ситуаций. **Вторая глава** содержит теоретический анализ исследуемой проблемы: определение и уточнение основных понятий, их операционализацию, выдвижение и обоснование гипотез. **Третья** — содержит описание процедур обоснования и разработки инструментария для проверки гипотез, определению типа выборки и описанию процедур построения выборки. Если студент не только разработал необходимый инструментарий, но и протестировал его, т. е. провел пилотажное исследование, описание его результатов составит содержание **четвертой главы**. Сам же инструментарий целесообразно вместе с необходимым методическим комментарием поместить в приложение.

Общие требования к курсовой работе

Объем работы:

Минимальный — не менее 1 печатного листа (40 тыс. знаков с учетом пробелов), максимальный — не более 60 тыс. знаков.

Шрифт Times New Roman, кегль 12–14, межстрочный интервал 1,5

Поля: верхнее — 2,5 см.; правое — 3 см.; левое — 2 см.; нижнее — 2,5 см.

Стандарт оформления

Работа представляется на стандартных листах формата А4 и должна содержать:

- Титульный лист
- Оглавление^{178*}
- Введение
- Основной текст (в соответствии с заявленной в оглавлении структурой)^{179**}
- Заключение
- Список использованной литературы*
- Дополнительный справочный аппарат*

Каждая глава должна начинаться с новой страницы. Для этого в конце последнего предложения любого предыдущего раздела следует нажать клавишу «Enter», затем выбрать в главном меню позицию «Вставка», затем «Разрыв» и «Новая страница».

Страницы курсовой работы обязательно должны быть пронумерованы. Номера страниц помещаются в верхней части листа, либо по середине, либо правом углу. При этом следует знать, что нумерация начинается с титульного листа. Однако, номера страниц НЕ СТАВЯТСЯ на титульном листе и на странице, отведенной под оглавление. Таким образом, первая страница, имеющая номер, это третья страница и она имеет номер 3 (или 4, если оглавление не поместилось на одной странице).

Содержание Введения

Введение должно содержать следующие обязательные элементы:

- Обоснование актуальности избранной темы;
- Краткое описание социальной ситуации (социальной проблемы);
- Описание научной ситуации, состояние данной темы;
- Обозначение общей направленности курсовой работы (обзорный или аналитический характер работы);
- Основные цели и задачи настоящей работы;
- Краткая аннотация, обоснование содержания ее глав (разделов)

В общем объеме курсовой работы введение должно занимать не более 5–10 %, т. е. от полутора до трех страниц.

Сценарий защиты курсовых работ

Неотъемлемым и важным элементом курсовой работы является публичное ее представление — защита.

¹⁷⁸ * Звездочкой отмечены структурные элементы курсовой работы, которым в настоящем методическом пособии будет посвящен специальный комментарий.

¹⁷⁹ ** Рекомендации по основным главам см. в разделах посвященным конкретным курсовым работам

Курсовая работа и рецензия-рекомендация научного руководителя должны быть представлены на кафедре не менее, чем за две недели до назначенного срока защиты. Две недели необходимы для того, чтобы получить отзывы на каждую работу от внешних рецензентов.

Действующие лица: Экзаменационная комиссия,

Все студенты группы.

Регламент защиты:

Каждому студенту предоставляется от 7 до 10 минут на то, чтобы изложить содержание своей работы.

Еще 7–10 минут отводится на вопросы к докладчику. Право задавать вопросы имеют все действующие лица.

Затем слово предоставляется научному руководителю и внешнему рецензенту, защищаемой работы. Если по какой-либо причине научный руководитель или рецензент отсутствуют, то их письменные отзывы о работе оглашает секретарь экзаменационной комиссии.

После чего желающим предоставляется возможность высказать свои суждения о защищаемой работе.

После того, как выступил последний, из представивших на защиту свои работы студент, экзаменационная комиссия обсуждает итоги защиты и выставляет оценки. Студенты на это время покидают аудиторию.

Затем студентов снова приглашают в аудиторию, и председатель оглашает решение комиссии.

Рекомендации по подготовке доклада

Чтобы защита прошла успешно, студент должен тщательно подготовиться к ней, в частности, продумать план своего доклада. Совершенно не обязательно писать текст речи, достаточно тезисов или краткого конспекта. Полезно дома отрепетировать свою презентационную речь и провести ее хронометраж.

Кроме речи, целесообразно продумать, как оформить и преподнести иллюстративный материал к докладу, отражающий наиболее важные положения или выводы, содержащиеся в курсовой работе, т. е. подготовить необходимые иллюстрации с помощью программы Power Point, которая имеется в структуре Microsoft Office.

При этом необходимо заранее предупредить преподавателя или секретаря кафедры о том, что во время защиты понадобятся соответствующие технические средства (обычный или мультимедийный проектор).

О содержании доклада

Доклад не должен содержать подробный пересказ содержания курсовой работы. В нем необходимо акцентировать внимание слушателей на наиболее существенных положениях и выводах.

Оптимальная структура доклада должна содержать:

- Очень краткое обоснование выбора темы;

- Аннотацию работы, т. е. краткое описание содержания ее глав и параграфов;
- Центральные теоретические и методологические положения;
- Основные результаты или выводы;
- Выражение благодарности тем, кому автор считает себя обязанным за помощь и содействие в выборе темы и в работе над ее раскрытием.

Критерии оценки курсовой работы

Оценка курсовой работы складывается из нескольких компонент. Большой вес имеет оценочное суждение внешнего рецензента, который наиболее обстоятельно читает текст курсовой работы. Оценка, которую дает рецензент, имеет для экзаменационной комиссии статус рекомендации.

При оценке работы члены экзаменационной комиссии руководствуются общими критериями. А это:

- Обоснование актуальности выбранной темы;
- Умение работать с научной литературой;
- Полнота раскрытия темы;
- Глубина аргументации, выдвигаемых положений и выводов;
- Культура оформления текста.

Немаловажную роль в формировании итоговой (интегральной) оценки играет и то, как студент представил свою работу. Здесь на первый план выходят такие критерии:

- Грамотность и темп речи;
- Умение уложить доклад в заданный регламент;
- Наличие и качество (понятность, выразительность) иллюстративного материала;
- Способности отстаивать свою позицию;
- Умение реагировать на критику.

Взаимодействие с научным руководителем

Есть две типичных ошибки, которые студенты совершают при написании курсовой работы. Первая состоит в том, что они не понимают, в чем состоит роль научного руководителя. Вторая — в том, что явно недооценивают трудоемкость этой работы и начинают реально приниматься за нее тогда, когда уже ощущают острейший дефицит времени.

Однако, начинать работу над курсовым проектом целесообразно сразу после того, как на заседании кафедры (в середине октября) утверждена его тема. На этом же заседании кафедры, как правило, утверждается и научный руководитель и происходит это обычно сугубо формально.

На самом же деле руководителя студент должен **выбрать себе сам**, исходя, прежде всего, из своих научных или познавательных интересов. Функцию научного руководителя, кроме преподавателей кафедры, могут выполнять научные сотрудники социологических учреждений города. Преподаватели

кафедры имеют возможности содействовать студентам в установлении связей с сотрудниками других социологических учреждений города. Впрочем, студенты и сами могут проявить инициативу.

В ходе первых контактов с научным руководителем студент проясняет для себя и уточняет свои познавательные интересы. При этом совместно с научным руководителем вырабатывается и согласовывается название (формулировка) темы его будущей работы.

Желательно, чтобы контакты с научным руководителем были регулярными. Темы консультаций с научным руководителем ориентировочно следующие:

- Выбор и формулировка темы курсовой работы
- Поиск и подбор релевантной научной литературы и необходимых статистических данных;
- Выработка структуры (плана) курсовой работы;
- Апробация руководителем вариантов текста глав и параграфов работы;
- Подготовка иллюстративного материала;
- Научное редактирование текста;
- Разработка плана-конспекта устного изложения работы на защите.

Регулярные (лучше всего — еженедельные) консультации с научным руководителем обеспечат равномерную загрузку студента в течение учебных семестров, отведенных на написание курсовой работы. А также, безусловно, будут способствовать более глубокому усвоению учебной программы, с одной стороны, а, с другой, — повышению научного уровня и качества курсовой работы.

Проблема эмпирических данных

Весьма желательно, чтобы, начиная с 3-го курса, курсовые работы строились на конкретном эмпирическом материале. При этом имеется в виду не 5–10 интервью, полученных у своих знакомых; не 40–60 анкет, собранных в одном-двух классах родной школы, с которой еще сохранились кое-какие связи; и анализ не 3–5 номеров газет, а полноценные эмпирические данные, полученные в реальных масштабных исследованиях.

Конечно, масштабные исследования требуют больших затрат энергии и времени, определенных организационных усилий, ответственных контактов с большим количеством людей. Нет сомнения в том, что студентам (даже 3-го курса) проведение таких исследований под руководством профессионального социолога вполне под силу. Однако, студентов часто сама мысль о проведении мало-мальски масштабного исследования повергает в шок. И совершенно напрасно.

Конечно, и курсовая, и дипломная работы должны быть индивидуальными авторскими работами. В то время как социологическое исследование — дело почти исключительно коллективное. Но ведь по материалам ОДНОГО исследования может быть написана не одна статья. Поэтому студенты, из-

бравшие сходные или близкие по тематике сюжеты для своих курсовых и дипломных работ, как правило, имеют одного и того же научного руководителя и вполне могут скооперировать свои усилия и коллективно провести соответствующее эмпирическое исследование. Это может быть не только внутри групповая, но и межгрупповая кооперация. Полученных в таком исследовании данных, хватит не только на несколько студентов, но каждому из них — на две — три курсовых работы.

Другой путь получения масштабных эмпирических данных — установление профессиональных контактов, сотрудничество студентов с имеющимися в городе социологическими учреждениями. Если студент более или менее регулярно сотрудничает с тем или иным учреждением, участвует в реализации его исследовательских проектов (неважно в каком качестве), очень велика вероятность, что руководство учреждения не откажет ему в предоставлении эмпирических материалов для курсовой или дипломной работы. В некоторых социологических учреждениях уже есть опыт не только представления студентам данных для вторичного или сравнительного анализа, но и привлечения студентов к анализу и интерпретации материалов текущих оперативных исследований.

Третий канал организации исследования — участие в регулярных конкурсах научных и исследовательских работ, проводимых разнообразными фондами. Этот канал имеет то преимущество, что если фонд поддерживает работу, представленную на конкурс, то, как правило, и финансирует ее. Фонд заработной платы в таких грантах обычно не велик, но общая сумма финансирования обеспечивает реализацию масштабных, серьезных проектов.

Конечно, подавая заявку на грант того или иного фонда, нужно быть готовым и к тому, что проект могут не поддержать. Однако, подготовка и оформление заявок — это полезный опыт, это определенные навыки, которые пригодятся и в будущем.

Наконец, если студент (или группа студентов) убежден в актуальности задуманного им исследования, проанализировав ситуацию, он может разделить потенциально заинтересованных в таком исследовании социальных субъектов и попытаться найти среди них спонсора. Естественно, студент может не внушить возможному спонсору доверия. Но он может заручиться официальной поддержкой (например, официальным письмом) университета, привлечь к переговорам авторитетного научного руководителя и т. п. .

Эквиваленты курсовых работ

Допустимо и желательно представление в качестве курсовых работ публикаций в профессиональных изданиях (журналах и сборниках), сочинений (эссе, статей, отчетов об исследованиях), поданных студентом на академические и/или вузовские конкурсы. А также отчетные документы по инициативным проектам, поддержанным разными фондами.

Эти материалы могут быть допущены к защите при условии, что они удовлетворяют требованиям, целям и задачам, предъявляемым к курсовым работам соответствующего курса. Что же касается процедур защиты, то они не подвергаются ни каким изменениям. Студент также должен выступить с докладом и представить свою работу. Работа также должна иметь характеристику научного руководителя и внешнюю рецензию.

Дипломная работа. О специфике жанра.

Общие требования к дипломной работе.

Дипломная работа — совершенно особый жанр. Она принципиально отличается от курсовых работ уже тем, что это не просто студенческий учебный труд, но квалификационная работа, призванная свидетельствовать о зрелости специалиста. К ней, соответственно, предъявляются более жесткие требования.

В отличие от курсовых, дипломная работа оценивается не только по критерию актуальности, но и по критериям новизны, широты в описании и глубины анализа проблем, а также и по практической направленности.

В этой работе дипломник должен проявить:

- Навыки работы с научной литературой;
- Навык оценки и рецензирования научных текстов
- Навыки теоретического и методологического анализа социальных явлений и процессов;
- Умение строить обоснованные и развернутые гипотезы;
- Опыт самостоятельного проведения эмпирических полевых исследований;
- Умение применять средства и процедуры количественного и качественного анализа эмпирических данных;
- Навыки интерпретации эмпирических данных и построения обоснованных выводов.

Иными словами, дипломная работа должна засвидетельствовать, что учащийся овладел всеми основными элементами профессии.

Стратегии определения темы

Идеальный тип стратегии представляет ситуация, когда студент на 2-м курсе выбрав тему курсовой работы, непрерывно продолжал работу по ней, расширяя и углубляя свои знания, умения и навыки. В первой курсовой работе (2-й курс) — он освоил теоретическое наследие предшественников. Во второй (3-й курс) — овладел методологическим анализом и навыками методической работы. В третьей (4-й курс) — накопил опыт анализа, в том числе и математического, эмпирических данных. И, наконец, в дипломном исследовании аккумулировал весь накопленный опыт и провел полноценное социологическое исследование на хорошем профессиональном уровне.

Возможны и другие стратегии, когда в процессе обучения студент пробует себя в разных тематических направлениях. А для дипломной работы выбирает одно из них. Или пишет дипломную работу по совершенно новой для себя тематике.

Первую из описанных стратегий мы назвали идеальной, но, строго говоря, она тоже имеет свои недостатки. Она может стать идеальной, если студенту повезло, и он уже на втором курсе сумел найти именно **свою** тему.

Совершенно иная стратегия, когда выбор темы дипломной работы определяется практической ориентацией студента на будущую профессиональную работу. Когда он за время обучения в университете активно стремился профессионально самоопределиться и находил контакты и возможности сотрудничества с профессиональными действующими социологами. Когда тема обнаруживается студентом в живой социальной реальности.

Стандарт оформления

Объем дипломной работы должен быть не менее 2,5 печатных (авторских) листов, т. е. не менее 70 страниц, но и не более 100 страниц^{180*}.

Шрифт Times New Roman 12–14 кегль через полтора интервала.

В целом стандарт оформления дипломной работы практически не отличается от стандарта оформления курсовых работ (см. выше соответствующий раздел настоящего методического пособия).

Примерные темы дипломной работы по курсу

«Методология и методика социологических исследований»

- Проблемы языка в опросных методах: восприятие и порождение смыслов (методический эксперимент).
- Респондент — интервьюер: факты и артефакты, как результат взаимодействия (методическое исследование).
- Компьютерные технологии для качественных исследований (аналитический обзор).
- Особенности методологии контент-аналитического исследования в социологии (аналитический обзор).
- Специфика применения факторного и кластерного анализа социологических данных.
- Методология и методика биографических методов: пределы применения (копцептуально-методологический анализ).

¹⁸⁰ *Чересчур объемная работа свидетельствует о недостаточном уровне профессионализма, о неумении отделить главное от второстепенного, существенное от несущественного, а также о неумении вовремя остановиться. В некоторых вузах дипломные работы, превышающие определенный объем, просто не принимаются к рассмотрению.

- Социологическая информация в официальных документах и художественных текстах: методологический аспект (вторичный анализ конкретных исследований).
- Определение генеральной совокупности: концептуальный подход.
- Восприятие человека человеком и проблема качества первичной социологической информации (методический эксперимент).
- Виды социальной реальности: проблема выбора адекватных методов исследования (критический анализ публикаций по результатам эмпирических исследований).

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что разные темы имеют разные примечания (текст в скобках). Начнем с тех, которые сопровождаются примечаниями типа «методический эксперимент» или «методическое исследование».

В этом случае оптимальная структура содержания имеет следующий вид:

Введение — должно содержать обоснование проблематичности, т. е. неоднозначной интерпретации обычно применяемого способа познания и его методического эффекта. И, кроме того, необходимости разрешения этой проблемы.

В **первой главе** необходимо описать программу методолого-теоретического исследования данной методической проблемы, включая формулировку и обоснование основных гипотез и их конкретизации.

Во **второй главе**, целесообразно изложить методические и технические решения для проверки выдвинутых в программе гипотез

Третья глава должна содержать описание основных результатов и их интерпретацию.

Заключение содержит выводы проведенного методического исследования или эксперимента.

Тема, имеющая комментарий (подзаголовок) «аналитический обзор» или «концептуальный подход» или «концептуально-методологический анализ» должна иметь иное содержание аналогичных разделов дипломной работы.

Введение — должно содержать обоснование и формулировку целей и задач дипломной работы. Т. е. ответы на простые вопросы, в чем сегодня состоит актуальность обращения к анализу концептуальных аспектов избранной проблемной (предметной) области. Естественно, не все, кто пишет на данную тему, достойны персонального анализа, ибо среди них есть не критически, а подчас и чисто конъюнктурно ориентированные последователи данной концепции (бездумные апологеты). Поэтому во введении следует обосновать принципы отбора авторов, обращавшихся к рассмотрению этой проблемы.

Первая глава в этом случае должны быть посвящена изложению канонического (первоначального) взгляда на анализируемую проблему, анализу ее

истоков. При этом существенно важно выделить новаторские аспекты и элементы научной преемственности.

Во второй главе целесообразно сосредоточиться на описании, по возможности, полного спектра оттенков и специфических особенностей в трудах конструктивно разрабатывавших данную тему исследователей.

Третья глава (основная) посвящается критическому анализу, представленным во второй главе вариантов развития темы, и концептуальных подходов к ее изучению (теоретическому или практическому разрешению).

В разделе «**Заключение**» должны быть кратко сформулированы основные выводы проведенного анализа концептуальных подходов к рассматриваемой проблематике.

Конечно, такая тематика дипломной работы является наиболее сложной. Она требует от студента достаточно глубоких и разносторонних знаний, а также весьма высокой научной амбициозности. Однако это существенное замечание не должно отпугивать студентов от тематики такого рода. Ошибки можно совершать всегда, но на стадии обучения их не только можно, но и нужно совершать. Здесь они наименее болезненны, а их отрицательные последствия — минимальны. Впрочем, стоит заметить, что в работе ученого ошибки — вещь не просто неизбежная, но необходимая. Недаром существует утверждение, что негативный результат в науке также, по большому счету, является **позитивным** результатом.

Этапы подготовки и написания дипломной работы

Хотя мы уже писали об этом выше, но есть смысл повторить, что первым этапом подготовки является уточнение и согласование темы дипломной работы с научным руководителем. Еще раз повторим, что не стоит пренебрегать помощью научного руководителя, обладающего большим, нежели у студента жизненным и научным опытом.

Второй этап также требует постоянного контакта с научным руководителем, ибо его содержание состоит в поиске научной литературы, релевантной теме дипломного проекта. Как правило, научный руководитель погружен в соответствующую тематику и достаточно хорошо ориентируется в актуальных публикациях по данной проблеме. Его советы и рекомендации существенно облегчают работу дипломника.

После того, как отобраны необходимые литературные источники, наступает период самостоятельной работы студента. Он должен прочесть отобранные источники, законспектировать их, выделить фрагменты текстов — потенциальные и актуальные цитаты. Наконец, разработать общую концепцию структуры дипломной работы. Конечно, и здесь могут понадобиться консультации научного руководителя. Однако на этом этапе целесообразно воздерживаться от обращения к нему.

Вообще полезно взять за принцип, предъявлять кому бы то ни было (в том числе и научному руководителю) не «сырые» или промежуточные результа-

ты, а такие, которые, по мнению автора, уже не требуют никаких «оправданий» или дополнительных пояснений. Предъявлять посторонним читателям можно и нужно текст, который «говорит сам за себя».

Четвертый этап в процессе подготовки дипломной работы — этап активного сотрудничества, обсуждений и дискуссий автора с научным руководителем, — состоит в разработке и уточнении структуры всей работы: разбивки ее на главы, параграфы и подпараграфы. Здесь должен быть определен организационный план работы по написанию дипломного проекта, включая организацию и реалистические сроки проведения теоретического или эмпирического исследования. Здесь же необходимо принять важное решение относительно распределения потенциального материала между основным текстом дипломной работы и приложениями к ней. Понятно, что конкретная работа может потребовать корректировки или полного переструктурирования всей композиции, но достаточно подробный план является залогом успешной реализации дипломного проекта.

На пятом этапе, пожалуй, самом продолжительном по времени, инициатива опять полностью принадлежит студенту. Здесь консультации с научным руководителем необходимы лишь тогда, когда студент сталкивается со значительными затруднениями. Но если, руководитель достаточно активен и сам проявляет систематический интерес к ходу работы, полезно использовать это обстоятельство. Однако, в некоторых ситуациях, когда этот интерес приобретает «нездоровый оттенок» и перерастает в диктат, перед студентом возникает серьезная проблема, как без конфликта уйти из-под этого диктата и отстоять свой научный и человеческий «суверенитет». Для этого случая у нас нет (да и не может быть) конкретных рецептов и стратегий поведения. Здесь студенту предстоит мобилизовать весь свой моральный и идейный потенциал, чтобы разрешить эту проблемную коллизию. Важно осознавать, что научный руководитель — обычный человек, отнюдь не свободный от простых человеческих слабостей и недостатков, обладающий своими индивидуальными «бзиками», с которыми необходимо либо примириться, либо научиться их как-то преодолевать.

Следующий этап — этап редактирования (научного и литературного) текста параграфов и глав дипломной работы. На этом этапе регулярное сотрудничество с научным руководителем представляется крайне существенным. Во-первых, у любого автора (особенно при интенсивной и длительной работе над текстом) «глаза замыливаются» и он оказывается не в состоянии адекватно оценить достоинства и недостатки своего текста. Здесь опасны обе крайности: первая, когда автор не уверен во всем; вторая, когда текст представляется автору пределом совершенства. И в том, и в другом случаях научный руководитель выполняет функцию «свежего глаза», а, кроме того, он выполняет свою основную функцию — научного редактора, хорошо владеющего предметом исследования.

Нельзя удержаться еще от одного, как нам кажется, очень важного совета: никогда не обижайтесь на своего научного руководителя. Его критика может показаться язвительной и обидной (иногда даже грубой), не стоит обращать

на это большое внимание. Любой руководитель хочет, чтобы его подопечный выглядел как можно лучше. Научный руководитель ВСЕГДА желает Вам добра.

Наконец, заключительный этап оформления дипломной работы. На этом этапе научный руководитель, конечно, может быть полезен. Но более целесообразно обращаться не столько к научному руководителю, сколько к нормативным документам, в которых зафиксированы требования, регламентирующие порядок и правила подготовки научных публикаций разных жанров. К числу таких документов относится и настоящее методическое пособие.

Процедуры подготовки к защите и собственно защиты дипломной работ

Одна из самых сложных задач на этапе подготовки своей дипломной работы к защите — отобрать те ее аспекты, которые необходимо презентировать и которые требуют защиты. Как правило, это то, что составляет элементы новизны. А в дипломной работе такие элементы обязаны быть. Совершенно неправильное представление о дипломной работе, как о работе ученической. Это самостоятельное авторское исследование (вне зависимости от того, имеет ли оно теоретическую или прагматическую, прикладную ориентацию). Как таковое оно непременно должно содержать элементы новизны, своеобразной трактовки известных положений, концепций и трактовок.

Контакты с научным руководителем на стадии подготовке к защите дипломной работы также оказываются очень важными. Как правило, научный руководитель имеет некоторый опыт защиты своих научных результатов. По меньшей мере, он (или она) прошел опыт защиты кандидатской и/или докторской диссертации. Даже если руководитель не остепенен, но обладает большим опытом научной работы, ему не раз приходилось защищать свои исследовательские проекты перед экспертными советами разных уровней.

Таким образом, первая задача дипломника состоит в том, чтобы оценить свою собственную работу и отделить в ней существенные элементы от второстепенных. Существенных элементов должно не более 2–4, в противном случае презентация результатов работы становится аморфной и недостаточно убедительной.

Общая композиция представления своей работы (устной речи) должна иметь примерно такую структуру:

Мотивация выбора темы дипломной работы;

- 2–4 (не более) основных задачи и их краткое, но внятное описание;
- Краткое описание специфики методологического подхода к решению поставленных задач;
- Столь же краткое, но внятное описание методических принципов реализации этих задач. Если необходимо, освещение специфики исследовательских приемов и методов.
- Описание и обоснование новизны подхода, методической реализации или специфики интерпретационных моделей;

- Точное описание результатов по каждой из заявленных в первой части доклада задач.

Совершенно не обязательно писать полный текст устного представления дипломной работы, вполне достаточно тезисов на 1–2 страницах. Тем не менее, очень желательно, чтобы автор дипломной работы тщательно отрепетировал свое выступление и провел его точный хронометраж.

Но еще до репетиций необходимо подготовить иллюстративный материал (схемы, таблицы, графики или диаграммы). Иллюстраций не должно быть очень много: от 2 до 5. Одной иллюстрации вроде бы мало, а больше пяти — уже явный перебор. Впрочем, иногда оказывается достаточно одной обобщенной интегрированной таблицы, к которой можно обращаться в ходе выступления несколько раз в разных частях презентации. Однако, такую таблицу редко кому удастся построить.

О формах и способах подачи иллюстративного материала уже говорилось в главе «Сценарий защиты курсовых работ», поэтому не будем повторяться. Повторим лишь то, что и сами иллюстрации и формы их представления необходимо тщательно продумать и обязательно отрепетировать сначала один на один с собой (под хронометраж), а потом обязательно перед «публикой», даже если в качестве публики выступает один единственный человек (например, мама, папа или кто-нибудь из друзей).

План устного представления дипломной работы отнюдь не должен включать все без исключения ее положения. Надо составить этот план таким образом, чтобы спровоцировать, как минимум, два три уточняющих вопроса со стороны экзаменационной комиссии. Полезно также договориться с кем-нибудь из однокурсников о том, чтобы он (или она) после вашего доклада задали Вам вполне определенные вопросы. Наметить содержание этих вопросов необходимо вместе с научным руководителем. При этом следует руководствоваться тем обстоятельством, что регламент Вашего выступления более или менее строго ограничен во времени: от 5 до 10 минут отпущено собственно на ваше выступление, еще минут 5–7 — на вопросы и ответы, от 10 до 15 минут на выступления оппонентов и членов экзаменационной комиссии и, наконец, 2–3 минуты будет предоставлено Вам для ответа на вопросы. Всего на каждого дипломника, как правило, отводится от 30 до 40 минут (это максимум). Выбиваться из этого регламента просто неприлично, во всяком случае, если этот регламент будет превышен, то это может произойти по любым причинам, кроме одной — Вашей расхлябанности или заторможенности. Бывают ситуации, когда Ваша тема или ваше выступление до чрезвычайности распалит членов экзаменационной комиссии, так, что им никак не остановиться. Но это уже не Ваша вина.

Поведение во время защиты

Совершенно естественно волнение дипломника во время защиты. Однако, если Вы хорошо подготовили и тщательно отрепетировали свое выступле-

ние, волнение вполне можно сдерживать. Но есть и другая опасность, а именно, успокоенность и расслабленность после того, как Вы закончили свою речь. Пока Вы находитесь «на трибуне» нельзя расслабляться ни на секунду.

Речь закончена и вам начали задавать вопросы. Даже если некоторые из вопросов подготовлены вами заранее, все равно следует хотя бы коротко записать их. Тем более важно записывать те вопросы, которые возникают неожиданно для вас. Поэтому, выходя к трибуне, когда объявлена ваша фамилия, кроме конспекта своего выступления, надо обязательно иметь при себе 1–2 листа чистой бумаги (или небольшой блокнот) и ручку или карандаш.

В определенной мере Вы сами вправе определять режим вопросов-ответов. По этому поводу Вы можете обратиться с предложением к председателю ГЭК (государственной экзаменационной комиссии). Один режим традиционен и прост: задан вопрос, вы тут же даете ответ. Другой режим менее привычен, но вполне рационален: вы сначала выслушиваете **все вопросы** (записывая их), а потом, когда вопросы исчерпаны, отвечаете на них в той последовательности, которая Вам наиболее удобна. Второй режим в чем-то предпочтительнее. Он дает возможность сгруппировать вопросы и давать на каждую группу вопросов лаконичные аргументированные ответы. Хотя он требует большей сосредоточенности, быстрой реакции и сообразительности, а также аналитического склада ума.

Вопросы заданы, ответы на них получены и начинается обсуждение доклада. Многие дипломники в этот момент расслабляются и слушают выступления оппонентов «в четверть уха». Это совершенно неправильно. Конечно, можно пропустить мимо ушей похвалы в свой адрес, но любое критическое замечание стоит внимательно выслушать и хотя бы кратко, но по возможности точно записать. Ведь Вам будет предоставлено заключительное слово, в котором дипломник просто обязан каким-либо образом отреагировать на критику: либо признать ее справедливой, либо аргументированно отразить ее.

Во время обсуждения вашей работы Вы должны не только записать критические замечания, но проанализировать их, сгруппировать по нескольким критериям и наметить стратегию и тактику ответа на них.

Критерии для группировки критических замечаний могут быть следующие: а) справедливые — несправедливые, б) мелкие — крупные, в) концептуальные, теоретические или технические, г) содержательные или формальные, д) принципиальные или непринципиальные, второстепенные.

Начинать свое заключительное слово следует с выражения благодарности оппонентам за внимательное отношение к вашей скромной работе и за ее конструктивную критику. Затем следует начать с перечисления тех замечаний, которые признали вполне или частично справедливыми. Не следует давать никаких заверений в том, что Вы исправите отмеченные в этих замечаниях ошибки (поезд уже ушел). Однако стоит поблагодарить за эту критику.

Затем необходимо очень коротко проанализировать те замечания, с которыми Вы не можете согласиться. В этом анализе стоит выделить принци-

пиальные, т. е. те, которые нельзя оставить без ответа, и прямо заявить, что только эти замечания вы и будете каким-либо образом комментировать. Тогда как на иные вы сможете как-либо отреагировать, если позволит регламент, либо если автор критики будет настаивать на прояснении вашего отношения к ней.

Ответы на критические замечания должны быть по существу дела, краткими и точными. Недопустимо, когда докладчик начинает отвечать на критику каждый раз издалека (чуть ли не от Адама и Евы). Если Вы не согласны с критикой, но не имеете убедительных аргументов, правильное прямо так и сказать, что интуитивно Вы чувствуете, что ваш критик не прав, но пока не нашли хорошего и убедительного ответа. Это честно, мужественно и вполне корректно.

В ответах на критические замечания никогда не стоит оправдываться и ссылаться на так называемые «объективные» причины. Если у Вас возникает желание оправдываться — это верный индикатор того, что Вы не правы, а следовательно, сразу же стоит отнести такое замечание к разряду справедливых, и признать его справедливость.

И, наконец, именно в заключительном слове, после того, как вы закончили анализ критических замечаний, следует не забыть о словах благодарности, обращенных к:

- Своим преподавателям, которые учили Вас все годы пребывания в стенах вуза;
- Научному руководителю;
- Тем людям, к которым Вы обращались за консультациями в процессе написания дипломной работы;
- Товарищам и однокурсникам, вместе с которыми Вы собирали и анализировали эмпирические данные;
- И всем другим людям, которым Вы искренне хотели бы выразить свою благодарность.

Да, постарайтесь не забыть членов ГЭК, которые потратили на вас свое драгоценное время и которые с таким вниманием отнеслись к вашей работе и высказали столь ценные для вас критические замечания и столь лестные для вас похвальные слова.

Несколько заключительных советов и рекомендаций

Внешний вид студента на защите дипломной работы должен быть опрятным, аккуратным и не вызывающим. Можно быть нарядно одетым, но крайне нежелательна никакая экстравагантность. Основной девиз: скромно и со вкусом.

Манера поведения должна быть обычной и соответствующей общей обстановке официального и торжественного момента. Некоторые люди в минуты волнения ведут себя нарочито небрежно, даже слегка развязно. Этого

следует избегать. Других, напротив, — торжественная обстановка сковывает и делает несколько заторможенными. С этим бороться труднее, но тоже возможно. В частности, когда Вы выходите к трибуне, найдите среди аудитории лицо, на которое вам приятно смотреть, которое действует на вас успокаивающим (но не убаюкивающим) образом и которое доброжелательно по отношению к вам настроено. Обращайтесь непосредственно к этому человеку, как будто ваша речь адресована только ему. При этом будьте внимательны к тому, как этот человек реагирует на вашу речь. Когда вы внутренне успокоитесь, стоит окинуть взглядом аудиторию и поискать еще какие-нибудь приятные для Вас лица и в дальнейшем адресовать свою речь попеременно, то одному, то другому, то третьему.

Контакт с членами ГЭК. Как правило, аудитории, в которых проходят защиты дипломных работ устроены так, что трибуна, с которой вы произносите свою «тронную речь» находится на одном уровне со столом ГЭК напротив публики. Некоторые студенты поворачиваются лицом к «президиуму» (т. е. ГЭК), боком к публике и адресуют речь исключительно президиуму. Это неправильная тактика и манера поведения. Следует стоять на трибуне так, чтобы быть лицом к публике и чтобы члены ГЭК попадали в поле вашего зрения. Но обращаться следует именно к публике.

В ходе доклада, даже если Вы на самом деле использовали в своей работе труды кого-либо из членов ГЭК, не стоит особо акцентировать на этом внимание и расшаркиваться перед «живым мэтром» или «рассыпаться» перед ним (или ней) в благодарности или выделять его (ее) заслуги и достоинства. Ей богу, это дурной тон. В своей заключительной речи наряду со всеми другими в соответствующем месте можно (и нужно) упомянуть этого человека, но не более того. Подобострастие здесь недопустимо и неуместно.

Манера речи также должна быть обычной. Следует избегать монотонности, но в такой же мере нежелательны и чрезмерные драматические эффекты, как-то голосовые модуляции, переход от таинственного шопота к громогласной раскатам и т. п. Оптимальный вариант — это обычный для вас темп и стиль разговора. Старайтесь произносить все слова четко и внятно, не тараторьте, но и не «тяните кота за хвост». Кстати, репетиции выступления нужны и для того, чтобы найти нужный темпоритм и, что называется, войти в удобную, органичную для вас тональность.

Критерии оценки

Так же, как и при защите курсовых работ, оценка дипломной работы складывается по меньшей мере из двух основных элементов: а) качественных характеристик самого диплома и б) качественных характеристик его устного представления.

К первому элементу относятся:

- Убедительность обоснования степени актуальности выбранной темы;

- Полнота раскрытия темы;
- Наличие элементов новизны в содержании дипломной работы.
- Глубина аргументации, выдвигаемых к защите теоретических положений и основных результатов;
- Адекватность теме дипломной работы, включенных в список литературы публикаций.

Ко второму элементу относятся следующие характеристики:

- Качество презентации работы (четкость и внятность речи, убедительность и качество иллюстраций и т. п.);
- Способности отстаивания своей позиции и умения реагировать на критику.
- Общий рисунок и манера поведения студента.

Никакие другие критерии в расчет не принимаются и не должны приниматься. И об этом студенты должны хорошо знать заранее.

Рецензия

На защите курсовых работ требуются отзыв научного руководителя и внешнего рецензента. Один из моих московских коллег провел интересный эксперимент: он давал студентам задания — написать рецензии на журнальные статьи. А затем озадачил студентов написанием рецензий на курсовые работы друг на друга. Если первая часть эксперимента вполне удалась, то вторая, если и удалась, то лишь частично. Стоит отметить, что мой коллега работал в «богатом» заведении, располагающим мощной издательской базой. Ему удалось даже опубликовать лучшие студенческие рецензии в отдельном сборнике.

Мой опыт оказался не столь удачным. Студенты (из ложно понимаемого чувства товарищества) писали в основном комплиментарные (и даже восторженные) рецензии. Критические замечания ограничивались, как правило, обнаружением опечаток и синтаксических ошибок. И, тем не менее, приобретение навыков рецензирования научных текстов, в том числе, и курсовых работ своих однокурсников, не только полезно, но и необходимо. А уж студенческие работы содержат немало поводов для критических замечаний. Однако критика в любой рецензии должна быть конструктивной, нацеливающей на не повторение ошибок, на развитие.

Рецензирование способствует развитию, с одной стороны, критического мышления, а, с другой, — толерантности и тактичности ведения научной дискуссии.

Представляется целесообразным рекомендовать студентам «типовую» структуру рецензии:

- *оценка актуальности (научной и практической) рецензируемой работы;*
- *оценка степени новизны (это не обязательный момент, но если о новизне можно сказать, то это стоит сделать);*
- *несомненные достоинства работы;*

- критические замечания по существу проблемы, обсуждаемой в статье, книге (курсовой работе и т. п.);
 - общая оценка и рекомендации по развитию темы.
- В научной (как и в любой другой) рецензии не должно быть места оценке личных качеств автора — рецензируется именно текст.

Рекомендации по всем видам письменных работ.

Правила оформления ссылок и примечаний

Ссылки на использованные в работе источники являются необходимым и важным элементом справочного аппарата любой научной публикации (или — шире — любой научной работы). Наличие ссылок и корректное их оформление — свидетельство уровня культуры и научной добросовестности автора. Если угодно, — один из показателей профессионализма.

Следует различать разные типы ссылок:

Во-первых, ссылки, требующие обязательного библиографического описания источников. Это:

- а) прямое или косвенное цитирование;
- б) использование чужих эмпирических данных;
- в) упоминание каких-либо официальных документов;

Во-вторых, ссылки, не требующие обращения к конкретным литературным источникам и их библиографическим описаниям. Это:

- г) упоминание научных идей, понятий, концепций, введенных в научный оборот другими людьми;
- д) упоминание персонажей, в той или иной мере разрабатывавших проблемы, которые релевантны вашей работе .

Рассмотрим более подробно каждый из названных случаев и примеры разных типов ссылок.

Прямое цитирование. Включение в текст работы аутентичных фрагментов текстов, принадлежащих другим людям (авторам).

1) **Цитаты заключаются в кавычки.** Если цитата оформляется как прямая речь, т. е. сопровождается словами автора, приводящего ее, то применяются соответствующие правила пунктуации. Приведем несколько примеров.

Белинский писал: «Создает человека природа, но развивает и образует его общество».

«Двенадцать миллионов людей вне закона! . . . Ужас!» — писал в своем дневнике Герцен, имея в виду крепостных крестьян в тогдашней России.

«Стало быть, для того чтобы понять историю искусства и литературы той или другой страны,— указывает Г. В. Плеханов,— надо изучить историю тех изменений, которые произошли в положении ее жителей».

Докладчик привел слова Горького: «Всякая индивидуальность есть результат социальной группировки» — и этим закончил свое выступление.

Если после стихотворной цитаты текст продолжается, то тире ставится в конце стихотворной строки, например: «Муж Татьяны, так прекрасно и так полно с головы до ног охарактеризованный поэтом этими двумя стихами:

. . . И всех выше

И нос и плечи поднимал

Вошедший с нею генерал,—

муж Татьяны представляет ей Онегина как своего родственника и друга» (Белинский) (запятая и тире поставлены перед словами «муж Татьяны», которые повторяются для того, чтобы связать вторую часть авторских слов с первой частью).

2. Если **цитата состоит из нескольких абзацев**, то кавычки ставятся только в начале и в конце всего текста, например: В статье «Из истории русской литературы» А. М. Горький писал: «Чем же сильна литература? Насыщая идеи плотью и кровью, она дает им большую наглядность, большую убедительность, чем философия или наука. Будучи более читаемой, и вследствие живости своей более убедительной, чем философия, литература этим самым является и наиболее распространенным, удобным, простым и победоносным способом пропаганды классовых тенденций».

Нередко при этом для более наглядного обозначения границ цитаты, особенно если внутри ее имеются кавычки, используется в качестве дополнительного особый полиграфический способ выделения цитаты (набор на меньший формат, набор шрифтом другого кегля и т. д.).

3. Если, приводя цитату, автор подчеркивает в ней отдельные слова (такие места выделяются особым шрифтом), то это оговаривается в примечании, заключаемом в скобки, с указанием инициалов автора, перед которыми ставятся точка и тире, например: (подчеркнуто нами. — А. Б.), (курсив наш. — А. Б.), (разрядка наша. — А. Б.). Такое примечание помещается или непосредственно после соответствующего места в цитате, или в конце предложения либо цитаты в целом, или в виде сноски (в последнем случае примечание помещается без скобок)¹⁸¹.

Если цитата приводится не полностью, то пропуск обозначается многоточием, которое ставится:

1) **перед цитатой** (после открывающих кавычек), синтаксически не связанной с авторским текстом, для указания, что цитата приводится не с начала предложения, например: Л. Н. Толстой писал: «. . . в искусстве простота, краткость и ясность есть высшее совершенство формы искусства, которая достигается только при большом даровании и большом труде»;

2) **в середине цитаты**, когда пропущена часть текста внутри ее, например: Говоря о достоинствах языка народной поэзии, А. А. Фадеев напомнил: «Не случайно наши русские классики. . . рекомендовали читать сказки, при-

¹⁸¹ Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Рольф: Айрис-пресс, 1999. — с. 170–171.

слушиваться к народной речи, изучать пословицы, читать писателей, которые обладают всем богатством русской речи»;

3) **после цитаты** (перед закрывающими кавычками), когда цитируемое предложение приводится не до конца, например:

Выступая в защиту культуры устной речи, Чехов писал: «В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать. . .»

2. **После цитаты, заканчивающейся многоточием**, ставится точка, если цитата не является самостоятельным предложением, например: М. В. Ломоносов писал, что «красота, великолепие, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые века писанных. . .»¹⁸².

Косвенное цитирование. Изложение чужих мыслей, идей своими словами. Пересказ. «Раскавыченная» цитата. Этот способ цитирования оказывается уместным, когда цитируемый текст содержит стилистические ошибки или является громоздкой синтаксической конструкцией, и тем самым «портит» ваш авторский текст. Косвенное цитирование уместно также и в случаях, когда есть возможность существенно короче, чем в первоисточнике, изложить, содержащуюся в нем идею (мысль) без искажения. Тем не менее, научная корректность требует обязательного указания на истинное авторство данной мысли (идеи).

Использование чужих эмпирических данных — будь это отдельные процентные распределения или таблицы, — требует обязательной ссылки (сноски) на источник, из которого они взяты. Это может быть статья, справочник, монография или официальные документы.

Упоминание каких-либо официальных документов. К официальным документам относятся законодательные акты, постановления разных органов власти, стенограммы официальных мероприятий, протоколы собраний. Как правило, официальные документы публикуются либо в газетах, либо в специализированных вестниках — официальных периодических изданиях.

Ссылки, не требующие полного библиографического описания источника:

Упоминание научных идей, понятий, концепций, введенных в научный оборот другими людьми.

Упоминание персонажей, в той или иной мере разработавших какие-либо проблемы.

Как правило, в этих ситуациях ссылка не обязательно должна быть связана с тем или иным конкретным литературным источником. Такая ссылка помещается непосредственно в тексте в скобках и включает имя ученого, который ввел данное понятие (идею, концепцию), и — желательно — дату, первого использования данного понятия (идеи, концепции) или опубликования работы, в которой содержится развернутое определение и обоснование этого понятия (идеи, концепции).

¹⁸² Там же, с. 171.

Например: В. А. Ядов в одной из статей в «Социологическом журнале» пишет о классификациях парадигмальных моделей, «...которые по сути представляют собой метапарадигмы. Так, Дж. Ритцер, один из ведущих авторов метатеоретических построений, выделяет три парадигмы — социальных фактов, социальных конструкций и социального поведения, каждая из которых утверждает свою онтологию социального мира [5]. Для первой — это надындивидуальные социальные структуры (например. Э. Дюркгейм), для второй — совокупности интенционально действующих социальных субъектов (М. Вебер) и для третьей — собственно поведение этих субъектов (бихевиоризм). Т. Джонсон, К. Дандекер и К. Эшуорт предложили классифицировать социологические парадигмы по критериям дихотомизации представлений о природе социальной реальности как материальной или идеальной и по критерию философского номинализма или реализма [6]. Можно привести и другие примеры.»¹⁸³

Другой пример. «Альтернативное социологическое направление «теории действия», которое прослеживается от Макса Вебера, концентрирует внимание на деятельности и индивидуальной субъективности. Идеальные типы Вебера являются типами «социальной деятельности», в которых типичные конфигурации средств и результатов представляют собой строительные блоки моделей социальной структуры. Индивиды-эмблемы (Кальвин, Бенджамин, Франклин) описаны Вебером в качестве примера благодаря их причинно-обrazующим действиям в определении норм деятельности. Дебаты по поводу «деятельности и структуры» продолжают определять поляризацию социологической теории с важными современными попытками преодолеть ее раз и навсегда (Giddens 1984, Archer 1995, Mouzelis 1995).»¹⁸⁴

Примечания, как правило, печатаются внизу страницы или в отдельном разделе в конце текста перед приложениями.

Чем примечания отличаются от ссылок (сносок)? Если ссылка — есть указание на то, что в тексте используются мысли, эмпирические данные и т. п. других авторов, то примечания — это авторские пояснения, уточнения и комментарии, которые по той или иной причине не считаются необходимым включать в основной текст.

Приведем типичные образцы содержания примечаний.

Эту мысль высказал в частной беседе В. А. Ядов, когда мы обсуждали с ним план дипломной работы.

Аналогичные вопросы использовались также в анкетах международного сравнительного исследования «Население и полиция», в котором участвовали и российские социологи под руководством Я. И. Гилинского.

¹⁸³ Ядов В. А., Возможности совмещения теоретических парадигм. //Социологический журнал, М., 2003, № 3, с. 6.

¹⁸⁴ Майкл Рустин. Размышления по поводу поворота к биографии в социальных науках. //INTER, М., 2002, № 1, с. 17.

Более подробно данный вопрос рассмотрен в книге Умберто Эко «Как написать дипломную работу». В отличие от других многочисленных изданий такого рода, У. Эко специально акцентирует внимание на этических проблемах взаимодействия студента с научным руководителем, а также на морально-этических вопросах, связанных с научными и человеческими амбициями ученых и студентов. Целиком посвящены морально-этическим аспектам научного творчества работы [6,11,13 и др.]¹⁸⁵.

Материалы, использованные в этой таблице, почерпнуты из нескольких источников. Частично здесь были пересчитаны данные, опубликованные в сборнике «Ленинград и Ленинградская область в цифрах», Л., 1989. Частично данные взяты из журнала «Вопросы статистики» за 1985–1989 гг (см. список литературы). Таким образом, эта сводная, обобщающая таблица является результатом вторичного анализа большого массива статистических данных.

Примечания, как видим из приведенных примеров, имеют в основном пояснительный характер. Хотя иногда примечания содержат весьма обстоятельный анализ публикаций по относительно узкому вопросу, который находится на периферии анализируемой в работе проблемы.

Особенности ссылок на источники, помещенные в Internet

Следует заметить, что в современной библиографии и в издательском деле правила и нормы оформления ссылок на электронные источники (а это не только Internet, но и CD — компакт-диски) еще окончательно не сложились. Однако, уже можно обратить внимание на типичные и характерные ошибки, с которыми приходится сталкиваться.

Грубая ошибка, когда ссылка выглядит так «Использованы материалы Интернет». Такая ссылка, строго говоря, таковой не является — это просто «отписка».

Вторая распространенная ошибка состоит в том, что интернет-адрес описан не полностью. Например, студенты часто указывают такой адрес: www.yandex.ru или www.nig.ru или www.porod.ru. Ошибка состоит в том, что все три приведенных в примере адреса представляют собой очень мощные и разветвленные информационные порталы. Сделать такую ссылку столь же бессмысленно, как сослаться на Большую Британскую энциклопедию, которая включает в себя почти сотню томов.

Ссылка на электронный источник требует указания:

- Автора,
- Названия материала (статьи, информации и т. п.),
- (после двойного слеша) Полного пути к нему.

¹⁸⁵ Поскольку эти примеры «выдернуты» из реальных текстов, то номера ссылок не стоит искать в этом методическом пособии. Они соответствуют списку литературы, использованной в тех публикациях, из которых взяты наши примеры.

Конкретный источник, на который действительно можно делать ссылку, как правило, является либо документом в формате текстового редактора Word (расширение типа *. doc, *. docx или *. txt), либо — в формате *. pdf, либо (если документ очень велик) — в формате одного из архиваторов (*. arj; *. zip; *. rar и др.), либо, наконец, в формате маркированного языка гипертекста (*. html; *. htm). Поэтому точная ссылка должна заканчиваться именно указанием на тип используемого файла. Например, ссылка на сайт, содержащий описание залов Государственного Эрмитажа, должна выглядеть следующим образом: *Залы Эрмитажа*. // http://www.hermitage.ru/html_RU/08/hm88_0_1.html.

Другой пример, автор цитирует обзор российских компьютерных программ для построения генеалогических деревьев, корректная ссылка примет следующий вид: *Каталог генеалогических компьютерных программ*. // <http://www.mtu-net.ru/rrr/Russian.htm>.

Конечно, если автор курсовой или дипломной работы ссылается не на конкретную электронную публикацию, а на web-страницу в целом, его ссылка может выглядеть так:

Описание российских интернет-ресурсов по социологии. // <http://www.relcom.ru:80/www/wtr>.

Оформление списка использованной литературы

В список включаются те публикации и издания, на которые Вы реально ссылаетесь в тексте своей работы. Собственно говоря, это не просто список, но корректное библиографическое описание всех использованных источников.

Напомним, библиографическое описание включает следующее:

- Фамилия и инициалы автора (или авторов),
- Название использованной публикации,
- Если это статья в сборнике или в журнале (газете), то полное (после двойного слеша) название этого издания,
- Место издания,
- Год издания,
- Общее количество страниц.

Если у цитируемой (использованной) публикации несколько авторов (но не более трех), указываются все соавторы в том порядке, в каком они перечислены в публикации. Если авторов больше трех, можно указать первых двух и использовать формулу «и др.».

Если это коллективная монография, то авторы не указываются, а в качестве первой позиции библиографического описания идет название монографии.

Дополнительный справочный аппарат

Дополнительный, т. е. не обязательный, справочный аппарат научных публикаций включает:

- список иллюстраций,

- список таблиц,
- глоссарий или словарь основных терминов,
- список принятых в работе сокращений,
- приложения, т. е. таблицы, графики, а также копии или образцы документов и т. п.

Списки таблиц и иллюстраций, также как и оглавление, формируются в последний момент, когда весь текст (включая таблицы и иллюстрации) уже готов.

Список таблиц целесообразно использовать, если они органично встраиваются в структуру текста и служат не просто наглядным материалом, но необходимым элементом доказательства обсуждаемых положений. Если же таблицы имеют преимущественно иллюстративный характер, их вообще не целесообразно включать в текст курсовой работы, но стоит вынести в Приложения.

Список принятых в работе сокращений — демонстрирует определенной уровень культуры работы с текстом.

В глоссарий обычно включают относительно небольшое число самых существенных, с т. зр. тематики работы, терминов. Кроме собственно терминов, глоссарий обязательно содержит краткие их определения — дефиниции. Термины, составляющие глоссарий, не нумеруются, но располагаются обязательно в алфавитном порядке.

Приложения. Как правило, это совокупность документов, способствующих более полному и глубокому пониманию основного текста. В приложения целесообразно включать: анкеты (в том числе с приведением простых распределений по всем вопросам анкеты) и другие документы, использовавшиеся на полевой стадии исследования; расчет выборки; примеры полных текстов интервью; подборки таблиц, графиков и диаграмм, образцы рисунков и т. п.

Каждый документ, помещенный в раздел «Приложения», должен иметь свой номер и свое название. Для приложений может быть использована своя собственная нумерация страниц, т. е., начиная с первой. Однако допускается и продолжающаяся нумерация.

Правила оформления таблиц, диаграмм, графиков и рисунков

В курсовую работу целесообразно включать рисунки, таблицы, графики. Иногда авторы курсовых работ, помещая в текст таблицу или график, полагают, что приведенные в них данные (цифры) «говорят сами за себя», и никак не комментируют их. Это не правильно. Все цифровые данные таблиц, графиков и т. п. должны быть проанализированы в работе и тесно увязаны с излагаемым материалом.

Если таблицы невелики по объему и органично вписываются в текст, их можно помещать на той же странице, где находится соответствующий текст. Однако, допустим отрыв таблицы от текста, в котором она комментируется. В этом случае в тексте должна быть ссылка на соответствующую

таблицу, например, (см. таблицу 2 на стр. №___). Такой прием целесообразен в тех случаях, когда компактная сама по себе таблица (или график) не помещается целиком на одной странице. Разрывать такие таблицы или графики не рекомендуется (замечу, что графики «разорвать» просто невозможно).

Все таблицы должны иметь сквозную нумерацию, при этом знак № не ставится. Но кроме номера, каждая таблица должна иметь свое собственное название. Например:

Т а б л и ц а 1. Парные коэффициенты корреляции и ранги факторов

Факторы	X1	X2	...	Xn
Коэффициенты парной корреляции	Qyx1	Qyx2	...	Qyxn
Ранг фактора	R1	R2	...	Rn

Если таблица или график достаточно велик по объему, но отрывать их от текста нецелесообразно в силу их связи с ним, такую таблицу можно поместить на отдельном листе (странице), включив эту страницу в общую нумерацию. Если таблица не помещается на лист формата А4, но может быть помещена на листе формата А3, этот лист нужно учитывать как одну страницу, а номер на нем можно не проставлять.

При переносе таблицы на другие страницы пронумеровывают ее графы и повторяют эту нумерацию на следующей странице (следующих страницах). Целесообразно также сделать примечание: «продолжение таблицы на след. стр.». Продолжение таблицы также следует начать с примечания: «продолжение (или окончание) таблицы №». Например:

Т а б л и ц а 2. Распределение ответов на вопрос: «Что представляет для Вас главные трудности в работе над диссертацией?», %

Характер трудностей в работе над диссертацией	Кластеры			
	1	2	3	4
1	2	3	4	5
Состояние здоровья	0	35	4	5
Нехватка научной литературы	35	51	51	52
Семейные проблемы	4	12	15	8
Материальные трудности	39	64	47	37
Слабое научное руководство	2	9	11	10
Плохие жилищные условия	19	21	17	3
Трудности с публикацией своих работ	6	15	18	16
Слабая компьютерная подготовка	9	3	8	13

(продолжение таблицы 2 см. на след. стр.)

[Перенос на следующую страницу]¹⁸⁶
(Окончание таблицы 2)

1	2	3	4	5
Слабая материально-техническая база в вузе	25	30	34	36
Нехватка средств на проведение исследований	29	32	29	30
Обилие домашних дел, уход за ребенком	17	15	14	12
Загруженность преподавательской работой	14	18	14	12
Загруженность подработками по специальности	37	18	11	15
Загруженность работой не по специальности	39	32	9	22
Недостаточное знание иностранного языка	14	15	14	15
Собственная неорганизованность	15	21	23	24
Дефицит научного общения	25	28	28	30
Сомнения в своих способностях	4	6	8	16

Таблицы, диаграммы (графики), рисунки должны иметь свою собственную нумерацию. Ибо это — разные виды иллюстраций. Иными словами, все таблицы должны иметь нумерацию от 1 до N, Диаграммы и рисунки также нумеруются от первого номера.

Для именовании таблиц, диаграмм и схем установлен следующий стандарт:

Таблица №, затем наименование таблицы, затем сама таблица.

Для именовании диаграмм и рисунков стандарт иной: сначала сам график (диаграмма), номер и название под ними.

Для построения диаграмм и графиков целесообразно пользоваться стандартными процедурами Microsoft Office (т. е. Word, Excel, Access)¹⁸⁷.

Чуть более подробно остановимся на правилах оформления таблиц. Диаграммы (столбиковые или круговые) далеко не всегда оказываются лучшим способом представления данных, часто таблицы более предпочтительны. Существует большое разнообразие таблиц. В частности, классификационные или типологические таблицы, которые способствуют четкой организации те-

¹⁸⁶ Слова «Перенос на следующую страницу», взятые в квадратные скобки, — это пояснение для вас, т.е. для читателей. В тексте курсовой они, естественно, не пишутся.

¹⁸⁷ Здесь необходимо понимать, что целесообразность использования продуктов Microsoft для построения диаграмм и графиков ограничивается студенческими работами, которые будут напечатаны на офисном принтере в одном экземпляре. Если же работу предполагается печатать типографским способом (или создавать из неё качественную электронную версию), то её подготовкой будет заниматься специалист, то использование вышеуказанных продуктов не только нецелесообразно, но и являет собой чистую потерю времени. Оптимальный вариант предоставления в типографию графиков и диаграмм — скан карандашного наброска.

оретического или эмпирического материала. Пример такой таблицы см. на стр. 272 (Табл. 5).

Или приведем пример таблицы иллюстрирующей различия между двумя группами опрошенных.

Т а б л и ц а 3. Распределение респондентов в таблице приведено в процентах к численности групп «из рабочих», «из крестьян» соответственно.

Жизненные планы	Социальное происхождение		Ранг I	Ранг II	d _i	d _i ²
	из рабочих	из крестьян				
Получить высшее образование	57,5	51,0	1	3,5	— 2,5	6,25
Получить интересную любимую работу	57,3	59,0	2	1	1	1
Побывать в других странах	53,8	52,0	3	2	1	1
Создать себе хорошие жилищные условия	49,7	51,0	4	3,5	0,5	0,25
Добиться хорошего материального обеспечения	48,5	50,0	5	5	0	0
Повысить свою квалификацию	42,0	45,0	6	6	0	0
Получить среднее образование	22,6	32,0	7	7	0	0
Уехать на одну из новостроек	19,4	25,0	8	8	0	0
l=8						Σ=8,50

Поскольку респонденты могли отмечать при опросе более чем один жизненный план, то сумма по столбцам не равна 100%.

Здесь приведены исходные процентные распределения и вспомогательные данные, необходимые для расчета коэффициента парной корреляции. Данные в этой таблице упорядочены по мере убывания популярности разных жизненных планов среди представителей первой из сравниваемых групп. Кстати, заметим — это очень хороший прием — упорядочивание данных по какому-либо критерию.

Третий пример — совсем простая, но весьма информативная таблица, в которой сведены вместе простые распределения по четырем простым признакам анкеты с однотипной номинальной шкалой.

Т а б л и ц а 4¹. Сопоставление различных методов сбора, обработки и анализа первичной социологической информации

Метод сбора первичной информации	Статус и функции лица, от которого исходит информация	Характер информации	Способы организации и представления информации		Способы обработки и анализа за данных
			на стадии сбора	на стадии обработки	
Стандартизованный анкетный опрос	Респондент	Формализованный исследователь монологом респондента	Текстовый документ, бланк	Матрица числовых данных	Алгоритмы стандартного статистического анализа
Фокусированное интервью	Респондент	Формализованный исследователь диалогом с респондентом	Текстовый документ, бланк	Текст, гипертекст или матрица числовых данных, реже база данных	Качественное описание данных. После кодирования алгоритмы стандартного статистического анализа
Биографическое интервью (тема-тизированное социологом)	Рассказчик (респондент)	Направляемое исследование респондентом повествование о своей жизни	Текстовый документ, сценарий	Текстовый документ, нарратив	Качественное описание данных. В случае кодирования данных алгоритмы статистического анализа
Биографическое интервью (тема-тизированное информантом)	Рассказчик	Самостоятельно выстроенное рассказчиком повествование о своей жизни	Фонограмма или текстовый документ	Текстовый документ, нарратив	Качественное описание данных. Классификация. Кодирование. Типологизация. Структурные модели. Простые статистики.
Родословное древо	Организатор сбора информации	Институционализированная информация о других людях (родственниках и свойственниках)	Родословная роспись (текст или таблица)	1) Граф родственных связей; 2) его описание (текст)	Качественное описание данных. Типологизация. Структурные модели. Простые статистики.

¹ О. Б. Божков. Родословные (генеалогические) деревья как объект социологического анализа. // Социологический журнал, М.: 1998, № 3 / 4, с. 127

Т а б л и ц а 5. Как разрешались конфликты в общежитии? (% по строке)

	нет	да	Нет ответа	Итого
Собственными силами	15,0	68,5	16,5	100
С помощью милиции	71,5	13,0	15,5	100
Комендантом	74,5	10,0	15,5	100
Другое	84,0	0,5	15,5	100

Далее в качестве примеров используем таблицы из отчета 2001 г. по материалам сравнительного социологического исследования «Население и милиция в большом городе» реализованного при финансовой поддержке Фонда Форда, СПб, 2002.

Т а б л и ц а 6. Социально-культурные и социально-профессиональные характеристики респондентов (% по столбцу)

Значения характеристик респондентов	Подмассивы			
	Лица БОМЖ	Жертвы	Общежития	Бывшие заключенные
Образование				
специальное заведение для инвалидов			0,51	
начальное	1,81			
неполное среднее	22,8		1,0	18,6
полное среднее	26,3	6,7	14,5	30,2
профессионально-техническое	10,5	13,3	18,0	14,0
среднее специальное	19,3	28,9	15,5	7,0
незаконченное высшее	12,3	13,3	42,0	9,3
высшее	7,0	37,8	7,5	20,9
аспирантура			1,0	
	100,0	100,0	100,0	100,0
социально-профессиональная группа				
неквалифицированные рабочие	8,8	19,1	3,5	7,0
квалифицированные рабочие	19,3	14,9	11,5	4,7
служащие без специального образования	3,5	2,1	1,5	2,3
служащие со средним специальным образованием	7,0	4,3	3,0	
служащие с высшим образованием	3,5	10,6	4,5	
предприниматели		23,4	4,5	18,6
руководители		4,3	1,5	

Значения характеристик респондентов	Подмассивы			
	Лица БОМЖ	Жертвы	Общежи- тия	Бывшие заклю- ченные
представители свободных профессий	7,0		,5	7,0
лица, оказывающие услуги	1,8		6,0	18,6
безработные	42,1		1,0	11,6
домохозяйки		2,1	1,5	2,3
учащиеся		14,9	44,5	2,3
пенсионеры	7,0	2,1		18,6
другие группы населения		2,1	16,5	7,0
	100,0	100,0	100,0	100,0
Душевой доход				
Нет данных	8,8	4,3		
До 100 руб.	1,8			2,3
101–300 руб.	31,6	2,2	,5	
301.500 руб.	26,3	4,3	1,0	
501–700 руб.	7,0		5,5	
701–900 руб.	1,8	4,3	4,5	2,3
901–999 руб.		2,2	23,5	16,3
1 тыс. — 4999 руб.	21,1	47,8	58,5	46,5
5 тыс. — 9999 руб.		26,1	6,5	18,6
10 тыс. — 14999 руб.		6,5		2,3
15 тыс. руб. и более	1,8	2,2		11,6
	100,0	100,0	100,0	100,0

Эта таблица достаточно компактна и чрезвычайно информативна. Она позволяет наглядно представить существенные различия между четырьмя разными подмассивами данных (различными группами опрошенных). Аналогична и следующая таблица.

Обратите внимание, содержание и форма представления данных основных клеток таблицы в наших примерах обозначено в скобках в названии таблиц. В самой же таблице знак процента «%» не используется.

Следующий пример — представление в табличной форме результатов факторного анализа данных.

Суммарная информативность факторов = 70,1 %. В Рабочей книге социолога (М.: Наука, 1976) на стр. 218 приведена следующая таблица.

Недостаток этой таблицы лишь в том, что она демонстрирует гипотетический (выдуманный) случай. Конечно, если на место абстрактных признаков (ценностей): А1, А2 и т. д. подставить реальные ценности, такая таблица позволила бы не только в удобной форме представить эмпирические данные, но и дала бы немало пищи для читательского ума.

Таблица 7. Сравнение стажа проживания в микрорайоне представителей трех поведенческих статусов (доли в подмассивах).

Стаж проживания в микрорайоне	Подмассивы			В среднем
	Задержанные милицией	Жертвы преступлений	Обращавшиеся в милицию	
Менее года	3,7	3,0	2,5	2,8
1–3 года	9,0	7,8	7,0	7,5
3–5 лет	9,9	8,4	7,2	7,9
5–10 лет	12,1	14,7	13,4	13,8
10–25 лет	20,1	20,6	21,1	20,8
15–30 лет	35,0	32,0	34,4	33,6
более 30 лет	10,2	13,5	14,4	13,7
Средний стаж проживания в микрорайоне (в годах)	16,7	17,4	18,2	17,4

Таблица ?. Доли случаев предпочтений *i*-того признака (по столбцу) *j*-тому признаку (по колонке)

Ценности	A 1	A 2	A 3	A 4	A 5
A 1	–	0,61	0,82	0,89	0,95
A 2	0,39	–	0,51	0,60	0,69
A 3	0,18	0,49	–	0,68	0,73
A 4	0,11	0,40	0,32	–	0,82
A 5	0,05	0,31	0,27	0,18	–

Подавляющее большинство приведенных здесь примеров использования таблиц взяты из реальных исследований и получены с помощью аналитических процедур статистического пакета SPSS. Кстати, формируемые в модуле «Output» этого пакета таблицы через Clipboard легко передаются в текстовый редактор Word, где их, конечно же, приходится дополнительно редактировать. Хотя это несколько утомительно, право слово, не составляет большого труда.

Поясним, как устроены таблицы SPSS на примере условной двухмерной таблицы (их также называют таблицами сопряженности). $Y(1,2,3)$ — значения *I*-го признака; $X(1,2,3,4,5)$ — значения *J*-го признака; N — общее число опрошенных; Y_iX_j — означают абсолютное число человек одновременно выбравших *i*-тое значение признака *Y* и *j*-тое значение признака *X*.

SPSS дает возможность включать в таблицы так называемые «маргиналы» — относительные значения (т. е. %) как по строкам, так и по колонкам. Процент по строке означает, например, что среди всех, кто выбрал значение

Т а б л и ц а 8 Матрица факторных нагрузок: восприятие населением деятельности милиции («осевые» признаки)¹ (2001 год без параметра «Изменение в работе»)

Исходные признаки	Факторы				
	Силовые методы	Культура обращения	Профессионализм	Эффективность	Криминализация
Задержание без оснований	0,726				
Жестокость обращения	0,890				
Необоснованное применение силы	0,883				
Оскорбления при задержании	0,846				
Получение взяток					0,799
Участие в подпольной торговле					0,833
Вежливы с жителями		0,546			
Внимательны к жителям		0,813			
Готовы помочь жителям		0,811			
Справедливы к людям		0,797			
Ответственность				0,780	
Охрана общ. порядка				0,695	
Порядок на улицах				0,720	
Сотрудничество с жителями			0,683		
Помощь жертвам			0,747		
Предотвращение преступлений			0,783		
Информативность факторов	20,4	15,8	12,3	11,8	9,7

¹ Здесь и далее — метод главных компонент, с ротацией по varimax критерию, пятифакторное решение. В соответствующих таблицах приводятся значения лишь факторных нагрузок, достигающих уровня статистической значимости

Y1, n % составляют, выбравшие значение X1. Процент по колонке означает, что среди всех, выбравших значение X1, k % составляют одновременно выбравшие значение Y1.

В таблицах SPSS есть возможность включить еще одну строку процентных распределений, где за 100 % принимаются все выбравшие определенные

позиции по обоим анализируемым признакам (переменным). В этом случае «процент от всех» показывает, какую долю в общем массиве опрошенных составляют люди попавшие в одну клетку таблицы.

Крайние правые колонки и нижние строки таблицы по сути дела являются простыми распределениями по анализируемым признакам в целом. Заметим также, что наиболее информативными в таких таблицах оказываются отнюдь не абсолютные, а именно относительные распределения. Кстати, SPSS дает возможность «отключить» абсолютные значения.

Формальное описание двумерной таблицы

Признак I	Признак J					Сумма по Y	% по Y
	X1	X2	X3	X4	X5		
Y1	Y1,X1	Y1,X2	Y1,X3	Y1,X4	Y1,X5	Σ Y1	~
% по строке	-	-	-	-	-	100 %	
% по колонке	~	~	~	~	~		
Y2	Y2,X1	Y2,X2	Y2,X3	Y2,X4	Y2,X5	Σ Y2	~
% по строке	-	-	-	-	-	!00 %	
% по колонке	~	~	~	~	~		
Y3	Y3,X1	Y3,X2	Y3,X3	Y3,X4	Y3,X5	Σ Y3	~
% по строке	-	-	-	-	-	100 %	
% по колонке	~	~	~	~	~		
Сумма по X	Σ X1 100 %	Σ X2 100 %	Σ X3 100 %	Σ X4 100 %	Σ X5 100 %	N	% ответивших по признаку X
% по X	-	-	-	-	-	% ответивших по признаку Y	Общее число ответивших

Естественно, все диаграммы, схемы, таблицы, которые включены непосредственно в текст курсовой или дипломной работы, обязательно должны быть описаны и проинтерпретированы. Ибо это не просто иллюстрации, но основания для выводов, которые будут сделаны из представленного эмпирического материала. Если же Вы не собираетесь интерпретировать и/или обсуждать представленные в таблицах данные, но считаете их важными для понимания работы в целом, их стоит поместить в приложения. Но и там все таки имеет смысл снабдить таблицы, графики, диаграммы и схемы хотя бы

минимальным комментарием. Это примета хорошего тона и уважительного отношения автора к читателям.

В качестве еще одного примера приведем фрагмент (он выделен в тексте звездочками) из отчета 2002 года по проекту «Населения и милиция в большом городе», где широко использовались графики, которые наглядно отражали различия в восприятии и оценке милиции представителями разных групп населения.

* * *

«Следующая группа рисунков (1–3.) дает некоторое представление о том, как анализируемые категории населения воспринимают актуальность и серьезность ряда проблем взаимодействия милиции и населения.

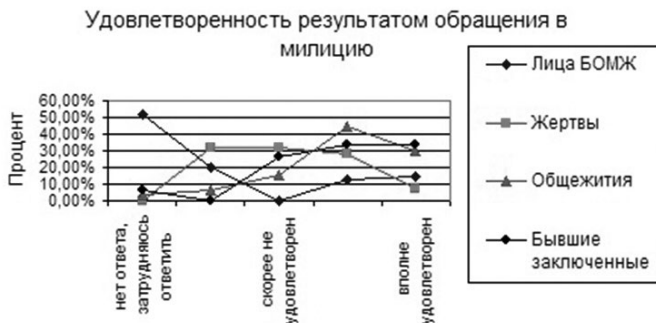

Рис. 1.

Рис. 2.

Жестокое обращение с задержанными

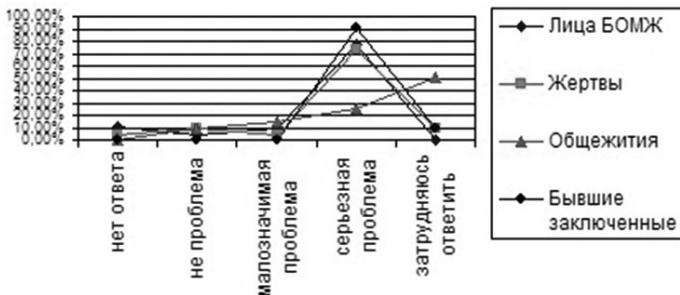

Рис. 3.

Заметим, что общий характер распределений ответов на данный блок вопросов во всех четырех специфических группах населения весьма схож с распределениями, полученными в репрезентативных массовых опросах».

* * *

Кроме таблиц и диаграмм в курсовой работе могут быть также использованы различные схемы. Например:

Схема 1. Попытка классификации личных документов (В. Б. Голофаст)

Или другой пример:

Схема 2. Логическая последовательность действий при разработке программы социологического исследования

Здесь приведены простые схемы, но и они требуют некоторых пояснений. Поэтому схемы, как правило, «встраиваются» в текст изложения. Могут быть построены и более сложные схемы, которые включают условные обозначения, требующие специальной расшифровки. Также как и большие таблицы, сложные схемы следует помещать на отдельной странице. При этом в тексте, относящемся к ней необходимо сделать пометку: «См. схему №». Однако, не стоит относить иллюстративный материал далеко от того места, где он описывается и комментируется.

Обратите внимание на язык изложения

Письменные работы студентов очень часто огорчают небрежностью не только в оформлении, но и в обращении с русским языком. Конечно, это не столько вина, сколько беда студентов, которых не очень хорошо учили в школе, да и в университете, к сожалению, мало внимания уделяется русскому языку.

Не будем говорить о грамматических и синтаксических ошибках. Сплошь и рядом (даже в титульном листе рефератов и курсовых работ) можно встретить слово «эмперические», вместо эмпирические, довольно часто студенты пишут «обуславливать», вместо обусловливать. В этом проявляется и небрежность, и забвение элементарных правил проверки написания гласных. С запятыми — просто беда. Они отсутствуют, там, где обязаны быть, и присутствуют там, где им совершенно нечего делать. Но гораздо чаще встречаются ошибки, которые именуются стилистическими, а именно: несогласование падежей, многократное употребление одного и того же слова вместо поиска его синонимов, неправильная расстановка слов в предложении и т. п.

Очень утомительно читать текст, в котором на каждой странице по 15–18 раз встречается слово «исследование», например, или в котором три или четыре абзаца подряд начинаются со слов «Как показали социологические исследования...». Иначе, как небрежностью или — еще хуже — бедностью личного словаря, это трудно объяснить.

Язык, стиль изложения — это надежный индикатор уровня культуры автора.

Поэтому настоятельно советую, во-первых, перед тем, как печатать работу (особенно если работа выполняется с помощью компьютера) в Word запустить программу проверки орфографии и исправить, по крайней мере, те ошибки, которые обнаружит эта программа. Далеко не всегда, спеллер (так называется среди профессионалов эта программа) предложит вариант исправления ошибки. В этом случае следует обратиться к каким-либо словарям, либо к учебникам русского языка.

Кроме грамматических ошибок, современные спеллеры, «реагируют» и на стилистические погрешности текста. Стилистические ошибки при наборе текста программа подчеркивает зеленой волнистой чертой, а при проверке «дает» пояснения, почему это место выделено, и рекомендации

по исправлению стилистической ошибки. К этим рекомендациям полезно прислушаться, во всяком случае, целесообразно провести самостоятельный стилистический разбор отмеченной фразы или ее фрагмента и попытаться перестроить фразу.

Ясный стиль, т. е. отсутствие стилистических ошибок, способствует точному выражению своих мыслей и, соответственно, лучшему пониманию текста читателем.

Еще от одного типа стилистических ошибок стоит предостеречь студентов. Тем более что эти ошибки не «отлавливаются» никакими спеллерами. Имеются в виду содержательно пустые фразы, которые авторы вставляют «для разгона», или тогда, когда сказать нечего, но какой-то текст нужен.

В одном из рефератов по теме «В. Н. Шубкин: престиж профессий в представлении советских школьников» раздел «Проблема выбора» начинался так:

«Первый шаг, первый выбор всегда самый сложный. Это трудный выбор, ибо огромен и переменчив современный мир: потребности общества в кадрах, социальная структура, система образования, численность и размещение населения. Еще более зыбок, многослоен и противоречив внутренний мир — тот, где зарождается выбор. Познать себя, угадать свою силу — непростая вещь».

Весь этот фрагмент ни о чем. Он выполняет функцию «въезда» в тему. Беда в том, что этот въезд подчас занимает несколько страниц. Вот как заканчивается этот раздел в реферате: *«Первый выбор — всегда трудный выбор. И не только потому, что его должны делать уже не дети, но еще не взрослые. И не потому только, что своеобразны, переменчивы aspirations, личные планы, внутренний мир каждого».*

Это трудный выбор потому, что динамичны и противоречивы окружающая нас жизнь, внешние условия — социально-экономические, демографические, культурные, без которых нельзя понять поведение молодежи в начале пути. И помочь ей в этих трудных решениях нельзя без систематических исследований. Мы должны (кто это — мы? — примечание мое — О. Б.) постоянно фиксировать ритмы поколений, чувствовать пульс общества, угадывать новые проблемы, предвидеть поведение юношей и девушек, изменение их оценок, предпочтений, ценностей жизни. И как это уже не раз бывало за последние десятилетия, пока поспевают со всеми своими тылами и орудиями наука, подлинными разведчиками новых проблем здесь могут и должны быть писатели».

Тексты такого рода — верный признак отсутствия мысли у автора, свидетельство того, что автор не знает, о чем ему надо писать. Это и есть «дурная» эссеистика (дурная потому, что играет роль «заменителя», суррогата мысли).

Тема реферата определена конкретно и точно: исследования В. Н. Шубкина по совершенно определенной проблеме. Эти исследования проводились в течение десятка лет, каждое из них хорошо описано в публикациях и самого

В. Шубкина, и его сотрудников. Но вместо того, чтобы проанализировать эти публикации, автор реферата половину его объема отводит под свои «глубокомысленные» рассуждения о том, как труден первый выбор. В то же время тема реферата остается практически не освоенной.

Другой пример. Тема реферата «Социология театра: изучение театральной аудитории». Введение занимает одну страницу, поэтому приведу его полностью.

«Тексты популярных в девяностые годы пьес, как и любые тексты массовой культуры, отражают течение времени: как люди относились к происходящим переменам, чего ждали от будущего, каким вспоминали свое прошлое, кого боялись и ненавидели, от кого ждали спасения.

Массовая культура, отражая и создавая социальные мифы, может давать людям то, чего им не хватает в повседневной жизни, воплощать их мечты или страхи, подсказывать алгоритм и мотивацию поведения в кризисные ситуации. Она «несет наиболее общие представления о нормах достижения коллективно значимых целей или ценностей. Ни те, ни другие сами по себе в их специфике она не обсуждает» [3, с. 159]. Массовая культура переходной эпохи вбирает в себя ценности и сложившиеся устои как прежней, так и новой жизни и тем самым помогает человеку адаптироваться к происходящим переменам.

Анализируя тексты популярных пьес, героев и их судьбы, что движет персонажами, на что они надеются, как живут, кого или чего боятся — можно составить предположительный портрет российского театра девяностых.

*Конечно, чтобы полностью воссоздать этот образ, необходимо свести воедино исследования массовой литературы, кино и телевидения, сериалов и рекламы. **У каждого явления и жанра массовой культуры — своя аудитория, а значит, свое отношение к новой жизни** (выделенно мной — О. Б. — потому, что только эти слова имеют прямое отношение к заявленной теме реферата). Но тот взгляд, который транслировался через популярные в 1990-е годы пьесы, во многом косвенно подтверждается результатами социологических опросов, и можно сказать, что более или менее адекватно отражает общую постсоветскую действительность.*

В прошедшее десятилетие театры, а особенно театры провинциальные, должны были самостоятельно заботиться о том, чтобы залы заполнялись: ушли времена, когда посещаемость спектаклей во многом зависела от правильной организации культпоходов среди школьников и военных. В результате театры стали ориентироваться на запросы публики».

Спрашивается, во что водит это введение? Можно ли по нему понять, чему на самом деле посвящен данный труд? С одной стороны, введение состоит из «общих» слов. К тому же, эти слова во многом фактически неверны или имеют косвенное отношение к следующему за ними тексту. Сразу замечу, что основной текст реферата действительно раскрывает заявленную тему и посвящен именно исследованиям театральной аудитории. А неверны они,

во-первых, потому, что театр никогда не относился к массовой культуре; во-вторых, утверждение о временах «когда посещаемость во многом зависела от правильной организации культпоходов среди школьников и военных» — сильно преувеличено. Никогда не было таких времен. И проблема заполняемости зала решалась отнюдь не культпоходами, а совсем иными способами. Наконец, отнюдь не под влиянием социально-политических перемен «театры стали ориентироваться на запросы публики», и социологи, и театроведы еще в 70-е — 80-е годы с горечью отмечали, что театр перестает «вести за собой зрителя» и все больше и чаще «приспосабливается» к запросам публики и тем самым неизбежно деградирует.

Программа проверки орфографии в тексте этого введения подчеркнула зеленой волнистой линией (стилистическая погрешность) только одну фразу, а именно ту, которая начинается словами: *«Но тот взгляд, который...»*. В то время как вся эта страница не имеет никакого смысла.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА В ПОМОЩЬ СТУДЕНТУ ПРИ НАПИСАНИИ КУРСОВЫХ И ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

Периодические издания по социологии.

1. «Социологический журнал», Москва, ИС РАН
2. «Социологические исследования», Москва, ИС РАН
3. «Журнал социологии и социальной антропологии», СПб, Факультет социологии, СИ РАН
4. «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», СПб, Факультет социологии, СИ РАН, Санкт-Петербургская ассоциация социологов.
5. «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии», Москва, Центр Юрия Левады.
6. «INTER. Интеракция. Интервью. Интерпретация», Москва, ИС РАН, РОС, МСА, Комитет «Биографии и общество».
7. «Социология 4М», Москва, ИС РАН.
8. «Мир России. Социология. Этнология. Культурология», Москва, «Начала-Пресс».
9. «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», М.: ВЦИОМ.
10. «Вопросы статистики», М.
11. «ОНС — общественные науки и современность», М.: РАН.
12. «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Сер. 11, Социология: РЖ / РАН ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел социологии и социальной психологии.
13. «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам. Философия. Социология»: Библиогр. указ. /РАН ИНИОН. Фундам. б-ка, Отдел научн. библиогр. информ. — М.

Научно-информационные издания ИНИОН

Система изданий ИНИОН РАН состоит из:

библиографических указателей литературы, реферативных журналов и сборников, проблемно-тематических сборников, специализированных информационных изданий, дайджестов, альманахов, справочников, научно-информационных журналов, пресс-обзора.

Дайджест Культурология XX век

Информационно-аналитические журналы и бюллетени

- Россия и современный мир
- Экономические и социальные проблемы современной России

Реферативные журналы

- Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия Социология
- Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия Философия

Словари

1. Аберкромби Н., Хилл С, Тернер Б. С. . Социологический словарь. / Перевод с англ. под ред. С. А. Ерофеева. Изд-во Казанского университета, 1997. — 420 с.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins) Том 1 (А-О): Пер. с англ. — М.: Вече, АСТ, 1999. — 544 с.
3. Большой толковый социологический словарь (Collins) Том 2 (П-Я): Пер. с англ. — М.: Вече, АСТ, 1999. — 528 с.
4. Тони Лоусон, Джоан Гэрод. Социология. А — Я: Словарь-справочник. / Пер. с англ. К. С. Ткаченко. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — 608 с.
5. Современная западная социология: Словарь. — М., Политиздат, 1990. — 432 с.
6. Социология. Терминологический словарь / Ж. Ферреоль. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 160 с.
7. Социология: Словарь-справочник. Т. 1. Социальная структура и социальные процессы. — М.: Наука, 1990. — 204 с.
8. Социология: Словарь-справочник. Т. 2. Отдельные отрасли социологического знания. /Отв. ред. Г. В. Осипов — М.: Наука, 1990. — 232 с.
9. Социология: Словарь-справочник. Т. 3. Междисциплинарные исследования. — М.: Наука, 1991. — 247 с.
10. Социология: Словарь-справочник. Т. 4. Социологическое исследование: Методы, методика, математика и статистика. — М.: Наука, 1991. — 357 с.
11. Социологический справочник. /Под общей редакцией В. И. Воловича. — К.: Политиздат Украины, 1990. — 382 с.
12. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор — академик РАН Г. В. Осипов. — М., Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1998. — 488 с.
13. Краткий словарь по социологии. /Под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; Сост. Э. М. Коржев, Н. Ф. Наумова. — Политиздат, 1988. — 479 с.
14. Краткий словарь по социологии. /Авт.-сост. П. Д. Павленок. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 272 с. — (Б-ка малых словарей «ИНФРА-М»).

15. Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М.: Наука, 1986. — 511 с.

Справочники

- Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. / Под ред. И. Б. Голуб. — 2-е изд., испр. — М.: Рольф: Айрис-пресс, 1999, — 368 с.

Учебные пособия

1. Н. П. Колесников. Стилистика и литературное редактирование. Учебное пособие. Москва: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. — 192 с.
2. Г. А. Воронцов. Письменные работы в вузе: Учебное пособие для студентов — Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2002. — 192 с.
3. Эко Умберто. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки: Учебно-методическое пособие. /Пер. с ит. е. Костюкович. — М.: Книжный дом «Университет», 2003. — 2 изд. — 240 с.
4. Безрукова В. С. Как написать реферат, курсовую, диплом. — СПб.: Питер, 2004. — 176 с.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я не ставил перед собой никаких экстраординарных задач. Не претендовал на создание учебника «нового поколения», не собирался и не собираюсь «воевать» с новыми (с моей точки зрения, не очень продуктивными) идеями в области методики и техники социологических исследований. Напротив, этот учебник написан во вполне традиционном ключе и акцентирует внимание студентов именно на азах, на «школе» — т. е. основах социологического профессионализма. На мой взгляд, явно недостаточное внимание к вопросам технологии (методологии, методике, технике и процедурам) социологических исследований пагубно для нормального развития социологической науки. Именно эти соображения послужили стимулом к написанию этого курса лекций.

Курс методики и техники социологических исследований сегодня искусственно выхолащивается. Во-первых, потому, что нынче позитивистская, т. е. классическая количественная эмпирическая социология вышла из моды. Во-вторых, потому, что УМК по всем дисциплинам (включая и эту) требует, включать в список рекомендуемой литературы публикации не более, чем пятилетней давности. При том, что основной корпус основополагающей литературы по методологии, методике и технике социологических исследований и за рубежом, и в России был создан не позже 60-х — 70-х годов прошлого века. Учебники, вышедшие в СССР в конце 1960-х — в 1970-х годах, несколько не устарели. Более «свежих» учебников на русском языке (да, и литературы по этой дисциплине) практически нет.

В списке литературы к первой главе есть библиографические описания именно старых учебников, по которым можно и нужно учиться. В книге Р. Пенно и М. Графитц может быть не стоит читать разве что предисловие, в котором есть все обязательные для советского времени риторические заклинания относительно марксизма. В учебниках советских авторов стоит научиться пропускать мимо глаз неперменные ссылки и сноски на классиков марксизма-ленинизма, а также на постановления съездов и Пленумов ЦК КПСС. Впрочем, социологам и этого не надо делать, т. к. эти ссылки и сноски — яркая примета времени и политической обстановки, в которой развивалась отечественная социология того времени. И это тоже важная **социологическая** информация.

Так что, сразу приходится предупредить, что в рекомендуемых к лекциям списках литературы, в основном присутствуют именно книги и статьи 1960–1980-х и более ранних годов.

На западе давно и стабильно издается несколько журналов по этой тематике: проблема методов, методологии постоянно в поле внимания специалистов. В России исключительно этой теме посвящен один-единственный журнал «Социология 4М» (конечно, есть соответствующие рубрики и в других журналах, но они встречаются отнюдь не в каждом номере), но он до сих пор выходит всего 2 раза в год. К тому же, этот профессиональный журнал издается смехотворным для огромной России тиражом — 500 экз. Т. е. для студентов он оказывается труднодоступным¹⁸⁸. Иными словами, методология, методика и техника социологических исследований нынче оказалась на периферии внимания российского социологического сообщества. Разве что «продвинутые» методы математической обработки данных вроде Data Meining все еще остаются в моде, а теперь появился еще один — очень модный монстр Big Data.

Социологов в современной России давно уже подменили поллстеры. И не удивительно, что в массовом сознании социология ассоциируется почти исключительно с опросами общественного мнения и со «вспышками» электро-ральных опросов в периоды избирательных кампаний.

В определенном смысле исключение составляют исследования Левада-центра. О том, как Юрий Александрович Левада пришел во ВЦИОМ и в чем особенности его подхода к изучению общественного мнения написал в своей книге «80 лет одиночества» Игорь Семенович Кон: *«Само появление Левады во ВЦИОМе оказалось неожиданным. По складу своего мышления и направленности интересов он был, прежде всего, теоретиком. Если бы кто-то до перестройки сказал, что ему предстоит руководить центром по изучению общественного мнения, он, вероятно, засмеялся бы. Но в эпоху быстрых социальных трансформаций классические социологические модели оказались неприменимыми.*

Структурный функционализм лучше приспособлен к анализу стабильных структур и ретроспективному объяснению долгосрочных процессов, а интеракционизм и феноменология для подобной тематики слишком камерны (выделено мной — О. Б.) К тому же на науку не было ни времени, ни денег. Едва ли не единственным доступным (и финансируемым) источником социальной информации стали массовые опросы. Сами по себе

¹⁸⁸ В Ленинграде (Санкт-Петербурге) у меня, пожалуй, единственного, имеется полный комплект этого журнала (правда, последние номера до меня доходят иногда с большой задержкой). Пришлось проделать огромную работу — составить два сводных содержания журнала (по номерам и по рубрикам) для того, чтобы, когда мои студенты выбирали методологическую или методическую тему для рефератов, курсовых или дипломных работ, познакомить их с этим документом, а затем отскерокопировать те статьи, которые они посчитали релевантными своей теме. Замечу, что некоторые студенты этой возможностью пользовались. (Я давно понял, что выпускать из рук хотя бы один номер журнала, просто опасно — он может не вернуться никогда).

оперативные опросы вряд ли были Леваде особенно интересны, да и количественными методами исследования он, в отличие от Бориса Грушина и Бориса Фирсова, раньше не занимался.

Однако за текущей информацией политического характера он пытался нащупать общие тенденции социального развития, динамику ценностных ориентаций «простого советского человека», и сделал это блестяще. В этой историко-теоретической ориентации заключается главное отличие работы Левада-центра от аналогичных зарубежных исследований.

Извлечение глубинного смысла из, прямо скажем, не очень богатых эмпирических данных требует развитого социологического воображения, которым обладают далеко не все. Но я уверен, что в дальнейшем, когда наша жизнь станет историей, опросы Левада-Центра останутся ценным историческим источником, как и исследования Бориса Грушина. А если кто-нибудь применит к их анализу современный математический аппарат, он, возможно, извлечет из них и нечто такое, чего мы еще не знаем»¹⁸⁹.

Повальное увлечение постмодернистскими концепциями общества и качественными методами, на мой взгляд, размывает саму суть социологии, как науки об обществе. Впрочем, это увлечение отчасти определяется государственной политикой по отношению к науке вообще и к социологии, в частности. Теперь государство практически сняло с себя обязанность финансировать науку: бюджетное финансирование ежегодно (и заметно) сокращается. Финансирование науки осуществляется фондами на жесткой конкурсной основе. Более того, так называемая рыночная экономика практически «вывела» из-под юрисдикции государства все предприятия любых сфер деятельности, и любых форм собственности, что существенно затруднило и доступ социологов к статистике, и их выход в эмпирическое «поле». Новый российский бизнес (особенно крупный) не понимает и не хочет (а может быть и не может) понимать значимость непрерывного социологического мониторинга состояния общества. И, по этой причине, он не заинтересован ни в финансировании такого мониторинга, ни в получении такого рода информации.

Сегодня многие (даже маститые) социологи, как на западе, так и в России утверждают, что общество — это фантом, а не реальный объект действительности. Говоря об обществе, имею в виду, прежде всего, устройство общественной жизни как внутри любой отдельно взятой страны, так и устройство международной жизни, включающей взаимодействие «частных» людей из разных стран и обществ, так и взаимодействия различных государств. Было время, когда понятие «общество» преимущественно воспринималось как синоним понятия «национальное государство». Сегодня, мне кажется, хорошо осознана ошибочность такого восприятия. Государство и гражданское общество (или просто общество) — это две разные сущности. В тех странах (государствах), которые придерживаются демократических основ, развиты ин-

¹⁸⁹ Кон И. 80 лет одиночества. — М.: «Время», 2008, с. 100–101

ституты гражданского общества — иначе, институты самоуправления и их нормальное взаимодействие с институтами государства. В странах (государствах), которые строятся на иных основах (авторитарных или тоталитарных) гражданское общество существует лишь на бумаге, а его институты влчат жалкое подобие существования и периодически оказываются как бы «вне закона», или их деятельность регулируется законами вроде «закона об иностранных агентах» или «о нежелательных организациях».

Ничего не имею против «качественных методов» — им в этом курсе, надеюсь, нашлось законное и вполне достойное место. Но они вовсе не «отменяют» методы количественные. Просто «каждому овощу — свое время» (добавлю — и свое место). Если перед социологом стоит задача оценить меру распространенности того или иного социального явления в разных социальных слоях общества, качественные методы будут просто бессильны: здесь необходима именно количественная оценка. А её можно получить только с помощью традиционных количественных массовых обследований, и желательно на больших выборках.

Лет 30 тому назад, когда еще официально доминировали именно массовые количественные исследования, московский исследователь Сергей Валерьевич Чесноков заметил, что, несмотря на огромное количество методов обработки социологических данных, самыми популярными оказываются самые простые, а именно, простые процентные распределения. Мои наблюдения того же времени приводили к выводу, что наиболее распространенным методом сбора первичной социологической информации являлся анкетный опрос, использующий исключительно «закрытые» шкалы. Конечно, это личные наблюдения, которые естественно ограничены и шириной (или узостью) профессиональных контактов, и определенным (хотя и достаточно широким) кругом чтения специальной литературы.

Совсем недавно в журнале «Социологические исследования» появилась публикация «Исследовательские практики российских социологов»¹⁹⁰ о результатах уникального эмпирического исследования. Авторы выясняли вопрос о том, какие изменения произошли в использовании методов сбора, обработки и представления данных российских социологов на материале анализа всех статей в журнале «Социологические исследования» за 1981.1996 и 2011 гг. В аннотации этой статьи написано: «Предпочтительные методы сбора данных практически не изменились (исключение — распространение качественных методов), а использование статистических методов осталось на низком уровне. Определены причины ограниченного прогресса в описании и представлении данных».

Эта статья, несмотря на большой разрыв во времени, согласуется с моими и С. В. Чеснокова наблюдениями почти 30-летней давности.

¹⁹⁰ А. В. Кинчарова, М. М. Соколов, Исследовательские практики российских социологов // Социологические исследования, № 6.2015, с. 58–68

Отчасти это удивительно. Ибо наши оценки делались, когда практически все отечественные социологи были самоучками. Мы учились на опыте старших товарищей, на собственном опыте и на редких учебниках, пропагандировавших (наиболее передовой тогда) опыт американской позитивистской социологии. Теперь профессиональное социологическое образование, вроде бы, поставлено на «широкую ногу» и ситуация должна была бы заметно измениться. Однако, как видим, этого не произошло.

Более 30 лет преподавательской деятельности дают мне основание для многих претензий к тому, как осуществляется в современной России социологическое образование. Достаточно сказать, что во многих вузах будущих социологов учат люди, которые сами не провели ни одного эмпирического исследования. Как в старом еврейском анекдоте, они «не умеют, но знают плавать». Не буду перечислять все претензии, отмечу наиболее существенные. Во-первых, социологам ни в одном вузе не преподают русский язык; во-вторых, в программу обучения социологов не входит математика, лишь в некоторых вузах читается курс математической статистики (и то в урезанном объеме); в-третьих, не преподается логика, в частности, раздел связанный с понятиями и суждениями.

Почему я выделяю именно эти дисциплины? Со своими респондентами отечественный социолог, как правило, общается на родном (т. е. русском) языке. Программу исследования (или заявку на грант), да и публикации он пишет на том же русском языке. Но, как не прискорбно об этом говорить, из школы будущие социологи выходят, плохо владея родным языком. А именно русский язык является одним из самых основных инструментов для российского социолога.

Продолжение этой темы — работа с понятиями и их определениями. А это уже не только русский язык, но и логика, которая добавляет представления о делении и объединении понятий, об основных операциях с понятиями. Именно в силу того, что студенты имеют очень смутное представление о логике, для них оказывается трудно постижимой проблема операционализации понятий, т. е. перевода абстрактных понятий в совокупность наблюдаемых признаков или проявлений содержания этих понятий в реальном поведении людей, институций и систем. Такие же трудности возникают при концептуализации наблюдений, когда встает задача найти для конкретных действий, проявлений некое обобщающее абстрактное понятие (концепт).

И, наконец, математика. Для профессионального социолога знание математики (не арифметики, а именно математики) необходимо, хотя бы в минимальном объеме, на уровне основных понятий и их определений. Это нужно, прежде всего, для того, чтобы социолог мог грамотно сформулировать и поставить задачу перед математиком, когда они совместно решают вопросы, связанные с более или менее сложной обработкой социологических данных. Почти во всех вузах, где есть выпускающая кафедра социологии, в программу обучения входит информатика, включающая элементарные основы програм-

мирования. Но, по моему опыту, этого явно недостаточно для того, чтобы будущий социолог смог хотя бы внятно и корректно сформулировать и поставить задачу перед программистом или математиком.

За много лет работы в системе высшего социологического образования кое-что все-таки удалось сделать. В частности, удалось «пробить» включение в учебный процесс двухсеместровый курс под названием «Компьютерные технологии в социальном исследовании» и добиться организации компьютерного мини-класса (всего на 6 машин), чтобы этот курс позволил студентам получить хотя бы минимальные практические навыки работы со специализированными компьютерными программами¹⁹¹.

¹⁹¹ Правда, после двух лет преподавания этого курса, его все-таки сократили до одного семестра. А в учебном расписании его упорно именовали «Компьютеризация социальных процессов», что совершенно искажало смысл этого курса и только вводило в заблуждение и студентов, и всех «проверяющих» из вышестоящих инстанций.

Книги издательства «ЭЙДОС»

О. Б. Божков. / Социология: ориентир — классика. Предварительные итоги. СПб: Эйдос, 2014. — 504 с.

ISBN 978-5-904745-43-1

Книга петербургского социолога являет своеобразный отчет о более чем 40-летней работе в области социологии. Её основные темы: ценность социологической классики, предмет социологии (или ответ на вопрос о том, что изучает эта наука), тонкости социологической кухни (технология социологического исследования), а также некоторые тематические сюжеты, в разные годы бывшие актуальными для автора. Заключительный раздел отражает политическую и гражданскую позицию автора и как профессионального социолога, и как просто человека.

Книга адресована социологам, историкам и, прежде всего, студентам гуманитарных и обществоведческих специальностей.

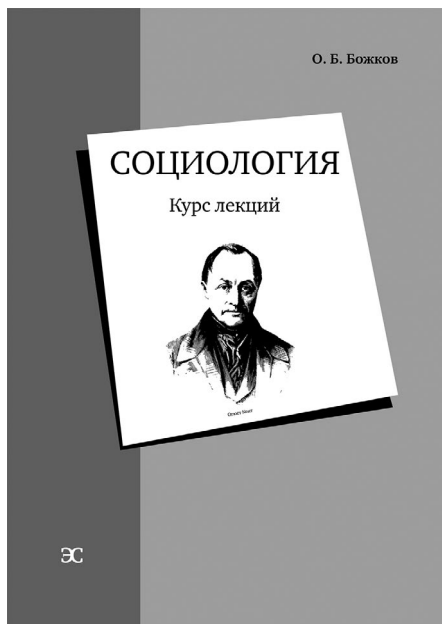
© Олег Божков, 2014

© Борис Божков, оформление, 2014

© Изд-во «Эйдос», 2014

© СИ РАН, 2014

Книги издательства «ЭЙДОС»

О. Б. Божков. Социология. Курс лекций. — СПб, «Эйдос», 2015. — 192 с.

ISBN: 978-5-904745-51-6

Книга содержит курс лекций, прочитанный для студентов не социологических специальностей и методическое пособие для них же «Как писать реферат по социологии».

Адресована студентам и всем, кто интересуется, что же такое социология и что она изучает.

© О. Б. Божков, 2015
© Издательство «ЭЙДОС», 2015

Божков Олег Борисович
**Технология социологического исследования:
как это варится. Курс лекций**

Подписано в печать 30.06.2016.
Формат издания 60×90 ¹/₁₆. Печ. л. 37. Печать офсетная.
Гарнитура Charter. Тираж 100 экз.

ЭС

Издательство «ЭЙДОС»
www.eidos-books.ru
Гуманитарная научная литература
Электронные издания

Отпечатано в Типографии «СБОРКА»
Наб. Обводного канала, дом 64, корпус 2, офис 22.
Санкт-Петербург, Россия, 192007
Заказ № 03/06/16